Е. Х. САРКИСЯН

ЭКСПАНСИОНИСТСКАЯ ПОЛИТИКА ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ В ЗАКАВКАЗЬЕ

ՀՍՍՀ
ԱԿԱԴԵՄԻԱ

ՀԱՅԿԱԿԱՆ ՍՍՌ ԳԻՏՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԻ ԱԿԱԴԵՄԻԱ

ԱՐՎԵՍՏԱԳԻՏՈՒԹՅԱՆ ԻՆՍՏԻՏՈՒՏ

Ե. Հ. Սարգսյան

ՕՍՄԱՆՅԱՆ ԿԱՅՍՐՈՒԹՅԱՆ ՆՎԱՃՈՂԱԿԱՆ ՔԱՂԱՔԱԿԱՆՈՒԹՅՈՒՆԸ ԱՆԴՐԿՈՎԿԱՍՈՒՄ

ԱՌԱՋԻՆ ՀԱՄԱՇԽԱՐՀԱՅԻՆ ՊԱՏԵՐԱԶՄԻ ՆԱԽՕՐՅԱԿԻՆ ԵՎ ՊԱՏԵՐԱԶՄԻ ՏԱՐԻՆԵՐԻՆ

ՀԱՅԿԱԿԱՆ ՍՍՌ ԳԻՏՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԻ ԱԿԱԴԵՄԻԱՅԻ ՀՐԱՏԱՐԱԿՉՈՒԹՅՈՒՆ

ԵՐԵՎԱՆ 1962

АКАДЕМИЯ НАУК АРМЯНСКОЙ ССР
СЕКТОР ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

9(56)
С202

Е. К. Саркисян

ЭКСПАНСИОНИСТСКАЯ ПОЛИТИКА ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ В ЗАКАВКАЗЬЕ

НАКАНУНЕ И В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Р II
170713

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК АРМЯНСКОЙ ССР
ЕРЕВАН 1962

Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Академии наук Армянской ССР

В монографии автор на основе большого архивного материала, а также значительного числа иностранных изданий освещает внутреннее положение Османской империи накануне первой мировой войны, в частности реакционную агрессивную сущность идеологии панисламизма и пантюркизма, ставшей доктриной внешней политики младотурецкой партии «Единение и прогресс».

В работе говорится о младотурецкой агентуре в Закавказье перед войной, имевшей целью пантюркистской пропагандой поднять мусульманские народы края против России. Обстоятельно показаны причины участия Османской империи в войне на стороне центральных держав.

В работе значительное место уделено внутреннему положению Османской империи в годы войны. Здесь показана непосредственная связь политики истребления армян с пантюркистскими захватническими планами младотурецких заправил. Выявлены основные причины провала экспансионистских планов младотурок в Закавказье в годы первой мировой войны и краха Османской империи.

ВВЕДЕНИЕ

Закавказье, являвшееся составной частью Российской империи, издавна играло важную роль в русско-турецких отношениях. В результате многовековой борьбы народов Грузии, Азербайджана и Армении и блистательных побед русского оружия в войнах с Османской империей и Ираном в 30-х годах XIX столетия было завершено присоединение Закавказья к России. Но правящие круги Турции не желали примириться с потерей этой некогда завоеванной ими территории и неоднократно пытались осуществить свои захватнические планы в отношении Закавказья.

Завоевание Закавказья являлось одной из главных целей Османской империи во всех ее войнах с Россией и Ираном. Об этом сейчас открыто пишут турецкие военные историки. Один из них, полковник Беркук, участник турецкой интервенции в Закавказье в 1918 г., отмечает, что «этот кавказский поход (речь идет о походе 1918 г. — *Е. С.*) был не первым кавказским походом, предпринятым Османской империей». Беркук, упоминая о походах турецких полководцев, Ферруха Али-паши в 1787 г. (в период турецко-иранской войны) и Батал-паши в 1789 г. (во время русско-турецкой войны 1787—1791 гг.), подчеркивает, что их целью являлось овладение Кавказом, Ираном и Средней Азией[1].

В войнах с Османской империей Россия стремилась овладеть причерноморскими областями, захваченными турками, чтобы обеспечить безопасность своих южных границ и получить выход к Черному морю. Итогом русско-турецкой войны 1735—

[1] Miralay Berkuk, Büyük harpte (334) Şimali Kafkasyadaki faaliyetlerimiz ve 15 firkanın harekâti ve muharebeleri, Istanbul, 1934, s. 1—2 (см. журн. „Askeri mecmuanın tarih kısmı", sayı 35).

1739 гг. было возвращение России Азова. Кучук-Кайнарджийский мир 1774 г., венчавший новую русско-турецкую войну, превратил Россию в черноморскую державу. Турция, не желавшая примириться с воссоединением Крыма с Россией (1783) и с усилением русского влияния в Закавказье, и частности в Грузии, предприняла новую реваншистскую войну. Она длилась с 1787 по 1791 г. и также закончилась поражением Османской империи. В результате ее Россия добилась преобладания на Черном море.

Это изменение соотношения сил на Черном море в пользу Российской империи имело огромное значение для дальнейшей борьбы народов Закавказья за освобождение от турецкого ига. В лице России народы Грузии, Азербайджана и Армении видели единственную спасительницу от многовекового гнета султанской Турции и шахского Ирана. В 1801 г. к России присоединилась Восточная Грузия, в 1803 — Мингрелия, а в 1804 — Имеретия и Гурия. Турция, стремясь восстановить свое господство в Закавказье и на черноморском побережье, в 1806 г. снова начала войну против России. Русские войска при содействии грузинских, армянских, абхазских и азербайджанских ополченцев выбросили турецких агрессоров, вторгшихся в пределы Закавказья. Тогда же, в 1804—1813 гг., русские войска изгнали из Азербайджана иранских захватчиков. В ходе этих войн были освобождены Грузия, Лори-Памбак, Ширак, Карабахское, Шекинское, Ганджинское, Ширванское, Дербентское, Кубинское, Бакинское и Талышское ханства.

В результате русско-иранской войны 1826—1828 гг. и русско-турецкой войны 1828—1829 гг. к России были присоединены Эриванское и Нахичеванское ханства, большая часть восточного побережья Черного моря, города Ахалцих и Ахалкалаки. Тем самым было завершено освобождение Закавказья из-под тяжкого ига турецких и иранских асенмиляторов. Исполнилось давнишнее стремление народов Грузии, Азербайджана и Армении — освободиться от турецкой и иранской тирании, грозившей им полным физическим истреблением.

Войдя в состав России, народы Закавказья связали свою судьбу с великим русским народом и приобрели возможность

развития в условиях более передовых социально-экономических отношений.

В последующих войнах с Россией, в 1853—1856 и 1877—1878 гг., Османская империя по-прежнему стремилась отвоевать Закавказье и Северный Кавказ. Для захвата Кавказа правящие круги Турции пытались использовать борьбу народов Северного Кавказа против царского гнета, принявшую широкие размеры в 40-х и 50-х годах XIX века.

Во время Крымской войны турецкие войска, вторгшись в пределы Восточной Армении и Грузии, продвигались в глубь Закавказья, стремясь соединиться с силами горцев Северного Кавказа. Русские войска, поддержанные отрядами грузинских и армянских добровольцев, перешли в контрнаступление, разгромили турецких захватчиков и изгнали их из Мингрелии, Абхазии, Гурии и Александрополя. Благодаря этим победам русских войск агрессивные планы Турции в отношении Кавказа потерпели полный крах.

Одной из главных причин этого провала явилось сопротивление народных масс Закавказья. Маркс и Энгельс, характеризуя поведение народов Кавказа в период Крымской войны, писали, что «перспектива присоединения к Турции, по-видимому, отнюдь не приводит их в восторг»[2].

Несмотря на печальный исторический опыт, правящие верхи Турции и в дальнейшем не расставались со своими агрессивными планами. Хранящиеся в наших архивах многочисленные документы свидетельствуют о засылке турецких агентов и эмиссаров в Закавказье и другие районы России, заселенные мусульманскими народами. Закавказье неизменно стояло в центре шпионско-диверсионной работы турецкой разведки.

По мнению турецких экспансионистов, Закавказье, некогда находившееся под владычеством Турции, принадлежит ей «по праву», и рано или поздно оно должно вернуться под власть турок. Для достижения своих пантюркистских и панисламистских целей младотурки еще накануне первой мировой войны стремились к ослаблению христианского элемента среди населения Малой Азии, в первую очередь армян, «мешавших» объ-

[2] Маркс и Энгельс, Соч., т. 11, стр. 522.

единению турок с мусульманскими народами Закавказья и Северного Кавказа. Эта политика фактически означала подготовку к захвату Османской империей всего Кавказа. Документы убедительно показывают, что, вступая в 1914 г. в мировую войну, правящая турецкая верхушка преследовала собственные агрессивные цели. В основе их лежало стремление младотурок завоевать также территорию Закавказья.

* * *

Цель настоящего исследования — осветить захватническую политику Османской империи в отношении Закавказья накануне первой мировой войны и особенно в годы войны. Задача эта имеет актуальное значение и в наши дни, когда турецкая военщина, при поддержке империалистических кругов США, готовится осуществить обветшалые планы младотурок.

По исследуемой нами теме в советской историографии нет специальных работ. Но в монографиях и статьях, относящихся к проблемам генезиса первой мировой войны, ее подготовки и истории самой войны, вскользь затрагиваются вопросы, поднятые в настоящей работе.

На основе новых архивных материалов и других источников в работе устанавливается ошибочность точки зрения ряда историков в вопросе о посылке в Стамбул германской военной миссии Лимана фон Сандерса и в освещении причин вступления Османской империи в первую мировую войну на стороне германо-австрийского блока. Одновременно выясняются цели, которые преследовали младотурки, организуя массовую резню и высылку армян из Западной Армении, и характеризуется отношение великих держав к этой кровавой акции тогдашних правителей Турции.

Некоторые советские историки фактически умаляют вину младотурецких вожаков в вовлечении Османской империи в войну 1914—1918 гг. и не придают самостоятельного значения захватническим планам младотурок в отношении Закавказья.

О турецкой агрессии в Закавказье говорится в ряде монографий, о которых мы упомянем ниже. Их авторы не видят прямой связи между вторжениями турецких войск в Закавказье в 1914 и 1918 гг.

Многие исследователи, занимающиеся историей иностранной интервенции в Закавказье в 1918 г., пытаются ее изучение локализовать рамками одной Армении или Грузии, или одного Азербайджана. Между тем германо-турецкий блок и державы Антанты рассматривали Закавказье как единое целое и стремились путем его захвата создать крупный военно-стратегический плацдарм против Советской России и одновременно барьер дальнейшему распространению влияния Великой Октябрьской социалистической революции на страны Ближнего и Среднего Востока.

Актуальность трактуемой нами проблемы определяется и тем, что современные турецкие, западногерманские и американские историки проявляют большой интерес к истории Закавказья в годы первой мировой войны.

Турецкие историки, в том числе и бывшие участники боевых действий на Кавказском фронте в 1914—1918 гг., а также деятели младотурецкой партии оставили немало исследований и мемуаров, посвященных первой мировой войне. Кязим Карабекир-паша[3], Беркук[4], Рюштю[5], Али Фуад Джебесой[6], Ахмед Эмин Ялман[7], Хикмет Баюр[8], Эсат Урас[9], Талаат-паша[10], Джемаль-паша[11] и другие в целях оправдания пантюркистской агрессивной политики младотурок всячески фальсифицируют

[3] Karabekir Kâzım, Cihan harbine neden girdik, nasıl girdik, nasıl idare etdik?, Istanbul, 1937. Его же Birinci Kafkas Kolordusunun 334 senesindeki harekâtı ve meşhudatı hakkında general Harbord riyasetindeki Amerika heyetine takdim edilen rapor sureti. Erzurum, 1335 (1919).

[4] Berkuk, Büyük Harpte 334 Şimali Kafkasyadaki faaliyetlerimiz ve 15 fırkanın hareketi ve muharebeleri. см. „Askeri mecmuanın tarih kısmı". Istanbul, 1934. Sayı 36.

[5] Rüştü, Büyük harpte Bakü yollarında 5 Kafkas piyade fırkası. См. журн. „Askeri mecmuanın tarih ksimi". Istanbul, 1934. Sayı 34.

[6] Ali Fuad Cebesoy, „Siyasi hatıralar", напечатанные в газете „Vatan" в номерах за 1954 г. в 1955 г. изданы отдельной книгой в двух частях.

[7] Emin Ahmed, Türkey in the world war, London. 1930.

[8] Bayur Yusuf Hikmet, Türk inkılabı Tarihi. Cilt III, Kıs. III. Ankara. 1957. Его же, Türkiye Devletinin dış siyasası. Istanbul. 1936.

[9] Esat Uras, Tarihte Ermeniler ve Ermeni meselesi. Ankara. 1950.

[10] Talât Paşa'nın Hatıraları. Istanbul. 1946.

[11] Джемаль-паша, Записки 1913—1919 гг., Тифлис, 1923.

события этого периода. В основе работ указанных авторов лежат реакционные доктрины пантюркизма и тюркизма (türkçülük).

Пантюркизм извращает подлинную историю турецкого народа, проповедует превосходство турок над другими мусульманскими народами, пытается обосновать особую роль турок в истории и оправдать свирепый национальный гнет и физическое истребление христианских народов. Теория пантюркизма являлась идейной основой агрессивного курса младотурецкого «триумвирата» — Энвера, Талаата и Джемаля — в отношении Закавказья и Северного Кавказа.

Несмотря на очевидную порочность концепции турецких буржуазных историков, в их работах содержится конкретный материал, помогающий установлению подлинных обстоятельств нашествия турецких войск в Закавказье в 1918 г., освещению положения Османской империи в годы войны, а также турецко-германских и турецко-советских отношений, как и отношений между турецкими оккупационными войсками и мусаватистскими властями Азербайджана и т. д. Говоря о трудностях, которые османские войска встречали во время вторжения в Закавказье, турецкие историки вынуждены были писать и о борьбе населяющих его народов против иностранной интервенции.

В своих мемуарах Ллойд Джордж, Пуанкаре и историки Сидней Фей, Лиддель-Гарт, Кайзер и др. пытаются представить империалистов Англии, Франции и США в роли поборников мира и защитников интересов малых народов. Фальсифицируя историю подготовки первой мировой войны, они всю вину за ее развязывание возлагают на Россию. Так, известный английский военный историк Лиддель Гарт в книге «Правда о войне» утверждает, что вступление Османской империи в войну на стороне Германии произошло по вине России. По его словам, именно царское правительство, ради осуществления своих агрессивных планов в отношении Константинополя и проливов, толкнуло Турцию в лагерь центральных держав[12].

Французский историк Кайзер, оправдывая внешнеполити-

---

[12] Лиддель-Гарт Б. Г., Правда о войне 1914—1918 гг., М., 1935, стр. 120—121.

ческий курс младотурок, осуждает Россию за то, что она не проявила должной уступчивости и отвергла требования турецкого правительства. Кайзер, всячески выгораживая политику правящих кругов Англии и Франции в вопросе участия Турции в войне, прямо пишет, что «Турция вступила в войну против союзников по воле России»[13]. На этой же точке зрения стоит другой апологет англо-французского империализма — английский историк Марриот[14].

В последнее время буржуазные ученые, как уже сказано, проявляют большой интерес к истории Закавказья в период первой мировой войны. В нынешней чрезвычайно напряженной международной обстановке американо-английский империализм большое значение придает странам Ближнего Востока, непосредственно граничащим с Закавказьем. По расчетам руководителей агрессивного блока НАТО ближневосточный фронт станет одним из основных театров грядущей войны. Не случайно, что крупные военно-воздушные и ракетные базы США расположены именно на Ближнем Востоке. В новых антисоветских планах милитаристских кругов США и Англии Закавказье по-прежнему занимает видное место. Этим в значительной мере объясняется появление в США специальных работ по истории Закавказья, в которых особое внимание уделяется периоду войны 1914—1918 гг. К их числу относятся «исследования»: Аллена и Муратова—«Кавказский фронт»[15], Фируза Казем-заде—«Борьба за Закавказье»[16] и др. Эти работы посвящены истории борьбы иностранных держав за Закавказье. В предисловии к книге Фируза Казем-заде откровенно подчеркивается, что в свете предстоящих событий «Закавказье опять может стать одним из чувствительных пунктов в международной жизни»[17].

---

[13] Кайзер Ж., Европа и новая Турция, М., 1925, стр. 8—10.

[14] Marriott I. A. K., A historical study in European diplomacy, Oxford, 1951, p. 488.

[15] Allen and Muratoff, Caucasian Battlefilds. A History of the Wars on the Turko-Caucasian Border 1828—1921. Cambridge, 1953.

[16] Firuz Kazemzadeh. The Struggle for Trans Caucasia (1917—1921), New-York, 1951.

[17] Там же, стр. 2.

Фальсификаторы истории, выполняя волю правящих кругов США, превративших Турцию в военно-стратегическую базу для нападения на Советский Союз и страны социалистического лагеря, извращают подлинную картину турецкой интервенции в Закавказье в годы первой мировой войны. Вторжение английских войск в Азербайджан изображается ими как «помощь» народам Закавказья в деле установления у них «твердого порядка». Умалчивая общеизвестные исторические факты, они голословно отрицают захватнические планы турецких и англо-американских империалистов в отношении Закавказья. Так, например, Аллен и Муратов прямо пишут, что турки накануне вступления в первую мировую войну не питали никаких агрессивных намерений против России[18]. В то же время буржуазные историки игнорируют борьбу народных масс Закавказья против иноземных захватчиков и контрреволюционных партий—меньшевиков, дашнаков, мусаватистов.

Следует отметить крупную монографию прогрессивного английского историка В. В. Готлиба «Секретная дипломатия во время первой мировой войны»[19]. В отличие от большинства исследований, изданных на Западе, автор этой монографии использовал советские публикации дипломатических документов. Готлиб, руководствуясь ленинской оценкой первой мировой войны, вскрывает захватнические цели как стран Антанты, так и Тройственного союза. Касаясь противоречий в лагере Антанты, он доказывает, что Россия играла в нем подчиненную роль, так как политику этой группировки держав определяла в первую очередь Англия, а затем Франция. Готлиб с правильных позиций излагает дипломатическую борьбу двух империалистических блоков за вовлечение Турции и Италии в мировую войну.

В ложном освещении преподносят историю иностранной интервенции в Закавказье в 1914—1918 гг. немецкие и австрийские государственные деятели, буржуазные историки и публи-

---

[18] Allen and Muratoff, p. 222.

[19] Готлиб В. В., Секретная дипломатия во время первой мировой войны, М., 1960.

цисты. Так Людендорф[20], Бюлов[21], Лиман фон Сандерс[22], Мюльман[23], Помянковский[24], Эрцбергер[25], Лирау[26], Фридрих Науман[27] и другие утверждают, будто Германия не преследовала агрессивных целей на Ближнем Востоке и, идя навстречу стремлению младотурецкого правительства реорганизовать армию, лишь добивалась усиления военной мощи Турции, чтобы обеспечить ее целостность от угрозы со стороны Антанты и в первую очередь России. Вместе с тем немецкие историки отрицают захватнические планы кайзеровской Германии в отношении Закавказья и стремятся доказать непричастность германских милитаристов и дипломатов к кровавым злодеяниям, совершенным младотурками в годы войны над армянским населением Турции. Более того, некоторые немецкие военные и политические деятели, как, например, Лиман фон Сандерс, Людендорф, Эрцбергер и др., даже пытались оправдать проводившуюся младотурецкой партией политику истребления армянского народа.

Тем не менее, при строго критическом подходе к отмеченным выше работам из них можно извлечь большой фактический и документальный материал, касающийся турецко-германских противоречий в Закавказье, характеристики пантюркистских планов и внутреннего положения Османской империи в 1914—1918 гг.

Кроме отмеченных выше работ, нами использованы дипломатические документы немецких публикаций: „Die grosse Politik der Europäischen Kabinette 1871—1914", „Die deutschen Dokumente zum Kriegsausbruch".

---

[20] Людендорф, Мои воспоминания о войне 1914—1918 гг., т. II, М., 1924.

[21] Бюлов Б., Воспоминания, М., 1935.

[22] Liman von Sanders O., Fünf Jahre Türkei, Berlin, 1919.

[23] Mühlmann Carl, Deutschland und die Türkei (1913—1914), Berlin, 1929, Его же, Das Deutsche-Türkische Waffenbündnis im Weltkriege, Leipzig, 1940.

[24] Pomiankowski I., Der Zusammenbruch des Ottomanischen Reiches. Erinnerungen an die Türkei aus der Zeit des Weltkrieges, Zürich—Leipzig—Wien, 1928.

[25] Эрцбергер М., Германия и Антанта, Мемуары, М., 1934.

[26] Лирау Вальтер, Новая Турция. Состояние и виды на будущее, М.—Л., 1924.

[27] Naumann F., Mitteleuropa, Berlin, 1915.

Основными материалами для нашего исследования явились документы, хранящиеся в советских архивах — в Государственном военно-историческом архиве (ЦГВИА), Архиве внешней политики России (АВПР), Центральном государственном архиве Октябрьской революции и социалистического строительства (ЦГАОРСС) и Центральном государственном историческом архиве в Москве (ЦГИАМ). В соответствующих фондах этих архивов содержатся докладные записки и донесения дипломатических и военных представителей России в Османской империи и европейских государствах, различные агентурные данные, оперативные сводки и другие материалы, в которых имеются чрезвычайно ценные сведения, относящиеся к теме настоящей работы.

Использованы также материалы Центрального партийного архива Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, касающиеся периода первой мировой войны и особенно событий, связанных с турецкой и германской интервенцией в Закавказье в 1918 г., деятельности в этот период контрреволюционных партий — грузинских меньшевиков, дашнаков и мусаватистов.

Интересные документы обнаружены в Центральном государственном архиве военно-морского флота (ЦГАВМФ) и Центральном государственном историческом архиве в Ленинграде (ЦГИАЛ). Они преимущественно освещают вероломное нападение турецких и германских военно-морских сил на черноморское побережье России, военные действия на Кавказском фронте и подрывную деятельность младотурецких эмиссаров в Закавказье накануне и в годы первой мировой войны.

Исследование трактуемой проблемы было бы невозможно без привлечения документов из архивов Азербайджана, Грузии и Армении. В Центральном государственном архиве Октябрьской революции и Центральном историческом архиве Азербайджанской ССР найдены ценные документы, характеризующие колониально-полицейский режим, установленный турецкими оккупантами в Азербайджане, и упорную борьбу азербайджанского народа с иностранными захватчиками и их агентами — мусаватистами. В этих архивах, особенно в историческом, также хранится немало документов, иллюстрирующих шпион-

ско-диверсионную работу турецкой агентуры в Закавказье накануне и в период войны 1914—1918 гг.

Из архива Азербайджанского филиала ИМЛ при ЦК КПСС использованы материалы, показывающие руководящую роль большевиков Азербайджана в борьбе с турецкими интервентами.

Весьма важные документы имеются в Центральном государственном историческом архиве и Центральном государственном архиве Октябрьской революции Грузинской ССР. Они показывают дипломатические ухищрения турецкой военщины на Трапезундской и Батумской «мирных» конференциях, раскрывают захватнические замыслы турецких и немецких оккупантов. В этих архивах нами обнаружены подлинные воззвания младотурецкого Комитета к мусульманскому населению Закавказья в 1914—1918 гг. с призывами восстать против России. Кроме того, использованы соответствующие материалы из архива Грузинского филиала ИМЛ при ЦК КПСС.

Широко использованы документы Государственного исторического архива Армянской ССР и Архива Армянского филиала ИМЛ при ЦК КПСС. В них хранятся материалы, характеризующие захватнические планы Османской империи в отношении Закавказья накануне и в годы первой мировой войны, деятельность турецкой агентуры в Закавказье в этот период. В фондах этих архивов имеются также материалы, относящиеся к истории армянского вопроса. Многие документы освещают депортацию и массовое истребление армян в 1915—1916 г., положение на Кавказском фронте в 1914—1917 гг. и турецкую интервенцию в Закавказье в 1918 г. Большой интерес представляют документы, рассказывающие о героической борьбе народных масс Армении против турецких захватчиков. Множество документов разоблачает предательскую политику закавказской контрреволюции, способствовавшей оккупации края турецкими войсками.

В процессе работы над архивными документами нам приходилось путем сопоставления и анализа различных данных определять наиболее достоверные и близкие к истине факты, что очень важно, так как сплошь и рядом об одном и том же событии встречались противоречивые сведения.

Помимо материалов указанных выше архивов, использован сборник «Документы и материалы по внешней политике Закавказья и Грузии», содержащий важные данные о деятельности Закавказского комиссариата и сейма, о Трапезундской и Батумской конференциях.

Для освещения истории посылки германской военной миссии Лимана фон Сандерса и вступления Османской империи в первую мировую войну использованы документы советских публикаций — «Международные отношения в эпоху империализма» (серия III), «Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях», «Раздел Азиатской Турции», «Константинополь и проливы», «Документы внешней политики СССР» и др.

О революционном движении в Закавказье и на Кавказском фронте и о контрреволюционной деятельности грузинских меньшевиков, дашнаков и мусаватистов, ценные материалы содержатся в использованных нами сборниках архивных документов—«Борьба за победу Советской власти в Грузии», «Большевики в борьбе за победу социалистической революции в 1917—1918 гг. в Азербайджане», «Великая Октябрьская социалистическая революция и победа Советской власти в Армении» и др.

* * *

Автор выражает благодарность А. Х. Сафрастяну за сделанные им для нашей работы переводы с турецкого языка (с арабским алфавитом).

ГЛАВА I

ОСМАНСКАЯ ИМПЕРИЯ НАКАНУНЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Господствующее положение в Османской империи в XIX в. занимали капиталисты Англии и Франции, но начавшееся с наступлением эпохи империализма бурное проникновение на Ближний Восток германского капитала вызвало значительное усиление конкурентной борьбы великих держав в этом районе земного шара. К этому времени — на рубеже XIX и XX вв. — завершается процесс превращения Турции в полуколонию капиталистических стран Европы.

Накануне первой мировой войны капиталовложения Франции в Турции составляли 2 миллиарда 240 млн. франков, Германии — 1 миллиард 280 млн. франков[1], Англии — 750 млн. франков[2]. Таким образом, Франция по своим капиталам превосходила на Ближнем Востоке своих ближайших соперников — Германию и Англию.

По турецким данным, доля французских финансистов в банках Османской империи составляла 59%, германских — 22% и английских — 6,8%[3]. «Франция является как бы банкиром Турции,— сообщал незадолго до войны морской агент России в Стамбуле,— и потому-то во главе турецких финансов и поставлен составитель бюджета Турции француз Лоран»[4]. Капиталы Франции, вложенные в железнодорожные предприятия, равнялись 449 млн. франков[5] и уступали лишь немецким. Гер-

---

[1] ЦГИАЛ, ф. 543, оп. 1, д. 751, л. 213. По данным Grothe H., History of Modern Europe 1878—1919 (London, 1923, p. 13), германские инвестиции в Турции ко времени вступления ее в первую мировую войну составляли 1 млрд. марок.

[2] ЦГАВМФ, ф. 858, оп. 1, д. 34, л. 102.

[3] Hüsrev Ismail, Türkiye köy iktisadiyati, Ankara, 1934, s. 132.

[4] ЦГАВМФ, ф. 418, оп. 1, д. 10071, л. 23—25.

[5] Там же.

манские империалисты прочно удерживали преобладание в области железнодорожного строительства в Турции. В турецкой добывающей промышленности французскому капиталу принадлежало 76,5% инвестиций, английскому—6,6%, германскому—всего 4,4%. Эти цифры убедительно говорят о том, что французские империалисты занимали первенствующие позиции в экономике Османской империи.

Вся Османская империя была фактически разделена империалистическими державами на сферы влияния. Франция еще издавна добилась преимущественного положения в Сирии и Ливане, Англия — в Месопотамии и на Аравийском полуострове, Россия — в Западной Армении и Курдистане. Каждая из держав, утверждая свое превосходство в отмеченных районах Турции, стремилась к достижению не только экономических, но и политических и стратегических целей.

Франция, используя свое влияние в экономике и финансах Османской империи, делала все, чтобы окончательно захватить Сирию и Ливан. Французские консулы в Дамаске, Алеппо, Бейруте фактически являлись вершителями всех дел. Местные турецкие власти ничего не могли предпринять без предварительного согласия представителей Франции. Последние, используя недовольство арабского населения тяжелым турецким гнетом, вербовали из буржуазно-компрадорской среды агентуру, с помощью которой вели в этих провинциях профранцузскую пропаганду. Французское правительство тайком финансировало и снабжало оружием боровшихся против султанских властей арабов Сирии и Ливана, что, разумеется, делалось исключительно в целях превращения Сирии и Ливана во французские колонии.

Такую же политику вела Англия в Месопотамии и Аравии. Эти районы Османской империи были опутаны сетью британской агентуры. Английские империалисты не жалели сил и средств для привлечения на свою сторону деятелей арабского национально-освободительного движения и верхушки арабских племен. Британские консулы в Басре, Кувейте, Багдаде поддерживали деятельные сношения с эмиром Неджда Ибн-Саудом, Мубарраком Ибн-Саббахом—шейхом Кувейтским и Сеид

Талибом—шейхом Мохаммерским[6]. В этих районах английские шпионы были тесно связаны с арабскими националистическими организациями. В Лондоне не сомневались, что при разделе Османской империи Месопотамия и Аравия составят британскую долю «турецкого наследства».

Германский империализм, позже всех вступивший на арену ближневосточной политики, руководствовался стремлением превратить всю Османскую империю в свою единоличную колонию. Такую цель, в частности, преследовало строительство Багдадской железной дороги, которая должна была пересечь Малую Азию и Месопотамию и, таким образом, пройти через районы, которые другие державы уже давно облюбовали для себя. Это, конечно, вызвало усиление борьбы между империалистическими державами, особенно между Германией и Англией.

«Сооружение Багдадской железной дороги,— пишет прогрессивный германский публицист Альберт Норден,— должно было до чрезвычайности обострить отношения Германии с великими державами. Ведь Багдадская железная дорога перерезала жизненно важный путь английского империализма, который вел к его азиатским владениям и сферам влияния. Утверждение Германии у Дарданелл и на Черном море ухудшало вместе с тем ее отношения с Россией, и без того в достаточной степени напряженные вследствие поддержки, которую Германия оказывала антирусской политике Габсбургов на Балканах. К тому же в Лондоне и кое-где еще не могли не слышать торжествующих криков пангерманцев и считавших себя умеренными немецких шовинистов, которым казалось, что вся Передняя Азия уже принадлежит немцам»[7].

Германские империалисты путем сооружения Багдадской железной дороги стремились проникнуть в те турецкие провинции, где Англия сбывала свои товары и извлекала сырье для своей индустрии. Капиталисты Англии и Франции пытались оградить свои сферы влияния в Турции от германских конку-

---

[6] ЦГВИА, ф. 2000/с, оп. 1, д. 991, л. 427—430.

[7] Норден Альберт, Уроки германской истории, М., 1948, стр. 14—15.

рентов. В этих целях они добивались укрепления своих позиций в Османской империи в целом и особенно в арабских вилайетах.

Важным каналом экспансии империалистических держав в Турции была торговля, где преобладающее место занимали английские капиталисты.

Германия, позже других стран установившая свои торговые связи с Турцией, в начале XX в. становится опасной соперницей Англии и Франции. В 1913—1914 гг. Германия в импорте товаров в Османскую империю обогнала Францию, Россию, Италию и вышла на второе после Англии место[8]. По немецким данным, экспорт из Германии в Турцию достиг в 1913 г. 30 млн. марок, а импорт — 74 млн. марок[9]. Германия ввозила на Ближний Восток преимущественно сельскохозяйственные машины, металлические и электротехнические изделия и химические продукты, вывозя оттуда хлеб, табак, шелк-сырец, свежие и сушеные фрукты и т. д.

Внешняя торговля Турции носила ярко выраженный колониальный характер. Иностранные купцы и коммерсанты пользовались большими льготами, установленными по так называемому капитуляционному режиму. Им была предоставлена свобода торговли по всей территории Османской империи, чего были лишены сами турки. Контроль над внешней торговлей Турции являлся в руках иностранного капитала одним из средств подчинения турецкой экономики.

Чрезвычайно тяжелым для народов Османской империи был гнет «Управления Оттоманского долга», созданного европейскими кредиторами Турции в 1881 г. Накануне первой мировой войны в этом управлении насчитывалось около 5 тыс. служащих, на содержание которых турецкая казна ежегодно расходовала свыше 400 тыс. лир[10].

---

[8] Зурабов А., Германский империализм в Турции, «Летопись», 1917, № 5—6, стр. 287.

[9] Müller K. H., Die Wirtschaftliche Bedeutung der Bagdadbahn, Hamburg, 1927, S. 161 – 162.

[10] Хусейн Авни, Как Турция стала полуколонией, Литограф. изд., Л., 1934, стр. 46.

Этой иностранной организации, по преимуществу являвшейся орудием англо-французского капитала, были переданы важные статьи государственного дохода Турции — налоги с соли, шелка, спирта, рыбных промыслов, овцеводства, ашар (десятина), гербовый сбор и пр. Ллойдж Джордж подчеркивал, что «Франция имела наибольшие финансовые интересы в Турции, чем какая-либо другая страна. Французским вкладчикам... принадлежало 80 процентов облигаций Оттоманского долга, общая сумма которого достигла 144 миллионов фунтов стерлингов»[11].

Чрезвычайно тягостной была для турецких крестьян-табаководов французская концессия «Режи». Эта иностранная монополия давала разрешение на производство табака, контролировала его сбор и имела преимущественное право на закупку. В ее же руках находилось все производство табачных изделий и торговля ими. Компания «Режи» получала огромные барыши за счет жестокой эксплуатации 150—250 тыс. семейств, занятых табаководством. Она скупала табак у крестьян по 4,3 пиастра за килограмм, а сбывала его на мировом рынке по 31 пиастру.

Другим орудием закабаления Турции иностранным капиталом являлся Оттоманский имперский банк, пользовавшийся неограниченными привилегиями и державший под своим контролем государственные финансы Турции. Этот банк находился в основном в руках английских и французских финансистов.

С англо-французским финансовым капиталом в Османской империи соперничал могущественный «Немецкий банк», предоставивший турецкому правительству в начале XX в. ряд займов.

Иностранные державы установили свое господство над экономикой и финансами Турции. Слабая и отсталая турецкая промышленность не в состоянии была выдержать конкуренции иностранцев, наводнявших внутренний рынок Турции промышленными товарами европейских стран. Вследствие этого окон-

[11] Ллойд Джордж, Правда о мирных договорах, т. 2, М., 1957, стр. 402.

чательно пришло в упадок хлопчатобумажное, шерстяное и шелкоткацкое производство.

Иностранный капитал широко проникал в добывающую промышленность Турции, главным образом в те ее отрасли, которые были заняты первичной переработкой экспортных культур — табака, хлопка, изюма, инжира и др.

В политике ограбления страны империалисты опирались на абсолютистский режим султанской власти, который «ревностно охранял царящий в стране феодально-бюрократический произвол, цеховые корпорации, внутренние таможенные рогатки, подавляя всякие возможности роста отечественной промышленности и торговли, в представителях которых он видел своих естественных врагов»[12].

В крайне отсталом состоянии находилось сельское хозяйство Османской империи. В связи с ростом товарно-денежных отношений в турецкую деревню стали проникать ростки капитализма. Под воздействием иностранного капитала в сельском хозяйстве, главным образом в прибрежных районах страны, развивалось возделывание технических и садовых культур, процесс производства которых вызывал необходимость перехода от полуфеодальных отношений к капиталистическим.

Подавляющая часть турецкого крестьянства не имела земли. 66 процентов всех обрабатываемых земель принадлежало крупным помещикам, составлявшим лишь 5 процентов сельского населения. На остальные 95 процентов жителей турецкой деревни приходилось всего 34 процента обрабатываемой земли. 8 процентов крестьянских хозяйств совершенно было лишено земли.

Крестьянство Турции страдало от непосильного налогового обложения. Произвол помещиков и ростовщиков и полное бесправие крестьян толкали их на борьбу с феодальным гнетом.

Против феодально-автократической власти султана выступала возникшая в конце XIX в. партия младотурок «Единение и прогресс», выражавшая интересы молодой турецкой национальной буржуазии и либеральных помещиков.

---

[12] «Пробуждение Азии, 1905 год и революции на Востоке». Сборник статей, Л., 1935, стр. 3.

В особенно тяжелом положении находились трудящиеся массы нетурецкой национальности: армяне, арабы, македонцы, курды и др. Они эксплуатировались как собственными капиталистами и помещиками, так и турецкими феодалами, чиновниками и иностранными капиталистами. Кроме того, нетурецкие народы были лишены всяких политических и элементарных человеческих прав. Все это толкало их к борьбе с кровавым режимом Абдул-Хамида. Борьба эта носила национально-освободительный характер и расшатывала основы деспотической власти султана.

* * *

Армянский народ, подпавший под турецкое кровавое иго, не мирясь с чужеземным господством, постоянно вел упорную борьбу за свое национальное освобождение. Национально-освободительное движение армянского народа особенно усилилось во второй половине XIX века, когда иго турецких угнетателей стало невыносимым. Султанское правительство, чтобы предупредить возможные повторения балканских событий в других частях империи, все более и более усиливало свою политику насильственной туркизации и преследования. Оно применяло жестокие меры для подавления освободительных движений армянского и других народов.

Турецкий деспотизм своих христианских подданных считал бесправными райями. Ни жизнь, ни имущество их не защищались законом.

Несравненно жестокой и безмерно тяжелой была та политика национального угнетения, преследования и грабежа, которую вел турецкий деспотизм в Западной Армении. Народные массы западных армян постоянно вели упорную борьбу за свое национальное освобождение. Известны героические восстания армян в Горной Киликии, Зейтуне в 1862 г., в Ване в том же 1862 г., в Муше в 1863 г. и в Чарсанджаке в 1865 г.

Вооруженные восстания имели место и в 1872, 1875, 1878, 1884 и др. годах. Зейтунское восстание 1875 г. нашло широкий отклик в Горной Киликии. К восставшим зейтунцам примкнули армяне и курдские племена Албистана, Мараша и других мест. Они обрушились соединенными силами на правитель-

ственные войска в Мараше и разбили их наголову. Турецкое правительство оказалось бессильным подавить могучее восстание горцев.

Сотни и тысячи армян в русско-турецких войнах 1853—1856 и 1877—1878 гг. с оружием в руках бились против турецких войск как в регулярных частях русской армии, так и в добровольческих отрядах и партизанских группах. Западные армяне, видя в русских войсках своих освободителей, не жалели для них ни сил, ни средств. Один из непосредственных участников русско-турецкой войны 1877—1878 гг. генерал-майор С. Кишмишев в своей работе «Война в Турецкой Армении 1877—1878 гг.» писал: «Во время войны западные армяне проявляли большое самопожертвование и бескорыстную симпатию к русским войскам и оказывали им значительную помощь»[13].

В последующие годы армяне продолжали борьбу за национальное освобождение.

В армянских вилайетах были организованы тайные общества, связанные с восставшими. Наиболее известными из них были: тайное общество «Единение для спасения», созданное в 1872 г. в Ване, «Защита отечества» — в 1881 г. в Эрзеруме. По поводу деятельности эрзерумского общества русский консул в Эрзеруме А. Деннети в 1882 г. в докладной записке писал, что «Защита отечества» стремилось поднять «вооруженное восстание против турецкого правительства, оно имело военную организацию, и во время обыска были обнаружены листовки и оружие». В той же записке Деннети отмечал, что общество имело гектограф, на котором печатались членские билеты. Каждый член общества приносил клятву до последней капли крови с оружием в руках защищать интересы отечества[14]. Тайное общество действовало не изолированно, а имело довольно широкие связи как в армянских вилайетах, так и в Восточной Армении и в Закавказье.

---

[13] Кишмишев С. О., Война в Турецкой Армении 1877—1878 гг., СПб, 1884, стр. 127.

[14] Цит. по работе: *Մ. Գ. Ներսիսյան, Հայ ժողովրդի ազատագրական պայքարը Թուրքական բռնապետության դեմ 1850—1870 թթ.* (М. Г. Нерсисян, Освободительная борьба армянского народа против турецкого деспотизма 1850—1870 гг.), Ереван, 1955, стр. 189.

Для подавления национально-освободительного движения армянского народа, распространившегося в 90-х годах XIX века по всей «Турецкой» Армении, и ликвидации повода вмешательства великих держав в турецкие дела султанское правительство выработало чудовищный план уничтожения армянского населения как в турецких городах, так и в армянских вилайетах[15].

Многочисленные источники свидетельствуют о том, что резня, организованная Абдул-Хамидом, была лишь одним из методов осуществления его политики в отношении армянского народа, а не случайным следствием его реакционной внутренней политики, как это стараются доказать некоторые авторы. Политику султанского правительства в Армении четко определил в свое время крупнейший землевладелец, англофил Кямиль-паша, долгое время возглавлявший правительство Абдул-Хамида: «Если в Европейской Турции мы согрели змей (речь идет о славянах, которые восстали против Турции в 1876 г. — *Е. С.*), то мы не должны в Азиатской Турции повторять ту же глупость; благоразумие требует уничтожить и стереть с лица земли нашей все те элементы, которые могут впоследствии угрожать нам опасностью и служить объектом вмешательства и орудием в руках европейских держав». Далее он говорил: «Теперь, и во всяком случае сегодня, наши интересы и интересы Англии требуют, чтобы в Малой Азии (мы и Англия не признаем слова «Армения», и даже челюсти, которые произносят эти слова, должны размозжить) наши территории были свободны от источников вмешательства других; следовательно, для достижения этой священной цели необходимо эту армянскую нацию *стереть с лица нашей земли* бесследно, беспощадно истребить. Для осуществления этой программы у нас имеются такие средства, как курды, черкесы, областные начальники, судьи, сборщики податей, полиция, все, кто объявляет священную войну против той нации, которая не имеет оружия и защиты: мы же, наоборот, имеем оружие и армию и самую великую, богатую державу мира, как нашу союзницу и покровитель-

[15] Об этом подробно см. Е. К. Саркисян, Аграрная политика Османского правительства в Западной Армении во второй половине XIX века. Ереван, 1957.

нницу наших владений в Малой Азии. Если эта армянская нация будет истреблена и христианская Европа (читай, Россия.— *Е. С.*) не сможет отыскать в Малой Азии ни одного христианина, тогда она оставит нас в покое, и мы сможем заняться нашими внутренними делами и государственными преобразованиями»[16].

По этому же поводу английский священник Мак-Коль писал, что избиения армян в Турции в XIX—XX вв. совершаются периодически, не как взрывы местного фанатизма, а как политические акты, связанные с известной системой и совершающиеся неизменно или по приказанию, или по внушению султана и его советников»[17].

Другой автор, известный французский дипломат Жюль Камбон, говоря об армянской резне в 1894—1896 гг., указывал: «Беспорядки там (в «Турецкой» Армении. — *Е. С.*) никогда не прекращались, но в 1895 и 1896 гг. они достигли небывалых размеров. На всем пространстве империи фанатические банды нападали на армянское население, убивали, грабили, похищали женщин и продавали их на рынке, как рабынь... *Возникал вопрос, не действуют ли убийцы и правительство заодно и не задумано ли наверху* (в правительстве султана.— *Е. С.*) *уничтожить всю армянскую нацию.* В Диарбекире, Эрзеруме, Сивасе, Трапезунде и даже в Константинополе местные христиане жили под вечным страхом. Христианское население, обезумев от ужаса, бежало...»[18].

Военный агент России в Константинополе Н. Пешков в своем рапорте от 22 сентября 1896 г. передает содержание своей беседы с деятелями общества «Молодая Турция», которые на вопрос Пешкова, как отнеслось турецкое общество к ужасным событиям избиений армян, ответили: «Избиение армян 14, 15 и 16 августа в Константинополе, подобно всем предыдущим избиениям, не было вызвано взрывом мусульманского фанатизма, как то думают в Европе; турки-мусульмане никаких враж-

---

[16] Журн. «*Пчела*», 1879, VII—VIII, стр. 204—205 (курсив наш.— Е. С.).

[17] Кан-Мелькольи Мак-Коль, Ответственность Англии перед Арменией (см. сб. «Положение армян в Турции», 1896, стр. 173).

[18] Жюль Камбон, Дипломат, М., 1946, стр. 49 (курсив наш.—Е. С.).

дебных чувств к армянам не питали и не питают. Эти избиения были исключительно делом систематического преследования армян со стороны султана... Систематическими, массовыми избиениями Абдул-Хамид надеется уничтожить значение армянской народности в государстве...

Вообще мусульманское население... было глубоко возмущено действиями полиции и поведением султана и его сотрудников»[19].

В другом документе мы читаем, что в армянских вилайетах «гибнут люди, уничтожаются хозяйства, проводится в жизнь план их истребления. Со времени принятия 61-й статьи Берлинского трактата турецкое правительство, применяя скрытую систему, направляет все свои усилия к истреблению армянской нации на ее родине»[20].

Армянское население Марзвана в своем письме к российскому консулу в Марзване от 9 ноября 1895 г., подробно описывая резню армян, подчеркивает, что турецкое правительство с присущим ему бесстыдством попытается отрицать свою вину и переложить всю ответственность и вину за эти тяжелые события на армян, но при всех случаях и обстоятельствах «мы готовы доказать, что организатором этой резни является правительство.

Мы располагаем многочисленными достоверными фактами и неопровержимыми доказательствами, которые так же ясно, как и солнце, могут подтвердить, что эта резня является результатом преднамеренных действий»[21].

Приведенные выше высказывания, как и многочисленные другие исторические документы показывают, что султанская политика была направлена на физическое уничтожение армян на их же собственной родине.

Современные турецкие историки, фальсифицируя историю Западной Армении, утверждают, что якобы армяне в Турции, начиная со времен султана Мехмеда Фатиха, постоянно жили

---

[19] ЦГВИА, ф. 450, д. 113, л. 54—70.

[20] Архив Института истории АН Армянской ССР, д. «Турецкая политика истребления армян», Документы и материалы, л. 9, (далее: «Документы и материалы»).

[21] Там же, л. 92.

в наилучших условиях. Эту мысль красной нитью проводят в своих работах Эсат Урас[22] и Чарк[23]. Чарк в своей работе «Армяне на турецкой государственной службе» (вышедшей в 1953 г. в связи с празднованием в Турции 500-летия захвата турками Константинополя) на примерах армянских амираев, сарафов и занимавших высшие должности в государственном аппарате Турции армян, которым, безусловно, жилось легче, старается создать у читателя впечатление обеспеченной жизни армянского населения в подвластной Турции Западной Армении. Армяне, по его словам, жили в хороших социально-экономических условиях, имели широкие права и пользовались многими привилегиями. Этим как Чарк, Эсат Урас, так и другие фальсификаторы хотят показать, что армянам нечего было бороться за улучшение своего положения, за проведение реформы в армянских вилайетах.

Эти авторы, желая оправдать зверства турецких палачей, утверждают другую ложь, будто подавляющее большинство армян как в прошлом, так и в настоящем всегда было предано турецкому правительству. Только незначительная часть армян отошла от «традиционной преданности своим турецким покровителям». Так, по Эсат Урасу, «это незначительная часть — те армяне, которые действовали в ущерб независимости Турции, прибегали к внешнему вмешательству, выдвинули на арену какой-то «Армянский вопрос». Эти армяне (католикос, патриарх, вартапеты и руководители гнчакской и дашнакской партий), пользуясь своим влиянием на армянский народ, являлись причиной всех его несчастий»[24].

Ясно, что Эсат Урас и Чарк приписывают борьбу армянского народа за освобождение от турецкой тирании кучке константинопольских армянских богачей, дашнакским и гнчакским комитетам. Этим самым они извращают и отрицают ту непримиримую борьбу народных масс армян в Западной Армении, которую они вели против турецкого кровавого господства за

---

[22] Esat Uras, Tarihte Ermeniler ve Ermeni meselesi. Ankara, 1950, 783 s.

[23] Cark I., Türk Devleti hizmetinde Ermeniler (1453–1953). Istanbul, 1953.

[24] Esat Uras, s. IV.

свое освобождение. Какую цель при этом преследуют Эсат Урас, Чарк и другие фальсификаторы? Цель ясна. Показать, что в Турции не было и не могло быть национально-освободительного движения, что армянский вопрос не существовал, что подавляющее большинство армянского народа было «предано» Турции и, наконец, для национально-освободительного движения не было соответствующей почвы, ибо армяне в Турции имели широкие права и пользовались многими привилегиями. Это — избитая точка зрения турецких фальсификаторов истории армянского народа. К числу этих историков относятся Хикмет Баюр, Шемседдин Гюналтай, Зеки Велиди Тоган, Фуад Кепрюлю, Садри Максуди Арсал и др.

Кому не известен феодально-деспотический, ассимиляторский режим турецких султанов, систематически устраивавших массовую резню армян и приведших находившуюся под турецким кровавым игом Западную Армению к окончательному «очищению» от коренного, испокон веков жившего там армянского населения.

Все это не мешает турецким фальсификаторам писать о том, что «турецкая политика была животворной политикой... турки никогда в отношении целой нации не применяли насилия». Этот беспрецедентный бред кончается следующей сентенцией: «Все просвещенные люди мира, признающие историческую правду, обязаны с уважением склонить голову перед великолепной и славной исторической ролью турка»[25].

Эсат Урас в своей книге красной нитью проводит ту же мысль. На страницах 428—429 мы читаем, что армяне в Турции живут спокойно, счастливо, накапливают богатство и т. д. На последующих страницах книги Эсат Урас пишет, что мучения армян, их притеснения в Турции — все это кажущиеся и преувеличенные небылицы[26].

Для оправдания турецких зверств по отношению к армянам Эсат Урас на сотнях страниц описывает деятельность даш-

---

[25] Prof. Sadri Maksudi Arsal, см. „Ikinci Türk Tarih Kongresi" Konferanslar, müzakere zabıtları. Ankara. 1943. s. 1062, 1074, 1092.

[26] Esat Uras, s. 434—441, 442—445.

накских, гнчакских, рамкаварских комитетов. Потому и не случайно, что автор, фальсифицируя общеизвестные исторические события, связанные с борьбой армянских народных масс за свое освобождение от турецкого кровавого ига, произвольно связывает их с деятельностью указанных комитетов[27]. Эсат Урас настолько изловчился в грубом извращении фактов, что даже такие славные страницы национально-освободительной борьбы армянского народа, какими являются Зейтунское и Ванское восстания 1862 г., восстание 1863 г. в Муше, в 1865 г. в Чарсанджаке, восстания в Зейтуне в 1875, 1878, 1879 и 1884 гг., связывает с деятельностью гнчакской и дашнакской партий, которые, как известно, возникли позже.

Все это свидетельствует о том, что еще задолго до организации партии «Гнчак» — в 1887 году и «Дашнакцутюн» — в 1890 гг. в 50—80-х годах XIX века освободительное движение армян Западной Армении приобрело общенациональный характер и превратилось в национально-освободительную борьбу. Это явление непосредственно было связано с процессом образования армянской буржуазной нации, являвшейся результатом политической и экономической консолидации армянского народа.

Национально-освободительное движение в Западной Армении продолжалось и в последующие годы.

В трагическом исходе национально-освободительного движения армянского народа этого периода решающее значение имела политика партии «Дашнакцутюн». Эта партия связывала освобождение армянского народа от турецкого ига с «освободительной» миссией империалистических держав, которые не раз спекулировали идеями национально-освободительного движения армянского народа для усиления своих позиций в Османской империи.

Турецкие историки, не желая видеть национально-освободительное движение армян Западной Армении, говорят только

---

[27] Об этом подробно см. Е. К. Саркисян и А. Х. Сафрастян, «О некоторых фактах антинаучного освещения истории, «Востоковедческий сборник», № 1, Сектор востоковедения АН АрмССР, Ереван, 1960, стр. 379—392 (на арм. языке).

об авантюристических выступлениях дашнаков, и если бы, мол не они, то турецкое правительство вело бы политику «покровительства» и «обеспечило бы мирную жизнь армян». Известно, что султанское правительство еще до деятельности гнчакской и дашнакской партий выработало, о чем говорилось выше, чудовищный план уничтожения армянского населения как в турецких городах, так и в армянских вилайетах с целью положить конец национально-освободительному движению армянского народа и ликвидировать повод к вмешательству великих держав в турецкие дела.

В тяжелых условиях национального и классового гнета и постоянного преследования и гонения национально-освободительное движение в Западной Армении продолжалось и в последующие годы. В 1904 году снова восстал горный Сасун, не покорившийся турецкому деспотизму.

Султанское правительство, давно мечтавшее окончательно покорить Сасун, не переставало предпринимать всевозможные интриги, подкупы, вербовку шпионов, убийство видных его деятелей. Армянам Сасуна было известно, что турецкое правительство еще в 1903 г. готовилось перебросить большие силы для окончательного покорения этого района. С января 1904 года оно начало перебрасывать в Сасун военные части и приступило к окружению всего района. Численность турецких войск, переброшенных в Сасун, доходила до 18 тыс., примерно столько же было разбойничьих шаек, действовавших вместе с регулярными турецкими войсками. Турецкие войска в конце марта перешли в наступление. Крестьяне Сасуна и окружающих сел, вооруженные чем попало, встали на защиту своих очагов. До середины апреля сасунцы оказывали упорное сопротивление, часто обращая в бегство турецкие войска. Султан послал письменный ультиматум сасунцам сложить оружие и сдаться, последние, хорошо зная коварство Абдул-Хамида, отклонили ультиматум и продолжали оказывать упорное сопротивление врагу.

Со второй половины апреля боеприпасы сасунцев были на исходе, крестьянские отряды, отступая перед численно превосходящей силой врага, предавали огню родные села, ничего не оставляя врагу. Вооруженные крестьянские отряды вместе с женщинами, детьми и стариками, отступая, поднялись на вер-

хушку горы Егкарт Фышфуш и главный оборонительный пункт сасунцев Келиекизан. Турецкие войска окружили Келиекизан и на рассвете 19 апреля перешли в наступление. Как боеприпасы, так и продукты сасунцев иссякли. Дальнейшее сопротивление было бесполезно. 20 тыс. человек из 45 сасунских сел, покинув свои очаги, скитались в горах Сасуна полуголые, босые, голодные. Отдельные вооруженные отряды продолжали бороться с врагом до последнего человека. В Шамираме 11 августа (по старому стилю 29 июля) 1904 года против 300 турецких войск вступили в бой 70 сасунцев, турецкие войска в боях под Шамирамом понесли значительные потери. Неравные бои имели место и в других местах Сасуна. Силы повстанцев истощались. Турецкие полчища, захватив Сасун, стерли с лица земли 42 армянских села и убили 7 тыс. человек. Но какие бы зверства ни применяло турецкое правительство в Сасуне, оно не могло сломить свободолюбивого духа сасунцев, Сасун продолжал бороться.

Национально-освободительное движение армян в Западной Армении усилилось особенно в годы первой русской революции 1905—1907 гг.

Под влиянием русской революции имел место ряд восстаний в Западной Армении и Анатолии. О влиянии революционного движения России на революционное движение близлежащих к Закавказью районов Западной Армении говорит в своей депеше русский посол в Стамбуле Зиновьев от 11 мая 1907 г.: «Возникшее на Кавказе революционное движение,— писал он,— отразилось в прошлом году в Эрзерумском вилайете, где из различных слоев... населения образовался комитет, принявший название «Джан-Верир» и который не замедлил вступить в борьбу с местными властями и Оттоманским правительством с целью положить конец злоупотреблениям администрации и добиться отмены тягостных налогов, разорявших население. Вокруг этого комитета сгруппировалось большинство населения, и пропаганда его проникла даже в ряды турецкой армии»[28].

---

[28] АВПР, ф. «Политархив», д. 1025, л. 235.

Приведенные Зиновьевым факты относятся к эрзерумскому восстанию 1906 г., когда имело место совместное выступление турецкого и армянского населения. Восставшие захватили телеграфную станцию и по телеграфу потребовали от султана ликвидации введенного правительством в начале 1906 г. нового «личного налога» («Шахси верги») и снижения других налогов, смещения губернатора Назим-паши. Султан, смертельно боясь дальнейшего усиления восстания, вынужден был сместить Назим-пашу, и «личный налог» с неимущего населения был временно отменен.

В связи с военными мероприятиями в Эрзерумском вилайете в 1905—1906 годах (укрепление и обновление Эрзерумской крепости, постройки шоссейной дороги от Гассан-калы до Кётека — до русской границы) финансовое положение Эрзерумского вилайета стало весьма затруднительным. Дефицит вилайета достигал в октябре 1905 года 860 тыс. рублей. Ввиду этого, с целью содержания гражданских и военных чинов, последовал приказ султана Абдул-Хамида II об уплате 500 тыс. рублей для покрытия кассового дефицита Эрзерумского, Трапезундского, Сивасского, Диарбекирского и Харпутского вилайетов. Кроме того, в вилайеты должны поступить 20% недоимок за прошлые годы, которые должны были поступить в казну, затем доходы от личного налога, торговых свидетельств, регистраций прошений. «Постоянные денежные затруднения,— читаем в одном донесении,— и неимение отдельного военного бюджета имеют своим последствием хроническое неполучение по целым месяцам денежного довольствия воинскими частями турецкой армии. Следствием этого является развитие среди солдат мародерства, грабежей и вообще упадок дисциплины... Это видно, например, из того, что 19-й полк сувари к октябрю 1905 года около 16 месяцев не получал содержания... Турецкое военное начальство, привыкшее к неаккуратному получению денег войсками, вынуждено по необходимости смотреть сквозь пальцы на мародерство солдат»[29].

Аналогичные выступления были и в Кастамону, Трапезун-

[29] ЦГВИА, ф. 450, д. 142, л. 126.

де, Битлисе, Ване, Самсуне и других вилайетах Восточной Анатолии.

О событиях в Кастамону каирский корреспондент армянской газеты «Мшак» писал, что в начале марта 1906 г. губернатор Кастамону Энис-паша сделал распоряжение о проведении муниципальных выборов. Население города и окрестностей — турки, армяне и греки — бойкотировали эти выборы на том основании, что члены муниципалитета не имели права вмешиваться во внутренние и финансовые дела вилайета, а только утверждали домогательства и злоупотребления губернатора, тем более, что деятельность последнего не подвергалась никакому контролю. Выборы при таких условиях, по мнению бойкотировавших, являлись простой комедией. В день выборов восставшие окружили дом военного начальника города. Выделенная из среды демонстрантов делегация добилась приема у военного начальника и объяснила ему причину бойкота муниципальных выборов. Воспользовавшись приемом, делегация заявила протест и против взимания «личного налога», идущего якобы на покрытие военных расходов. Делегация заявила также, что этот налог платят почему-то только бедные люди, а богачи и духовные учреждения полностью освобождены от него. Восставшие резко протестовали против деятельности губернатора, который присваивал большую часть доходов города, и вынудили военного начальника телеграммой сообщить султану о требованиях восставших. Военный начальник сообщил султану также о том, что движение серьезное, а еще более опасно то, что в нем *«вместе с мусульманами участвуют армяне и греки»* (курсив наш. — *Е. С.*).

Восставшие, не получив ответа от султана, захватили здание почты и сами непосредственно телеграфно сообщили султану свои требования. Султан, опасаясь дальнейшего осложнения, частично удовлетворил требования восставших[30].

По примеру восставших эрзерумцев и кастамонийцев восстали и трапезундцы, которые устранили ненавистного губер-

---

[30] См. статью: Х. М. Цовикян, Влияние русской революции 1905 г. на революционное движение в Турции, «Советское востоковедение», т. III, 1945, стр. 30.

натора Ибрагим-пашу. По поводу восстания в Трапезунде бакинская газета «Иршад», приветствуя восставших, писала: «Без крови, без революционного выступления нельзя добиться свободы»[31].

Восстание в Эрзеруме разгорелось с новой силой в октябре 1906 г. Генеральный консул России в Эрзеруме Скрябин в донесении об эрзерумском восстании писал: «Октябрьские беспорядки в Эрзеруме, сопровождавшиеся пленением вали и убийствами полицейских комиссаров, прошли для мятежников совершенно безнаказанно благодаря тому, что ни вали, ни командующий войсками не приняли мер для расследования этого дела.

Революционный мусульманский комитет, ободренный бездействием властей, обратился в начале минувшего января с воззванием к войску и народу, приглашая их встать на защиту отечества и веры. Несколько недель спустя тот же комитет выпустил новое, еще более смелое воззвание, в котором он призывал «приложить все усилия к установлению конституционного образа правления в Турции», дабы «положить конец настоящему недобрососедскому режиму». В то же время комитет занялся деятельной раздачей оружия мусульманам, не только мужчинам, но и женщинам, принимавшим живое участие в указанном движении»[32].

Как во время мартовского, так и октябрьского восстания вместе с турецким народом восстали армяне, греки, курды. Младотурецкий комитет, всячески старавшийся устранить армян и другие национальности от движения турок, все же не был в состоянии пресечь совместную борьбу этих народов.

Султанское правительство пустило в ход все средства, чтобы подавить восстание[33].

Выставленные войска отказались стрелять в восставших. Несмотря на неоднократные приказы командира открыть огонь, солдаты заявили, что «они готовы защищать свою родину не-

---

[31] Там же, стр. 31.

[32] АВПР, ф. «Политархив», д. 1025, л. 231.

[33] Подробно об Эрзерумском восстании см. журн «Երկրի ձայնը» («Голос страны») за 1906—1908 гг.

ною жизни, но поднять оружие на своих братьев они не могут»[34].

Султанское правительство, убедившись, что солдаты выступают на стороне восставших, решило отвлечь внимание турецких народных масс от революционных выступлений путем натравливания курдов и турок на армян. Правительственные круги, не будучи в состоянии подавить восстания, распространили слухи, что в восточных вилайетах основными зачинщиками смуты являются армяне, которые хотят отделиться от Турции. «Обвинение армян в революционных замыслах,—сообщал в своей депеше русский посол в Стамбуле Зиновьев 11 мая 1907 г.,— было пущено нынешним эрзерумским валием Нурибеем в ход исключительно с расчетом снять с местных властей ответственность за возникшие среди мусульман смуты и возложить таковую ответственность на армян»[35].

Прибывшая из Константинополя в Эрзерум правительственная комиссия для расследования причин восстания «попыталась было,— продолжает Зиновьев,— приписать таковое интригам местных армян, но это не удалось ей, так как все допрошенные ею отдельно мусульмане единогласно объявили, что они действовали совершенно самостоятельно и руководствовались исключительно сознанием необходимости выступить на защиту своих угнетенных единоверцев». Далее в депеше говорилось о том, что в октябре 1906 г. из Константинополя было получено приказание арестовать и выслать из Эрзерума муфтия и пять членов мусульманского комитета, как зачинщиков движения. Распоряжение это вызвало в городе крупные беспорядки. Восставшие убили полицмейстера и растерзали его сына и полицейского комиссара Гани-бея. Войска отказались выступить против восставших. Комитет обратился затем как к войскам, так и к народу с воззваниями бороться против деспотизма. Воззвания эти встречены были повсюду с сочувствием. Убедившись в невозможности остановить народное движение, султан решился в феврале отменить налоги: личный и на круп-

---

[34] Цитируем по журналу «Советское востоковедение», т. III, 1945, стр. 32.

[35] АВПР, ф. «Политархив», д. 1025, л. 237.

ный скот, «на тягость коих уже давно жаловалось население. Мера эта подействовала успокоительно на население, но все усилия вали Нури-бея пробудить мусульман торжественно выразить султану благодарность за его милость остались тщетными». Тогда, по указанию из Константинополя, эрзерумские власти «решили прибегнуть к не раз практиковавшемуся ими способу, а именно: к подстрекательству мусульман против армян, на коих они взвели обвинения в революционных происках»[36]. Султанскому правительству все же не удалось достичь своей цели, ибо турецкое и курдское население не поддалось его провокациям.

Антиабсолютистские выступления продолжались и в Битлисе, где 5 тыс. человек восстали и предложили губернатору (вали) удалиться из вилайета[37]. Вали, раненный в голову, скрылся в долине. Толпа умертвила полицейского комиссара и разыскивала Ферид-пашу. Она потребовала по телефону его отставки. Султан вынужден был назначить нового вали Джелал-пашу[38]. Но восстание продолжалось. Восставшие заняли телеграф и почтовую контору, перехватывали поступавшие из центра телеграммы и разного рода правительственные распоряжения. В телеграмме генконсула в Битлисе от 25 июня 1907 г. сказано: «В селе Сулуков убит бинбаши, убито и ранено 105 солдат. Безвластие в Битлисе продолжается»[39].

Таким образом, приведенные выше факты свидетельствуют о том, что существовавшая еще задолго до русской революции 1905 г. борьба как турецкого народа, так и нацменьшинств, особенно армян, после 1905 г. приняла новый размах.

* * *

Против турецкого феодально-деспотического владычества не раз восставали и народы арабских стран. Первые ростки национально-освободительной борьбы арабов появились еще в

---

[36] АВПР, ф. «Политархив», д. 1025, л. 235.

[37] Там же, д. 1026, л. 69—70.

[38] Там же, л. 81—83. Депеша русского консула в Битлисе. 10/23 июня 1907.

[39] Там же, л. 82—83.

первой половине XIX века, а в 1857 г. уже было организовано так называемое «Научное общество Сирии». В это общество входили представители всех слоев арабского населения. Общество поставило перед собой задачу — освободить арабские страны из-под тяжелого турецкого ига. На одном тайном собрании этого общества было решено призвать арабские народные массы развернуть борьбу против султанского кровавого режима. В 1857—1860 гг. имело место крупное крестьянское движение в Ливане, во время которого общество вело большую работу среди восставших арабских крестьян.

В последующие годы в арабских странах еще больше развертывается борьба против турецкого господства. Были основаны газеты, школы, в которых пропагандировались национальные идеи и национальное самосознание арабов и ненависть к турецким поработителям.

Европейские путешественники, побывавшие в арабских странах, описывали ненависть арабских народов к турецким поработителям. Так, один из французских путешественников, исколесивший арабские страны, говоря о недовольстве и ненависти к турецким властям, охвативших эти страны, указывал, что «во всех местах он встречался с той же всеобщей ненавистью к ним. Для уничтожения всеми ненавистного этого турецкого гнета арабы поглощены идеей необходимости совместной борьбы»[40].

В Бейруте в 1875 г. было организовано арабское тайное общество, куда входили представители арабской интеллигенции, принадлежавшие самым различным социальным группам и вероисповеданиям. Это общество имело филиалы в Дамаске, Триполи, Сайдоне и других местах. Общество действовало в глубоком подполье. Деятельность тайного общества приняла настолько широкие размеры, что султанское правительство стало сильно беспокоиться и приняло самые свирепые меры против него. Большинство деятелей общества правительством Абдул-Хамида было арестовано и выслано за пределы империи.

В последующие годы еще больше усилилась борьба арабов за свое национальное освобождение, о чем свидетельствуют

[40] Denis de Rivoyre, Les vrais Arabes et leur pays. Paris, p. 494—495.

многочисленные сообщения русских консулов, военных агентов из арабских стран и докладные записки посла России в Константинополе. Так, например, русский консул в Багдаде А. Круглов в своем донесении от 10 декабря 1900 г. послу в Константинополе И. Зиновьеву писал, что беспорядки в Басрском вилайете «выдаются из ряда обыкновенных, как по своей грандиозности, так и, особенно, по своему значению. Турецкое правительство встревожено этим новым явлением; опыт соединения арабских племен в столь значительную группу страшит его»[41].

В другом донесении тот же консул сообщал, что почти весь юг Басрского вилайета, от Хайля до Риаза, лишь формально значится подчиненным турецкому султану, на деле же все племена там пользуются почти полной свободой. «Гибель всего турецкого гарнизона в Эль-Катри..., события в Кувейте и неоднократные беспорядки даже в Эль-Хассе подтверждают сказанное... Выше по Евфрату, на севере от Басрского вилайета племена Афедж, Дагара и Хазиль никогда еще добровольно не платили податей без участия регулярных войск». «Одним словом, — заключает консул, — все арабское население Басрского и Багдадского вилайетов чувствует тяжесть турецкого гнета»[42].

Против турецкого ига постоянно восставали и арабы Йемена, Кувейта, Ирака, Неджда и Хиджаса. В 1900 г. турецкие войска потерпели серьезное поражение от арабов Йемена. Главный город Йеменского вилайета Сана, где находился турецкий гарнизон, был взят восставшими арабами. Султанское правительство снарядило военную экспедицию в Йемен, но ему так и не удалось сломить сопротивление йеменцев, которые продолжали бороться и в последующие годы. «Из моих донесений,— писал 24 июня 1903 г. Зиновьев Ламсдорфу,—известно, что уже несколько лет тому назад в Йемене, населенном арабскими племенами, возникли смуты, вызванные недовольством арабов действиями местных турецких властей. Смуты эти постепенно

---

[41] АВПР, ф. «Посольство в Константинополе», 1900 г., д. 1244, л. 264—267.

[42] Там же, д. 354 (ген. консул в Багдаде), л. 128—129.

осложнялись и в минувшем году (в 1902 г. — *Е. С.*) приняли весьма тревожные размеры... Йемен объят восстанием. Большинство арабов вооружено, пути сообщения прерваны... Турки хозяева лишь в городах и крепостях, но и городское население до крайности настроено против Оттоманского правительства»[43]. Далее сказано, что присланные из других частей в Йемен войска не принесли существенной пользы, и положение в Йемене со дня на день продолжало ухудшаться.

Одновременно с восстанием в Йемене Турции пришлось снарядить экспедицию в Центральную Аравию. Для усмирения восстания был послан отряд турецких войск из Багдадского округа, но он потерпел поражение.

Довольно шатким было и положение турецких властей в Кувейте. Из донесения русского консула в Басре от 27 мая 1901 г. видно, что турецкое правительство для покорения Кувейта пускало в ход все средства, начиная от подкупов и кончая снаряжением военной экспедиции[44].

Организация турецким правительством многочисленных военных экспедиций для покорения арабов Кувейта ни к чему не привела. «Ныне...,— читаем в донесении русского консула в Багдаде В. Мешкова от 7 сентября 1904 г., — кувейтский шейх Мубарек Сабах стал независимым от турецкого правительства. Параллельно с ним и в Неджде происходят крупные события, обещающие поколебать положение турок в Аравии»[45].

По примеру Йемена и Кувейта восстали и многие другие арабские племена. Так, шейх беспокойного и сильного племени Мунтефиков Суадун-паша, распространяя постоянную свою власть на всю Нижнюю Месопотамию, стремился отделиться от Турции[46]. Турецкие войска, посланные против арабов, были плохо обеспечены как продовольствием, так и военным снаряжением. Боеспособность была крайне низкой. Постоянные поражения посланных в Аравию войск деморализовали их, и солдаты дезертировали.

---

[43] АВПР, ф. «Канцелярия», 1903 г., д. 25, л. 292—297;

[44] См. там же, ф. «Посольство в Константинополе», д. 1245, л. 166—184.

[45] Там же, д. 1248, л. 55—56.

[46] Там же, ф. «Политархив», д. 357, л. 26—27.

В донесении военного агента в Турции относительно состояния IV корпуса, расположенного в Месопотамии, сказано, что, по мнению компетентных лиц, турецкие войска находятся в весьма плохом состоянии: «Повсюду заметна полная деморализация, убежденные в дурном исходе экспедиции солдаты собираются дезертировать массами, а офицеры подают в отставку. Собрать войска, необходимые для похода, представляется почти невозможным. Лошадей мало; арабы же, у которых и можно было найти вьючных верблюдов и лошадей, удалились в пустыню. Средств вилайета для расходов на экспедиции совершенно недостаточно; наконец, самый 25-дневный поход по пустыне сопряжен с громадными трудностями и лишениями»[47].

«Арабы все это прекрасно знали, и теперь видим, что их... шейхи в Месопотамии и Аравии стараются вырваться из-под турецкого режима»[48].

Относительно кочевых арабских племен тот же Мешков сообщал, что их «подчинение Константинополю никогда не было полным»[49].

В 1905—1907 гг. под прямым воздействием русской революции национально-освободительное движение арабов приняло новый размах. Об этом говорит депеша Зиновьева от 13 апреля 1906 г., отмечавшая: «Донесение персидского консула из Басры свидетельствует о том, что волнения среди арабских племен достигли крайних размеров»[50]. Восстание арабского народа охватило весь Аравийский полуостров, Месопотамию, Сирию и другие страны. Борьба арабов стала настолько мощной, что Зиновьев в депеше от 24 мая 1906 г. с опасением сообщал, что борьба между арабами и турками «может повлечь за собой последствия, весьма прискорбные для положения Турции в Азии»[51]. В этой же депеше Зиновьев приводит слова командующего турецкой армией в вилайете Басра—Сулейман-паши, который сообщил султанскому правительству, что с имеющимися в его распоряжении силами он не в состоянии

---

47 ЦГВИА, ф. 444, д. 23, л. 7—12.

48 АВПР, ф. «Посольство в Константинополе», д. 1248, л. 55—56.

49 Там же.

50 Там же, ф. «Политархив», д. 1024, л. 188.

51 Там же, л. 219—220.

ничего предпринять против «мятежных» арабов, что даже племена, на верность коих рассчитывали турецкие власти, начинают изменять, и для восстановления порядка в крае необходимо прислать, по крайней мере, три полка. Кроме Багдадского и Басрского вилайетов, арабские восстания охватили и области, лежащие в центре Аравийского полуострова. «Турецкая армия не в состоянии подавить мятеж»[52].

В Басрском вилайете борьба против турецкого владычества длилась несколько лет. Эту борьбу использовала Англия, чтобы добиться отделения от Османской Турции арабских областей и установить там свое господство. Причину неудачи турецких властей Зиновьев объясняет тем, что за спиной восставших арабов стояла Англия[53].

Еще мощнее было восстание в Йемене, где до восстания 1905—1906 гг. арабы не раз поднимались против турецкого владычества. Восстание в Йемене, как было указано выше, началось с половины 90-х годов прошлого столетия. Во главе восставших стал шейх Махмуд Яхья-ибн-Хамид, вокруг которого стали группироваться все недовольные турецким режимом. Распространявшиеся по всему Йеменскому вилайету восстания вызвали среди туземного населения всеобщее воодушевление, которое дало шейху возможность собрать значительные силы и начать наступление. Уже в конце 1904 г. восстание арабов распространилось до стен главного города Йемена—Сана, а к марту 1905 г. оно охватило южные казы—Анес и Ярим и Таизский санджак. Султанское правительство, боясь окончательно потерять Йемен, отправило туда четыре бригады 5-го корпуса и три батареи. Турецким войскам с большими потерями удалось 31 марта 1905 г. занять Сану, но в апреле восставшие снова освободили город от турецкой армии, которой 19 августа снова удалось захватить Сану, но и на этот раз успех оказался эфемерным.

В октябре войска Ахмед-Фейзи-паши были окружены со всех сторон восставшими и, опасаясь за свои сообщения с морем, были вынуждены очистить Сану, которая снова оказа-

---

[52] АВПР, ф. «Политархив», д. 1024, л. 219—220.

[53] Там же.

лась в руках повстанцев, и до конца декабря все попытки турецкого главнокомандующего вновь овладеть этим городом не увенчались успехом.

Военный агент в Константинополе, ссылаясь на достоверные источники, сообщал, что Йеменская экспедиция до ноября 1906 г. стоила Турции до 80 тыс. жертв[54].

Известия о падении Саны послужили сигналом к распространению восстания на область Асир, граничавшую с юга с Йеменом. Восставшие быстро овладели административным центром Асира — гор. Абха, расположенным в восточной его части, на западных отрогах — гор. Джебель-Хиджас, выгнав оттуда губернатора, который с остатками гарнизона укрылся в приморском городе Конфиде.

Таким образом, в руках восставших арабов оказалась территория, на юге от Адена — главной базы восставших — до станции Хиджас — на севере, а на востоке — пустыня, которая никогда и не признавала турецкой власти. Во власти же турок оставалась лишь узкая прибрежная полоса от Ходейды в глубь страны, на полдороге до г. Менаха, занятого восставшими, и на север до Конфиды[55].

«Все арабские племена Йемена,— писал в своей депеше Зиновьев,—начиная с южной границы Асира до северных пределов Таизского санджака, находятся в полном восстании». Зиновьев, говоря об этом восстании, поставил в известность царский двор, что «события в Йемене приняли за последнее время крайне опасный для Турции оборот. Населяющие Хиджас арабские племена не платят никаких податей и признают лишь власть мекккского шерифа»[56].

Для подавления восстания в Йемене султанское правительство перебросило большие военные силы. «Все усилия турецкого правительства,— писал Зиновьев 21 августа 1905 г.,— направлены к скорейшему усмирению мятежа в Йемене,

---

54 ЦГВИА, ф. 2000, оп. 1, д. 11, л. 90—91.

55 Там же, ф. 450, д. 142, л. 93—101.

56 АВПР, ф. «Политархив», д. 1026, л. 46—49

куда отправлено более 50 тыс. человек»[57]. Эта переброска войск не привела к победе турок. Арабы никогда не вступали в открытый и решительный бой крупной силой. В секретном донесении штаба Кавказского военного округа в отношении восставших сказано, что «их тактика — чисто партизанская. Засады, внезапные дневные и ночные атаки, фланговые преследования... отбитие транспортов, нападение на хвост колонны, постоянные боевые тревоги днем и ночью — вот главные элементы стратегии и тактики инсургентов, которые позволяют им никогда не давать решительной победы в руки турок и оставляют возможность вновь восстать через некоторое время... Несмотря на полувековое уже владычество турок в Йемене, на самом деле власть Центрального правительства всегда проявлялась в нем очень слабо, особенно в северо-восточных его округах с главным городом Саада, где удерживалась суверенная власть наследственных имамов Йемена»[58]. Ввиду этого владения султана в Йемене ограничивались портами: Лохея, Конфида, Ходейда, Мекка и частью Таизского санджака. «Под впечатлением полученных из Йемена тревожных известий,— писал Зиновьев,— турецким правительством дается распоряжение об отправлении в этот край новых подкреплений, а так как на благонадежность войск 5-го корпуса, набираемых среди сирийских арабов, нельзя рассчитывать, как доказал это недавний опыт, то в Йемен предписано отправить несколько батальонов из Малой Азии, а также из Янийского и Скутарийского вилайетов»[59]. Но новые подкрепления не принесли султану побед. Экспедиция в Йемен не пользовалась среди войск никакой популярностью; «войска не сочувствуют идее борьбы с арабами, отстаивающими свою независимость»[60].

Восстание в Йемене, начавшееся с 1904 г., продолжалось до младотурецкой революции 1908 г. Несмотря на то, что сул-

---

[57] Там же, д. 1020, л. 210. Более подробно об этом же говорится в рапорте военного агента в Константинополе (см. ЦГВИА, ф. 444, д. 23, л. 20—21, 134—135).

[58] ЦГВИА, ф. 2000 (ГУГШ), оп. 1, д. 3827, л. 101—105.

[59] АВПР, ф. «Политархив», ед. хр. 358, л. 8—9. Депеша Зиновьева, Пера, 21 апреля (4 мая) 1905 г., № 114.

[60] ЦГВИА, ф. 444, д. 23, л. 42—43.

танское правительство не щадило сил и средств, чтобы подавить это мощное восстание, ему так и не удалось окончательно задушить борьбу арабов за свою независимость.

В своей борьбе йеменцы получали материальную и моральную поддержку от других арабских стран. Об этом Зиновьев в депеше от 11 марта 1906 г. сообщил, что восставшим арабам из Египта доставляли значительное количество оружия; при содействии египетских властей правительством хедива выслана была значительная сумма в распоряжение главы йеменских мятежников шейха Яхья[61]. Из Каира через Сирию по всей Турции распространяли антиправительственные прокламации на турецком языке с целью поддержания восстания в арабских провинциях Османской империи.

Солдаты, посланные султанским правительством для подавления восстания арабов, часто переходили на сторону восставших. Об этом в российской посольской докладной записке сказано, что войска 5 и 6-го корпусов уже ослаблены целой серией неудачных экспедиций против восставших арабских племен Йемена, Хиджаса и южной Месопотамии. Кроме того, состоя в основном из арабов, полки эти легко переходили на сторону своих мятежных соплеменников. Поэтому турецкое командование вынуждено было отправить в Аравию войсковые части, состоявшие из турок и курдов. Однако на двух везших их пароходах произошли возмущения возле Смирны, когда солдаты узнали, что вместо Македонии, как им было сказано, их везут в Йемен. «Факт этот,— заключает автор записки,— наглядно показывает, насколько Турции трудно справиться с арабским движением и как начавшееся разложение ее господства в центре мусульманства грозит ее существованию более всяких других осложнений»[62].

Англия, воспользовавшись бессилием турецкого правительства подавить восстание арабов, решила и на этот раз использовать эти восстания для упрочения своих позиций в Йемене. «Англия,— писал Зиновьев,— начинает опасаться за безопасность своих владений, образующих азиатский протекторат.

---

[61] АВПР, ф. «Политархив», д. 1020, л. 210.

[62] Там же, д. 1022, л. 31.

Англия заявила, что если Турция не в состоянии подавить восстание арабов, то она вынуждена будет послать в Йемен свои войска»[63].

Освободительное движение арабов против турецкого ига имело свое идейное руководство в лице образовавшихся в Женеве и Париже арабских революционных организаций, близко, по своим стремлениям и ненависти к турецкому режиму, примкнувших к армянским и младотурецким комитетам.

Во главе такого антитурецкого арабского общества в Париже стоял бывший вице-губернатор Иерусалимского мутесарифата Наджиб-Азури-бей, издавший книгу под заглавием «Le reveil de la nation arabe» («Пробуждение арабской нации»), а в 1907 г. он же начал издавать на французском языке журнал «Независимость арабов». В своей книге Наджиб-Азури доказывал общность интересов всех 12 миллионов арабов, населяющих Аравийский полуостров, Сирию и Месопотамию, независимо от их вероисповедания. В книге подчеркнуто, что все арабы одинаково страдают от произвола турецкого правительства и администрации, причем автор указывает на пример Ливана, получившего в 1860 г. административную автономию под давлением держав; что добровольных реформ от султана ждать нечего, надо взяться за оружие, обратить на себя внимание Европы. В книге ярко проведены два тезиса: необходимость вооруженного восстания и образования самостоятельного арабского государства под духовным главенством истинного халифа арабского происхождения, но под светским протекторатом Англии. Далее Азури-бей утверждает, что нынешнее движение в Йемене следует считать началом выполнения указанной программы, в которой все арабы принимают некоторое участие: йеменские арабы — открытым восстанием, сирийские солдаты-арабы — отказом поднять оружие против своих соплеменников, а сирийские христиане—моральным сочувствием и денежными пожертвованиями[64].

Во время разгара национально-освободительного движения в Йемене, Басре, Кувейте, Центральной Аравии главари

---

[63] Там же, д. 1026, л. 46—49.

[64] ЦГВИА, ф. 450, д. 142, л. 93—101.

национального пробуждения Аравии из Европы перекочевали в Египет, где нашли приют и покровительство у Хедива и английских властей. «Цель приезда их в Египет,— читаем в одном документе,— возможность оттуда следить за проходом турецких войск и удобство контрабандного снабжения повстанцев оружием и припасами через Аден»[65].

Приведенные факты показывают, что национально-освободительное движение арабского народа в описываемый период охватило все арабские области Османской империи, и султанское правительство не в состоянии было подавить его. Окончательной победе арабов мешали раздоры, существовавшие между отдельными арабскими племенными шейхами, возглавлявшими движение. Каждый из шейхов старался установить свое господство над другими. Эту междоусобицу весьма ловко использовало турецкое правительство, пуская в ход всевозможные подкупы.

Успеху арабского движения мешало и вмешательство Англии и Франции, упорно добивавшихся, под маской помощи, подчинить арабские страны своему господству.

* * *

Против турецкого феодально-деспотического режима вели упорную борьбу также и балканские народы, особенно в Македонии. Балканские народы благодаря своей героической борьбе и поддержке русского народа сбросили с себя турецкое иго еще в 80-х годах прошлого столетия. Из балканских стран под турецким игом продолжала оставаться Македония, где проживали болгары, сербы, албанцы, греки, турки. Многонациональный состав Македонии и осложнял борьбу этих народов за освобождение от турецкого владычества. Крестьянские массы Македонии испытывали двойной гнет — феодальный и национальный. «Македония... сильно отстала экономически,— писал В. И. Ленин. — Там еще уцелели сильнейшие остатки крепостного права, средневековой зависимости крестьян от помещиков-феодалов»[66]. Турецкое феодально-деспотическое иго было не-

---

[65] Там же.

[66] Ленин В. И., Соч., т. 18, стр. 368.

выносимым. «Помещики в Македонии (так называемые *спаи*) — турки и магометане, крестьяне же — славяне и христиане. Классовое противоречие обостряется поэтому религиозным и национальным»[67]. Македонские крестьяне, независимо от национальной принадлежности, с оружием в руках нападали на поместья турецких помещиков, вступали в бой с регулярными войсками султана. Четническое движение охватило всю Македонию, особенно в ее горной части, где в начале XX века число четнических отрядов доходило до 100. С борьбой македонских партизанских-четнических отрядов была связана «Внутримакедонская революционная организация» (ВМРО), возникшая в 1893 г.

В борьбу македонских крестьян, с одной стороны, вмешивались буржуазно-монархические правительства Болгарии, Греции и Сербии, с другой — империалистические державы — Англия, Австро-Венгрия и Германия. Каждая из этих держав использовала борьбу македонцев для достижения своих захватнических планов в Македонии. Балканские государства натравляли одну нацию на другую и, тем самым, ослабляли и разлагали национально-освободительное движение в Македонии против турецких ассимиляторов. «Дело доходило до кровавых столкновений,— писал И. Голобородько. Греческие банды вырезывали в ближайших районах болгарских поселян, добивающихся присоединения Македонии к Болгарии. Болгарские банды на том же основании резали греков. Порта искусственно разжигала в Македонии национальную вражду, чтобы отвлечь внимание угнетенного населения от центрального правительства... В последние годы национальное ожесточение стало стихать вместе с ростом революционного движения»[68].

Трудовое крестьянство Македонии, руководимое ВМРО, вело героическую борьбу с турецкими башибузуками. С 1898 по 1903 г. отряды ВМРО провели 130 сражений с турецкими карательными войсками, опустошавшими Македонию. В 1903 г. вспыхнуло новое мощное восстание македонских крестьян, бо-

---

67 Там же.

68 Голобородько И., Турция, П-д, 1909, стр. 270.

рвавшихся за землю и свободу. Турецкие орды в крови подавили восстание и разорили до $^1/_3$ всей территории страны.

Великие державы и на этот раз вмешались, чтобы сделать нажим на турецкое правительство в свою пользу. Наиболее активно вмешалась Австро-Венгрия, которая хотела воспользоваться восстанием и захватить Салоники. Царская Россия не могла допустить усиления позиций Австро-Венгрии вблизи Дарданелл. В результате долгих переговоров 20 сентября 1903 г. в Мюрцштегском охотном замке между Россией и Австро-Венгрией было заключено соглашение, по которому обе державы обязали турецкое правительство провести «реформы» в Македонии, в результате чего последняя подпала под влияние России и Австрии. От реформы македонское крестьянство ничего не получило и потому продолжало борьбу, которая под влиянием русской революции приняла большой размах и влилась в общетурецкое движение, направленное против султанского режима.

После первого взрыва революционного движения в Петербурге 9 января как во всей Турции, так и в Македонии революционное движение настолько усилилось, что царское правительство стало беспокоиться о революционном пожаре на Балканах. Об этом свидетельствует телеграмма графа Ламсдорфа к посланникам России в Афинах, в Белграде и послу в Константинополе от 15 января 1905 года. В этой телеграмме Министерство иностранных дел России предупреждает, что между представителями революционного движения в македонских вилайетах и местными агентами балканских государств имеется связь. Деятельность «повстанческих шаек» усиливается и, «без сомнения, грозит в ближайшем будущем осложнениями». По настоянию царя турецкое правительство предприняло меры, как говорится в телеграмме, к обеспечению спокойствия в стране, но мера эта «все ж не в состоянии положить конец злу, если балканские государства не отнесутся вполне искренно к делу водворения порядка в македонских вилайетах»[69]. Дипломатические представители России в Турции и в балканских странах регулярно ставили в известность царский двор о происходящих со-

[69] АВПР, ф. «Политархив», д. 1019, л. 8

бытиях на Балканах и о принятых со стороны турецких властей мерах для подавления революционного движения в Македонии.

Министерство иностранных дел России давало инструкции своим дипломатическим представителям предупредить балканские государства не поддерживать восставших. Граф Ламсдорф в своей телеграмме от 15 января 1905 г. послу в Константинополе Зиновьеву писал: «Нет сомнения, что центр тяжести вопроса о революционной деятельности банд лежит в том сочувствии, которое деятельность эта встречает со стороны балканских государств. Обстоятельство это неизменно побуждало Императорское правительство предупредить означенные государства от весьма опасного увлечения повстанческим движением... Необходимые строгие внушения в этом смысле повторены были в Афинах, Белграде и Софии. Сообщаемые Вами сведения о возможных... крупных осложнениях побудили снабдить агентов наших в трех названных пунктах дополнительными указаниями».

Далее говорится о том, что нужно наблюдать за образом действия турецких властей и осуществлением тех мероприятий, «кои приняты Портою в видах подавления движения»[70].

В телеграмме от 27 января 1905 г. граф Ламсдорф сообщил Зиновьеву следующее: «Из донесения консула в Ускюбе Вам известно об угрожающем положении дел в Албании и о беспечном невнимании турок к возможному взрыву волнения среди арнаутов». «...Обратили ли Вы внимание Порты на необходимость усилить состав летучей дивизии Ферик-паши, и, в противном случае, сделайте соответствующие представления»[71].

Все это говорит о том, что под влиянием революции 1905—1907 гг. национально-освободительное движение на Балканах, в частности в Македонии и Албании, развертывалось настолько широко, что царское правительство хотело задушить революцию не только у себя в России, но и усиливающиеся под ее влиянием революции в других странах, ибо она угрожала существованию абсолютистского самодержавного строя не только в России, но и в странах Европы и Востока. В. И. Ленин, исхо-

---

70 Там же, л. 12.

71 Там же, л. 43.

дя из конкретных событий, свидетелем которых он был, раскрыв причины страха царизма в турецкой и персидской революциях, писал, что «... все *боятся* успеха турецкой революции, ибо этот успех означал бы неминуемо, с одной стороны, развитие стремлений к автономии и действительной демократии во всех балканских народах, с другой стороны, победу персидской революции, новый толчок к демократическому движению в Азии..., создание свободных порядков на громадном протяжении русской границы, следовательно, создание новых условий, затрудняющих политику черносотенного царизма и облегчающих подъем революции в России...»[72].

Некоторые исследователи неправильно толкуют отношение царского самодержавия к турецкой и персидской революциям. Так, например, А. Алимов в своей статье «Революция 1908 г. в Турции» писал, что Россия и Англия сочувственно относились «к нарастающему в Турции революционному движению»[73]. Это полностью противоречит приведенной нами ленинской оценке младотурецкой революции. Известно, что русский царь и турецкий султан в деле подавления революции нашли общий язык. Царское правительство, потерявшее свою опору в армии и в народе, обратилось к Румынии и Турции *«с просьбой о полицейской помощи* против восставших матросов! —писал Ленин в статье «Русский царь ищет защиты от своего народа у турецкого султана»[74]. Абдул-Хамид, смертельно боясь усиливавшегося в своей империи революционного движения, о чем говорилось выше, сделал все, чтобы задушить революцию и продлить свое существование. Весть о революции в России он воспринял с большим страхом. Султан особенно боялся восстания русского черноморского флота, ибо волны восстания могли дойти до его империи. «Восстание матросов военного корабля,— писал личный секретарь Абдул-Хамида Тахсин-паша,— было одним из вопросов, который больше всего беспокоил султана Хамида. Если в Стамбуле станет известным, что мятежный корабль (речь идет о «Потемкине». — *Е. С.*) уведен своей коман-

---

72 Ленин В. И., Соч., т. 15, стр. 199.
73 См. Сб. «Пробуждение Азии», стр. 37.
74 Ленин В. И., Соч., т. 8, стр. 533.

дой и что он уведен без разрешения и даже при условии, что возможность проникновения к нам заразы и мятежных чувств в стамбульское войско даже была бы незначительной, то и этого было бы достаточно, чтобы султан Хамид проводил бессонные ночи». «Русское правительство,— продолжал Тахсин-паша,— не смогло оказать какого-нибудь влияния на мятежный броненосец «Потемкин». Броненосец приближался к проливу. Что было бы, если броненосец попытался бы пройти через проливы...? Султан Хамид немедленно приступил к действиям. Сразу же был отдан приказ начальству арсенала о проведении в жизнь черноморского плана и установлении тяжелой артиллерии»[75].

Таким образом, султанское правительство было охвачено страхом распространения влияния русской революции на Турцию. Это и заставило обоих деспотов — русского и турецкого — сговориться. Принятые Абдул-Хамидом меры против распространения влияния русской революции оказались тщетными.

Выше говорилось об усилении национально-освободительного движения армян, арабов, македонцев и других нацменьшинств Османской империи, задушить борьбу которых султанское правительство было не в состоянии. Именно поэтому младотурецкая партия «Единение и прогресс» решила использовать все антиабсолютистские силы в Турции для свержения Абдул-Хамида и введения конституции. Этим и был вызван созыв Парижского конгресса в 1907 г. На этом конгрессе участвовали: комитет «Единение и прогресс», партия «Дашнакцутюн», «Лига децентрализации и частной инициативы», арабская организация «Хайфет», отдельные национальные группы и др. Впоследствии к решениям конгресса присоединились «Внутренняя македонская революционная организация» и партия «Мусульманская федерация»[76]. На конгрессе были приняты решения об низвержении султана Абдул-Хамида, о коренном изменении существующего режима и введении представительного образа

---

[75] Tahsin Paşa, Abdul Hamid ve yildiz hatiralari. Istanbul, 1931, s. 174.

[76] См. подробно Голсбородько И., стр. 217 и сл. «Пробуждение Азии», стр. 31.

правления. Чтобы осуществить указанные решения, участники конгресса отказались от своих сепаратистских стремлений и от партийной розни. Средством достижения свержения абдулхамидовского режима конгресс признал всеобщее вооруженное восстание. К этому решительному шагу революционные и оппозиционные силы Турции пришли не сразу, а весь ход событий и особенно развертывание революционного движения народных масс в 1905—1907 гг. вынудили даже представителей турецкой либеральной буржуазии и помещиков в лице младотурецкой партии пойти на вооруженное восстание. Таким образом, это не заслуга младотурок, которые никогда не были последовательными противниками султанского режима, а заслуга народных масс как турецких, так и нацменьшинств, которые под влиянием русской революции стихийно, без особого руководства, усилили свою борьбу против феодально-деспотического режима в Турции. Но, как мы увидим ниже, младотурки пошли на совместные действия лишь с целью общими силами свергнуть ненавистный султанский деспотический режим и создать конституционную монархию, обеспечив гегемонию турецкой национальной буржуазии как в политической, так и в экономической жизни страны, оттеснив на задний план буржуазию армянскую, греческую, арабскую.

В создании объединенного фронта решающее значение имело развертывание массового революционного движения, в основном крестьянского, как турецкого, так и армянского, арабского, македонского.

Современник этих событий В. Тотомианц писал: «В Турции, как и в других странах, революционизирование населения происходило снизу на почве эксплуатации и тяжелых экономических условий. Всем известны из года в год повторявшиеся волнения в Армении, Македонии и других концах Турции. Во всех этих случаях выразительницей недовольства была народная масса в лице крестьянского населения и мелкой буржуазии»[77].

---

[77] Тотомианц В., Экономическая почва турецкой революции. «Современный мир», 1908, октябрь, раздел 2, стр. 15—16.

Младотурецкая партия, с целью захвата руководства антиабсолютистским движением, обратилась к массам с лозунгом брать пример «с русского народа». В одном из своих воззваний, относящемся к середине 1907 г., младотурки призывали все народы Османской империи свергнуть деспотизм и завоевать свободу. «До каких пор,— говорилось в нем,— вы будете терпеть этот гнет и притеснения? До какого момента вы будете зрителями разорения вашей родины? Положение, в котором вы находитесь, не что иное, как оцепенение, которое сковало вас под влиянием мер правительства. Знайте, что сила народа значительно могущественнее самого сурового деспотизма. Знайте, что самые властные и горделивые паруса будут низвергнуты в воду! И самый кровожадный из тиранов сам будет принужден перед этой силой преклонить колени и просить пощады. Но эта сила может быть создана единением, согласием и взаимопомощью народа...»[78].

В другой прокламации приводятся в пример русский, персидский и португальский народы, «которые путем единения достигли счастья... Согласившись между собой, они восстали и взялись за оружие, ибо права нации не могут быть принесены в жертву ради удовольствия властелина и кровь народа — ради удовольствия правительства. Они требовали и силой добились национального собрания»[79].

Эти документы свидетельствуют о большом влиянии первой русской революции и революционных выступлений в других странах на подъем массового движения в Османской империи.

Широкие размеры приняло в 1905—1907 гг. в Турции оппозиционное движение. В ряде газет и журналов печатались статьи, освещавшие революционные события в России. В них

---

[78] ЦГВИА, ф. 200, оп. 1, д. 1002, л. 156—157, см. Е. К. Саркисян, Влияние русской революции 1905—1906 гг. на развитие революционного движения в Турции «Известия АН АрмССР», серия общ. наук, 1955, № 12, стр. 73.

[79] «Красный архив», 1931, т. 43, стр. 19.

раздавались призывы идти по стопам русского народа и подняться на борьбу с абсолютистской властью султана.

О ходе русской революции было особенно хорошо осведомлено армянское население восточных вилайетов, среди которого тайно распространялись издававшиеся в Закавказье революционные газеты. На их страницах освещались события, происходившие в Армении, Азербайджане и Грузии. Героическая борьба народов Закавказья против царизма явилась примером для трудящихся масс Турции, страдавших от произвола султанских властей.

Революционные влияния проникали из России в турецкую армию и флот. Широко известно письмо 28 турецких морских офицеров к сестре казненного царскими палачами лейтенанта Шмидта, в котором выражалось чувство восхищения героической борьбой с самодержавием моряков русского флота и давалась клятва следовать их примеру в борьбе за гражданские свободы[80].

Посол России в Стамбуле Зиновьев неоднократно сообщал о революционных выступлениях, казалось, в самых преданных султану частях столичного гарнизона. Так, в депеше от 5 января (23 декабря 1906) 1907 г. он писал, что «последние дни ознаменовались беспорядками среди расположенных в Константинополе войск. В первой гвардейской дивизии, охранявшей Йылдыз (дворец в пригороде Стамбула, резиденция султана Абдул-Хамида. — *Е. С.*), задержанные сверх срока нижние чины отказались выйти на ученье и султан, боясь, что дело осложнится, сделал распоряжение о немедленном их увольнении».

Примеру первой дивизии, доносил далее Зиновьев, последовала морская пехота. «Около 450 человек этой части, также удержанные на службе сверх срока и притом неудовлетворенные жалованьем, произвели 20 декабря в казармах буйства и затем двинулись к дому начальника морского штаба Ахмед-паши. Последний отказался принять их и вышел к ним уже после того, как они стали ломиться в дом.

---

[80] См. «Красный архив», т. 9, 1925, стр. 52.

Беспорядки прекратились лишь после того, как присланный султаном адъютант объявил бунтующим солдатам, что ходатайства их будут удовлетворены»[81].

Все эти факты говорили о том, что основная опора турецкого военно-феодального деспотизма — армия — перестала быть послушным орудием султана.

Выше отмечалось, что младотурецкая партия в обстановке все усиливавшихся антиабсолютистских выступлений вынуждена была согласиться на совместные действия с другими враждебными султанскому режиму политическими организациями и группами.

В нашу задачу не входит освещение хода младотурецкой революции. Отметим лишь то, что младотурки на гребне массового движения захватили в 1908 г. власть в свои руки. Подавив попытку контрреволюционного переворота, совершенную в марте 1909 г. приверженцами реакции, младотурки в апреле того же года пришли к власти. Установив свое господство, младотурецкая партия отказалась от обещаний, данных ею накануне революции. В интересах турецкой буржуазии, либеральных помещиков и некоторых кругов интеллигенции, преимущественно военной, являвшихся социальной опорой младотурок, они стали на путь антинародной реакционной политики.

Младотурецкое правительство ничего не сделало для разрешения самого острого вопроса внутренней жизни страны — вопроса о земле. Когда после победы младотурецкой революции депутат меджлиса социалист Влахов заговорил о необходимости аграрных реформ в целях расширения крестьянского землепользования, депутаты — крупные помещики — яростно выступили против этого предложения. Министр внутренних дел поспешил разъяснить, что «вмешательство государства в частные отношения беков со своими крестьянами недопустимо, ибо это «противоречило бы шариату»[82].

Трудящееся крестьянство по-прежнему было лишено земли. Многие крестьяне, обрабатывавшие небольшие участки, от одного до 10 дёнюмов (1 дёнюм²=919,3 кв. м), по преимуществу

[81] АВПР, ф. «Политархив», д. 1024, л. 592.

[82] Горцев, Младотурки и рабочий вопрос («Современник», 1912, кн. IV, стр. 249).

малопригодных земель, не могли даже прокормить себя. В 1912 г. число малоземельных крестьянских хозяйств, владевших до 10 дёнюмов земли, составляло, в такой сравнительно развитой части Турции, как европейская, 55 процентов всех семейств. В азиатских же вилайетах число малоземельных хозяйств было еще выше и достигало 70 процентов[83].

Тягостный натуральный налог — ашар — так и не был заменен денежным налогом, хотя подобное обещание давалось в программе младотурецкой партии в 1908 г. В новой ее программе, принятой в 1911 г., замена ашара откладывалась в долгий ящик.

Не была отменена и откупная система взимания налогов, открывавшая широкие возможности для различных злоупотреблений и ложившаяся дополнительным бременем на трудящееся крестьянство.

Новые аграрные законы, проведенные младотурками в 1913 г., содействовали расширению помещичьих и кулацких хозяйств. Принятый тогда закон о кадастре окончательно закрепил за помещиками и кулаками земли, захваченные ими у крестьян.

Еще более тяжелым стало положение трудового крестьянства нетурецких национальностей. Младотурки обещали вернуть армянским крестьянам их земли, присвоенные турецкими и курдскими феодалами. На деле же в период господства младотурок массовые захваты армянских земель приняли еще более широкий размах.

Младотурецкое правительство полностью игнорировало нужды рабочего класса, все более настойчиво требовавшего их разрешения. Убедительным свидетельством этого явилась неоднократная постановка рабочего вопроса депутатами-социалистами на заседаниях меджлиса. Депутат Влахов, долгое время занимавшийся изучением положения рабочих в Турции, писал, что они были в основном сосредоточены в больших портовых городах на побережье Черного, Мраморного и Эгейского морей и на Босфоре.

---

83 Там же, стр. 256.

«Промышленными центрами,— пишет Горцев,— являются Константинополь, Салоники, Смирна, Сивас, Кавала, Бейрут, Трапезунд и др. На крупных производствах (мельницы, пивоваренные заводы и пр.) занято 35—40 тыс. рабочих, в мелких — более 20 тыс. Если к ним присоединить носильщиков (7 тыс.), табачников (3 тыс.), пекарей (5 тыс.), большое количество типографских рабочих и приказчиков, получится довольно внушительная цифра — не меньше 100 тыс.»[84].

Продолжительность рабочего дня на турецких предприятиях достигала в среднем 14 часов. Заработная плата была мизерной. По данным Влахова, она колебалась от 6 до 28 пиастров (1 пиастр равнялся 8 копейкам. — *Е. С.*), зачастую опускаясь до 2,5 пиастров[85].

Рабочий класс Турции поднимался на борьбу за свои экономические и политические права. Репрессии, с которыми младотурецкое правительство в 1910—1912 гг. обрушилось на рабочее движение, не в состоянии были подавить активность и боевой дух трудящихся. Забастовки стихийно перебрасывались с одного предприятия на другое. Многие фабрики закрывались и рабочих выбрасывали на улицу. В городах скопилось громадное количество безработных. В начале 1911 г. одновременно вспыхнула забастовка табачников в Стамбуле и Салониках. В столице она продолжалась 50, а в Салониках — 20 дней. Бастующие требовали повышения заработной платы на 30 процентов, установления 8-часового рабочего дня и 250 рабочих дней в году[86].

В конечном счете все эти выступления рабочих потерпели поражение, но тем не менее они наглядно показали, что в Турции появился новый класс, поднимавшийся на борьбу за свои интересы и открыто враждебный господству младотурок.

Возникновение и легализация в 1908 г. профсоюзов и образование в 1909 г. социалистической партии Турции также свидетельствовало о возросшей роли рабочего класса в поли-

---

[84] Там же.

[85] Там же, стр. 259.

[86] Там же.

тической жизни страны. Напуганные этим младотурки не решались сразу ликвидировать рабочие организации. Подходящий момент для этого наступил летом 1913 г., когда агентами реакции был убит один из виднейших лидеров младотурецкой партии великий визирь Махмуд Шевкет-паша. Воспользовавшись этим, младотурецкое правительство начало преследовать и применять репрессии не только в отношении организаторов и участников этого террористического акта, но и против профсоюзов и социалистической партии.

Будущий основатель коммунистической партии Турции Мустафа Субхи в своей речи на конференции левых турецких социалистов в 1918 г., характеризуя младотурецкую революцию, отметил, что «она не дала иных результатов, кроме монархической конституции. Она не принесла никакой пользы народу. Мобилизация денег и передача их через банки в частную собственность открыла новый способ эксплуатации бедного класса... бедные классы были отданы на тиранию буржуазии и капитала»[87].

Даже такой умеренно либеральный журналист, как корреспондент стамбульской газеты «Танин» Ахмед Шериф, посетивший после младотурецкой революции различные районы страны, вынужден был признать тяжелое и бесправное положение турецкого крестьянства. «В провинции,— писал он,— конституционный режим является не чем иным, как внешней позолотой. Помещики, ростовщики и сборщики налогов по-прежнему обирали крестьян, никакого правосудия нет, произвол властей над бедными людьми почти безграничен». «В этих местах, свидетельствовал Ахмед Шериф, такие слова, как «обновление администрации», «конституция» бессмысленны. Изменений нет решительно ни в чем. Все остается по-старому»[88].

Другой турецкий публицист Мухаммед Эсад в опубликованной им в Париже книге «Великий бог» отмечал, что младотурки, будучи политическими эмигрантами, считали себя самыми передовыми интернациональными борцами с реакцией и деспотизмом. Но как только они пришли к власти, их поведение

---

87 Архив ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 17, оп. 1, д. 90, л. 16.

88 ЦГВИА, ф. 2000/с, оп. 1, д. 400, л. 15.

в корне изменилось. Эти псевдореволюционеры, по словам Мухамед Эсада, создали такой режим, по сравнению с которым даже автократическая власть султана Абдул-Хамида казалась менее реакционной и менее ненавистной народным массам Турции[89].

Морской агент России в Стамбуле писал летом 1909 г., что младотурецкое правительство «имеет лишь конституционную внешность, на самом же деле никакой конституции нет... нет и следа гуманитарных зерен... деспотия Абдул-Хамида заменена деспотией младотурецкой партии, опирающейся на армию ..»[90].

Издававшаяся в Стамбуле газета «Seday-i Ermenian», говоря о принятии турецким парламентом конституции, подчеркивала, что «хотя в Турции провозглашена конституция, в разных частях империи продолжаются беззакония, притеснения, и всюду население стонет от тяжелого налогового гнета. Нет никакого облегчения для народа»[91]. Поэтому, как утверждал царский посол, в провинциях, особенно в малоазиатских, «турки отнеслись по большей части равнодушно к провозглашению конституции»[92].

Таким образом, младотурецкая революция 1908—1909 гг. не разрешила ни одной задачи буржуазно-демократической революции. Ленин, вскрывая верхушечный характер младотурецкой революции, писал: «Если взять для примера революции XX века, то и португальскую и турецкую придется, конечно, признать буржуазной. Но «народной» ни та, ни другая не является, ибо масса народа, громадное большинство его активно, самостоятельно, со своими собственными экономическими и политическими требованиями, ни в той, ни в другой революции заметно не выступают»[93].

Этим объяснялось изменение тактики империалистических держав по отношению к младотурецкой революции и партии

[89] В связи с активизацией пантюркистов в годы второй мировой войны газета „Eni Sabah" в номерах за 10—21 мая 1944 г. напечатала серию статей, посвященных возникновению пантюркизма. В них были приведены и выдержки из упомянутой книги Мухаммеда Эсада

[90] ЦГАВМФ, ф. 418, оп. 1, д. 10060, л. 15—20.

[91] „Seday-i Ermenian", 1910, № 7.

[92] АВПР, ф. «Политархив», д. 1031, л. 41—43.

[93] Ленин В. И., Соч., т. 25, стр. 388.

«Единение и прогресс». Если «турецкая революция сразу встретила перед собой контрреволюционную коалицию держав...»[94], то вскоре империалистические политики и буржуазная пресса стали на путь заигрывания и сближения с младотурками. «Младотурков хвалят за умеренность и за сдержанность,— отмечал в связи с этим Ленин,— т. е. хвалят турецкую революцию за то, что она слаба, за то, что не пробуждает народных низов, не вызывает действительной самостоятельности масс, за то, что она враждебна начинающейся пролетарской борьбе в империи оттоманов...»[95].

Младотурецкое правительство ничего не сделало для освобождения страны от засилья иностранного капитала. Хотя в 1913 г. меджлис утвердил «закон о поощрении промышленности», предоставлявший некоторые льготы промышленным предприятиям, но ими в равной степени могли пользоваться иностранные предприятия, находившиеся на территории Османской империи. И так как доля турецкого капитала в промышленности была крайне незначительной (всего 10%), то этот закон был выгоднее иностранным концессионерам, чем турецкой национальной буржуазии. Турецкая промышленность по-прежнему полностью зависела от иностранного капитала. В 1913 г. в Турции число предприятий, в каждом из которых было более пяти рабочих, доходило до 268. Из них 78 пищевых, 28 строительных материалов, 13 кожевенных, 24 деревообделочных, 70 текстильных, 55 полиграфических. 55 процентов этих предприятий находилось в Стамбуле. В 1913 г. в Турции имелось лишь 16 975 рабочих, занятых в промышленности[96].

Приведенные данные свидетельствуют о крайней отсталости турецкой промышленности.

Вожаки младотурецкой партии до революции громогласно заявляли о своей решимости ликвидировать в Турции засилье иностранного капитала. Но, придя к власти, они в целях упрочения своего положения внутри страны стали широко прибегать к поддержке европейского капитала. За это содействие

---

[94] Там же, т. 15, стр. 198.

[95] Там же, стр. 200.

[96] Emin Ahmed, Turkey in the world war, London, 1930, p. 91—92.

младотурки расплачивались предоставлением иностранцам новых льгот и уступок, явно ущемлявших национальный суверенитет Турции и усиливавших ее зависимость от империалистических держав.

Этот антинародный курс младотурецкого правительства ярко проявлялся в их непрестанных обращениях к иностранным державам за новыми займами. В течение шести лет (1908—1913) Турция получила займов на общую сумму 58,6 млн. турецких лир, в то время как Абдул-Хамид за время своего тридцатитрехлетнего царствования получил займов всего на 45 млн. турецких лир. Это привело к тому, что государственный долг Турции к моменту вступления ее в войну (29 октября 1914 г.)[97] вырос до 148,5 млн. турецких лир. 60,8 процента этой суммы приходилось на долю французских займов, 14,46 процента — английских и 25,42 процента — германских[98].

Финансовая политика младотурок по существу не отличалась от политики правительства Абдул-Хамида. Затраты, в первую очередь на военные нужды, увеличивались при младотурках из года в год. В связи с этим резко возросли расходы по государственному бюджету страны. Об этом убедительно свидетельствуют следующие цифры[99].

Годы	Приход	Расход	Дефицит
1908—1909	21.000.000	27.000.000	6.000.000
1909—1910	25.078.962	30.539.545	5.460.583
1910—1911	29.1 3.418	35.994.584	6.816.166
1911—1912	31.645.708	41.161.729	9.516.021
1912—1913	33.682.475	36.891.366	3.208.891
1913—1914	31.000.000	34.000.000	3.100.000

Эти данные показывают хронический дефицит государственного бюджета в годы, предшествовавшие первой мировой войне. Бюджеты 1910—1913 гг. отражают резкий рост расходов, вызванных итало-турецкой и балканскими войнами.

[97] ЦГВИА, ф. 2000, оп. 1, д. 3859, л. 1—6. Посол России в Стамбуле в конце 1913 г. определял общую задолженность Турции в сумме 140 млн. турецких лир. См. АВПР, ф. „Канцелярия", 1913 г., д. 115, л. 342. Эту же сумму указывал в одном из своих выступлений бывший президент Турции Иненю. См. Inönü diyorki. Nutuk, Hitabe, Beyanat, Hasbihaller, Istanbul, 1944, s. 40.

[98] Mears, E. G., Modern Turkey, New-York., 1924, p. 357.

[99] Emin Ahmed, p. 94; Süreyya Sevket, Cihan iktisadiyatında Türkiye, Ankara, 1931, s. 154—158.

Финансовое положение страны усугублялось необходимостью уплаты процентов по огромному государственному долгу и платежей по его погашению. Сумма этих ежегодных выплат составляла 8.576 тыс. турецких лир. К этой цифре следует прибавить уплату 320 тыс. лир в год по австро-германскому займу 1910 г. и километрических гарантий иностранным владельцам железнодорожных концессий на сумму 944 лиры[100]. В итоге получалось, что Турция должна была ежегодно платить 9.840 тыс. турецких лир, что составляло 34,55 процента расходной части бюджета 1913—1914 гг.

Анализ бюджетных ассигнований показывает, что первое место в них занимали расходы на военные цели. Так, в те же годы они выражались в сумме 14.570 тыс. турецких лир, составлявших 38,8 процента всех расходов по государственному бюджету Турции. «Все заботы младотурецкого правительства, свидетельствовал хорошо осведомленный в турецкой действительности журналист, были направлены на усиление военного могущества государства. Ни одно государство не уделяет военным нуждам такого громадного процента, как Турция. Военные расходы Франции достигают 29 процентов бюджета, Англии — 33,3, Германии — 36,8, а Турции — 37»[101]. В целом на армию и флот, на погашение иностранных займов и уплату по ним процентов, а также на километрические гарантии уходило более $^2/_3$ всех расходов. На развитие производительных сил страны и на нужды просвещения младотурки тратили крайне мало, в целом менее $^1/_3$ расходной части бюджета. Проводившаяся ими политика милитаризации страны и массовых репрессий против растущего национально-освободительного движения народов Османской империи требовала огромных средств. Источниками их, как и во времена Абдул-Хамида, являлись внешние займы и налоговое обложение населения.

Податной пресс в годы господства младотурок завинчивался все туже. В первый же год установления своей диктатуры младотурки увеличили общую сумму налогов на душу с 40 до

---

100 ЦГАВМФ, ф. 898, оп. 1, д. 32, л. 20.

101 Горцев, стр. 252.

70 куруш. В 1914 г. эта цифра выросла до 103 курушей[102]. Основным плательщиком налогов по-прежнему было трудовое крестьянство[103].

* * *

В национальном вопросе младотурецкое правительство также следовало по проторенной дорожке шовинистической политики Абдул-Хамида и стремилось к насильственному отуречиванию всех национальных меньшинств Османской империи. Младотурки демагогически утверждали, что в стране нет никаких национальностей, кроме одной османской нации. Тем самым младотурецкие ассимиляторы хотели заставить нетурецкие народы примириться со своим бесправным положением, пытались насильственными мерами пресечь национально-освободительное движение арабов, армян, славянских народов Балканского полуострова, греков, албанцев и курдов.

Академик Е. В. Тарле, характеризуя махровую шовинистическую политику младотурок, подчеркивал, что они решали «национальные вопросы физическим истреблением *всех* национальностей, кроме турок и тех, кто согласится немедленно стать турком. Когда один из главарей младотурок, Энвер-паша, сейчас же после революции восклицал, что отныне «нет» болгар, «нет» греков, «нет» македонцев, «нет» арабов, а все «равны» и все «оттоманы», то он, в прямую противоположность сентиментальным домыслам европейских либералов, именно так и понимал дело: или все эти племена, живущие в Турции, станут турками и *поэтому* станут все «равны», или их «нет», т. е. мы их вырежем, потому их «не будет»[104].

Младотурецкий комитет «Единение и прогресс» в одном из своих циркуляров писал: «Мы должны прежде всего в пределах самой страны уничтожить наших многочисленных и опас-

---

[102] Süreyya Şevket, s. 154—158.

[103] Так, по государственному бюджету Турции на 1912—1913 годы доходы от сельскохозяйственных налогов составляли 40% всех финансовых поступлений страны. См. И. Флеровский «Армения» («Современник», ноябрь 1914 г., стр. 138).

[104] Е. В. Тарле, Соч., т. V, М., 1958, стр. 199.

ных врагов; только тогда мы сведем старые счеты с нашими соседями»[105].

На протяжении своего десятилетнего господства младотурки остались верными этой своей кровавой политике. Но чем больше они усиливали национальный гнет, тем все больший размах принимало национально-освободительное движение как в Европейской, так и в Азиатской Турции. На борьбу с ним младотурецкое правительство почти без всякого успеха тратило огромные силы и средства.

Убедившись в банкротстве доктрины «османизма», в ее неспособности спасти империю от распада, младотурки прибегли к старому абдулхамидовскому лозунгу панисламизма. Эта реакционная теория, наряду с выдвинутой накануне первой мировой войны доктриной пантюркизма, являлась идеологическим стержнем внутренней и внешней политики младотурок.

Панисламистскую доктрину младотурки пытались использовать для предотвращения и подавления национально-освободительного движения мусульманских народов Турции, особенно арабов, принявшего в те годы широкий размах.

Идеология панисламизма прикрывала стремление турецкой национальной буржуазии, интересы которой выражала партия иттихадистов, окончательно утвердить свою гегемонию над всеми народами, исповедующими ислам: арабами, курдами, албанцами и др. Посредством насаждения идеологии панисламизма младотурки стремились разъединить народы, выступавшие против турецкого гнета, и подменить их национально-освободительную борьбу борьбой религиозной. Панисламизм начисто отрицал нации и национальные чаяния, отвергал существование внутри каждой нации деление на классы и классовую борьбу, разжигал ненависть мусульман к народам Османской империи, исповедующим другие религии, натравливал их друг на друга, пытаясь тем самым отвлечь арабов, курдов и албанцев от борьбы за национальную независимость, а трудящихся мусульман — от борьбы за свои классовые интересы.

---

105 Цит. по работе П. Семенюта, Турция сегодня, вып. III, СПб, стр. 15.

Главным рупором панисламизма при младотурках был журнал «Истинный путь», основанный в августе 1908 г. и с февраля 1911 г. выходивший под названием «Путь истинного направления». Рекламируя религиозно-политическую идеологию партии иттихадистов, журнал утверждал, что «мусульмане не арабы, не турки, не албанцы, не курды, не лазы, не черкесы, а лишь части единой мусульманской общины». «Именем корана» он требовал от мусульманских народов Турции отказа от национальных требований и угрожал, что в случае неповиновения на них обрушатся «страшные кары аллаха»[106].

В целях пропаганды и насаждения доктрины панисламизма внутри страны младотурки создали специальные «культурные» общества и школы, издавали различную литературу. Одним из виднейших идеологов панисламизма в период младотурецкого господства был историк и писатель Джеляль Нури, опубликовавший множество книг, проникнутых ядом панисламизма и пантюркизма. Среди них наибольшую известность получила его работа «Единение ислама»[107], вышедшая в свет сразу же после балканских войн. Она проникнута насквозь мусульманским фанатизмом и ненавистью к христианскому населению Османской империи. В предисловии к этой книге Джеляль Нури признался, что его интересует не религиозная сторона панисламизма, а политическая, что народы, исповедующие ислам, образуют единую нацию, насчитывающую 300 миллионов человек[108].

Далее Джеляль Нури отмечал, что религия ислама была создана в целях установления братской связи между различными народностями и племенами, поэтому деление на нации совершенно неприемлемо для мусульман. «Сегодня ислам является весьма важной силой,— писал Джеляль Нури,— и она в будущем способна сыграть очень важную роль»[109].

---

[106] Тверитинова А. С., Младотурки и пантюркизм, «Краткие сообщения Института востоковедения АН СССР», т. XXII, 1956, стр. 67.

[107] Celal Nuri, İttihat-i islam, İstanbul, 1331 (1912–1913), s. 11–13 (арабск. алф.).

[108] Там же.

[109] Там же, стр. 21

Джеляль Нури выступал против европейской цивилизации и призывал отгородить от нее мусульман Азии. Он идеализировал патриархальную отсталость мусульманских народов и призывал вернуться к старинным обычаям и законам. «Это будет не регрессом,— утверждал Джеляль Нури,— а развитием. Правительства в мусульманских государствах ничем не отличаются от конституционных правительств»[110].

Идеализируя религию ислама, Джеляль Нури пытался доказать, что она выше других религий, так как является одновременно «нравственным сводом законов, формой правления, словом — целой философией»[111].

Основной смысл доказательств Джелаль Нури сводился к тому, что ислам — это самая передовая религия, являющаяся единственной формой правления, обязательной для всех мусульман мира, особенно для мусульман Османской империи. Отсюда делался вывод, что арабы, курды, албанцы не должны бороться за свое освобождение, так как господствующие в Турции порядки, основанные на догматах и нормах мусульманской религии,— идеальные и самые передовые.

В той же книге в специальной главе «Тюрки» Джеляль Нури, говоря о роли различных исповедующих ислам народов, всячески восхваляет турок, ставя их на первое место. «Хотя турки — писал он,— по количеству не составляют большинства, но зато они по своим качествам являются самой важной частью мусульманского мира. Если бы турки из Турана не пришли в страну Рума и... не защитили бы святые места, мусульманство в политическом отношении исчезло бы»[112].

Джеляль Нури провозглашал турецкий язык «политическим языком мусульманского мира»[113].

Все эти националистические утверждения имели целью обоснование «превосходства» турок и оправдание их господства над арабами, курдами, албанцами.

---

[110] Там же, стр. 55.
[111] Там же, стр. 46.
[112] Там же, стр. 107—108.
[113] Там же, стр. 70—71.

Если в своей внутренней политике младотурки пытались использовать идеологию панисламизма для упрочения власти над мусульманскими народами Османской империи, то новая доктрина пантюркизма должна была облегчить им проведение политики отуречивания христианского населения Турции. Пантюркизм становился новой формой турецкого шовинизма и одним из главных идеологических орудий ассимиляторской политики младотурок.

Помимо Джеляль Нури, наиболее видными представителями пантюркизма были Зия Гёкальп, Исмаил-бей Гаспаринский, Акчура-оглу Юсуф-бей, Ахмед Агаев, Кёпрюлю Мехмед Фуад. Их перу принадлежит ряд книг о пантюркизме. Ими издавались журналы и газеты, пропагандировавшие пантюркистские идеи. В целях распространения пантюркизма младотурецкое правительство открыло в столице и провинциальных центрах специальные клубы, так называемые «турецкие очаги», с помощью которых пантюркисты хотели воспитать молодежь в духе самого махрового национализма и расизма.

Один из деятелей курдского национально-освободительного движения Джиладет-Али-Бедирхан в открытом письме к Мустафе Кемалю в декабре 1933 г. обвинял республиканское правительство в том, что оно продолжает младотурецкую политику пантюркизма. В связи с этим он вспомнил, как, будучи студентом, слушал в 1909 г. лекции Исмаила Гаспаринского, отмечавшего, что «в Турции, кроме турок, нет и не должно быть других национальностей»[114]. С подобными лекциями,— продолжал Бедирхан,— и книгами выступали против живущих в пределах Османской империи нетурецких национальностей, желая построить основу новой турецкой нации. Эту шовинистическую программу младотурки хотели осуществить ценою крови других национальностей. Далее он метко замечает, что созданные младотурками «турецкие очаги» столько же готовили пантюркистов, сколько и панкурдистов, так как чем больше усиливали младотурки свою ассимиляторскую политику, тем сильнее ста-

[114] Ciladet Bedirhan, Türkiye Cumhuriet reisi Mustafa Kemal paşa hazretlerine açık mektup, 1933, s. 3 (арабск. алф.).

новилась национально-освободительная борьба нетурецких народов Османской империи[115].

В отношении мусульманских народов младотурки вели ассимиляторскую политику, а в отношении христианских народов, продолжая практику «кровавого султана» Абдул-Хамида, прибегали к прямому физическому истреблению. Объяснялось это тем, что младотурецкие лидеры не надеялись добиться отуречивания славянских народов, армян и греков. По этому поводу Бедирхан свидетельствует: «По плану младотурок, курды находились не в числе уничтожаемых, а в числе народов, подлежащих ассимиляции»[116].

Убедительным свидетельством проводимой младотурками политики уничтожения христианских народов Османской империи явилась массовая резня в г. Адане и других районах Киликии весной 1909 г., жертвой которой стало мирное армянское население.

Первый приступ этих кровавых событий произошел в Адане 14—16 апреля, в период реакционного переворота в Стамбуле, в результате которого младотурки были отстранены от руководства страной. Новая резня началась 25 апреля, т. е. на второй день после вступления в столицу войск, руководимых младотурками. «Эта вторая резня была более страшной, чем первая,— сообщал драгоман царского посольства в Стамбуле Мандельштам.

Правительство младотурок пыталось снять с себя ответственность, выдумывая сказку об армянской революции. Однако перед фактами оно вынуждено было отказаться от этой версии»[117].

Российский посол в Стамбуле Зиновьев телеграфировал 1 мая 1909 г.: «...Неистовства мусульман в Аданском вилайете достигли чудовищных размеров. Число погибших от руки мусульман христиан, в особенности армян, доходит до 15 тыс. человек». Присланные правительством войска вместе с мусуль-

---

[115] Ciladet Bedirhan, s. 4.

[116] Там же.

[117] Mandelstam A., „Le sort de l'Empire Ottoman". Paris, 1917, p. 205.

манскими фанатиками избивали христиан, не «различая ни пола, ни возраста, грабили и поджигали их дома» ...Город Адана,— сообщал далее царский посол,— более не существует, а вследствие грабежа всего имущества и запасов избегшее избиения христианское население начинает терпеть голод»[118]. Примеру аданских властей последовали и местные власти в Тарсусе, где 3 мая начались пожары, грабежи и убийства. Резня христиан перекинулась в Александретту и в окрестные села. «Избиение армян,— доносил Зиновьев,— происходило и в Алеппо, Зейтуне, Мараше, Антиохии и Биреджике»[119].

Одна из очевидцев аданских событий Хелен Гиббонс писала, что армян безжалостно резали и расстреливали на улицах, сжигали в домах, в которых они укрывались. Не щадили ни стариков, ни женщин, ни детей. Избиение было еще более ужасным, чем во времена Абдул-Хамида[120].

Другой очевидец свидетельствовал, что 16 апреля в Тарсусе местные власти раздали оружие мусульманским фанатикам, прибывшим в специальном поезде. Последние ворвались в армянские кварталы и учинили там кровавое побоище. «Армянские дома в Тарсусе были преданы огню... Небо озарилось пламенем пожара... Сгорело 800 домов. Жители, пытавшиеся покинуть горевшие дома, подвергались обстрелу. Очень мало армян осталось в живых»[121]. Гиббонс указывала, что направленные в Адану регулярные войска в ночь на 29 апреля устроили там страшную резню. Накануне турецкие власти под предлогом обеспечения спокойствия разоружили армянское население Аданы и других городов Киликии. Причем армяне сдали оружие по совету командования английских и французских военных судов, стоявших в Мерсинской бухте. «Те армяне, которые спаслись во время первой резни,— писала Гиббонс,— были теперь истреблены. Адана стала адом»[122]. Все это происходило на виду у военных кораблей европейских держав. «Европей-

---

[118] АВПР, ф. «Политархив», д. 1034, л. 130.

[119] Там же.

[120] Gibbons Helen Davenport. The Red Rugs of Tarsus. Paris, 1919, p. 101.

[121] „La voix de l'Armenie", 15. I, 1918, № 2, p. 67.

[122] Gibbons, p. 122.

ские дипломаты были бессердечны и циничны. Они наравне с турками ответственны за резню»[123].

По сведениям самих турецких властей, в результате этих зверств только в Аданском вилайете было убито около 20 тыс. христиан, преимущественно армян. В Алеппском вилайете погибло 5 тыс. человек[124].

Современные турецкие историки, стремясь обелить политику младотурок, злостно фальсифицируют исторические факты, в том числе и кровавые события 1909 г. в Адане. Так, реакционный пантюркистский историк Эсат Урас в известном нам «исследовании» «Армяне в истории и армянский вопрос», касаясь аданской резни, безапелляционно заявляет, что ответственность за нее несут сами армяне, которые якобы мучили мусульман. «Младотурецкое же правительство тут ни при чем». Эсат Урас сознательно уменьшает число жертв в Адане, утверждая, что погибло всего 1000 человек[125].

Младотурецкое правительство и в дальнейшем продолжало притеснять и преследовать армян. Мандельштам, говоря о политике младотурок в отношении армян после аданской резни 1909 г., писал, что уничтожение их продолжалось медленно, но неуклонно[126].

Для покрытия расходов на военные нужды правительство увеличивало налоги с немусульманского населения, особенно военный налог (на 33%)[127]. Для разоренного армянского населения Турции этот налог был чрезвычайно тяжестен.

Одновременно местные власти продолжали поощрять захват турецкими и курдскими феодалами земель армян, что приняло массовый характер во время балканских войн 1912—1913 гг. Российский посол в Стамбуле Гирс тогда сообщил, что «аграрный вопрос обостряется с каждым днем: большинство земель захвачено и захватывается курдами, и власти не толь-

---

[123] Там же, P. 132.

[124] ЦГВИА, ф. 2000, оп. 1, д. 1004, л. 253—254.

[125] Esat Uras, Tarihte Ermeniler ve Ermeni meselesi, Ankara, 1950, s. 575.

[126] Mandelstam, p. 212.

[127] ЦГВИА, ф. 444, д. 23, л. 48—49.

ко не препятствуют, но даже покровительствуют и содействуют этим захватам»[128].

Турецкие чиновники заставляли армян подписывать документы об уступке своих земель мусульманским беженцам (мухаджирам) с Балканского полуострова, надеясь добиться таким путем усиления мусульманского элемента в восточных вилайетах Малой Азии. Турецкие власти беспощадно взыскивали с армянских хозяйств недоимки по налогам. Для погашения их с молотка продавались дома, земельные участки, скот и личное имущество армянских крестьян[129].

Массовая экспроприация армянского крестьянства проходила не так гладко, как этого хотели младотурки. Начавшиеся в связи с этим волнения, охватившие вилайеты Восточной Анатолии, серьезно озаботили Порту. Министр внутренних дел Гази Мухтар осенью 1912 г. констатировал, что «Совет министров, после тщательного изучения вопроса, пришел к заключению, что смута вызвана главным образом земельными спорами»[130].

Окончательное освобождение из-под турецкого ига балканских славян, в результате поражения Турции в первой балканской войне, вселяло в армян надежду на скорое достижение ими национальной независимости. Поэтому армянское население восточных вилайетов усилило борьбу с турецкими поработителями.

Новый подъем национально-освободительного движения армянского народа, как это бывало и прежде, решили использовать в своих целях империалистические державы. В армянском вопросе больше всех была заинтересована царская Россия, издавна стремившаяся расширить свои владения путем присоединения Западной Армении, входившей в состав Турции, к Восточной Армении.

Крайнее ослабление Османской империи в результате ее поражения в итало-турецкой и, особенно, в первой балканской

---

[128] «Реформы в Армении», 26 ноября 1912 г. — 10 мая 1914 г. Сборник дипломатических документов Министерства иностранных дел, Пб. 1915, № 1 (в дальнейшем «Реформы в Армении»).

[129] ЦГИА, ГрузССР, ф. 85с, д. 58, л. 18—20.

[130] АВПР, ф. «Политархив», д. 1044, л. 233.

войне оказалось на руку царизму, надеявшемуся использовать территорию Западной Армении в качестве удобного плацдарма для дальнейшей экспансии на Ближнем Востоке. Кроме того, Западная Армения представляла для России интерес и в экономическом отношении. В торговле с ней в те годы Россия занимала первое место. Этим объяснялось усиленное противодействие царского правительства проникновению европейского капитала в Западную Армению, являвшуюся почти монопольным рынком сбыта русских товаров.

Таковы истоки и корни той исключительной настойчивости, которую проявляла царская дипломатия в армянском вопросе накануне первой мировой войны.

Население Западной Армении, изнывавшее под гнетом турецких ассимиляторов, издавна надеялось на содействие России в деле своего освобождения. В 1913 г. Гирс в одном из своих донесений отмечал, что все армяне без различия партийной принадлежности на стороне России, искренне желают прихода русских войск и реформ под русским контролем[131]. Об этом свидетельствует также послание католикоса всех армян Геворка V, в котором он писал, что, обращаясь к России, как «к исконной защитнице христианских народов на Востоке... умоляет взять под свое покровительство многострадальный армянский народ, живущий в Турецкой Армении»[132].

С аналогичной просьбой Геворк V обратился и к западным державам. Но на эти обращения откликнулось только царское правительство, начавшее через своих дипломатических представителей оказывать давление на младотурецкое правительство.

В Петербурге тогда опасались, что армяне, воспользовавшись слабостью Турции, возьмутся за оружие, что грозило осложнением всего восточного вопроса, которого царизм в тот момент хотел избежать. Кроме того, российское правительство боялось, что успех вооруженного восстания армянского населения Восточной Анатолии может явиться заразительным примером для армян, живущих в Закавказье. Вот почему царские дипломаты отговаривали политических лидеров Западной Ар-

---

131 «Реформы в Армении», № 1.

132 Там же.

мении от подобного рода действий. Так, Гирс в беседе с одним видным деятелем дашнакской партии доктором Завриевым советовал ему, «чтобы в глазах всей Европы армяне остались жертвами турецкого произвола, а не превратились в политических революционеров, желающих воспользоваться турецкими военными неудачами для осуществления своих национальных стремлений. Поэтому армянам не следует задирать турок, ни тем паче поднимать восстание»[133].

Царское правительство не соглашалось на ввод русских войск в Западную Армению, несмотря на многочисленные просьбы армянского населения. Такой шаг поставил бы на повестку дня европейской политики вопрос о разделе Азиатской Турции. Между тем из-за своей неготовности царизм считал тогда несвоевременным обострение восточного вопроса. Поэтому в Петербурге решили ограничиться требованием реформ, облегчающих положение армянского населения Восточной Анатолии. Проект этих реформ был направлен Порте в июле 1913 г. Он был составлен по поручению Гирса первым драгоманом посольства Мандельштамом. Русский проект обсуждался с 3 по 24 июля 1913 г. на совещании представителей шести европейских держав в Стамбуле.

Согласно этому проекту, из шести вилайетов (Эрзерумского, Ванского, Битлисского, Диарбекирского, Харпутского и Сивасского) предусматривалось образовать Армянскую область. Во главе ее должен был стоять генерал-губернатор, назначенный султаном с согласия держав. В компетенцию генерал-губернатора входило назначение и увольнение всех служащих местной администрации и судей. Ему же непосредственно подчинялись полиция и жандармерия. По требованию генерал-губернатора в его распоряжение должны были быть предоставлены вооруженные силы для поддержания в области порядка. Генерал-губернатор мог созывать областное собрание, призванное разрабатывать местные законы. В этом собрании мусульманам и немусульманам предоставлялось одинаковое количество мест. В Армянской области устанавливалось равноправие языков. Все народности, населявшие область, получали свобо-

[133] Там же, № 7.

ду школьного образования. Незаконно отнятые у армян земли должны были быть возвращены им. На территорию области запрещалось вселять мухаджиров. Упразднялась курдская иррегулярная кавалерия «Хамидиэ», долгие годы являвшаяся в руках турецких властей главным орудием физического истребления армянского населения.

На совещании в Стамбуле русский проект реформ натолкнулся на упорное сопротивление представителей стран Тройственного союза, предлагавших положить в основу реформ для Западной Армении турецкий проект, спешно составленный Портой по совету из Берлина. По этому проекту Армения делилась на два сектора, во главе которых ставились генеральные инспектора из иностранцев, назначаемые султаном без санкции держав. При этом сохранялась вся существовавшая организация вилайетов, а инспекторам предоставлялось только право контроля над местными турецкими чиновниками.

По существу турецкий проект сводил на нет реформы, предлагаемые Россией. Положение в Западной Армении должно было оставаться прежним. Статс-секретарь германского ведомства иностранных дел Ягов прямо заявил, что, «приступая к обсуждению преобразований в Армении, необходимо строго придерживаться принципа территориальной целостности Турецкой империи». Этим самым Ягов дал понять, что Германия является противницей усиления позиций России в Малой Азии, куда метили сами германские империалисты.

По мнению германского правительства, если бы русский проект реформ был осуществлен, то из половины Анатолии была бы создана Армения, сохранявшая лишь слабую связь с Турцией. «Было бы трудно отказать другим частям Турции в том, что даровано было бы Армении,— говорилось в памятной записке германского посольства в Петербурге. Такое положение привело бы фактически к началу раздела Турции, чего императорское правительство стремится, безусловно, избежать»[134]. Рядясь в тогу защитника целостности Турции, германское правительство на деле руководствовалось стремлением превратить султанскую империю в свою колонию.

---

134 Там же, № 58.

Если Германия и ее союзники—Австро-Венгрия и Италия—открыто выступали в качестве противников каких-либо реформ в Армении, то Англия и Франция, также не желая усиления влияния России в Малой Азии, делали это тайно. На упомянутом совещании в Стамбуле послы Англии и Франции формально поддерживали русский проект реформ и по существу не отвергали предложений германского посла. Этим и объясняется провал, постигший русский проект.

Оставшись в одиночестве, царская дипломатия вынуждена была пойти на компромисс с германским правительством, выдвинувшим в сентябре 1913 г. новый план реформ в Армении. В основу последнего были положены турецкий и русский проекты реформ. Согласно предложению Германии, Западная Армения должна была быть разделена на два сектора. Первый сектор охватывал районы Трапезунда, Сиваса, Эрзерума, второй — районы Харпута, Битлиса, Вана и Диарбекира. Во главе каждого сектора должен был стоять генеральный инспектор, назначаемый турецким правительством по рекомендации держав. Инспекторам предоставлялось право увольнять и назначать низших чиновников и представлять кандидатуры на посты высших чиновников и судей на утверждение султана. Предусматривалось создание в каждом секторе собраний из равного числа мусульман и христиан и равномерное распределение всех должностей между ними. Европейским державам, через посредство послов в Стамбуле и консулов, предоставлялось право контроля за проведением в жизнь этих реформ.

Рекомендуя указанный проект турецкому правительству, германский посол в Стамбуле Вангенгейм подчеркивал, «что Европа никаких принудительных мер против Турции принимать не желает, и поэтому надлежит предложить последней лишь те реформы, которые она добровольно примет»[135]. Тем самым германское правительство толкало Порту на отказ от принятия даже этого, столь умеренного проекта реформ в Армении.

Турецкое правительство, воспользовавшись поддержкой Германии и пассивностью Англии и Франции, немедленно отклонило основные статьи последнего проекта реформ в Арме-

[135] Там же, № 73.

нии. России пришлось одной вести долгую дипломатическую борьбу с Портой, приведшую к утверждению 26 января 1914 г. реформ, в корне отличавшихся от тех, которые намечались русским проектом. Поверенный в делах в Стамбуле Гулькевич, подписавший с представителем Турции соглашение о реформах в Армении, давая оценку этому акту, писал, что «нужно, конечно, признать, что он не предоставляет армянам тех обширных прав самоуправления, которые хотел обеспечить за ними первоначальный русский проект. Вместо предполагавшегося соединения всех местностей, населенных армянами, в одну провинцию с одним генерал-губернатором во главе пришлось довольствоваться образованием двух секторов под надзором двух генеральных инспекторов и со включением в эти секторы частей вилайетов, населенных исключительно мусульманами»[136].

Согласно русско-турецкому соглашению, генеральные инспектора назначались турецким правительством по рекомендации держав, а Областное собрание в целом для всей Западной Армении не предусматривалось. Полки «Хамидие» не ликвидировались, что предполагалось русским проектом, а должны были быть преобразованы в запасную кавалерию, подчиненную «командирам тех армейских корпусов, в округе которых они находятся»[137]. Тем самым турецкое правительство получало возможность, как это бывало раньше, в любой момент использовать «Хамидие» для организации новой резни армян.

Так как предусмотренные по новому проекту реформы не гарантировали ни личной безопасности армянского населения Турции, ни неприкосновенности его жилищ и сохранения собственности, армяне по-прежнему должны были опасаться новых притеснений и погромов.

Даже те куцые реформы, которые младотурецкое правительство обязалось провести, затягивались под разными предлогами, несмотря на то, что Россия, на которую был возложен общий надзор за их осуществлением, не переставала оказывать давление на Порту. В дальнейшем младотурки, воспользовавшись начавшейся мировой войной, аннулировали соглашение с

136 Там же, № 148.

137 Там же, № 147.

России о реформах в Западной Армении. Более того, они решили окончательно ликвидировать армянский вопрос путем депортации всего армянского населения Восточной Анатолии и сопровождавших ее кровавых экзекуций.

* * *

Свой шовинистический курс в национальном вопросе младотурки проводили и в отношении курдского населения, что, естественно, вызывало резкие протесты. В обстановке младотурецкой революции курдские общественные деятели осенью 1908 г. организовали в Стамбуле клуб, где велась пропаганда, имевшая целью консолидацию курдов и их совместные действия за приобретение политических прав и облегчение своего экономического положения. Такие же клубы были открыты в Багдаде, Мосуле и Диарбекире. В столице стала выходить курдская газета «Kurd Taavun ve terakki gazetesi». В первых ее номерах со статьями выступили видные представители курдского национального движения — Бабан-заде Исмаил Хакки, Саид Хурдин, шейх Кадер и др. Они проповедовали необходимость развития курдского языка, который должен стать основой национального единения курдов, и призывали курдов вместо турецкого языка изучать свой родной язык. Кроме того, курдские лидеры требовали организации отдельных курдских армейских частей.

В первый период после младотурецкой революции общественные деятели курдов и курдская интеллигенция многократно выступали за совместные действия всех подданных Турции, без различия национальной принадлежности. В турецком меджлисе курдские и армянские депутаты по ряду вопросов отстаивали общую точку зрения[138].

В совместных действиях курдов и армян младотурецкое правительство увидело серьезное препятствие в осуществлении своей ассимиляторской политики. В целях разжигания национальной вражды между курдами и армянами младотурецкий

---

[138] Arshak Safrastian, Kurds and Kurdistan, London, 1948, p. 71.

комитет с лета 1909 г. стал посылать своих агентов в районы, населенные курдами и армянами[139].

Младотурецкое правительство резко увеличило старые и одновременно ввело новые налоги. Если раньше курды давали 1 барана из 40, то «в настоящее время,— сообщал военный агент России в Стамбуле,— правительство берет с них по $3^1/_2$ пиастра с барана и 100 пиастров с яйлака, и... теперь решено еще увеличить налоги на 25 процентов...» «Курды решили,— писал он,— бороться против увеличения налогов, отказываются платить налоги и готовятся оказать сопротивление правительству»[140].

Представители России в Турции на протяжении 1913—1914 гг. неоднократно сообщали о курдских восстаниях. Так, в донесении от 2 мая 1913 г. военный агент в Стамбуле отмечал, что в окрестностях Эрзинджана курды стали держать себя вызывающе по отношению к турецким властям: отказались послать в армию новобранцев, прогнали сборщиков налога. В районе Джезире—Мидиате—Редване (Диарбекирский вилайет) курды подняли восстание против турецкого правительства[141].

Общее недовольство населения Малой Азии младотурецким режимом проявилось в крупном восстании курдов, вспыхнувшем в Битлисском вилайете в июле 1913 г. Главной причиной восстания было резкое увеличение налогов для военных целей. Непосредственным поводом к нему послужили требования битлисского вали немедленно уплатить задолженности по налогам и посылки курдских новобранцев в турецкую армию. Местный курдский шейх Саид отказался выполнить эти требования. Тогда вали бросил против непокорного шейха отряд жандармов. На стороне Саида немедленно выступили тысячи курдов, населявшие районы Диарбекира и Вана. Жандармы, даже не столкнувшись с восставшими курдами, разбежались по домам. Повстанцы захватили г. Битлис и установили кон-

---

139 Там же, стр. 71. Об этом же сообщал тогда военный агент России в Стамбуле. См. ЦГВИА, ф. 2000/с, оп. 1, д. 991, л. 427—430.

140 ЦГВИА, ф. 2000/с, оп. 1, д. 991, л. 565—566.

141 Там же, л. 503.

троль над прилегающими к нему районами. Вали Битлиса и все турецкие чиновники бежали из города[142].

По словам очевидца, находившегося в Битлисе австрийского подданного Вольфарта, турецкое командование проявило полнейшую несостоятельность и трусость. Несмотря на то, что в распоряжении турецких войск были орудия и пулеметы, а против них — плохо вооруженные курды, турки потерпели поражение под Битлисом и, в беспорядке отступив в город, заперлись в цитадели, придерживаясь в дальнейшем лишь пассивной обороны[143].

Свидетели этих событий отмечали, что в процессе борьбы с турецкими властями курды и армяне стремились установить контакт в целях организации совместных действий против общего врага. Так, российский вице-консул в Ване Олеферьев сообщал, что представители местных армян имели дружественную встречу с курдским шейхом Сандом. Армяне считали, что можно сговориться с шейхом о совместных выступлениях. Российский вице-консул в Битлисе Ширков также сообщал, что курды, подвластные шейху Бедир-хану, обещали армянам Сиирта и Диарбекира поддержку в борьбе с турецкими властями[144].

Размах восстания курдов в Битлисском вилайете очень встревожил правительственные круги в Стамбуле, что ярко отразилось на страницах официальной печати. Успехи курдского восстания продемонстрировали слабость правительственного аппарата в Восточной Анатолии и эфемерность турецкого влияния среди местного курдского населения.

Для подавления восстания младотурецкое правительство вынуждено было перебросить воинские части из Муша, Диарбекира и Вана. Намного превосходившие силы турецких войск вынудили восставших отступить. В итоге восстание курдов было подавлено. Турецкие власти в течение апреля и мая 1914 г. обрушили на участников восстания свирепые репрессии. Сотни людей были приговорены военными судами к смертной казни.

---

[142] Arshak Safrastian, p. 73.

[143] ЦГВИА. ф. 2000/с, оп. 1, д 991, л. 525.

[144] Там же, л. 417—430.

Руководитель восстания шейх Саид, его сын Сюльхеддин вместе с ближайшими сподвижниками были повешены. Часть курдов, принимавших участие в восстании, была приговорена к каторжным работам, остальные — к тюремному заключению. Курдские деревни, население которых принимало участие в восстании, сравнивались с землей[145]. О зверствах турецких властей свидетельствует приказ, изданный 27 апреля в Муше. Он гласил, что, если до 1 июня 1914 г. лица, осужденные заочно к тюремному заключению, а также дезертиры не отдадут себя в руки властям, то все они будут приговорены к смертной казни. Та же кара грозила и жителям, предоставлявшим «преступникам» убежище. По свидетельству очевидца, эта кровавая расправа с восставшими курдами «произвела сильное впечатление и на турецкую часть населения»[146].

Несмотря на подавление битлисского восстания, положение в Курдистане продолжало оставаться тревожным. Происходили вооруженные выступления курдов и в других районах Восточной Анатолии. Одним из крупнейших было восстание в Акре под руководством шейха Барзана, уже давно переставшего подчиняться турецким властям. К нему примкнуло до 500 курдских сел.

В начале 1914 г. Барзан призвал курдов к отказу от уплаты налогов и выполнения воинской повинности. Для отпора регулярным войскам он собрал около 3 тыс. вооруженных повстанцев.

Тогда турецкое правительство предложило Барзану переселиться в Медину или Мосул, на что он ответил отказом, продолжая энергично готовиться к вооруженному выступлению. 20 марта 1914 г. повстанческие отряды курдов во главе с Барзаном напали на турок на р. Заб. К курдам присоединились местные айсоры. После длительных кровопролитных боев курды были разбиты превосходящими силами противника. Остатки повстанцев вместе с шейхом Барзаном 2 апреля перешли иранскую границу[147].

---

145 ЦГИА ГрузССР, ф. 85, д. 149, л. 63—64.

146 Там же, л. 115.

147 Там же, д. 153, л. 45—50

Восстания курдов явились ярким свидетельством роста их национального самосознания и стремления освободиться от турецкого гнета. Эти выступления возглавлялись шейхами, пытавшимися подчинить их своим узкоклассовым интересам. Тем не менее стремление шейхов к неповиновению турецким властям и к самостоятельности совпадало с борьбой курдских народных масс за освобождение от турецкого национального гнета. Поэтому трудящиеся-курды, не имевшие тогда ни своих политических партий, ни собственных руководителей, шли за шейхами. В них рядовые курды видели противников ненавистных им реакционных порядков, установленных младотурками.

* * *

Младотурецкое правительство проводило шовинистический курс и в арабских провинциях Османской империи, стремясь подавить борьбу арабов за свою независимость.

С приходом младотурок к власти положение арабов стало еще более тяжелым. Чиновники на местах (исключительно турки по национальности), так же как и при Абдул-Хамиде, чинили произвол и беззаконие. Они считали окраинные провинции золотым дном, из которого нужно черпать как можно больше. Одни и те же подати взыскивались по несколько раз разными чиновниками. При этом населению выдавались фальшивые квитанции, которые вскоре объявлялись недействительными. За неуплату налогов продавался принадлежавший арабам-кочевникам скот, вырубались финиковые и кофейные плантации, вытаптывались рисовые поля.

Российский консул в Багдаде в своих донесениях неоднократно сообщал, что арабские племена Месопотамии отказываются платить подати, поэтому турецкие власти зачастую собирают налоги с помощью силы. Так, в конце 1910 г. для сбора налогов с племени Эльбу-Султан под охраной воинского конвоя были посланы сборщики податей. Арабы напали на них, убили и ранили нескольких солдат и жандармов. Для наказания племени Эльбу-Султан турецкое правительство направило кавалерийский полк с двумя орудиями[148].

[148] ЦГВИА, ф. 2000/с, оп. 1, д. 991, л. 117.

В мае 1914 г. конный отряд в составе 150 кавалеристов и 100 жандармов, отправленный из Багдада для сбора налогов в районе Абу-Хунта, конфисковал у племени шамаров 200 верблюдов, у племени Эль-гурзир — 250 баранов и 6 лошадей и у племени Эль-буэч — 60 верблюдов[149].

Весьма часто между сборщиками налогов и арабами происходили кровавые столкновения.

Нелестную известность приобрел тогда Назим-паша, назначенный младотурецким правительством на пост вали и командира корпуса, расположенного в Месопотамии. Он запретил в официальных бумагах употреблять арабский язык, всячески преследовал местную прессу. За малейшую критику властей газеты закрывались, Назим-паша совершенно не считался с решениями административного совета[150]. По поводу деятельности Назим-паши одна арабская газета писала: «До сих пор мы боролись против одного Абдул-Хамида, в настоящее же время имеется много губернаторов, которые ни в чем не уступают ему»[151].

О положении в населенных арабами районах Турции сообщали также представители других стран. Так, находившийся на турецкой службе в Дамаске германский майор фон Хохвехтер в мае 1913 г. писал, что из-за тяжелых условий жизни и произвола турецких властей тысячи людей бегут из Сирии, Ливана, Аравии, Палестины и Месопотамии. В связи с этим в Дамаске сотни семейств лишились мужей и отцов и страдают от нищеты и голода. Во многих округах Сирии и Ливана почти не осталось мужчин. Чтобы избежать призыва в армию и посылки на фронт балканской войны, молодежь уезжала за границу.

Тот же современник отмечал: «Опыт войны показал, как мало заботились о простом солдате и как он умирал от голода во время походов, не дойдя еще до неприятеля; семейства умерших не могли получить никаких сведений об участи своих кормильцев. Население привыкло к мысли, что быть призван-

---

149 Там же, л. 565—566.

150 Там же, л. 135—137.

151 Там же

ным на военную службу — равносильно смертному приговору. Вследствие невыносимого положения в арабских провинциях политическая рознь между арабами и турками все усиливается. Взимать подати и брать новобранцев приходится силой, ибо власти никаким авторитетом не пользуются. Так как жандармских частей недостаточно, то для содействия им призываются постоянно войсковые части...». «Все сходятся на убеждении,— заключал Хохвехтер,—что единственная надежда на улучшение возможна лишь в результате коренного изменения всей системы государственного управления»[152].

Ухудшение положения арабских масс после младотурецкой революции вызвало новый подъем борьбы за национальное освобождение. По свидетельству одного наблюдателя, ранее «арабы были разъединены и боролись друг с другом, и правительству было сравнительно легче усмирить их, теперь же все племена соединились между собой против правительства»[153]. Русский консул в Бейруте Гагарин, характеризуя настроения арабов, писал, что «у всех арабов-мусульман одна только мысль — отделиться от Турции и соединить под флагом Арабского халифата все земли, где говорят по-арабски»[154].

В годы, предшествующие первой мировой войне, во всех арабских провинциях происходили крупные антиправительственные выступления, еще более грозные и упорные, чем это было во времена Абдул-Хамида.

В феврале 1909 г. Йеменский имам Саид Яхья возобновил военные действия против турок. Положение в Йемене неоднократно обсуждалось в турецком меджлисе. На одном из заседаний меджлиса, как писал в своих мемуарах один из руководителей партии «Единение и прогресс» Мевлан Заде Рифат, министр внутренних дел Талаат-паша хвастливо заявил, что восстание в Йемене будет уничтожено в течение трех месяцев. Для достижения своей цели Талаат-паша перебросил из Триполии 18 тыс. солдат в Йемен, оставив там всего 3 тыс., ко-

---

152 ЦГАОР ГрузССР, ф. 4, д. 433, л. 2—7.

153 ЦГВИА, ф. 2000/с, оп. 1, д. 991, л. 135—137.

154 АВПР, ф. «Посольство в Константинополе», д. 2729, л. 246.

торые были почти без оружия[155]. Этим и воспользовалась Италия осенью 1911 г., захватив Триполитанию и Киренаику.

Поражение Турции в итало-турецкой и балканской войнах дало новый толчок борьбе арабов за независимость. Восстание в Йемене разгорелось с еще большей силой.

Взялись за оружие и арабы Мосульского вилайета. Не прекращалась вооруженная борьба в Хиджазе и в Неджде. Восстания арабов принимали все больший размах.

Генеральный консул России в Багдаде Орлов сообщал в апреле 1913 г. содержание нескольких программных документов арабских национальных организаций, призывавших к совместной борьбе с армянами против турецкого гнета в целях достижения децентрализации Османской империи[156].

В результате крупного восстания, вспыхнувшего в апреле 1913 г. в районе Эль-Хаса, турецкие войска вынуждены были очистить его. Этот район был присоединен к владениям эмира Неджда Ибн-Сауда, возглавлявшего антитурецкое движение в центральной части Аравийского полуострова. Теперь, благодаря получению выхода к морю, могущество Ибн-Сауда сильно возросло, усилилось его влияние среди враждебных туркам племен ваххабитов.

В результате этих успехов Ибн-Сауда в Неджде развернулась пропаганда за объединение всех арабов в целях борьбы с общим врагом — султанской Турцией. Главным центром антитурецкого движения стал находящийся в Неджде город Эль-Артавия. По сведениям упомянутого выше Орлова, из этого города во все концы южной Аравии весной 1913 г. были посланы эмиссары Ибн-Сауда, чтобы призвать население к вооруженной борьбе с турецкими властями[157].

В Месопотамии антиправительственной пропагандой среди арабского населения руководили из Багдада особые организации — «Комитет по распространению в отечестве знаний» и «секретный военный комитет». Первый из них, прикрывавшийся

---

[155] *Մեվլան Զադե Րիֆաթ, Օսմանյան հեղափոխությունը և մութ ժայրերը.* (Мевлан-заде Рифат, Османская революция и ее теневые стороны). Перевод с турецкого, Бейрут, 1938, стр. 68—71.

[156] АВПР, ф. «Политархив», д. 363, л. 2—8.

[157] ЦГВИА, ф. 2000/с, оп. 1, л. 991, л. 511—514.

просветительными целями, был связан с арабскими национальными организациями в Сирии и с арабскими комитетами, находившимися в Каире и Париже.

Благодаря деятельности этих комитетов в Месопотамии ширилось требование местной автономии. В целях успокоения населения Месопотамии правительство объявило о намерении в близком будущем провести реформы в арабских вилайетах[158]. Но это обещание осталось невыполненным, в результате чего в начале 1914 г. вспыхнул новый взрыв арабского национального движения, возглавляемого арабской национальной партией децентрализации, находившейся в Каире. В одном из документов, опубликованных этой партией, указывалось, что посулы султанского правительства провести реформы в вилайетах, населенных арабами, остались мертвой буквой, «посему, отмечая неискренность правящих кругов Константинополя и добиваясь возрождения арабской нации в пределах Оттоманской империи, путем дарования провинциям широкого местного самоуправления, арабская партия реформ... призывает всех арабов Сирии, Палестины, Аравии, Европы и Америки обратиться с настойчивыми телеграммами в Константинополь в целях понуждения правительства к безотлагательному проведению обещанных реформ». Арабам предлагалось «теперь же отказаться от уплаты податей турецкому правительству»[159].

В Стамбул стали поступать коллективные телеграммы с требованием скорейшего введения реформ в арабских вилайетах, в частности признания в Месопотамии арабского языка официальным и замены чиновников-турок арабами или лицами, знающими арабский язык. Большой успех имели оппозиционные арабские газеты, которые нарасхват разбирались в кофейнях и других общественных местах.

В ответ на усилившееся движение арабов правительство и комитет партии «Единение и прогресс» стали на путь репрессий. Комитет первым долгом решил обуздать антиправительственную прессу. Несколько редакторов было отдано под суд, а оппозиционные газеты — закрыты[160].

[158] АВПР, ф. «Посольство в Константинополе», д. 1252, л. 53—58.
[159] АВПР, ф. «Политархив», д. 768, л. 148.
[160] АВПР, ф. «Посольство в Константинополе», д. 1253, л. 10—15.

Но младотурки вскоре убедились, что одними репрессивными мерами нельзя подавить национально-освободительную борьбу арабского народа. Поэтому они пытались использовать также и методы дипломатического воздействия. С этой целью правительство в мае 1914 г. начало переговоры с эмиром Неджда Ибн-Саудом. Ему был предложен пост губернатора Неджда. За это Ибн-Сауд должен был согласиться на ввод в Неджд турецких войск, на создание в стране турецкой администрации и на уплату Порте ежегодной дани. Однако переговоры ни к чему не привели, так как Ибн-Сауд отклонил предъявленные ему условия[161].

Итак, накануне первой мировой войны некоторые населенные арабами провинции Османской империи фактически перестали подчиняться младотурецким властям. Арабские народы отвергали реакционные доктрины панисламизма и паноттоманизма и все активнее подымались на борьбу за свое освобождение.

Хотя движением арабских народных масс, как правило, руководили крупные феодалы — вожди племен, поддерживаемые представителями Англии и Франции, тем не менее, борьба арабов против турецкого владычества носила прогрессивный характер, так как расшатывала основы феодально-деспотического строя Османской империи. Почти непрерывные в те годы восстания арабов сковывали значительные силы турецких войск, способствуя этим победе балканских союзников в войне с Турцией в 1912—1913 гг.

* * *

Против реакционного правления партии «Единение и прогресс» выступали не только нетурецкие народы. Значительная часть турецкого населения была также настроена враждебно по отношению к новым вершителям судеб Османской империи.

В существующей литературе этот вопрос почти не освещен, если не считать общих фраз о недовольстве младотурецким режимом внутри страны. Между тем об этом имеются убедительные данные.

---

[161] ЦГИА ГрузССР, ф. 85, д. 149, л. 135—136.

Уже в ноябре 1908 г., т. е. через четыре месяца после победы младотурок, Зиновьев сообщал о том, что ропот против нового режима раздается как в европейских, так и в азиатских областях Турции. «Несмотря на все усилия младотурецких ораторов, разъяснявших блага нового порядка, — писал царский посол,— местное мусульманское население отнеслось к речам их с таким тупым равнодушием, что у ораторов просто опускались руки». Далее Зиновьев сообщал о крупной антиправительственной демонстрации, в которой участвовало до 10 тыс. мусульманских жителей г. Гюмюльджана Адрианопольского вилайета. Демонстранты направились к муниципалитету и громко протестовали против беззаконий, сопровождавших выборы в меджлис, что повлекло избрание лиц, не известных народу. Не ограничившись этим, демонстранты ворвались в здание муниципалитета, избили начальника гарнизона и потребовали смены местных чиновников, назначенных после провозглашения конституции. Для восстановления порядка из Адрианополя в Гюмюльджан были посланы войска[162].

«Партия «Единение и прогресс»,— отмечал генеральный консул в Бейруте 19 июля 1911 г., — не пользуется более никакой популярностью... Среди населения очень сильно недовольство правительством и его местными органами»[163]. Младотурецкая партия все более теряла под собою почву. «Прежнее обаяние после удачно для них проведенной революции,— писал военный агент России в Турции 15 января 1912 г.,— мало-помалу утрачивается под впечатлением испытываемых страною под их режимом несчастий»[164].

Итак, младотурки не разрешили самый насущный вопрос внутренней жизни страны — вопрос о земле, чрезвычайно усилили великодержавную шовинистическую политику, при них усилилась нищета и бедствия народных масс, произвол и лихоимство властей, что вызвало возмущение среди различных слоев турецкого населения.

---

[162] АВПР, ф. «Политархив», д. 1031, л. 48—51.
[163] Там же, д. 412, л. 59—60.
[164] ЦГВИА, ф. 2000/с, оп. 1, д. 991, л. 301—302.

Подобным положением воспользовались оппозиционные младотуркам политические партии, выражавшие интересы самых реакционных групп господствующих классов. В целях дискредитации партии «Единение и прогресс» они развернули энергичную агитацию среди населения и особенно в войсковых частях. Политические противники младотурок указывали, что централизаторский курс, проводимый новым правительством внутри страны, лишь привел к «братоубийственным» столкновениям среди мусульман, и турецкая армия только и занята подавлением восстаний среди собственных единоверцев.

Армия, являвшаяся основной силой, с помощью которой младотурки захватили власть в свои руки, становилась ненадежной. На почве разочарования результатами революции в ней быстро росли антиправительственные настроения.

Видя бессилие и растерянность правительства, командиры, недовольные или обойденные новым режимом, создали так называемую Офицерскую лигу, которая быстро росла. Лозунгом лиги было удаление одного из виднейших лидеров младотурецкой партии — военного министра Махмуда Шевкет-паши и отстранение от власти комитета «Единение и прогресс»[165]. Младотурки вынуждены были летом 1912 г. вывести Махмуда Шевкет-пашу из состава правительства. Но волнения в армии не утихали и после этого. По мере усиления недовольства в стране все смелее выступали против младотурок оппозиционные группировки. Между тем число членов младотурецкой партии редело с каждым днем. Даже многие ее видные приверженцы покидали ряды партии.

Положение партии «Единение и прогресс» стало еще более критическим в связи с неудачами в войне с Италией в 1911—1912 гг. Воспользовавшись ими, в первую очередь утратой последних турецких владений в северной Африке, оппозиционная партия «Свобода и согласие» в июле 1912 г. свергла младотурок. Было образовано новое правительство из представителей этой партии и частично из старых султанских сановников. Но смена кабинета не спасла положение. В обстановке назревания нового вооруженного столкновения с балканскими союзни-

---

165 Там же, л. 321—322.

ками Турция вынуждена была признать свое поражение и отказаться в пользу Италии от Триполитании и Киренаики.

Не успело еще турецкое правительство заключить мирный договор с Италией, как вспыхнула первая балканская война, кончившаяся разгромом османской армии. Турция лишилась почти всех своих владений в Европе. Балканские народы навсегда сбросили с себя турецкое феодальное иго.

Ленин, говоря об освобождении балканских народов, писал, что «сделан великий шаг вперед к разрушению остатков средневековья во всей восточной Европе»[166].

Новое правительство продержалось у власти всего шесть месяцев. Младотурки, воспользовавшись сокрушительными поражениями турецкой армии, показавшими полное банкротство их политических соперников, 23 января 1913 г. совершили государственный переворот. Однако возвращение младотурок к власти не спасло Турцию от поражения в балканской войне. Одряхлевшая, раздираемая глубокими внутренними противоречиями Османская империя не могла устоять в схватке не только с итальянским империализмом, но и в столкновении с небольшими, но обогнавшими ее в своем развитии государствами, какими являлись участники Балканского союза.

Турецкие буржуазные историки видят причины поражения Турции в итало-турецкой и балканской войнах не в гнилости и отсталости ее социально-экономического строя, а в межпартийной борьбе. Так, один из участников младотурецкой революции, впоследствии член партии «Свобода и согласие» Ахмед Бедеви Куран, говоря о причинах разгрома Турции, отмечал, что как триполитанская, так и балканские войны подготавливались еще до младотурецкой революции, но, «будучи увлечены межпартийной борьбой, мы не смогли узнать об организации против нас союза балканских стран. Не осведомленные в мировых событиях иттихадисты были заняты тем, что уничтожали своих противников»[167]. Ахмед Бедеви Куран с особой ненавистью говорит о младотурках, так как он сам находился во враждеб-

---

[166] Ленин В. И., Соч., т. 18, стр. 341.

[167] Ahmed Bedevi Kuran, Inkilâp tarihimiz ve Jön türkler, Istanbul, 1945, s. 308.

ном им лагере и неоднократно подвергался с их стороны репрессиям.

Авторы официальной турецкой истории — «Tarih» — пишут, что наиболее характерным явлением во внутренней жизни страны в период 1908—1914 гг. являлось ослаблявшее ее крайнее обострение борьбы различных партий в меджлисе и других общественных учреждениях[168].

Возвращение младотурок к власти в результате переворота 23 января 1913 г. еще более усилило политические разногласия в армии и вызвало даже прямое неподчинение правительственным распоряжениям отдельных воинских частей. Военный агент России в Стамбуле генерал-майор Леонтьев сообщил летом 1913 г. множество фактов подобного рода.

Так, например, возникали беспорядки в войсках, расположенных на укрепленной Чаталджинской позиции. Солдаты требовали немедленной демобилизации. Начальник генерального штаба Иззет-паша объявил для успокоения, что их требование будет исполнено в ближайшем будущем. Но вслед за тем полевая жандармерия арестовала нескольких офицеров, выражавших недовольство. Это привело к вооруженному сопротивлению, во время которого было убито четыре жандарма.

В июне 1913 г. командиры чаталджинских войск потребовали от военного министерства освобождения арестованных офицеров и привлечения к ответственности виновников убийства военного министра Назим-паши, совершенного во время государственного переворота. Это требование относилось к виднейшим лидерам партии «Единение и прогресс» Энверу и Талаату, непосредственным руководителям событий 23 января 1913 г. «Состояние умов чаталджинской армии,— писал Леонтьев в заключение своего рапорта,— естественно, внушает правительству самые серьезные опасения»[169].

Политику репрессий младотурки особенно усилили после убийства в июне 1913 г. великого визиря Махмуда Шевкет-паши агентами партии «Свобода и согласие». Этот террористический акт явился местью за убийство Назим-паши. Младотурки

---

[168] „Tarih", c. III. Istanbul, 1935, s. 294.

[169] ЦГВИА, ф. 2000/с, оп. 1, д. 715, л. 4—5.

повесили 12 человек, причастных к гибели великого визиря. Были арестованы и высланы многие члены партии «Свобода и согласие».

Жестокие меры, применявшиеся вожаками младотурецкой партии для укрепления своего господства, не могли подавить недовольство в армии. Леонтьев сообщал в сентябре 1913 г., что в войсках очень велико число противников младотурецкого режима и что настроение солдат и офицеров становится для правительства все более опасным[170]. Он же доносил в ноябре 1913 г., что в армии заметно сильное движение против младотурок, «деспотизм коих во многих отношениях сильнее даже абдулхамидовского... Чаша переполняется, и раздор распространяется уже в более глубокие слои населения»[171]. «Младотурки чувствуют,— писал Леонтьев в другом донесении,— что они сильно потеряли симпатии в стране»[172].

В начале 1914 г., тотчас после назначения Энвера военным министром, младотурки произвели решительную чистку офицерского состава армии. На их противников обрушилась новая волна репрессий. «Военный суд,— писал Леонтьев 23 января 1914 г.,—по политическим делам находится в непрерывном действии, причем от времени до времени выносятся и смертные приговоры. Последний такой приговор относится к крупному политическому деятелю Мухтар-бею, сыну бывшего шейх-ульислама. Он казнен, как сказано в официальном объявлении, «за попытку вызвать волнения среди населения путем печатания и распространения брошюр».

В преследовании своих врагов младотурки, по свидетельству русского военного агента, «не склонны сентиментальничать и стесняться какими бы то ни было правовыми или даже международными условностями».

«Нравственный гнет,— читаем далее в этом донесении,— распространяется на все области, в том числе и на прессу, и даже на газеты, в общем расположенные к младотурецкому комитету. Запрещения следуют за запрещениями»[173].

---

170 Там же, л. 18—19.

171 Там же, д. 991, л. 288—289.

172 Там же, л. 321—322.

173 ЦГИА ГурзССР, ф. 85, д. 149, л. 6—7.

К началу 1914 г. в Турции установилась диктатура трех лидеров младотурецкой партии — Энвера, Талаата и Джемаля. Вся полнота власти была сосредоточена в руках этого триумвирата. Ему принадлежало решение всех основных вопросов внутренней и внешней политики государства.

* * *

Резюмируя приведенный материал, следует отметить, что в период перехода капиталистического мира в империалистическую стадию развития Османская империя превратилась в полуколонию западных держав. Ее экономика всецело находилась в руках иностранных предпринимателей.

Османская империя, будучи зависимой страной, в которой господствовал феодально-деспотический режим, не могла свободно развиваться по капиталистическому пути. Но в недрах турецкого феодального общества пустили ростки буржуазные отношения. В конце XIX — начале XX веков появилась турецкая национальная буржуазия, которая повела борьбу как против султанской власти, так и против засилья иностранного капитала.

Первая русская революция 1905—1907 гг. ускорила взрыв буржуазной революции в Турции. Ранее действовавшая изолированно младотурецкая партия «Единение и прогресс» теперь, в обстановке усилившейся антиабсолютистской борьбы, решила для свержения правительства Абдул-Хамида и установления своего господства использовать борьбу национальных меньшинств и турецких народных масс.

В период пребывания младотурок у власти еще более усилилась зависимость Османской империи от иностранного капитала. Значительно окрепли здесь позиции Германии. Немецкие империалисты добились полного преобладания в строительстве железных дорог на Ближнем Востоке. В деле финансирования Турции немецкие банки вышли на второе место после французских. Однако все это не означало, что Османская империя всецело зависела от германского империализма.

Младотурки, придя к власти в результате победы революции 1908—1909 гг., отказались от ранее данных обещаний — предоставить национальным меньшинствам равноправие и не-

которые автономные права. Младотурецкое правительство с первых же дней своего существования стало на путь традиционной политики насильственного отуречивания всех народов, населявших Османскую империю. Она проводилась младотурками под реакционными лозунгами панисламизма и пантюркизма. С помощью этих шовинистических, религиозных и расовых доктрин младотурки стремились разъединить народы, которые боролись против турецкого ига, посеять между ними вражду, отвлечь турецких трудящихся от классовой борьбы и одновременно натравить их на многочисленные национальные меньшинства Османской империи.

Великодержавная политика младотурецкого правительства в конечном итоге потерпела провал, о чем ярко свидетельствовало усилившееся в 1909—1914 гг. национально-освободительное движение арабов, курдов, армян и др. Как обычно, империалистические державы использовали освободительную борьбу нетурецких народов для упрочения своих позиций в окраинных провинциях Османской империи.

Если в отношении мусульманских народов младотурки вели ассимиляторский курс, то в отношении христианского населения страны они придерживались политики прямого физического уничтожения, которая, естественно, вызывала отпор со стороны армян, македонцев и греков.

Сильное недовольство младотурецким режимом проявилось и в широких слоях турецкого народа, даже в армии, что сказалось и на результатах триполитанской и балканских войн. Чтобы возместить понесенные в этих войнах территориальные потери завоеваниями на Востоке, младотурецкая клика стала усиленно готовиться к реваншу. Эта подготовка проводилась под флагом панисламизма и пантюркизма. С помощью реакционных теорий младотурки пытались идеологически обосновать свои завоевательные планы, в первую очередь направленные к захвату Закавказья.

«Мы,— сказано в заявлении комитета «Единение и прогресс»,— должны желать новых приобретений и компенсаций на Востоке, в сторону Арарата...»[174].

---

[174] ЦГВИА, ф. 2000, оп. 1, д. 991, л. 143.

ГЛАВА II

МЛАДОТУРЕЦКАЯ АГЕНТУРА В ЗАКАВКАЗЬЕ НАКАНУНЕ ВОЙНЫ

Выше отмечалось, что в основе националистической внутренней политики младотурок лежали теории пантюркизма и панисламизма. Младотурецкие лидеры использовали эти реакционные доктрины и в области внешней политики для прикрытия своих агрессивных планов в отношении тюркоязычных и исповедующих ислам народов.

Пантюркисты и панисламисты пытались обосновать, что среди тюркских и мусульманских народов турки — самые передовые. По словам пантюркистов, «турки составляют высшую расу, потому что они «храбрее», «ученее» и «способнее» всех других наций. В то же время пантюркисты старались внушить ненависть и презрение к другим народам. Они утверждали, что «ненависть — полезный источник силы для нации, а месть — двигатель этой силы... Великие дела творит только ненавидящая и мстящая нация». Поэтому нынешнее поколение турок должно «передать чувство мести следующему поколению... Турок не отделим от чувства мести — оно средство достижения национального единства и осуществления национальных целей. Вот почему молодежь следует воспитывать в духе мести и ненависти»[1]. Вся эта галиматья проповедовалась с целью оправдания агрессивных планов турецкой реакции в отношении других народов.

Пантюркисты и панисламисты видели в войне единственное средство для достижения своих великодержавных целей. Они пропагандировали ее как необходимый элемент существования турецкой нации. Так, видный идеолог младотурок Зия

[1] Цит. по статье: А. Х. Бабаходжаев, Пантюркизм — орудие идеологической диверсии империализма, «Труды Института востоковедения АН Узбекской ССР», в. II, Ташкент, 1954, стр. 25.

Гекальп провозглашал: «Все турки — одна армия». Создание Турана он считал возможным лишь в результате целой эпохи войн, невиданных по своему масштабу и кровопролитию, некоей эры чингизиады (Jeniçingizlik). По словам Текин Альпа, «Великий Туран» будет создан «огнем и мечом»[2]. Вслед за ним другие турецкие расисты провозглашали: «Нация растет во время войны», «Борьба рас неизбежна. Для блага нашей расы нам придется долго воевать». «Для самого маленького блага нашей нации можно принести в жертву интересы всего мира. Не думайте о человечестве, что нам до него...».

Подобные высказывания идеологов панисламизма-пантюркизма Текин Альпа, Зия Гекальпа, Джелаль Нури, Акчура-оглу Юсуфа, Ахмеда Агаева и других достаточно ярко свидетельствуют о чудовищном мракобесии турецких реакционеров.

Младотурецкие идеологи считали, что абстрактные и утопические идеалы национализма не смогут увлечь за собой «отсталые и темные» массы трудящихся, гораздо удобнее добиваться этого под религиозным флагом[3]. Поэтому лидеры партии «Единение и прогресс» в своей шовинистической агитации и пропаганде широко пользовались лозунгами панисламизма. Под религиозным объединением панисламисты подразумевали политическое объединение мусульманских и тюркоязычных народов под главенством турок. Искусственно возвышая роль турок, панисламисты стремились, во-первых, оправдать турецкое господство над мусульманскими народами Османской империи и, во-вторых, обосновать право завоевания территории тюркоязычных и исповедовавших ислам народов.

Накануне первой мировой войны панисламистская и пантюркистская пропаганда приняла широчайший размах, особенно на страницах крупнейших органов столичной и провинциальной печати. Ее активно поддерживал и рупор германского посольства в Стамбуле газета «Османише ллойд». В связи с этим российский посол Чарыков в 1912 г. заявил турецкому правительству протест против курса, которого при-

[2] Цит. по статье: А. С. Тверетинова, Младотурки и пантюркизм, «Краткие сообщения Института востоковедения, XXII», стр. 68—69.

[3] Ryan, Sira, The Last of Dragomans, London, 1951, p. 89.

Выше отмечалось, что в основе националистической внутренней политики младотурок лежали теории пантюркизма и панисламизма. Младотурецкие лидеры использовали эти реакционные доктрины и в области внешней политики для прикрытия своих агрессивных планов в отношении тюркоязычных и исповедующих ислам народов.

Пантюркисты и панисламисты пытались обосновать, что среди тюркских и мусульманских народов турки — самые передовые. По словам пантюркистов, «турки составляют высшую расу, потому что они «храбрее», «ученее» и «способнее» всех других наций. В то же время пантюркисты старались внушить ненависть и презрение к другим народам. Они утверждали, что «ненависть — полезный источник силы для нации, а месть — двигатель этой силы... Великие дела творит только ненавидящая и мстящая нация». Поэтому нынешнее поколение турок должно «передать чувство мести следующему поколению... Турок не отделим от чувства мести — оно средство достижения национального единства и осуществления национальных целей. Вот почему молодежь следует воспитывать в духе мести и ненависти»[1]. Вся эта галиматья проповедовалась с целью оправдания агрессивных планов турецкой реакции в отношении других народов.

Пантюркисты и панисламисты видели в войне единственное средство для достижения своих великодержавных целей. Они пропагандировали ее как необходимый элемент существования турецкой нации. Так, видный идеолог младотурок Зия

[1] Цит. по статье: А. Х. Бабаходжаев, Пантюркизм — орудие идеологической диверсии империализма, «Труды Института востоковедения АН Узбекской ССР», в. II, Ташкент, 1954, стр. 25.

Германские империалисты прикрывали свои захватнические замыслы на Востоке и стремление к переделу мира «защитой» исповедующих ислам народов Российской империи и многомиллионного мусульманского населения английских и французских колоний.

«Пантюркизм,— говорил в своем докладе делегат IV конгресса Коминтерна Джевад,— влек за собой непременный конфликт между Турцией и Россией, в то время как панисламизм создал острые противоречия между нею (т. е. Турцией.—*Е. С.*) и английским и французским империализмом»[9].

Младотурецкая пресса открыто призывала к войне против России. Так, в одном из февральских номеров 1910 г. газета «Жён тюрк» отмечала, что «нация никогда не согласится окончательно отказаться от того, что ей принадлежало, от тех оттоманских земель, которые были покорены кровью наших предков и потеряны нашей родиной»[10]. Газета «Силях» (май, 1911 г.) прямо призывала к войне с Россией: «Мы пожертвуем всеми батальонами Анатолии, чтобы сокрушить Россию. Оттоманизм торжествует... Русские — наши враги со времени зарождения ислама»[11].

Эти призывы свидетельствуют о наличии у младотурецкого правительства еще в 1910 г. захватнических планов в отношении России. Об этих планах говорил один из членов комитета «Единение и прогресс» г. Вана: «Политика Турции должна состоять в том, чтобы создать в Малой Азии могущественную державу... Турция может мечтать о даровании федеративного и автономного управления не только Закавказью, но и местностям, лежащим далеко к северу от Кавказского хребта и граничащим с Доном и Волгой... За эту естественную черту русские должны быть отброшены»[12].

---

[9] Архив Груз. филиала ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 11, д. 29, л. 402—405.

[10] ЦГВИА, ф. 2000, оп. 1, д. 991, л. 6.

[11] Там же, л. 246.

[12] Там же, л. 228. Этот документ использовал Ю. М. Марунов в статье «Пантюркизм и панисламизм младотурок (1908—1918)», «Краткие сообщения Института народов Азии», XLV, Международные вопросы, Арабские страны. М., 1961, стр. 48.

Младотурки, готовясь к осуществлению своих великодержавных захватнических планов, усиленно засылали в населенные мусульманами районы России агентов и шпионов, преимущественно из числа духовных лиц и офицеров. Одним из главных объектов этой подрывной деятельности младотурецкой агентуры являлось Закавказье.

В записке о панисламизме, составленной в Петербурге накануне первой мировой войны, подчеркивалось, что главное внимание панисламисты обращают на Кавказ, а затем на Иран, внутреннюю Россию, Афганистан, Индию, Китай, Египет и северную Африку.

«Южный Кавказ,— говорится в этом документе,— явится очень важным центром, через который можно действовать на всю Среднюю Азию, Китай... Пропаганде панисламистских идей именно среди наших мусульман младотурки придают первостепенное для Турции значение»[13]. Всей этой панисламистской и пантюркистской деятельностью, направленной в основном против России, непосредственно руководил комитет партии «Единение и прогресс», унаследовавший многие традиции абдулхамидовского режима.

В целях развертывания пантюркистской и панисламистской пропаганды партия «Единение и прогресс» в 1913 г. на одном из своих секретных заседаний решила, помимо существовавшего Учредительного комитета панисламизма, организовать ряд местных комитетов. Семь из них предполагалось учредить в пределах России[14]. Эти комитеты были секретно созданы в районах, где концентрировалось мусульманское население,— в Закавказье, Северном Кавказе, Средней Азии и в Крыму. В то время они были организованы в Тифлисе, Баку, Дербенте, Нухе и местечке Ахты Самурского округа Дагестанской области. В Гекчае, Агдаше и на станции Кюрдамир были образованы отделения комитетов. Комитеты занимались распространением нелегально завезенной из Турции панисламистской и пантюркистской литературы, вербовали агентов среди местного мусульманского населения.

---

[13] ЦГИАМ, ф. 102, оп. 15, д. 74, л. 109—120.

[14] Там же, д. 34, л. 119.

Учредительный комитет панисламизма, получавший крупные денежные средства от партии «Единение и прогресс» и из секретных правительственных фондов, щедро субсидировал свои органы на местах для ведения протурецкой пропаганды и организации всевозможных антирусских действий.

В целях усиления этой диверсионной деятельности младотурецкое правительство подчинило Учредительному комитету панисламизма находившиеся в Закавказье турецкие консульские учреждения[15].

Для пропаганды идей панисламизма и пантюркизма среди мусульманских народов Кавказа младотурки и их покровители — немецкие империалисты — широко использовали реакционную верхушку азербайджанских, черкесских, чеченских, дагестанских и других беженцев, эмигрировавших в Турцию после подавления движения под руководством Шамиля и поражения восстаний в Чечне и Дагестане в 1878—1879 гг. Многие из них занимали видное положение в государственном аппарате Османской империи и крупные командные посты в турецкой армии[16].

Пантюркистское движение поддерживали деятели азербайджанской буржуазно-националистической партии «Мусават», а также лидеры дагестанских националистов и различных других буржуазных группировок народностей Северного Кавказа[17].

С турецкими панисламистами был связан, еще до прихода младотурок к власти, один из идеологов панисламизма — уроженец Нагорного Карабаха Ахмед Агаев. Он издавал в Баку на средства азербайджанского миллионера Тагиева газету панисламистского направления. В годы первой русской революции Агаев эмигрировал в Стамбул и возглавил там, вместе с другим выходцем из Азербайджана Махмудом Эмином, пантюркистское течение в партии «Единение и прогресс». К ним примкнул эмигрировавший из России Юсуф Акчура, турецкий шпион и бывший секретарь издававшейся в Казани на та-

[15] ЦГИАМ, ф. 102, оп. 15, д. 74, л. 109—120.

[16] См. Н. Эмиров, Установление Советской власти в Дагестане и борьба с германо-турецкими интервентами, М., 1949, стр. 83.

[17] Там же.

тарском языке газеты «Казанский вестник». Юсуф Акчура долгое время состоял в переписке с панисламистами, проживавшими в Египте и Стамбуле[18].

Перебравшись в Турцию, Ахмед Агаев, Юсуф Акчура и другие эмигранты из России организовали в Стамбуле «Русское мусульманское общество», через которое установили постоянную связь с пантюркистской агентурой в Закавказье и с их помощью руководили сбором шпионских сведений среди местного населения[19].

На Северном Кавказе панисламистов и пантюркистов возглавили буржуазные националисты Меджмеддин Гоцинский и Узун-Гаджи Салтынский.

Основным центром панисламистской и пантюркистской пропаганды в Закавказье был Баку. В записке о распространении идей пантюркизма, составленной в 1913 г. в канцелярии наместника на Кавказе, отмечалось, что «Баку — центр закавказского мусульманства — является очагом явной пропаганды панисламистских учений через местную татарскую прессу. Целый ряд издающихся там газет ведет на своих страницах откровенную проповедь панисламизма... В этом направлении работали известные мусульманские публицисты, как-то: Гаспринский, Девлят-Кильдеев, Баязидов, в особенности два мусульманских органа — издающийся в Баку «Каспий» и «Таржуман» («Переводчик») — в Крыму. Обе эти газеты пропагандировали объединение всех русских мусульман на почве панисламизма».

В этом же документе сообщалось, что в Баку появилась на русском и татарском языках прокламация от имени «Мусульманского общества», призывавшая к единению народов Закавказья, исповедующих ислам[20].

Создание турецкой агентурной сети на Кавказе было начато еще при Абдул-Хамиде[21], но особенно широкий размах

---

[18] ЦГИАЛ, ф. 821, оп. 133, д. 469, л. 1.

[19] Там же, д. 472, л. 204, 207.

[20] Там же, д. 469, л. 331.

[21] Так, Зиновьев сообщал 9. X. 1905 г., что в Севастополь, Одессу и Баку выехали турецкие эмиссары, «посланные с целью агитации среди кавказских мусульман» (АВПР, ф. Политархив, д. 1020, л. 261).

ее деятельность приняла после прихода к власти младотурок[22].

Многочисленные документы свидетельствуют о засылке младотурками в Закавказье и на Северный Кавказ опытных пантюркистских и панисламистских эмиссаров. Они проникали в Россию под видом купцов и паломников, миссионеров и ученых. Так, в одном донесении, относящемся к 1910 г., указывалось, что под видом богомольцев, возвращающихся из Мекки в Закавказье, туда отправлено «несколько десятков начитанных и преданных новым идеям ходжей для проповеди среди мусульман солидарности всего мусульманского мира в противовес христианскому»[23].

Разведывательный отдел штаба Кавказского военного округа в 1909—1914 гг. неоднократно сообщал о переброске пантюркистских пропагандистов-шпионов для подготовки мусульманского населения к выступлениям против местных властей. В одном из подобных донесений, датированном 15 ноября 1911 г., указывалось, что из Эрзерума выехало 12 переодетых офицеров. «Все они, — говорилось в документе,— отправились в качестве эмиссаров в Закавказье и другие области Кавказа с мусульманским населением с целью подготовить, на случай войны с Россией, в наших пределах восстания. Другая такая же партия турецких эмиссаров отправилась из Трапезунда в Батумскую область»[24].

Созданные в Закавказье центры пантюркистской пропаганды занимались одновременно активной шпионской деятельностью. Одним из таких центров являлось турецко-иранское «благотворительное товарищество», организованное в Тифлисе по указанию из Стамбула. Во главе этого «товарищества» стоял опытный провокатор пантюркист Ахунд-Гасан-Молла-заде. «Благотворительное товарищество» имело свои филиалы в Баку, Эривани, Гандже и Батуме и содержало обширную сеть агентов, через которых собирало сведения для турецкого генерального штаба. Агенты разъезжали по Закавказью под

---

[22] ЦГИАЛ, ф. 821, оп. 133, д. 469, л. 3.

[23] Там же, л. 5—6.

[24] ЦГВИА, ф. 2000, оп. 1, д. 3827, л. 435—436.

видом мусульманских артистов[25]. Шпионажем в пользу Турции занимались другие мусульманские «благотворительные» и «духовные» общества, находившиеся в Баку, Батуме, Тифлисе и прочих городах Закавказья.

Пробравшись из Турции в Закавказье, пантюркисты старались завербовать сторонников среди мусульманского духовенства и интеллигенции, а также среди владельцев гостиниц, ресторанов, кафе, чайхане и пр. Приведем несколько примеров.

Пантюркистской деятельностью занимались владельцы тифлисской типографии «Шарк» Исмаил Саму-оглы Гасан-заде и Мамед Али Машади Таги[26]. Проживавшие в Батуме турецкие подданные — содержатель кофейни Амир Лютфи и парикмахер Хасан Ибрагим—были ярыми пантюркистами и подозревались в шпионаже[27].

В начале 1914 г. в Батуме под руководством турецкого консула был создан кружок, поставивший своей целью развертывание пантюркистской пропаганды среди мусульманского населения. Она велась в батумских кофейнях, принадлежавших подданным Турции[28]. В других городах Закавказья — Тифлисе, Карсе, где имелись турецкие консульства, последние также устанавливали тесную связь с местными пантюркистами и направляли их деятельность.

Большое внимание уделяли пантюркисты и панисламисты пропаганде своих реакционных идей среди учащихся. В некоторых школах Баку, Елизаветполя и Тифлиса учеников заставляли выучивать панисламистские гимны и песни. Учителя-пантюркисты распространяли в учебных заведениях литературу антирусского содержания. Этим, например, занимались преподаватель школы в Елизаветполе Мирза-Гусейн-

---

[25] Архив Азербайджанского филиала ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 58, д. 32, л. 59—60.

[26] Там же, д. 80, л. 8—8об.

[27] ЦГИА ГрузССР, ф. 85, оп. 1, д. 155, л. 3.

[28] Там же, л. 25.

Раффи-заде[29] и упоминавшийся выше глава тифлисских пантюркистов Ахунд-Гасан-Молла-заде. В училище «Иттифак», попечителем которого он являлся, обучение проходило по учебникам, присланным из Турции и проникнутым пантюркистским содержанием»[30].

Так, в одном из учебников — «Эдиб» — были напечатаны куплеты, обвиняющие русских в «жестокости», якобы явившейся причиной упадка Турции. В нем же всячески прославлялись «подвиги» младотурецких вожаков Энвера и Ниязи и подробно описывалась деятельность панисламистов в Турции[31].

Стремление турецкой агентуры подчинить мусульманскую молодежь в России своему влиянию и воспитать ее в антирусском духе, естественно, привлекло внимание царских властей. Записка министерства внутренних дел России «О мерах противодействия панисламистскому и пантюркистскому влиянию среди мусульманского населения», составленная в январе 1911 г., констатирует, что «под влиянием внутренних и внешних событий... движение в русском мусульманстве, руководимое из Турции переселившимися туда нашими подданными преимущественно из татар, опирающимися на своих единомышленников в России, приняло за последнее время особенно интенсивный и даже угрожающий историческим задачам русской государственности характер»[32].

Беспокойство кавказских властей возросло после итало-турецкой и балканских войн, когда еще более усилилась панисламистская и пантюркистская пропаганда в Закавказье и других областях России, населенных мусульманами. В связи с этим наместник Кавказа Воронцов-Дашков, отвечая на запрос МИД о целесообразности учреждения в Баку турецкого консульства, заявил, что «мера эта, в сущности, равносильна устройству в Баку — в этом центре исламизма на Кавказе — официально турецкого шпионажа».

---

[29] Архив Азербайджанского филиала ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 58, д. 80, л. 12—12 об.

[30] Там же.

[31] Там же.

[32] ЦГИАЛ, ф. 821, оп. 133, л. 472, л. 92.

«Консульство,— писал далее Воронцов-Дашков,— явится средоточием турецкой политической пропаганды и панисламистского движения в мусульманских провинциях Кавказа, где в настоящее время наблюдается усиленная пропаганда идей панисламизма, восстанавливающей перед духовными взорами мусульман великое прошлое ислама и обольщающей их надеждами на возрождение былого могущества мусульманских народов под сенью обновленной Турции. Вместе с этим тайные турецкие эмиссары возбуждают мусульманское население Кавказа против России и поддерживают против нас агитацию, стремясь использовать с этой целью агрессивные замыслы панисламистов...», мечтающих «вернуть себе Кавказ и все отторгнутые у них Россией области»[33].

О развертывании деятельности панисламистской и пантюркистской агентуры в России и, в частности, в Закавказье говорится также в циркуляре министерства внутренних дел России от 28 октября 1913 г. Он указывает кавказским властям на необходимость неослабного наблюдения за перешедшими из Турции лицами и призывает «обратить особое внимание на издающиеся в пределах... губернии или распространяющиеся в ее пределах мусульманские журналы и газеты, а равно и принять все зависящие... меры к безусловному недопущению среди мусульманского населения агитации в пользу Турции, носящей характер панисламистского движения»[34].

О том, что это предупреждение было вполне основательным, говорят документы, попавшие в руки кавказских властей. Так, воззвание, сфабрикованное в Стамбуле, призывало «мусульманских единоверцев» России к объединению с турками. В нем говорилось: «Мы должны сплотиться и бороться, мы должны жертвовать не только имуществом, но и жизнью для поднятия престижа Турции. Во всех несчастиях, пережитых мусульманским миром, виновато деспотическое правительство России... В России с мусульманами обращаются как с неодушевленными предметами... мусульмане, которые имеют самолюбие и национальное самосознание, должны подняться на за-

33 ЦГВИА, ф. 2000/с, оп. 1, д. 991, л. 163—165.
34 ЦГАОР АзССР, ф. 498, оп. 1, д. 806, л. 58.

щиту своей религии и нации, не жалея не только своего имущества, но и своей жизни. К этому нас в настоящее время призывает и Коран». Далее воззвание взваливало на Россию ответственность за поражения, которые терпела Османская империя в балканской войне: «Весь мир знает, что с Турцией воюют не балканские державы. Все эти бедствия, несчастия обрушиваются на Турцию со стороны врага всего человечества и мусульманства — России»[35].

Такой же характер носило другое обращение к мусульманам России, составленное комитетом партии «Единение и прогресс» во время балканских войн. В нем содержались человеконенавистнические призывы к истреблению всех «неверных» — «кяфиров».

Как видно из этого документа, правящая младотурецкая клика пыталась изобразить балканские войны как якобы направленные против всех мусульманских народов[36]. Путем разжигания религиозного фанатизма младотурки стремились добиться поддержки мусульманских народов всего мира, чтобы сохранить свою деспотическую власть над народами Балканского полуострова. Упомянутое воззвание в огромном числе экземпляров было послано в Закавказье, Среднюю Азию, Индию, Египет, Алжир, Марокко и Афганистан.

В период, непосредственно предшествовавший мировой войне, правящие круги Стамбула ориентировали агентуру, засланную ими на Кавказ, на прямую подготовку вооруженных выступлений в тылу русской армии. Приближавшаяся угроза войны вызвала усиление шпионской деятельности турецких эмиссаров в Закавказье. Многочисленные факты подтверждают это.

Так, бывший эрзерумский проповедник Ахмед Эхсан эффенди, по прозвищу Араб Ходжа, произносивший в мечетях зажигательные речи против России, перебрался летом 1913 г. в Баку, где занимался агитацией среди мусульман. По мнению российского консула в Эрзеруме Адамова, тесная связь Араб

---

[35] Архив Азербайджанского филиала ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 58, д. 32, л. 123.

[36] Там же, ф. 53, д. 238, л. 151.

Ходжи с эрзерумскими военными властями дает основание думать, что он был послан в Закавказье для выполнения специальных шпионских заданий[37].

В августе 1913 г. в Карс, Эривань и Тифлис в целях военного шпионажа были направлены переодетыми в курдские костюмы офицеры турецкого генерального штаба — капитан (юзбаши) Махмуд эфенди и поручик (мулязим) Риза эфенди[38]. В марте 1914 г. через русскую границу в одежде лазов перебрались в Карс турецкие шпионы — кадровые офицеры капитан Исмаил Джеляль-бей и поручик Халил эфенди, а в мае того же года на Кавказ были переправлены офицеры генерального штаба Исмаил Хакки и поручик Ибрагим Эдхем[39]. В Карсе они должны были встретиться с турецким консулом[40].

В начале 1914 г. эрзерумская организация партии «Единение и прогресс» послала на Кавказ для сбора среди мусульман пожертвований в пользу турецкого флота неких Абдуррахима эфенди и Ибрагима эфенди. С этой целью они разъезжали по мусульманским селениям под видом скупщиков баранов, выполняя одновременно шпионские функции. Собранные сведения и деньги переправлялись в Эрзерум через турецких консулов в Карсе и Тифлисе[41].

Тогда же с упомянутыми выше лицами в Закавказье выехал крупный чиновник Тахир-бей, считавшийся одним из столпов младотурецкой партии в эрзерумском вилайете. Турецкие агенты разъезжали по городам и селам Закавказья и вели среди мусульманского населения протурецкую пропаганду. В частности, они убеждали мусаватистов подготовить в Азербайджане антирусские выступления.

Во время пребывания в Сарыкамыше, Карсе и Тифлисе Тахир-бей останавливался в турецких консульствах, где и встречался с представителями местного мусульманского на-

37 ЦГАОР АзССР, ф. 498, оп. 1, д. 923, л. 88.
38 Там же, л. 106.
39 Там же, д. 577, л. 68.
40 ЦГВИА, ф. 2000, д. 3792, оп. 1, л. 58.
41 ЦГИА ГрузССР, ф. 2с, д. 3265, л. 6.

селения[42]. На результатах его миссии мы еще остановимся ниже.

В апреле 1914 г. в Карс и Тифлис проник турецкий шпион Селим Пулад. Он вернулся в Турцию в конце того же месяца и, по сведениям консула России в Эрзеруме Адамова, «привез с собой планы всех крепостных укреплений, фортов, казарменных помещений, разных построек для военных целей, шоссейных дорог и т. д., находящихся в районе Александрополя, Карса и Сарыкамыша. Планы эти были доставлены карскому турецкому консулу карсским жителем из мусульман, неким Асиф-беем»[43].

Тот же Адамов в мае 1914 г. сообщал, что младотурки направили в Карсскую область для ведения антирусской пропаганды жителей Эрзерума Сабри-бея и Ибрагима эфенди Дальзаде[44].

С поддельным русским паспортом на имя Хусейна Керамова накануне войны приехал в Россию член комитета партии «Единение и прогресс» известный панисламист Мохаммед Рахим-бей. На него было возложено распространение среди мусульманского населения религиозного послания — фетвы — главы турецкого духовенства шейх-уль-ислама[45].

Засылаемые турецкими властями шпионы снабжались крупными денежными средствами для вербовки агентов из реакционных слоев мусульманского населения Закавказья и в целях подготовки вооруженных выступлений. Незадолго до вступления Турции в войну Гирс телеграфировал, что из Эрзерума в Закавказье выехали бывший правитель Табриза Эмир Хишмал с четырьмя братьями и его помощник Мирза ага Багури, которым турецкое правительство выдало большие суммы и поручило поднять восстание в Азербайджане[46].

Младотурки через своих агентов усиленно распространяли прокламации, особенно в Батумской области и Аджарии, граничащих с Турцией. В них содержались призывы к вос-

---

[42] ЦГАОР АзССР, ф. 498, оп. 1, д. 977, л. 30—32.
[43] ЦГВИА, ф. 2000, оп. 1, д. 3792, л. 58.
[44] ЦГИА ГрузССР, ф. 20, д. 3265, л. 100.
[45] ЦГИАМ, ф. 102, оп. 15, д. 74, л. 89.
[46] ЦГВИА, ф. 2000, оп. 1, д. 3750, л. 75.

станию против господства России и к борьбе за присоединение этих районов к Османской империи[47].

Подобного рода турецкие документы часто обнаруживались в Аджарии у лиц, подозреваемых в пантюркистской пропаганде. Так, на чердаке дома аджарца Сулеймана Цителадзе было найдено большое количество прокламаций на турецком языке, обращенных к жителям Аджарии. В них вся вина за развязывание мировой войны возлагалась на Россию и одновременно благославлялась победа германского оружия[48].

Приведенные факты свидетельствуют о том, что младотурки в своей антирусской политике возлагали большие надежды на кавказских мусульман. В Стамбуле надеялись, что массовое восстание в тылу русской армии облегчит турецким войскам вторжение в Закавказье, а затем и захват всего Кавказа.

Однако турецкая агентура не могла заставить мусульманские народы Кавказа сойти с того правильного пути, на котором они в течение веков находились. Трудящиеся-мусульмане, несмотря на проводившуюся царизмом политику колониального угнетения, связали свою судьбу с Россией, где существовали более передовые, по сравнению с Турцией, социально-экономические условия. Они не поддались фальшивым доводам пантюркистских и панисламистских мракобесов, стремившихся оторвать Закавказье от России и включить его в состав отсталой, полуфеодальной Османской империи. Народы Закавказья были издавна хорошо знакомы с кровавой ассимиляторской политикой султанских властей.

Царские чиновники не раз отмечали провал пантюркистской и панисламистской пропаганды на Кавказе. По утверждению бакинского градоначальника, деятельность панисламистов «с целью возбуждения интереса магометан Закавказья к Турции и поддержания ее нравственно и материально, не имела никакого успеха»[49].

---

[47] ЦГИА ГрузССР, ф. 2с, д. 3265, л. 90—91.
[48] Там же, л. 89
[49] ЦГАОР АзССР, ф. 498, оп. 1, д. 806, л. 60.

Еще более убедительное свидетельство содержится в отчете наместника Кавказа, опубликованном в 1913 г. В нем указывалось: «К нашему счастью, никаких сепаратистских идей в мусульманской... массе возникнуть не может, почему и отдельные попытки проповеди панисламизма и пантюркизма никакого успеха на Кавказе не имеют. Доказательством этого, между прочим, является совершенно хладнокровное отношение кавказских мусульман к последним событиям на Балканском полуострове»[50].

Ереванское губернское жандармское управление сообщало в апреле 1914 г., что местное мусульманское население не только не сочувствует младотуркам, но враждебно настроено по отношению к господствующему в Турции новому режиму. В этом же документе указывалось, что миссия упомянутого выше младотурецкого эмиссара Тахир-бея, имевшая целью «приобрести агентов в Закавказье для ведения панисламистской пропаганды среди местных мусульман, а также и для освещения наших правительственных мероприятий, потерпела полную неудачу»[51].

В сведениях, поступавших из Эрзерума, также отмечалось, что мусульманское население Закавказья сторонится пантюркистской агитации и не вмешивается в политику[52].

Сами панисламисты вынуждены были признать безуспешность своей подрывной деятельности среди мусульманского населения Кавказа. В одном донесении от 4 мая 1914 г., составленном в Петербурге, в департаменте полиции, сообщалось, что эмиссары, посланные панисламистским комитетом во все мусульманские страны, а также и в Россию для выяснения причин неудачи панисламистской агитации, пришли к заключению, что «низшие слои» мусульманского населения не проявляют к Турции никакой симпатии[53].

---

[50] Всеподданнейший отчет за восемь лет управления Кавказом генерал-адъютанта графа Воронцова-Дашкова. СПб, 1913, стр. 9—10.

[51] ЦГИА ГрузССР, ф. 2с, д. 3265, л. 55.

[52] Архив Армянского филиала ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 33, д. 392, л. 1—2.

[53] ЦГИА, ф. 102, оп. 15, д. 74, л. 106.

О том же сообщал доклад из Стамбула, в котором подчеркивалось, что «турецкие панисламисты жалуются на полное бездействие своих единомышленников на Кавказе и на полное отчуждение закавказских мусульман от интересов Турции. За исключением отдельных личностей, сочувствующих Турции, панисламистскому направлению и посылающих пожертвования, вся остальная масса начинает сознавать, что внутреннему настроению Турции и упадку материального состояния ее сельского населения не предвидится конца, что заставляет ценить положение России»[54].

Важным элементом в деятельности младотурецкой агентуры в Закавказье являлся сбор средств на постройку османского флота.

Младотурецкий комитет, одержимый великодержавными планами, стремился к усилению военной мощи государства. В проведении политики милитаризации страны младотурки большое значение придавали возрождению ее морских сил. Поэтому осуществление принятой тогда программы морского строительства выдвигалось правящими кругами Турции в качестве общенациональной задачи.

В целях содействия созданию крупного боевого флота в 1910 г. был образован «Комитет национальной помощи османскому флоту». Помимо сбора средств в самой Турции, этот комитет при помощи своих уполномоченных организовал сбор пожертвований среди мусульманского населения других стран, в том числе и России.

Так, согласно одному донесению, на Кавказ были переброшены младотурецкие эмиссары Мезар Аркали Мевлюд-ага и Риза, которые под видом скупщиков скота объезжали аулы и города «с целью собирания пожертвований... на священное дело борьбы ислама с христианством»[55]. Этим же занимался некий Сами эфенди, пробравшийся в Закавказье с паспортом на имя Якуба эфенди[56].

---

[54] ЦГИАМ, ф. 102, оп. 15, д. 74, л. 5—8.
[55] ЦГАОР АзССР, ф. 498, оп. 1, д. 923, л. 30.
[56] ЦГИА ГрузССР, ф. 2с, д. 3265, л. 133.

В Карсской области в пропаганде в пользу османского флота и в сборе денег были уличены один турецкий офицер и житель Эрзерума Абдулла Сагиб-оглы. Там же, в селе Даловер, был обнаружен список зажиточных жителей, дававших средства на сооружение турецкого флота. Общая сумма денег, пожертвованных по этому списку, превышала 7 тыс. рублей[57]. В Батумской области, где проживало много турецких подданных, сбор денег на усиление османского флота проводился еще активнее. Так, в конце июня 1914 г. в Верхне-Аджарском участке Батумской области были задержаны трое турецких подданных, у которых обнаружили воззвания на турецком языке, содержащие призывы жертвовать на османский морской флот[58]. В одной кофейне в Батуме были найдены плакаты, изображающие турецкие дредноуты и броненосцы с надписью на турецком языке. «Для пробуждения всего мусульманского мира». На плакатах имелись подписи и печать «Комитета национальной помощи османскому флоту»[59].

«Пожертвования» на флот турецкие агенты собирали с помощью влиятельных представителей мусульманского духовенства и лиц из зажиточных классов. Собранные суммы через посредство турецких консулов в Карсе, Батуме и Тифлисе переправлялись в Стамбул. Так, в одном донесении отмечалось, что из Тифлиса, при содействии турецкого консульства, было переведено в Турцию 2 тыс. рублей[60].

Сбором средств в пользу османского флота, помимо лиц, специально с этой целью засылавшихся из Турции и завербованных в Закавказье, занимались также пантюркистские и панисламистские агенты. Кавказские власти уличили в этом упоминавшихся выше пантюркистов — эрзерумского чиновника Тахир-бея[61] и жителя Тифлиса Молла-заде.

---

57 Там же, л. 66—69; ЦГВИА, ф. 2000/с, оп. 1, д. 991, л. 472.

58 Там же, ф. 85с, оп. 1, д. 121, л. 68.

59 ЦГИАМ, ф. 102, оп. 15, д. 74, часть 39, литер Б, л. 13.

60 Архив Армянского филиала ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 33, д. 392, л. 1—2.

61 ЦГАОР ГрузССР ф. 3с, д. 163, л. 122—123.

В начале 1914 г. в приморских городах Закавказья в виде книжечек широко распространялась турецкая папиросная бумага. Эти книжечки выпускал «Комитет национальной помощи османскому флоту». Они тайно привозились турецкими подданными и продавались по цене вдвое выше номинальной стоимости. На обложках книжечек были отпечатаны рисунки военных судов и текст на турецком языке, призывавший «правоверных» пожертвовать деньги на создание османского флота[62]. Этот текст гласил: «Земляк! Если ты желаешь, куря папиросы из высшего качества папиросной бумаги, сохранить свое здоровье, а вместе с тем даваемыми тобою за бумагу деньгами оказать помощь любимому флоту, который является в данную минуту наиболее необходимым для твоей страны и отечества,— то покупай эту бумагу... флот — собственное детище османов...»[63].

Кампания сбора пожертвований в пользу османского флота, проводившаяся младотурецкой агентурой на Кавказе, потерпела неудачу, как и вся пантюркистская и панисламистская пропаганда в целом. Если турецким эмиссарам и удалось наскрести некоторые суммы, то только при поддержке городских богачей, сельских беков и ханов, а также отдельных мусульманских фанатиков. Сведения, поступавшие в канцелярию наместника Кавказа, неопровержимо свидетельствовали о том, что масса трудящихся мусульман не поддержала затею младотурецких шовинистов — соорудить крупный боевой флот[64].

* * *

Младотурецкие агенты в Закавказье и на Северном Кавказе действовали в тесном контакте с немецкой разведкой. Германские милитаристы рассчитывали на то, что в случае осложнения отношений между Германией и Россией последняя будет связана турецкой диверсией на Кавказе. Вот почему накануне войны 1914—1918 гг. генеральные штабы Германии и Турции сотрудничали в деле организации и проведения

---

62 ЦГИА ГрузССР, ф. 2с, д. 3265, л. 41.
63 Там же, л. 48.
64 Там же, л. 55.

на Кавказе шпионской деятельности. Согласно агрессивным планам турецкой и немецкой военщины, хорошо налаженный шпионаж должен был облегчить оккупацию Закавказья и Северного Кавказа.

В этих целях немецкие колонисты, проживавшие в Закавказье, а также германские фирмы, туристские организации, печатные органы, дипломатические миссии и представители лютеранского духовенства были вовлечены в разведывательную деятельность.

Руководящим центром германской разведки в Закавказье являлось генеральное консульство Германии в Тифлисе, возглавлявшееся графом фон Шуленбургом. Роль второй скрипки в этом деле принадлежала германскому консулу в Эрзеруме Эдгарду Андерсу.

Генеральный консул России в Эрзеруме Адамов сообщал в донесении от 5 мая 1914 г.: «Германский консул Андерс с самого начала приезда своего в Эрзерум, в сентябре 1913 г., обратил особое внимание на наш Кавказ и... прилагал все усилия к тому, чтобы добыть тем или иным путем мобилизационные планы Кавказской армии, планы наших крепостных укреплений и фортов в г. Карсе, словом, всевозможные секретные документы, относящиеся к обороне Кавказа, дислокации войск и т. п.». Убедившись в невозможности достать эти сведения на месте, «Андерс через турецких шпионов, засылавшихся сюда нашим штабом и младотурками на Кавказ, вошел в сношение с турецкими консулами в Тифлисе и Карсе и стал направлять их деятельность в желательном для себя духе, пользуясь в этом случае поддержкой германского же генерального консула в Тифлисе графа Шуленбурга.

Насколько успешны были старания Андерса в указанном направлении, можно судить по тому факту, что посетивший Кавказ в феврале Пасинский каймакам Тахир-бей вывез оттуда военный и наш министерский шифр. Германский консул Андерс, не довольствуясь столь удачным выполнением Тахир-беем возложенной на него миссии, сам отправился 22 февраля на Кавказ, где пробыл две недели»[65].

[65] ЦГВИА, ф. 2000, оп. 1, д. 3792, л. 134—136

По сведениям Тифлисского жандармского управления, относящимся к февралю-марту 1914 г., «германский консул в Эрзеруме Эдгард Андерс принимал активное участие в деятельности младотурецкого комитета на Кавказе. С этой целью Андерс весьма секретно обставил свой отъезд из Эрзерума на Кавказ, где было отмечено частое посещение им германского, австрийского и турецкого консульств. 6 марта Андерс выехал в Карс, где также посещал турецкое консульство; при осмотре города он интересовался крепостными сооружениями, а в Сарыкамыше, где он пробыл только один день, осматривал новые казенные постройки военного ведомства»[66].

В самый канун войны — в июле 1914 г. — Андерс вновь выехал в Закавказье для организации восстания местного мусульманского населения. На этот раз его сопровождали младотурецкие эмиссары Хильми-бей и Ибрагим-бей[67].

Приведем и другие факты, характеризующие тогдашнюю деятельность германской разведки в Закавказье. В донесении Адамова от 15 мая 1914 г. отмечалось, что из Эрзерума выехал «выдающий себя за настройщика германский шпион Карл Август Лэнер. Лэнер... особенно заинтересован в получении военных секретов... ему поручено германским консулом в Эрзеруме войти в общение с турецкими консулами в Тифлисе и Карсе. Лэнер владеет европейскими языками, в том числе болгарским, а также армянским и турецким»[68].

В 1914 г. со шпионскими заданиями Закавказье посетил германский подданный профессор ботаники Динглер, объехавший пограничные с Турцией районы. Кавказским властям стала известна цель его поездки. Поэтому по приказу наместника Кавказа за Динглером было установлено строгое наблюдение, чтобы не допустить его к фотографированию военных объектов[69].

---

66 ЦГАОР ГрузССР, ф. 3, д. 157, л. 7.
67 ЦГИА ГрузССР, ф. 85, д. 155, л. 131.
68 ЦГАОР АзССР, ф. 498, оп. 1, д. 923, л. 112.
69 Там же, д. 977, л. 70.

Подобный же характер носили «экскурсии» по Закавказью немецких учителей Фрица Милерта и Иосифа Дертмана. Они в 1913 г. посетили Сванетию, Арарат и район озера Севан[70].

Число немецких разведчиков, накануне войны наехавших в Закавказье, было настолько велико и деятельность их приняла столь широкие размеры, что об этом заговорили даже местные газеты «Мшак», «Голос Кавказа» и «Закавказская речь». Одна из этих газет писала, например, об Андерсе: «...Кроме официальных обязанностей, Андерс предпринимал научные экскурсии к нам на Кавказ, знакомился с местными немцами, собирал жуков, бабочек, растения, снимал по дороге фотографии с интересных, преимущественно стратегических мест и искусственных сооружений... Он восхищался, например, Шагалинским мостом на Карсской ветке, его смелыми тремя пролетами на высоких тонких быках. Он... подолгу смотрел на действительно красивый мост и думал: «Маленький заряд динамита, и сообщение, единственно скорое, с границей Турции прервано надолго». И в записную книжку заносил этот пункт с двойным крестом и нотабеном. Он и в Батум ездил для изучения особой породы медуз и батумских укреплений. По его проекту было решено взорвать Шагали-Элиарский железнодорожный мост, чтобы затруднить доставку русских войск и военных припасов во время войны»[71].

Но замыслам Андерса не было суждено осуществиться. 6 августа 1914 г. — на шестой день войны между Россией и Германией — он был задержан в Тифлисе вместе с капитаном артиллерии Вильгельмом фон Вейкманом. Оба германских разведчика по приказу наместника Кавказа были высланы «в одну из северных губерний России»[72].

Сбором разведывательных данных занимались служащие германского акционерного общества «Зингер» и К⁰», имевшего многочисленные филиалы на территории России. Об этом было хорошо известно царским дипломатам, органам контрразведки,

---

[70] Там же, л. 73.

[71] «Германские оккупанты в Грузии в 1918 году», сб. документов и материалов, Тбилиси, 1942, стр. 10—11.

[72] ЦГАОР ГрузССР, ф 3с, д. 165, л. 462.

центральной и местной прессе. О масштабах представительства этой компании в России можно судить по тому, что число ее служащих достигало здесь 20 тыс. человек. Компания «Зингер» имела в России 52 отделения. Каждое из них состояло из 7—10 подотделений, имевших в своем подчинении большое число агентов[73].

Во время войны о шпионской деятельности на Кавказе служащих компании «Зингер» не раз писала местная пресса. Так, в газете «Утро Юга» отмечалось, что компания «Зингер» является гнездом немецкого шпионажа. «Три года назад директорами, заведующими, контролерами отделений начали назначать исключительно немцев,— писал корреспондент этой газеты. — Поляков и русских уволили. В числе назначенных было много офицеров, доставлявших сведения в Берлин»[74].

Газета «Кавказ» сообщала, что перед войной центральное правление компании «Зингер» затребовало сведения о дислокации на Кавказе воинских частей. Кроме этих данных, в Германию были доставлены четыреста карт русского генерального штаба, на которых сотрудники кавказских отделений фирмы сделали различные отметки военно-стратегического значения[75].

Одной из главных задач германской разведки в Закавказье являлась вербовка из среды буржуазно-помещичьей верхушки армянского, грузинского и азербайджанского населения сторонников Германии. В этих целях германские агенты старались установить связи с грузинскими меньшевиками, дашнаками и мусаватистами. С их помощью германские империалисты надеялись добиться отрыва Закавказья от России. Они заигрывали с деятелями закавказских буржуазно-националистических организаций, пытаясь выставить Германию в качестве поборницы независимости Армении, Грузии и Азербайджана.

Так, например, Андерсу, помимо сбора военно-стратегических сведений о Закавказье, было поручено обратить осо-

---

73 ЦГИА ГрузССР, ф. 2с, оп. 1, д. 3658, л. 1—6.

74 Газ. «Утро Юга», от 14.VIII 1915.

75 Газ. «Кавказ», от 30.VII 1915, № 172.

бенное внимание на отношение к русским властям армянского, грузинского и азербайджанского населения, завоевать их расположение, чтобы в нужный момент поднять их против России. Поэтому Андерс, кроме разведчиков, засылал в Закавказье и на Северный Кавказ специальных пропагандистов, подготовленных для деятельности среди мусульманского населения. На организацию антирусской пропаганды ему отпускались крупные средства[76]. Среди агентов Андерса были подкупленные им деятели буржуазно-националистических партий[77].

В целом прогерманская пропаганда, которая велась в Закавказье, преимущественно среди армян и грузин, успеха не имела, несмотря на все усилия немецких агентов и затрачиваемые на нее денежные средства.

Проникновению турецких и немецких разведчиков в Закавказье, особенно усилившемуся в период, непосредственно предшествовавший войне 1914—1918 гг., способствовала бездеятельность царских чиновников. Кавказские власти не придавали должного значения многочисленным сообщениям о нелегальной деятельности турецкой и немецкой агентуры.

Кое-кто из дипломатов обращал тогда внимание на отсутствие необходимой охраны государственной границы с Турцией. Так, консул в Эрзеруме неоднократно доносил о переходе кавказской границы немецкими и турецкими шпионами, а местные власти никаких мер не предпринимали. Он писал в одном из своих донесений: «Удивляет не столько даже возможность похищения и продажи секретных документов военного характера (речь шла о русских документах, выкраденных турецким разведчиком. — *Е. С.*), сколько спокойные переезды через нашу границу разных турецких шпионов и эмиссаров, которые без всякой помехи отправляются к нам на Кавказ, даже без всяких паспортов, как это было с Селимом Пуладом, и не менее беспрепятственно возвращаются обратно»[78].

---

[76] ЦГАОР ГрузССР, ф. 3с, д. 165, л. 462.
[77] ЦГИА Груз ССР, ф. 2с, д. 3265, л. 96—97.
[78] ЦГАОР ГрузССР, ф. 3с, д. 158, л. 103—106.

* * *

Таким образом, готовясь к осуществлению своих захватнических планов в отношении Закавказья и Северного Кавказа, вожаки младотурецкой партии всячески старались насадить свою агентуру среди мусульманского населения Кавказа и усиленно засылали разведчиков для сбора данных о дислокации русских войск, оборонных сооружениях и пр. в пограничных с Турцией районах России. Вся эта подрывная деятельность турецкой агентуры имела целью подготовку восстания мусульманских народов Кавказа в случае возникновения войны между Турцией и Россией и должна была облегчить младотурецким агрессорам вторжение в Закавказье. Панисламистская и пантюркистская пропаганда, проводившаяся в Закавказье младотурецкими агентами, ставила своей целью разжигание на религиозной почве фанатических чувств мусульманского населения края и ненависти к России и русскому народу.

Однако все усилия, предпринятые младотурками в этом направлении, были напрасны. Мусульманские народные массы Закавказья, за исключением фанатично настроенных и отсталых элементов, не поддались панисламистской и пантюркистской пропаганде. Турецкие разведчики смогли завербовать себе пособников в основном из помещичье-бековских и буржуазных слоев. Ход мировой войны 1914—1918 гг. на Кавказском театре убедительно показал провал всех надежд, возлагавшихся младотурками на поддержку их интервенции местным мусульманским населением. Мусульманские народные массы Закавказья, несмотря на все ухищрения турецких агрессоров, остались верными России, русскому народу.

ГЛАВА III

ВСТУПЛЕНИЕ ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ В ВОЙНУ

Поражение в войнах с Италией и союзом балканских государств крайне ослабило Османскую империю. Это способствовало новому подъему национально-освободительного движения арабов, армян и других угнетенных народов. Все больше росло недовольство турецкого населения деспотическим режимом, установленным вожаками партии «Единение и прогресс».

В такой обстановке младотурки стремились путем активной внешней политики и территориальных захватов укрепить свое пошатнувшееся положение внутри страны. Для достижения этого необходимо было восстановить мощь армии, разгромленной в ходе первой балканской войны. Но Турция не в состоянии была собственными силами осуществить столь сложную и трудную задачу. Поэтому Порта весной 1913 г. решила провести коренную реорганизацию и перевооружение армии с помощью германских военных специалистов. Тем самым младотурки повторили роковую ошибку Абдул-Хамида, который, как известно, еще в 1882 г., в связи с поражением Турции в войне с Россией (1877—1878), пригласил в Стамбул германскую военную миссию, которую с 1885 года возглавил фон дер Гольц. Она реформировала турецкую армию, установила свое преобладающее влияние на дальнейшее развитие османских вооруженных сил. Одновременно, при активном содействии фон дер Гольца и офицеров его миссии, германская военная индустрия прибрала к рукам все заказы на вооружение османской армии и добилась монопольного положения на турецком рынке[1].

[1] Подробно о пребывании и деятельности в Турции германской военной миссии фон дер Гольца см. А. С. Сидин, Германская военная миссия фон дер Гольца в Турции в 1882—1895 гг., «Ученые записки по новой и новейшей истории», вып. II, М., 1956, стр. 318—398.

Официальное предложение о посылке в Турцию германской военной миссии было сделано младотурецким правительством 22 мая 1913 г.[2]. Как и во времена Бисмарка, в Берлине решили использовать это предложение для усиления германского влияния. Контроль над турецкой армией давал в руки германских империалистов сильнейший рычаг для воздействия на политику Порты. Это прекрасно сознавали сами младотурки. Великий визирь Махмуд Шевкет-паша откровенно соблазнял германского посла Вангенгейма подобной перспективой. «Держава, которая контролирует армию,— говорил турецкий лидер,— всегда будет сильнейшей в Турции»[3].

Несомненно, что правительство кайзера стремилось использовать турецкую армию для осуществления своих колонизаторских планов на Ближнем Востоке, а также для усиления стратегических позиций Германии в случае возникновения в Европе вооруженного конфликта. Исходя из этого, некоторые советские историки инициативу отправки в Турцию военной миссии приписывают исключительно Германии, невольно обеляя при этом политику самих младотурок. Так, например, А. А. Могилевич и М. Э. Айрапетян утверждают, что «...посылка миссии Лимана исходила не от Турции, а была навязана турецкому правительству Германией, которая стремилась обосноваться в Турции и превратить ее в свою колонию и плацдарм для будущей войны против России, Англии и Франции»[4]. Получается, что младотурки сами активно не содействовали проникновению Германии в Османскую империю и были настолько зависимы от германских империалистов, что помимо своей воли должны были принять «навязанную» им военную миссию. В таком случае, естественно, возникает вопрос, почему же Англия и Франция, обладавшие в Турции более сильными, чем Германия, позициями, не могли «навязать» турецкому правительству свои военные миссии? Ведь англо-французские империалисты не в меньшей степени, чем немец-

[2] Die grosse Politik der Europäischen Kabinette (в дальнейшем—G. P.), Bd. 38, № 15440.

[3] Там же, № 15439.

[4] Могилевич А. А., Айрапетян М. Э., На путях к мировой войне 1914—1918 гг., Л., 1940, стр. 215.

кие, стремились к подчинению Турции своему диктату. Тот факт, что именно Германия послала в Турцию военную миссию, как убедительно подтверждают документы, объясняется прежде всего политикой правящей младотурецкой клики, которая считала, что при опоре на германский империализм легче добиться реализации собственных агрессивных целей. Ради этого младотурки безоговорочно подчинили вооруженные силы страны германским милитаристам.

Один из членов младотурецкого «триумвирата» — Джемаль-паша приводит в своих мемуарах следующую аргументацию Махмуда Шевкет-паши в пользу приглашения военной миссии из Германии: «Нам следует без колебаний принять у себя германскую систему. Дело в том, что вот уже больше 30 лет, как немецкие инструкторы работают в нашей армии; наш командный состав получил чисто немецкое воспитание и вся армия проникнута немецким военным духом. Все это изменить теперь невозможно. Ввиду этого, я имею намерение пригласить сюда большую германскую военную миссию и, если это будет необходимо, назначу немецких генералов корпусными командирами, придам каждой войсковой единице немецких офицеров и создам, таким образом, образцовую армию... В приглашенной мною германской миссии должны быть также специалисты по реорганизации отдельных департаментов военного министерства, генерального штаба и военных училищ... Сейчас я навожу справки, на каких условиях Германия согласилась бы прислать нам такую миссию, и полагаю, что этот вопрос нужно предоставить самой Германии»[5]. Далее Джемаль-паша пишет: «Мы хотели реорганизовать нашу армию и с этой целью обратились к Германии»[6]. «Мы вполне уверены в их (немцев.— *Е. С.*) организаторских способностях, и потому выбрали именно их»[7].

Турецкий посол в Вене Хильми-паша также указывал, что в приглашении германской военной миссии «инициатива при-

---

[5] Джемаль-паша, стр. 55—56.

[6] Там же, стр. 57.

[7] Там же, стр. 58.

надлежала исключительно Турции»[8]. О том же свидетельствует Кязым Карабекир-паша. Он отмечал, что после катастрофы, которую потерпела Турция в Балканской войне, Махмуд Шевкет-паша считал, что нет иного пути для проведения военной реформы, как предоставить в распоряжение немцев армию и генеральный штаб[9].

Вот, что писал об этом тогдашний австрийский военный атташе в Стамбуле Помянковский: «Как я только что узнал из достоверного турецкого источника, план этой реорганизации (турецкой армии.— *Е. С.)* не связан с бароном Вангенгеймом, а исходит от бывшего турецкого посла в Париже Мунир-паши. Последний изложил свои взгляды в записке, которую он предложил на рассмотрение своим друзьям, а также Махмуду Шевкет-паше»[10]. Эта записка легла в основу программы преобразования Османской империи, намеченной Махмуд Шевкет-пашой в апреле 1913 г.

В связи с этим Вангенгейм сообщил в Берлин следующее заявление, сделанное ему Махмуд Шевкет-пашой: «В деле реорганизации армии я определенно рассчитываю на Германию,— сказал великий визирь послу.— Это важнейший пункт моей программы. Армия должна быть реформирована до самого основания»[11].

Однако то обстоятельство, что младотурки добивались усиления армии с помощью немцев, вовсе не означает, как утверждают многие буржуазные, в первую очередь немецкие,

---

[8] G. P., Bd. 38, N 15460.

[9] Karabekir Kâzım, Cihan harbine neden girdik, nasil idare ettik? Kit. I, Istanbul, 1938, s. 66.

В отчетном докладе комитета партии «Единение и прогресс», состоявшемся в Стамбуле 28 сентября 1916 г., отмечалось, что турецкое правительство по собственному побуждению обратилось в Берлин с просьбой прислать военную миссию. На это же указывают известный американский историк Фей (Сидней Фей, «Происхождение мировой войны», т. I, М.—Л., 1934, стр. 345—347) и итальянец Альбертини — крупный публицист и политический деятель периода первой мировой войны (L. Albertini, The Origins of the War of 1914, v. I, London—New York—Toronto, 1952, p. 540.

[10] Pomiankowski J., S. 53.

[11] G. P., Bd. 38, N 15439.

историки[12], что Германия не преследовала агрессивных целей на Ближнем Востоке и, посылая в Стамбул военную миссию, шла только навстречу пожеланиям турецкого правительства.

Документы говорят о противоположном. Кайзеровская Германия воспользовалась просьбой младотурецкого правительства, чтобы поставить во главе османской армии германских генералов и офицеров и подчинить Турцию своему политическому воздействию. Германский военный историк Мюльман, находившийся ряд лет в Турции в качестве адъютанта начальника военной миссии генерала Лимана фон Сандерса, впоследствии указывал, что германское преобладание в турецкой армии усиливало политическое влияние Германии на Босфоре[13].

Вполне естественно, что, преследуя свои военно-политические и экономические планы на Ближнем Востоке, германские империалисты немедленно ухватились за просьбу турецкого правительства прислать в Стамбул военную миссию.

Переговоры о посылке этой миссии велись между обоими правительствами в обстановке строгой секретности. Поэтому дипломаты и военные деятели стран Антанты узнали об этом с большим опозданием.

Между начальником миссии генерал-лейтенантом Лиманом фон Сандерсом и представителем турецкого военного министерства в ноябре 1913 г. был заключен специальный договор, определивший функции и условия деятельности германских офицеров в Турции. В состав германской военной миссии входило 42 офицера, которые, согласно договору, переходя на турецкую службу, были облечены широкими правами. Все члены германской миссии, вступая в ряды турецкой армии, повышались в звании на один чин.

14 декабря 1913 г. Лиман фон Сандерс вместе с чинами своей миссии прибыл в Стамбул. Начальником штаба военной

---

[12] См., напр., Herzfeld H., Die Limankrise und der Politik der Grossmächte in der Jahreswende 1913/14. „Berliner Monatshefte". 1933. N 9, S. 837–858; N 10, S. 973–993.

[13] Mühlmann C., Deutschland und die Türkei 1913–1914, Berlin, 1928, S. 4.

миссии являлся бывший военный атташе Германии в Турции майор Штремпель, занимавший этот пост в течение семи лет.

17 декабря Лиман фон Сандерс вступил в командование 1-м армейским корпусом, расположенным в районе Стамбула. Одновременно он был назначен генерал-инспектором военных школ и членом Верховного военного совета. Другие члены миссии были назначены на следующие должности: генерал-майор Вебер — инспектором турецких крепостей по инженерной части, генерал-майор Бронсарт фон Шеллендорф — старшим помощником начальника генерального штаба (пост начальника штаба занимал по совместительству военный министр Энвер-паша), генерал-майор Бек — начальником пехотного и кавалерийского училища в Панкальди (пригород Стамбула), генерал-майор Поссельт — инспектором крепостной артиллерии, полковник Николаи — командиром 3-й дивизии в Скутари, полковник фон Франкенберг — начальником штаба 1-го корпуса, полковник фон Соденштерн — начальником офицерской стрелковой школы в Мальтепе (вблизи столицы)[14]. Остальные германские офицеры также получили важные командные и штабные посты. Таким образом, германская военная миссия захватила в свои руки ключевые позиции в османской армии. Турецкое правительство, не имея в своем распоряжении необходимого для армии технически обученного персонала, передало немецкой военщине все важнейшие функции в военном министерстве, генеральном штабе, в артиллерии и технических войсках.

Состав германской военной миссии непрерывно расширялся. К августу 1914 г. она насчитывала 70 офицеров, а к концу мировой войны около 800 человек[15].

Ни для кого не являлась секретом антирусская направленность германской военной миссии. На эту миссию была возложена задача подготовить турецкую армию к участию в войне на стороне Германии против России.

Ближайшая цель военной миссии Лимана фон Сандерса заключалась в концентрации еще в мирное время крупных сил

---

[14] ЦГВИА, ф. 2000/с, оп. 1, д. 718, л. 6—9 об. (полный список членов военной миссии Лимана фон Сандерса).

[15] Liman von Sanders, S. 32.

турецкой армии на кавказской границе, чтобы в случае возникновения европейской войны значительная часть русской армии была скована здесь и отвлечена от западного фронта против Германии.

Российский военный агент в Стамбуле генерал-майор Леонтьев в апреле 1914 г. писал: «Если, по мнению германских политиков, роковой час настал или близок, то, естественно, что они не станут ждать, пока турецкая армия будет приведена в полный порядок, а постараются двинуть ее вперед, хотя бы и в неготовом виде, в соответствии с общими союзническими целями. И это тем более, что задача турецкой армии может быть только второстепенная — отвлечь или рассеять внимание главного противника в самом начале войны... Будет ли в дальнейшем успех на турецкой стороне или неорганизованная и недоученная турецкая армия разобьется о наши славные кавказские войска — этот вопрос для немцев серьезного значения иметь не будет, так как действия на Кавказском театре могут лишь в незначительной степени отразиться на ходе войны на главном театре... Только бы эти кавказские войска и их непосредственные резервы были заняты на месте, сами требовали бы к себе внимания и отвлекали бы из общего тыла людские и материальные средства, в ущерб нашим западным армиям». Далее военный агент отмечал, что «германская военная миссия, может быть, и не успеет полностью реорганизовать турецкую армию и справиться с другими поставленными перед ней задачами с турецкой точки зрения, но не в этом ее главная цель; зато эта миссия, наверно, сумеет разработать мобилизацию и сосредоточение турецкой армии в нашу сторону и, что главное, обеспечить ее исполнение с началом общей войны.

Гарантией может служить то обстоятельство, что все главнейшие штабные, а также и ответственные командные должности будут заняты германскими офицерами. В этом-то,— резюмировал Леонтьев, — как мне кажется, и заключается главная опасность германской миссии, с каждым днем все более и более определяющаяся!»[16].

[16] ЦГВИА, ф. 2000/с, оп. 1, д. 719, л. 66–68.

Приведенные выдержки из рапорта военного агента говорят не только о том, что германская военная миссия должна была способствовать использованию турецкой армии в интересах войны Германии против России. Они свидетельствуют также о том, что германский генеральный штаб был безразличен к захватническим планам младотурок в отношении Закавказья. Между тем, именно эти планы в значительной мере определяли стремление правящих кругов Турции с помощью Германии как можно скорее поднять боеспособность своей армии.

Вполне понятно, что прибытие в Стамбул германской военной миссии вызвало острую тревогу прежде всего в России. На особом совещании, созванном царским правительством 13 января 1914 г., военный министр Сухомлинов отметил, что «замысел Германии, энергично принимающейся за реорганизацию турецкой армии... представляется ясным. Турецкие войска, развитие качеств которых поручено германской военной миссии, окажутся на нашей кавказской границе, естественно, направленными против России»[17].

Помимо укрепления будущего Кавказского театра военных действий путем его инженерной подготовки, постройки железнодорожных линий и шоссейных дорог, усиления турецких войск на границе с Россией, германская военная миссия занималась засылкой в пределы Закавказья и Средней Азии тайных агентов и разведчиков, которым поручалось собирание сведений о состоянии и численности расположенных там русских войск[18]. Таким образом, миссия Лимана фон Сандерса занималась не только реорганизацией и обучением турецкой армии, но и направляла деятельность немецкой разведки на Ближнем Востоке, в Закавказье и Средней Азии.

Кайзеровская Германия всеми мерами старалась тогда упрочить свои позиции в Азиатской Турции, особенно в той ее части, которая непосредственно граничила с Россией, т. е. с Закавказьем. Поэтому, кроме упомянутых выше военных мер, германские империалисты всячески пытались подчинить своему влиянию армянское и курдское население Турции. В этих целях

---

[17] АВПР, д. С. А., № 313.

[18] ЦГИА ГрузССР, ф. 85с, д. 137, л. 16—19.

германская агентура развертывала среди армян и курдов антирусскую пропаганду.

В том же направлении большую активность развернуло «Германо-азиатское общество», ставившее своей задачей укрепление и развитие немецких интересов в Азии. Председателем этого общества был известный реорганизатор турецкой армии фельдмаршал фон дер Гольц[19].

Крупную роль в деятельности «Германо-азиатского общества» играл трубадур германской экспансии на Ближнем Востоке профессор Пауль Рорбах. Уроженец Прибалтики, он, после переезда в Германию, стал ярым руссофобом. Рорбах печатал в газетах и журналах статьи, проникнутые ненавистью к России. В дальнейшем он посвятил себя изучению Ближнего Востока и в период 1900—1910 гг. совершил несколько поездок по Балканскому полуострову и Азиатской Турции с целью выяснения военно-политического и культурно-экономического значения малоазиатских владений Турции с точки зрения интересов Германии. О результатах своих наблюдений Рорбах сделал летом 1913 г. обстоятельный доклад на заседании «Германо-азиатского общества». В нем он указывал, что так как Германия находится далеко от Османской империи, ей трудно «простереть свои руки» с целью овладения каким-либо районом Ближнего Востока. Поэтому германская политика прежде всего должна стремиться к тому, чтобы Турция оставалась независимым государством и противодействовала всяким поползновениям других держав к расчленению султанской империи и захвату каких-либо турецких территорий. Только при сохранении неприкосновенности Турции, по мнению Рорбаха, Германия может найти в ней обширное поле для своей экономической предприимчивости и колонизации[20].

По Рорбаху, цель «защиты» целостности Османской империи заключалась исключительно в том, чтобы обеспечить Германии спокойную эксплуатацию естественных богатств Турции и постепенно превратить ее в свою колонию[21]. Такая точка зре-

[19] ЦГВИА, ф. 2000/с, оп. 1, д. 991, л. 581—587.

[20] Там же, д. 973, л. 110—115.

[21] Военный атташе Австро-Венгрии в Стамбуле полковник Помянковский, в течение ряда лет близко наблюдавший за деятельностью герман-

ния соответствовала курсу политики Германии на Ближнем Востоке накануне первой мировой войны. Статс-секретарь германского ведомства иностранных дел Ягов прямо говорил, что Германия будет проводить эту политику до тех пор, «пока мы не укрепимся в наших зонах (подразумевались сферы влияния Германии в Турции. — *Е. С.*) и не будем готовы к аннексиям»[22].

По словам Рорбаха, Германия, сознавая необходимость сохранения целостности Османской империи, заботится о том, чтобы Турция была достаточно сильна для отражения внешних угроз и для поддержания внутреннего порядка в своих малоазиатских владениях. «Этим,— говорил далее германский экспансионист,— между прочим, объясняется отправка в настоящее время в Константинополь прочно организованной военной миссии и стремление установить в Турции твердую административную власть, в особенности в малоазиатских ее владениях»[23], население которых стремится вырваться из-под турецкого владычества.

В этой связи Рорбах подчеркивал важное значение для Турции Армении. Он указывал, что в географическом отношении Армения представляет собой естественную и почти неприступную крепость. С одной стороны, она граничит с Россией, с другой,— господствует над мировыми путями, проходящими через Малую Азию и соединяющими богатейшие страны Азии и Европы. Потеря турками этой естественной крепости угрожает самому политическому существованию Османской империи. Поэтому для Турции даже обладание проливами не столь важно, как прочное обеспечение за собой Армении. «Главная опасность для Турции,— указывал Рорбах,— заключается в том, что Армения в настоящее время служит самым опасным и почти единственным очагом, в котором всегда могут вспыхнуть серьезные внутренние беспорядки, причем пожар легко может

ских империалистов на Ближнем Востоке, писал, что немцы стремятся к постепенному установлению своего протектората над всей Османской империей. См. J. Pomiankowski, S. 51.

[22] Brandenburg E., Von Bismark zum Weltkriege. Die deutsche Politik in den Jahrzehnten vor dem Krieg, Berlin, 1924, S. 393.

[23] ЦГВИА, ф. 2000/с, оп. 1, д. 973, л. 110—115.

перебросится и на другие части Турецкой империи. Всякое же восстание в Армении, помимо трудности борьбы с ним в дикой горной местности, грозит неминуемым вмешательством России».

Считая невыгодным развитие событий в Армении до открытого восстания армян, так как это неизбежно привело бы к нежелательному для Германии «вмешательству России», Рорбах в то же время отмечает, что полное «умиротворение» Армении является делом чрезвычайно трудным и едва ли полезным для турецкого правительства. Антагонизм между населяющими Армению двумя народностями — армянами и курдами — никогда не может прекратиться, полное же отсутствие всякой законности порождает неограниченное право сильного. Курды сильнее и потому безнаказанно грабят армянское население. В 1909 г. в несколько дней было вырезано около 30 тыс. армян. «Теперь такой массовой резни не бывает, но число армян, убиваемых ежегодно, едва ли уступает вышеприведенной цифре. Присутствие в одной из самых важных провинций Турции христианского населения, доведенного до того, что для спасения своей жизни оно готово принять «даже русское подданство», крайне неприятно турецкому правительству, а потому ему выгодно *поддерживать такой порядок вещей, который ведет к постепенному уничтожению армян в Турецкой Армении, не доведя, однако, дела до открытого восстания*»[24] (курсив наш.— *Е. С.).*

Германские интересы, по мнению милитариста Рорбаха, и здесь совпадают с турецкими по двум причинам: во-первых, для Германии важно упрочение турецкого владычества в Западной Армении, а во-вторых,— тяжелое положение в ней армян заставляет их переселяться в Месопотамию, где они являются «весьма желательным для немецкой предприимчивости элементом населения».

«Таким образом,— заключил Рорбах,— введение каких-либо решительных реформ в Армении, могущих повлечь к улучшению положения там христианского населения, не в интересах Германии. Если ей и следует идти на поддержку ре-

[24] Там же, д. 991, л. 581—587.

форм в Армении, то лишь постольку, поскольку это может предотвратить готовящееся в Армении восстание»[25].

Выступление Рорбаха вскрывает подлинную колонизаторскую сущность политики германских империалистов в Османской империи, в частности их враждебное отношение к армянам. В свете приведенных выше соображений и расчетов Рорбаха становится ясной цель создания тогда «Немецко-армянского общества». Учредительное заседание этого общества состоялось в Берлине 16 июня 1914 г. Оно было открыто вступительным словом доктора Лепсиуса, прославившего в Германии в качестве «знатока» армянского вопроса. Затем с длинной речью выступил Рорбах, лицемерно распространявшийся о значении армян, как «культурного фактора в истории». Оба оратора, скрывая колонизаторские планы, преследуемые Германией на Ближнем Востоке, отмечали, что вновь организованное общество не ставит перед собой каких-либо политических задач, а стремится лишь ознакомить немцев с культурной жизнью армян, а последних сблизить с немцами. Рорбах, кроме того, подчеркивал, что Германия заинтересована в сбыте в Армении продукции своей промышленности[26].

Председателем «Немецко-армянского общества» был избран доктор Лепсиус, его заместителем — Рорбах. От армян в состав руководства общества вошли русский подданный доктор Муратов и турецкие подданные — доктор Шахбазян и доктор Айрапетян[27]. Печатным органом общества стал ежемесячный журнал «Немецко-армянское эхо», издававшийся на немецком и армянском языках.

Характерно, что в работе «Немецко-армянского общества» активно участвовали германские консулы: в Тифлисе — граф Шуленбург, в Тавризе — Литтон и в Эрзеруме — Андере[28]. Все они были тесно связаны с миссией Лимана фон Сандерса, которая при содействии германо-азиатского и немецко-армянского

[25] Там же.

[26] Там же, л. 580.

[27] Там же, л. 579—579 об.

[28] Открытие германского консульства в Эрзеруме в 1913 г. было связано с активизацией деятельности немцев в Армении. Это консульство было открыто по предложению Вангенгейма, см. G. P., Bd. 38, N 151287.

обществ развернула в Азиатской Турции кипучую деятельность. Так, в одном донесении, относящемся к июню 1914 г., сообщалось, что Андерс разъезжал по главным стратегическим пунктам Западной Армении и всюду являлся в роли военного инструктора или прямо инспектирующего начальника, а не консула. В Эрзинджане, куда он прибыл... 21 мая.. за время трехдневного пребывания там был занят постоянным осмотром казарм, войск, понтонных мостов, военных депо и таких сооружений, как фабрика для изготовления солдатского сукна и мельница для помола муки на военные надобности.

По приезде в Эрзинджан германский консул был принят не как обыкновенный путешественник, а скорее как турецкий администратор, навстречу которому выехал за город в сопровождении жандармов и полицейских тамошний городской голова Рефик-бей[29].

В другом донесении отмечалось, что ни один маневр, ни одно учение турецких войск, расположенных в Западной Армении, не обходится без участия Андерса. Он часто посещал форты и казармы, производил осмотры воинских частей. «При содействии Андерса, — сообщалось в этом документе,— штабом 3-й армейской инспекции вырабатывается план первоначальных военных действий против России, которым, между прочим, предусматривается взрыв Шагалинского железнодорожного моста с целью отрезать Карс и расположенные в районе его войска от других отделов Закавказья»[30].

«В течение последних лет, — писал Адамов из Эрзерума,— германские консулы в Трапезунде и Мосуле предприняли ряд поездок по Эрзерумскому, Ванскому, Битлисскому и Диарбекирскому вилайетам, с целью изучения соседнего с Закавказьем района Азиатской Турции». Далее он отмечал, что немецкие капиталисты приобрели около Эрзерума несколько участков земли, богатых нефтью, и собирают сведения об угольных месторождениях[31].

Германское проникновение в Западную Армению развертывалось различными путями. Одним из них являлось «благо-

[29] ЦГИА ГрузССР, ф. 85с, д. 137, л. 76.

[30] ЦГВИА, ф. 2000/с, оп. 1, д. 991, л. 581—587.

[31] Там же.

творительная» деятельность германских религиозных и культурных миссий среди местного армянского населения. Накануне мировой войны эти миссии имелись в Эрзеруме, Харпуте, Муше, Малатии и Ване. Они содержали школы и так называемые приемные покои. В Западной Армении насчитывалось тогда около 80 немецких миссионеров[32].

В связи с этой многообразной и настойчивой экспансией немцев в Малой Азии генеральный штаб русской армии констатировал в начале 1914 г., что «поступающие за последнее время сведения о Турции обрисовывают быстрый рост немецкого влияния в областях Азиатской Турции, влекущий за собой общее ослабление русского влияния, особенно в прилегающем к Закавказью районе Турецкой Армении и в Курдистане»[33].

Еще более опасным, чем проникновение немцев в восточные вилайеты Малой Азии, казалось в Петербурге назначение Лимана фон Сандерса командиром 1-го армейского корпуса, дислоцированного в районе проливов и столицы. Это означало установление германского контроля над Босфором и Дарданеллами, что чувствительно задевало интересы правящих классов России. В любой момент немцы могли закрыть проливы для русских судов и помешать их выходу в Средиземное море.

«Проливы в руках сильного государства,— докладывал царю в январе 1914 г. министр иностранных дел Сазонов,— это значит полное подчинение экономического развития всего юга России этому государству»[34] (Сазонов имел в виду Германию.— *Е. С.*).

Бывший германский канцлер Бюлов впоследствии писал, что «германское правительство послало в Константинополь одного из самых лучших германских офицеров, генерала Лимана фон Сандерса, и не инструктором, а командиром расположенного на Дарданеллах турецкого армейского корпуса. Это означало наступить своему другу (т. е. России.— *Е. С.*) на его самую чувствительную мозоль»[35].

---

[32] Там же.

[33] Там же.

[34] Адамов Е. А., Константинополь и проливы, т. I, стр. 71.

[35] Бюлов Б., Воспоминания, М., 1935, стр. 421—422.

Естественно, когда в начале ноября в Петербург пришло известие о посылке в Турцию германской военной миссии, царское правительство оценило это как акцию, враждебную интересам России. Сазонов тотчас дал знать в Берлин, что «немецкая военная миссия... не может не вызвать в русском общественном мнении сильного раздражения, и будет, конечно, истолкована как акт, явно недружелюбный к нам. В особенности же подчинение турецких войск в Константинополе германскому генералу должно возбудить в нас серьезные опасения и подозрения»[36].

Германские дипломаты, чтобы успокоить правительство России, всячески старались замаскировать подлинную цель миссии Лимана фон Сандерса. Леонтьев в своем рапорте от 21 (8) ноября 1913 г. сообщал, что германский посол в Стамбуле Вангенгейм пытался его убедить в безобидности намерений Германии и необоснованности тревоги, которую забили в официальных кругах России по поводу миссии Лимана фон Сандерса. «Посылкой новых инструкторов мы не преследуем никаких специальных целей,—заявил германский дипломат,—турки обратились к нам с этой просьбой, и мы не без колебаний согласились исполнить их желание, так как командировка отнимала от германской армии значительное число отборных офицеров. Давая в конце концов свое согласие, мы исходили из той точки зрения, что наш отказ повлек бы за собой обращение турецкого правительства к другой державе, что послужило бы к значительному умалению нашего престижа в Турции»[37].

Тем не менее в правительственных сферах Петербурга не верили объяснениям немецкой стороны и продолжали оказывать на Германию дипломатическое давление.

Председатель совета министров Коковцев узнал о посылке миссии Лимана фон Сандерса во время своего пребывания в Париже. Остановившись на обратном пути в Берлине, он встретился там с Вильгельмом II и канцлером Бетман-Гольвегом. Коковцев выразил им свое возмущение тем, что германское правительство направило в Стамбул военную миссию не проконсуль-

---

[36] Цит. по Тарле Е. В., Соч., т. V, стр. 259.

[37] ЦГВИА, ф. 2000/с, оп. 1, д. 718, л. 51—53

тировавшись заранее с державами, в частности с Россией. В своем отчете Николаю II Коковцев писал, что в ходе бесед с Вильгельмом II и Бетман-Гольвегом выяснилось, что вопрос о миссии Лимана фон Сандерса возник еще весной текущего года, когда «турецкое правительство обратилось к Германии с предложением принять на себя инструкторство турецкой армии... вопроса этого германский император коснулся в личной беседе с вашим императорским величеством в бытность вашу в Берлине в мае месяце текущего года... по существу этого предположения со стороны вашего величества не было заявлено сомнений, так как инструкторство германских офицеров в турецкой армии продолжалось беспрерывно в течение более 20 лет»[38]. Коковцев пытался убедить кайзера, что Николай II не мог предполагать, что члены германской миссии получат столь широкие функции и, главное, что в их руки перейдет командование турецкими войсками в зоне Босфора, Дарданелл и Стамбула. Но все усилия главы российского правительства доказать Вильгельму II и Бетман-Гольвегу, что Россия не может примириться с подобным положением вещей, оказались тщетными. Кайзер и канцлер дали понять Коковцеву, что Германия не откажется от посылки миссии в Турцию.

Царское правительство продолжало резко протестовать против предоставления Лиману фон Сандерсу командования турецким корпусом в Стамбуле и обратилось за поддержкой к своим союзникам. Но Англия заняла в этом вопросе уклончивую позицию, а «Франция, хотя и не особенно охотно, но все-таки выразила готовность поддержать Россию»[39].

Такое отношение британского правительства к русско-германскому конфликту определялось наличием острых противоречий между самими союзниками — Англией и Россией. «Наряду со столкновением разбойничьих «интересов» России и Германии,— писал по этому поводу В. И. Ленин,— существует не менее — если не более — глубокое столкновение между Россией

---

[38] Материалы по истории франко-русских отношений за 1910—1914 гг., М., 1922, стр. 624.

[39] «История дипломатии», т. II, М., 1945, стр. 237.

и Англией»[40]. Объяснялось это тем, «что Россия грозила подорвать господство Англии над рядом чужих народов»[41].

Германское правительство, пользуясь отсутствием единодушия в лагере Антанты, в первую очередь сдержанным отношением к этому конфликту английской дипломатии, упорно отвергало все более резкие протесты Петербурга и не отступило от своего намерения направить в Турцию военную миссию.

Царское правительство, не получив столь необходимой ему поддержки со стороны Англии, вынуждено было отступить, удовлетворившись чисто формальной уступкой, сделанной Германией. 16 января 1914 г. Лиман фон Сандерс был вне очереди повышен кайзером в чине, что по условиям контракта, заключенного им с Портой, вызывало необходимость соответствующего повышения его чина по турецкой службе. Тогда же Лиману фон Сандерсу было присвоено звание маршала (мушира) с формальным отстранением его от командования 1-м армейским корпусом и назначением на должность генерал-инспектора всей турецкой армии. Новый пост давал германскому генералу еще больше прав и полномочий в деле руководства османскими войсками.

Вот что писал по этому поводу в Петербург российский посол в Берлине Свербеев: «Устранение генерала Лимана от командования первым корпусом является лишь уступкой формальной, отнюдь не лишающей последнего решающего его влияния на военные дела в Турции»[42].

Поражение царизма в этом конфликте с Германией объяснялось тем, что, не имея английской поддержки, Россия не решалась довести дело до войны с блоком центрально-европейских держав. Об этом убедительно свидетельствует протокол вышеуказанного особого совещания, созванного в связи с конфликтом из-за миссии Лимана фон Сандерса. Выступивший на нем Коковцев, трезво оценивая обстановку, считал «в настоящее время войну величайшим бедствием для России»,

---

[40] Ленин В. И., Соч., т. 23, стр. 115.

[41] Там же, стр. 116.

[42] «Материалы по истории франко-русских отношений за 1910—1914 гг.», М., 1922, стр. 690.

поэтому совещание пришло к заключению: «в случае необеспеченности активного участия как Франции, так и Англии в совместных с Россией действиях не представляется возможным прибегнуть к способам давления, могущим повлечь войну с Германией»[43]. В действительности так и произошло.

Отказ Англии от безусловной поддержки России в случае войны с Германией заставил царское правительство воздержаться от разработанных на этом совещании средств давления[44], так как содействие одной Франции было явно недостаточным для схватки с блоком государств Центральной Европы. Что касается Германии, то она, считая себя более подготовленной к войне, чем ее противники, не страшилась подобной перспективы.

Однако упоминавшийся выше американский историк Сидней Фей, в соответствии со своей прогерманской концепцией, пытается оправдать поведение кайзеровского правительства в международном конфликте из-за миссии Лимана фон Сандерса. Вопреки историческим фактам, он пишет об «исключительно умеренной и компромиссной позиции Германии»[45]. Согласно Фею, не Россия отступила, убоявшись войны, а Германия, проявившая «миролюбие». Фальсифицируя историю дипломатической подготовки войны 1914—1918 гг., Фей утверждает, что именно Россия хотела тогда развязать мировой пожар[46]. «В январе 1914 г. война не вспыхнула,— пишет он,— благодаря тому, что Германия пошла своевременно на уступки по вопросу о Лимане фон Сандерсе...»[47] Фей игнорирует тот факт, что отстранение Лимана фон Сандерса от командования 1-м армейским корпусом в Стамбуле носило чисто формальный характер.

Последующие события показали, что германская военная миссия Лимана фон Сандерса, став во главе турецкой армии, сыграла крупную роль в вовлечении Османской империи в мировую войну на стороне центральных держав и непосредственно способствовала нападению Турции на Россию. Деятельность

---

[43] Адамов Е. А., т. I, стр. 15.

[44] Могилевич А. А., Айрапетян М. Э., стр. 232.

[45] Фей С., т. I, стр. 344.

[46] Там же, стр. 357—358.

[47] Там же.

этой миссии имела также большое значение в подготовке турецкой армии к развертыванию военных действий на Кавказском фронте.

* * *

Пребывание в Стамбуле германской военной миссии, установившей контроль над всей турецкой армией, дало кайзеровской Германии неоспоримое преимущество в соперничестве с остальными империалистическими державами за господство на Ближнем Востоке. Всему миру было ясно, что германские милитаристы готовят вооруженные силы Османской империи к борьбе с державами Антанты и что в первую очередь попытаются бросить их против России. С другой стороны, приглашение в Турцию миссии Лимана фон Сандерса свидетельствовало о том, что правящая младотурецкая клика, предоставляя свою главную опору — армию — в распоряжение германского генерального штаба, все более склонялась к союзу с германским империализмом. Объяснялось это тем, что с помощью Германии младотурки надеялись не только укрепить свое положение внутри страны, но и добиться реализации своих захватнических планов.

Поэтому не удивительно, что турецкое правительство сразу же пыталось использовать июльский кризис 1914 г., вызванный убийством в Сараеве австрийского наследника престола эрцгерцога Франца-Фердинанда, для достижения военного союза с центральноевропейскими державами. Младотурецкий триумвират, будучи уверен в военном превосходстве Тройственного союза над Антантой, стремился обеспечить участие Турции в назревавшей мировой войне на стороне блока государств Центральной Европы.

Мы не ставим здесь своей задачей подробное освещение той борьбы за Турцию, которая в первые месяцы мировой войны велась обеими коалициями европейских держав. Мы также не можем детально остановиться на противоречиях по этому вопросу между странами Антанты. Наша основная цель заключается в выяснении политики правящих кругов Турции и мотивов, которыми они руководствовались, вступая в войну на стороне Германии и Австро-Венгрии.

Порта первой стала зондировать почву о возможности заключения союза с кайзеровской Германией. Как пишет Кязым Карабекир, еще 20 июля на совещании, в котором участвовали великий визирь Саид Халим, министр внутренних дел Талаат-бей и военный министр Энвер-паша, было принято решение добиваться вступления в Тройственный союз. В ту же ночь Энвер и Талаат отправились в германское посольство и заявили Вангенгейму о желании Турции примкнуть к блоку государств Центральной Европы. Посол ответил, что уведомит об этом предложении Берлин и обещал незамедлительно сообщить ответ германского правительства[48].

Вильгельм II считал, что так как приближается момент нападения Австро-Венгрии на Сербию нужно привлечь на сторону главной союзницы Германии любое балканское государство, готовое выступить против славян[49].

Получив вскоре из Берлина благоприятный ответ, турецкое правительство немедленно обратилось к Германии с официальным предложением заключить против России оборонительный и наступательный союз. Это предложение было передано великим визирем германскому послу в ночь на 28 июля. В нем выражалось согласие подчинить во время войны германской военной миссии четвертую часть турецкой армии[50]. 28 июля в 21 час 30 мин. Вангенгейму был передан ответ кайзера, что предложение Порты принимается[51]. Той же позиции придерживалось правительство Австро-Венгрии. Австрийский посол в Стамбуле Паллавичини был целиком в курсе этих переговоров. Австро-Венгрия должна была тотчас после заключения германо-турецкого союза подписать с Портой аналогичный договор[52].

Между тем 28 июля Австро-Венгрия напала на Сербию. 1 августа Германия объявила войну России и 3 августа Франции. На другой день Британская империя объявила себя в со-

---

[48] Kâzım Karabekir, s. 68.

[49] Die deutschen Dokumente zum Kriegsausbruch 1914 (в дальнейшем D. D.), Bd. I. Berlin, 192[7], S. 123.

[50] D. D., N. 285. См. там же L. Albertini, p. 613-614.

[51] D. D., Bd. 2. 320.

[52] Нотович Ф. И., Дипломатическая борьба в годы первой мировой войны, М.—Л., 1947, стр. 100.

стоянии войны с Германией. Обе враждующие группировки держав стали усиленно вербовать себе новых союзников. В этих условиях стремление младотурецких лидеров добиться присоединения Турции к германо-австрийскому блоку целиком соответствовало интересам Германии.

В результате турецко-германских переговоров в 4 ч. дня 2 августа 1914 г. в Стамбуле, в обстановке крайней секретности, между обеими странами был заключен союзный договор. С турецкой стороны его подписал великий визирь Саид Халим, с германской — Вангенгейм. При заключении договора присутствовали Энвер-паша и Талаат-бей. Договор состоял из следующих статей:

1. «Обе дог. стороны сохранят нейтралитет в существующем между Австро-Венгрией и Сербией конфликте.

2. В том случае, если бы Россия вмешалась при посредстве действительных военных мер в конфликт и сделала бы, таким образом, необходимым для Германии выполнение своего долга и своих обязанностей союзницы по отношению к Австро-Венгрии, то этот долг и эти обязанности подлежали бы выполнению также и для Турции.

3. В случае войны, германская военная миссия останется в распоряжении оттоманского правительства.

Оттоманское правительство обеспечит осуществление действительного влияния и действительной власти этой миссии в общих операциях турецкой армии.

4. Если оттоманские территории подвергнутся угрозе со стороны России, Германия защитит Турцию, в случае нужды, силой оружия.

5. Настоящее соглашение, заключенное с целью предохранения обоих государств от международных осложнений, могущих проистечь из современного конфликта, вступит в силу со дня его подписания и будет действительным до 31 декабря 1918 года.

6. Если ни одна из обеих дог. сторон не откажется от него за шесть месяцев до истечения этого срока, то настоящее соглашение будет по-прежнему подлежать исполнению в течение следующих пяти лет...

8. Настоящее соглашение останется секретным и может быть опубликовано лишь в случае согласия, установленного между обеими дог. сторонами»[53].

Статья седьмая предусматривала ратификацию договора в течение месяца со дня его подписания[54].

Из содержания статей 1, 2, 3 и 5 договора явствует, что он был составлен еще в период австро-сербского конфликта. Между тем, к моменту его подписания война между Германией и Россией уже стала фактом, поэтому, заключив после начала войны союзный договор с Германией, Турция брала на себя обязательство немедленно вступить в войну на стороне центральных держав.

3 августа к германо-турецкому союзу примкнула и Австро-Венгрия.

Текст договора, заключенного между Германией и Турцией, неопровержимо свидетельствует о том, что он был направлен исключительно против России; это обстоятельство признавали сами деятели младотурецкой партии. Так, говоря о договоре от 2 августа, Кязым Карабекир подчеркнул: «В силу 2-й статьи... мы должны были для оказания помощи Германии и Австро-Венгрии не только закрыть проливы, но даже вступить в войну»[55–56].

Все это показывает, что, вовлекая Турцию в войну, младотурецкая клика руководствовалась своими агрессивными планами в отношении России. Как текст договора, так и показания турецкой стороны дают право утверждать, что с 2 августа 1914 г. Османская империя фактически решила участвовать в мировой войне, хотя военные действия она открыла лишь в конце октября. Эта задержка объяснялась тем, что вооруженные силы страны не были подготовлены.

Ахмед Бедеви Куран откровенно пишет: «Мы вступали в мировую войну не по чьему-то требованию или приглашению,

---

[53] Проф. Ключников Ю. В. и Андрей Сабанин, Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях, ч. II, М., 1926, № 4.

[54] Полный текст договора см. D. D., Bd. III. N 733.

[55–56] Kâzım Karabekir, s. 83–85.

а просто в результате собственного желания и настойчивости»[57].

Турецкий журналист Ахмед Эмин (Ялман), занимавшийся также историей Турции, особенно периодом первой мировой войны, отмечает, что военный министр Энвер и министр внутренних дел Талаат сознательно рисковали судьбою Турции, чтобы «нанести по России сокрушительный удар» и добиться осуществления своих пантюркистских и панисламистских планов[58].

Об этом в последнее время открыто пишут американо-английские авторы, желая обнадежить Турцию в том, что теперь она в своих стремлениях осуществить обветшалые планы младотурок периода первой мировой войны может положиться на этот раз на помощь США и Англии. Так, член американской военной миссии в Турции (1948—1950) Чарльз Хостлер в книге «Пантюркизм и Советы» пишет: «Именно панисламистские и пантюркистские идеи младотурок сыграли решающую роль в вопросе участия Турции в первой мировой войне, когда младотурки думали с помощью Германии осуществить свои захватнические планы»[59].

Английский автор Льюис, лектор Оксфордского университета, в книге «Турция» отмечает: «Как только началась война, Энвер предложил, чтобы Турция участвовала в блоке центральных держав»[60].

Для маскировки присоединения к германо-австрийской коалиции и в целях выигрыша времени для проведения мобилизации, объявленной Энвером 2 августа[61], Порта 3 августа

---

[57] Ahmed Bedevi Kuran, s. 342—343.

[58] Ahmed Emin, p. 68.

[59] Hostler Ch. W. Turkism and the Soviets. London, 1957, p. 146—147.

[60] Lewis, G. L., Turkey. London, 1957, p. 45.

[61] «Приказ о мобилизации,— пишет Ахмед Эмин,— был подписан... членами правительства каждым в отдельности и никто не посмел выступить против этого... военные меры были обсуждены в узком кругу, состоявшем из нескольких министров. Он являлся подобием военного кабинета, в который входили: великий визирь, министры: внутренних дел, военный, морской, финансов и юстиции. О существовании этого узкого кабинета другие министры ничего не знали. Там же, стр. 72—73.

опубликовала декларацию о нейтралитете Османской империи. Один из членов «триумвирата», Джемаль-паша, впоследствии признался: «...мы объявили себя нейтральными только для того, чтобы выиграть время, мы ждали момента, когда наша мобилизация закончится и мы сможем принять участие в войне»[62].

Провозглашение Турцией нейтралитета во вспыхнувшей мировой войне было явным обманом. Ахмед Бедеви Куран признает, что партия «Единение и прогресс» в первые же дни войны решила, что Турция должна принять в ней участие[63].

Мандельштам, касаясь этого вопроса, писал, что мнимый турецкий нейтралитет в течение первых трех месяцев войны в действительности являлся продолжительным и циничным нарушением всех законов нейтралитета в пользу Германии и во вред государствам Антанты. В качестве доказательства он приводит такие факты, как объявление мобилизации, прибытие 11 августа в Стамбул немецких военных судов «Гебена» и «Бреслау», наводнение Турции немецкими офицерами, солдатами, матросами, а также оружием и боеприпасами, поступавшими в страну через территорию тоже «нейтральных» Болгарии и Румынии. Укрепление немецким командованием Дарданелл, превращение Стамбула в военно-морскую базу Германии, захват турками на Босфоре русских, французских и английских товаров, находящихся на немецких торговых судах, усиленная засылка панисламистских и пантюркистских агентов в пределы Закавказья и другие районы России и в населенные мусульманами колонии Англии, концентрация войск в Западной Армении у русской границы, в Сирии и Палестине для угрозы Египту и в первую очередь Суэцкому каналу — все это свидетельствовало о грубом и очевидном нарушении Турцией объявленного ею нейтралитета[64].

Протесты стран Антанты доказывают, что действия Порты противоречили ее официальной позиции нейтралитета. Ноты протеста со стороны союзников и переписка послов Англии, Франции и России с турецким правительством говорят о стрем-

---

[62] Джемаль-паша, стр. 101—102.
[63] Ahmed Bedevi Kuran, s. 342—343.
[64] Mandelstam, p. 7.

лении Антанты добиться соблюдения Турцией действительного нейтралитета. Ответы Порты на заявления держав Антанты имели целью под маской нейтралитета подготовить вступление страны в войну в союзе с германо-австрийским блоком[65].

Некоторые исследователи, как зарубежные, так и советские, придают существенное значение этому «нейтралитету» Османской империи. По их мнению, политики Антанты не хотели воспользоваться нейтралитетом Турции, чтобы перетянуть ее в свой лагерь. Англо-американские историки особенно обвиняют в этом царское правительство, стремясь тем самым свалить на него всю вину за выступление Турции на стороне Германии и Австро-Венгрии. Так, Лиддель-Гарт, говоря о переговорах Турции с Россией, начатых по инициативе Порты уже после заключения ею договора с Германией о военном союзе и объявлении своего нейтралитета, отмечает, что «Россия считала ниже своего достоинства» пойти на предложение Турции, «хотя оно и давало ей единственную возможность обеспечить себе лазейку, через которую могли бы притекать в Россию огнеприпасы и снаряжение от ее западных союзников. Россия предпочла пойти на изоляцию, не желая пожертвовать своей мечтой об аннексии Константинополя и проливов...»[66].

Английский военный историк, использовав работы М. Н. Покровского, следует точке зрения последнего. Покровский писал по поводу сделанного 5 августа 1914 г. Энвер-пашой предложения России о военном союзе: «В «Петрограде» желали получить турецкую столицу, а им предлагали турецкую армию!»[67]. И далее: в «Петрограде» Турция нужна была вовсе не в роли союзницы, хотя бы самой смирной и послушной. Там вообще нужна была не Турция, а Константинополь, а лучшим предлогом его занять была бы война с Турцией»[68].

Этого ошибочного, по нашему мнению, взгляда придерживался и Е. В. Тарле. Он пишет: «Оставаться нейтральными турки никак не могли и не хотели: ведь нежелание России взять

---

65 Там же.

66 Лиддель-Гарт, стр. 121.

67 Покровский М. Н., Империалистическая война. Сб. статей, 1915—1930. Изд. 2-е, дополненное, М., 1931, стр. 158.

68 Там же, стр. 160.

их протянутую руку могло знаменовать только одно — расчленение Турции после войны, все равно, будет ли Турция нейтральна или нет (в этом отношении всем уверениям Антанты насчет будущей неприкосновенности Турции Энвер нисколько не верил). И, прежде всего, отныне только от союза с Германией они могли ждать желаемого приращения их владений. Таким-то образом завоевательное фантазерство и полнейшее непонимание положения со стороны руководителей русской дипломатии ускорили создание нового против России далекого фронта на кавказской границе и окончательно закрепили за Германией драгоценного союзника. Франция и Англия изо всех сил старались удержать Турцию от выступления»[69].

Между тем, свидетельства современников и опубликованные документы показывают, что Энвер-паша начал переговоры с российским военным агентом в Стамбуле Леонтьевым 5 августа, т. е. после подписания с Германией секретного союза, прикрываясь при этом только что объявленным нейтралитетом Турции. Джемаль-паша пишет, что на одном из заседаний совета министров ему поручили тогда сойтись поближе с английским послом Маллетом, а Джавид-бею—с французским послом Бомпаром, чтобы «рассеять их подозрения насчет нашего союза с Германией»[70].

Видимо, военный министр Энвер со своей стороны взялся «рассеять» подозрения посла России. В этих целях он и при-

---

[69] Тарле Е. В., Соч., т. V, стр. 326—327.

[70] Джемаль-паша, стр. 102. Об этом же см. Ahmed Emin, p. 72—73. А. Ф. Миллер утверждает, что объявление младотурецким правительством нейтралитета якобы не означало стремление только выиграть время и под прикрытием нейтралитета подготовиться к войне на стороне Германии. Он пишет: «Дело обстояло сложнее. Младотурецкие лидеры, принимая меры к мобилизации армии, рассчитывали добиться такого положения, при котором усиливающаяся и вполне готовая к войне Турция могла бы избрать наиболее выгодный для себя вариант: выступить ли на стороне Германии и, если выступить, то когда и на каких условиях, или же не выступать и по-прежнему сохранять вооруженный нейтралитет, получая за это компенсацию от держав Антанты» (А. Ф. Миллер, Вступление Турции в первую мировую войну, «Известия АН СССР, серия истории и философии», т. III, 1946, № 4, стр. 325).

ступил к упоминавшимся выше переговорам с Леонтьевым. О беседах Леонтьева с Энвер-пашой, состоявшихся 5 и 9 августа, Гирс подробно сообщал в своих донесениях[71]. Из них ясно виден подлинный смысл предложения Энвер-паши.

Чтобы ввести в заблуждение державы Антанты, Энвер, со свойственным ему коварством и лицемерием, предлагал России заключить с Османской империей военный союз. При этом он заверял, что Турция не имеет никаких агрессивных намерений по отношению к своему северному соседу и чтобы Россия убедилась в этом, Порта готова убрать с русской границы свои войска. Энвер пытался доказать, что мобилизация турецких войск не направлена против России. Категорически отрицая наличие союза с Германией, он заявил, что «Турция еще не связана с Тройственным союзом»[72] и, в частности, с Германией. И потому, если бы Россия пожелала, то соглашение с Турцией вполне возможно, лишь бы только русская дипломатия захотела стать на реальную почву и принять во внимание турецкие интересы и пожелания, которые сводятся прежде всего к территориальным приобретениям. Энвер требовал возвращения Эгейских островов и Западной Фракии. «Взамен всего этого,—

[71] «Международные отношения в эпоху империализма» (далее МОЭИ), серия III, т. VI, ч. I, № 8, 48.

[72] Там же, № 48.

О том, что затеянные Энвером переговоры с Леонтьевым являлись чистейшим обманом, свидетельствует второе соглашение между Германией и Турцией, заключенное в Стамбуле 6 августа и по существу являвшееся дополнением к договору от 2 августа. По этому соглашению Германия обещала: «1) Свое содействие для отмены капитуляций; 2) свою поддержку при переговорах, которые турецкое правительство предпримет с Румынией и Болгарией; Германия, сверх того, окажет свои добрые услуги перед Болгарией для того, чтобы между нею и Турцией было достигнуто соглашение, соответствующее оттоманским интересам при разделе тех территорий, которые будут завоеваны на Балканах...; 4) Если Греция, вмешавшись в войну против нас, будет побеждена, Германия приложит усилия к тому, чтобы острова Архипелага были переданы Турции; 5 Германия заставит исправить восточные границы Оттоманской империи таким образом, чтобы обеспечить непосредственное соприкосновение Турции с живущим в России мусульманским населением; 6) Германия использует свое влияние для того, чтобы Турция получила подобающее возмещение, в качестве компенсации за свои потери» (Ю. В. Ключников и А. Сабанин, Указ. сбор. документов, ч. II, № 10).

заявил далее Энвер,— Турция могла бы, прежде всего, оказать военное содействие России в текущей войне, предоставляя в ее распоряжение 150—200 тыс. штыков. Куда направить эту армию — это дело России»[73]. Энвер подчеркивал, что заключение союза между Турцией и Россией заставит присоединиться к России Румынию, Грецию и даже Болгарию. Если же какое-либо из балканских государств выскажется против России, то Турция выступит против него и с помощью оружия помешает повредить русским интересам.

«Соглашение с Россией,— заключал Энвер,— даст спокойствие Турции и России, так как при нем немыслимы волнения мусульман на Кавказе и армян в Турецкой Армении, а это позволит обеим сторонам ограничиться для охраны порядка в указанных районах самым небольшим количеством войск, собрав все, что можно, в более важные и угрожаемые пункты»[74].

Великий визирь Саид Халим так же лживо, как и Энвер, уверял Гирса, что он тоже является сторонником заключения союза с Россией и поэтому поддерживает условия, выдвинутые военным министром во время бесед с Леонтьевым[75].

Ряд историков, как советских, так и зарубежных, из факта переговоров Энвера с Леонтьевым делает необоснованный вывод, что если бы Россия согласилась принять предложение Турции, то последняя примкнула бы к Антанте[76].

Академик Тарле, веря в искренность слов Энвера, счита-

---

[73] ЦГВИА, ф. 2000, оп. 1, д. 3850, л. 98—104 (полный текст отчета Леонтьева о переговорах с Энвером).

[74] ЦГВИА, ф. 2000, оп. 1, д. 3850, л. 98—104.

[75] Там же, л. 10.

[76] Покровский М. Н., Империалистическая война, стр. 160. L. Albertini, v. III, p. 611—617. М. Павлович утверждает, что своим стремлением к захвату проливов царизм толкнул младотурок в объятия империалистической Германии. Этим он, по существу, оправдывает младотурок, не видя их собственных захватнических целей в войне против России (Борьба за Азию и Африку, М., 1923, стр. 67; Революционная Турция, М., 1921, стр. 52—53). На этой точке зрения стоит и В. А. Гурко-Кряжин (История революции в Турции, М., 1923, стр. 83). Ж. Кайзер, оправдывая тогдашнюю политику Англии и Франции в отношении Турции, заявляет, что «последняя вступила в войну против союзников по воле России...» (Европа и новая Турция, М., 1925, стр. 101. См. также I. A. K. Marriott, A historycal Study in European Diplomacy, 4 ed. Oxford, 1951, p. 482.

ет, что «напрасно посол (Гирс) изо всех сил торопил Сазонова с ответом на это предложение, понимая страшную его важность для России. Сазонов ничего в этом не хотел понимать... Не получая ответа на повторные свои предложения, великий визирь и Энвер-паша, конечно, круто повернули в другую сторону...»[77].

Этот вывод как Тарле, так и отмеченные выше историки отчасти делают, руководствуясь настойчивыми обращениями Гирса и Леонтьева к Сазонову принять предложение Энвера и немедленно заключить союз с Турцией, ибо «наш отказ несомненно и бесповоротно бросит Турцию в объятия наших врагов»[78]. Российские представители в Стамбуле принимали заверения турецкого военного министра за чистую монету.

Советский историк Нотович верно подмечает, что, «настаивая на принятии предложения Энвера, Гирс и Леонтьев вкладывали своеобразное содержание в термин «союз» с Турцией. Они понимали этот «союз» по-своему — как подчинение Турции России»[79].

Об этом свидетельствует телеграмма Гирса от 10 августа 1914 г., в которой посол утверждал: «Я глубоко убежден, что настал исторический момент, когда мы имеем возможность окончательно подчинить себе Турцию и через нее парализовать готовящиеся выступить против нас враждебные нам силы на Балканском полуострове»[80].

Царское правительство, хотя и не верило лицемерным заявлениям Энвера, предложило Гирсу все же до окончательного выяснения позиции Болгарии и создания союза балканских стран, направленного против германо-австрийского блока, затягивать переговоры с Портой. 10 августа Сазонов телеграфировал Гирсу: «Пока не получим ответа из Софии, имейте в виду необходимость в переговорах с Энвером выигрыш времени»[81]. В конечном итоге в Петрограде были готовы принять условия турецкого правительства союза с Россией, лишь бы

---

77 Тарле Е. В., Соч., т. V, стр. 326.

78 МОЭИ, серия III, т. VI, ч. I, № 49.

79 Нотович Ф. И., указ. соч., т. I, стр. 284.

80 МОЭИ, серия III, т. VI, ч. I, № 60.

81 Там же, № 50.

удержать Турцию от выступления на стороне Германии[82]. Об этом также свидетельствует следующее высказывание Сазонова: «Переход Турции на сторону Австро-Германии,— пишет он в своих мемуарах,— угрожал России особенно опасными последствиями, так как, во-первых, открывал неприятельским морским силам доступ в Черное море и задерживал на турецкой границе значительную часть нашей армии, отвлекая ее от участия в войне на главном фронте, и, во-вторых, запирая нас в Черном море, отрезывал от прямых общений с союзниками и парализовал экономически, сводя наши сношения с внешним миром к одному морскому выходу через отдаленный и во всех отношениях малоудовлетворительный Архангельский порт»[83].

О том, что Россия действительно опасалась присоединения Турции к лагерю противников Антанты свидетельствует сообщение Гирса: «...вся задача теперешних усилий с нашей стороны по отношению к Турции,—пишет посол,—должна бы заключаться в обеспечении нашего фронта на всякий случай, в том числе и на случай неудачи, когда вмешательство третьего государства — Турции — может оказаться для нас опасным. Эта опасность получит чрезвычайные размеры, если Турция выступит, согласившись с Болгарией и с другими не определившимися еще балканскими государствами»[84].

Царское правительство всерьез стремилось к соглашению с Турцией. 13 августа турецкому поверенному в делах в Петрограде Фахрэддину было заявлено: «Если Турция искренне желает соглашения с нами, мы готовы пойти ей навстречу»[85].

Но из этих русско-турецких переговоров ничего не вышло,

---

[82] 12 августа Сазонов поручил Гирсу сообщить Порте, что русское правительство готово взамен нейтралитета Османской империи гарантировать ее целостность и согласно на переход к ней всех германских концессий в Малой Азии. 16 августа Сазонов соглашался на уступку Турции занятого греками острова Лемнос (МОЭИ, серия III, т. VI, ч. I, № 72. См. также № 100).

[83] Сазонов С. Д., Воспоминания, Берлин, 1927, стр. 277.

[84] МОЭИ, серия III, т. VI, ч. I, № 136.

[85] «Царская Россия в мировой войне», том I, Л., 1926, № 34.

так как младотурки затеяли их лишь с целью выигрыша времени. На это указывают сами турецкие историки[86].

Приведенные документы говорят о том, что Россия из тактических соображений не хотела видеть Турцию в блоке центральных держав. Этим определялось желание царской дипломатии использовать переговоры с Энвером с целью добиться действительного нейтралитета Турции. Но это отнюдь не означало, что царское правительство отказывалось от своих захватнических планов в отношении Константинополя, проливов и «Турецкой Армении». Это был лишь тактический маневр царского двора, стремившегося удержать Турцию от выступления против России, ведшей войну с Германией на Европейском театре военных действий, ибо России невыгодно было открыть новый фронт на Кавказе, который вызвал бы затруднения на основном, Западном фронте. Стремление царского правительства использовать переговоры с Энвером с целью удержать выступление Турции против России не снимало с повестки дня войны захватнические планы России в отношении Турции.

Что же касается отношения Англии и Франции к вопросу участия Турции в войне, то они, цепляясь за свои позиции в экономике и финансах Османской империи, не желали пойти навстречу Порте, требовавшей уступок за мнимый нейтралитет.

Британский министр иностранных дел Грей в беседе с послами России и Франции, состоявшейся во второй половине августа, сказал им, что он уполномочил посла в Стамбуле Маллета заявить Порте следующее: «Турецкое правительство, без сомнения, знает, что военное положение, как оно развилось в последнюю неделю в Бельгии и Франции, сильно отличается от положения, которого ожидала Германия... так как последняя задержалась в Бельгии дольше, чем рассчитывал германский главный штаб, шансы ее значительно понизились... кроме того, Россия на Востоке может в непродолжительном времени нанести Германии страшные удары... Россия, Англия и Франция во всяком случае готовы ей предложить за ее нейтралитет полную безопасность и гарантию ее территории, но что если Турция заключит союз с Германией и Германия потерпит не-

[86] Ahmed Emin, p. 69.

удачи, гораздо более вероятные теперь, чем две недели тому назад,— результаты для Турции будут неисчислимы». Затем Грей подчеркнул, что он против предложения Порте каких-либо территориальных компенсаций, например Лемноса. Это, по его мнению, наверно повлекло бы за собой колебания в Греции. «Грей крепко стоит за то,— сообщал далее посол России в Лондоне Бенкендорф,— чтобы в случае разрыва с Турцией видеть в Греции прямого и надежного союзника. Территориальный торг, не убедив Турцию, создаст недовольных в балканских странах... Французский посол сказал, что вполне разделяет точку зрения Грея»[87].

Мнение французского посла было подтверждено министром иностранных дел Франции Делькассе русскому послу в Париже Извольскому. Делькассе прямо заявил, что он не думает, чтобы переговоры с Турцией могли к чему-нибудь привести, и «считает более целесообразным обеспечить, не теряя времени, восстановление балканского блока, направив его против Турции». «Делькассе считает,— писал далее Извольский,— что следовало бы предоставить Болгарии завоевать полосу до линии Энос-Мидия при помощи Греции, которой можно за это пообещать Эпир, кроме Валоны»[88].

В Петрограде не соглашались с точкой зрения английских и французских дипломатов. Поэтому Сазонов еще раз через Бенкендорфа указал на необходимость содействия английской дипломатии заключению сербо-греко-болгарского соглашения и давления в этих целях на Афины, так как, «имея войну против Германии и Австрии, мы не можем не стремиться избегнуть столкновения с Турцией и Болгарией из-за безрассудства Греции, опирающейся на попустительство англичан»[89].

Таким образом, между Петроградом, Лондоном и Парижем имело место очевидное несогласие по вопросу участия Турции в войне и цены, которую следовало ей уплатить за нейтралитет. Россия стремилась к тому, чтобы Турция придерживалась действительного нейтралитета, в то время как Англия и Франция своими дипломатическими ухищрениями и проволоч-

[87] МОЭИ, серия III, т. VI, ч. I, № 118.

[88] Там же, № 120.

[89] Там же, № 226.

ками отталкивали от себя тех деятелей младотурецкого комитета, которые были за вступление в войну на стороне союзников.

Пока тянулись долгие дипломатические переговоры и согласования между Россией, Англией и Францией, окончательно укрепилась позиция прогерманской группировки во главе с Энвер-пашой, давно решившей вовлечь Турцию в войну на стороне центральных держав. Хотя приверженцы Энвера были в правительстве в меньшинстве, основные рычаги государственного управления находились в их руках. Несогласные с ним уже не могли воспротивиться напору военного министра. Именно с его ведома, как свидетельствует Кязым Карабекир, были пропущены в Дарданеллы германские крейсеры «Гебен» и «Бреслау»[90]. «Этим самым,— пишет далее Кязым Карабекир,— мы стремились к тому, чтобы в Стамбуле находился флот, превосходящий черноморский флот России»[91].

Как же случилось, что «Гебен» и «Бреслау» проскочили в проливы в условиях, когда Средиземное море контролировалось военно-морскими силами Англии и Франции? Некоторые западноевропейские историки пытаются снять ответственность с командования английскими и французскими силами в Средиземном море за пропуск немецких судов в турецкие воды. Так, например, кайзер утверждал, что «Гебен» и «Бреслау» были англичанами выпущены из Средиземного моря «нечаянно»[92]. Английский военный историк Лиддель-Гарт пишет, что «10 августа «Гебен», сопровождаемый крейсером «Бреслау», показался у входа в Дарданеллы, проскользнув мимо британской флотилии, стоявшей у Сицилии»[93]. Эту же версию повторяет Марриот[94].

Документы убеждают нас в том, что британское правительство умышленно пропустило немецкие крейсеры в проливы.

---

[90] Kâzım Karabekir, s. 78. На „Гебене" и „Бреслау" в Турцию прибыло около 450 германских офицеров и солдат в качестве морских инструкторов во главе с контрадмиралом Сушоном (Лиддель-Гарт, стр. 122. Прим. 1).

[91] Там же, стр. 186.

[92] Кайзер, стр. 11.

[93] Лиддель-Гарт, стр. 121.

[94] Marriott l. A., p. 488.

Грей прямо заявил Бенкендорфу, что «предпочел бы видеть эти два судна в руках турок, нежели в германских руках в Средиземном море»[95].

Английский исследователь Готлиб на основе анализа большого фактического материала убедительно показывает, что английские военно-морские силы начали преследовать «Гебен» и «Бреслау». Но так как британское адмиралтейство до вступления Англии в войну запретило атаковать германские крейсеры, последние сумели избежать гибели и ускользнули от своих преследователей[96]. Готлиб приводит мнение секретаря греческого короля о том, что «если бы англичане захотели, они могли бы воспрепятствовать прохождению этих двух кораблей в Дарданеллы»[97].

Такого же взгляда придерживаются турецкие современники — Кязым Карабекир[98] и тогдашний посол Турции в Берлине, бывший морской министр Махмуд Мухтар-паша. Последний телеграфировал в Стамбул 17 октября 1914 г., что, по его мнению, британское правительство всячески хотело помешать России овладеть проливами и в этих целях английская средиземноморская эскадра дала «возможность немецким судам спастись и укрыться в Мраморном море»[99].

Все эти факты и свидетельства говорят о том, что правящие круги Англии предпочитали видеть проливы скорее в руках Турции даже под контролем Германии, чем в руках России.

Прогерманская клика младотурок во главе с Энвером, Талаатом, а также представители Германии в Турции использовали противоречия в лагере Антанты, чтобы ускорить вступление Османской империи в войну на стороне центральных держав.

В Петрограде понимали, что в случае выступления Турции основной удар германо-турецкого флота и османской армии бу-

---

95 МОЭИ, серия III, т. VI, ч. I, № 76. См. также № 97.

96 Готлиб, стр. 62—63.

97 Там же, стр. 65.

98 Kâzım Karabekir, s. 77.

99 Адамов Е. А., Константинополь и проливы, т. I, XVI.

дет направлен против черноморского побережья России и Закавказья и поэтому настойчиво старались побудить Порту к сдержанности и к соблюдению политики действительного нейтралитета. Царское правительство требовало от Порты немедленного вывода «Гебена» и «Бреслау» из турецких вод. При этом Россия возлагала большие надежды, как это было и во время дипломатического конфликта в связи с миссией Лимана фон Сандерса, на поддержку своего демарша Англией и Францией. Но и на этот раз Англия и Франция не пошли дальше чисто формальных заявлений турецкому правительству, на которые младотурки никакого внимания не обратили.

Английский и французский послы в Стамбуле требовали замены экипажей немецких судов турецкими моряками, в то время как Россия настаивала на удалении этих кораблей из турецких вод. По международному праву военные суда воюющей державы не имели права оставаться в порту нейтральной страны более 24 часов. Поэтому Порта ответила, что она купила немецкие суда и обещала их экипаж заменить турецким. На протест Гирса великий визирь заявил, что Турция якобы уже некоторое время тому назад дала согласие на приобретение «Гебена» и «Бреслау», при этом не надеялась, что оно действительно состоится, так как считала, что вряд ли немецким судам удастся дойти до Дарданелл[100].

Талаат, самый яростный после Энвера поборник выступления Турции на стороне Германии, в своих мемуарах поведал подлинную правду об этой «покупке» «Гебена». Он пишет, что вместе с министром юстиции Халил-беем пошел к Вангенгейму и «у него, у Халил-бея, возникла идея купить корабли. Он сообщил об этом Вангенгейму. Было очевидно, что покупка кораблей будет носить формальный характер»[101].

В этом признается и другой член триумвирата — Джемаль-паша, отметивший, что «сделка была, конечно, фиктивная. Правительство сообщало, что император не имеет права продавать ни одного судна без согласия на то рейхстага, а потому

[100] МОВИ, серия III, т. VI, ч. 1, стр. 49 (прим.). Об этом же см. Мевлан-заде Рифат, стр. 19—21.

[101] Talât paşa'nın hatıraları, s. 27.

«Гебен» и «Бреслау» могут быть нам по-настоящему проданы только после войны»[102].

Дипломаты стран Антанты, конечно, не поверили заявлению Турции о покупке ею немецких судов. Извольский 13 августа телеграфировал из Парижа, что «фиктивная покупка судов, понадобившаяся Турции, доказывает, по-видимому, существование соглашения, направленного... против России»[103].

Впрочем фиктивность всей этой сделки тогда же подтвердил статс-секретарь германского министерства иностранных дел Ягов, заявивший посланнику Греции в Берлине: «Эта продажа в действительности никогда не имела места»[104].

16 августа на «Гебене» и «Бреслау» были подняты турецкие флаги. Крейсеры переименовали: «Гебен» в «Явуз султан Селим», «Бреслау» — в «Мидилли». Весь немецкий экипаж остался на судах, облачившись в турецкую форму. Матросы и офицеры надели фески[105]. Адмирал Сушон был назначен командующим турецким флотом. За этим последовало удаление с турецких военных кораблей офицеров английской морской миссии во главе с адмиралом Лимпусом. Британское правительство вынуждено было вскоре отозвать эту миссию из Стамбула. Военно-морские силы Турции целиком перешли в руки германского командования.

12 августа Гирс сообщил Сазонову, что прибытие на Босфор «Гебена» и «Бреслау» и их покупка «сильно подняла дух турок и может придать им смелость прибегнуть к самым решительным выступлениям»[106].

Турция сразу не вступила в войну, хотя Германия торопила ее, основываясь на союзном соглашении. Объяснялось это

---

[102] Джемаль-паша, стр. 100.

[103] МОЭИ, серия III, т. VI, ч. I, стр. № 90.

[104] Вторая Оранжевая книга. Дипломатическая переписка России, предшествовавшая войне с Турцией. Дипломатический архив, т. VI, Петроград, 1915, док. № 27.

[105] Это обстоятельство не смущало великого визиря. В ответ на протесты России он продолжал уверять Гирса, что «Гебен» и «Бреслау» куплены Турцией и что немецкие экипажи будут высланы в Германию и заменены турецкими. См. МОЭИ, серия III, т. VI, ч. I, № 97.

[106] МОЭИ, серия III, т. VI, ч. I, № 84.

неясностью позиций балканских государств. «Нам нужно было,— свидетельствует Джемаль-паша,— обеспечить участие Болгарии в войне в союзе с нами»[107]. «Младотурки сразу не вступили в войну,—пишет Ахмед Эмин,— из-за сомнительной позиции балканских соседей»[108]. Турецкая дипломатия пыталась тогда перетянуть Болгарию и Румынию на сторону центральных держав. Были также предприняты попытки привлечь и Грецию, чтобы создать Балканскую лигу из четырех стран, направленную против Антанты[109].

Стамбульские политики довольно энергично действовали в этом направлении. Для привлечения Болгарии на свою сторону в Софию были посланы Талаат и Халил. Талаат пишет, что когда они прибыли в болгарскую столицу и убедились, что правительство Радославова склоняется к союзу с Турцией, «в турецком посольстве начались переговоры, и мы подписали договор... Таким образом, было установлено, что Болгария собирается участвовать в войне»[110].

Давно решив выступить на стороне германо-австрийского блока и подыскивая себе новых союзников, турецкое правительство продолжало переговоры с царскими дипломатами, постоянно заверяя их в готовности заключить союз с Россией. Великий визирь продолжал лживо заявлять Гирсу, что Талаат и Халил ведут в Софии переговоры, чтобы склонить Болгарию к выступлению против центральных держав.

Порта убеждала представителей Антанты, что Турция соблюдает нейтралитет. Между тем, прикрываясь им, Турция, лихорадочно готовилась к войне[111].

Объявление всеобщей мобилизации, о чем мы выше упоминали, и вызванное ею превращение всей страны в военный лагерь, привели к подчинению гражданских властей военным и к полному преобладанию прогерманцев во главе с Энвер-пашой. Последний был назначен вице-генералиссимусом воору-

---

[107] Джемаль-паша, стр. 105.
[108] Ahmed Emin, p. 74.
[109] Briggs Davanport, p. 454.
[110] Talât paşanın hatıraları, s. 27.
[111] МОЭИ, серия III, т. VI, ч. I, № 136, 363.

женных сил Турции и фактически сосредоточил в своих руках диктаторскую власть.

Немцы не замедлили воспользоваться этим положением дел в Стамбуле, чтобы еще более упрочить свое влияние в Османской империи и завладеть не только турецкой армией, но и флотом. В Турцию из Германии стали крупными партиями прибывать германские офицеры и низшие чины, транспорты с оружием, боеприпасами и обмундированием. Под руководством германских специалистов укреплялись проливы.

Как сообщал Гирс в начале октября 1914 г., в турецком правительстве все сильнее разгоралась «борьба между воинственной партией и партией умеренных во главе с Джавид-беем и Халил-беем, старающимися удержать Турцию от немедленного вовлечения в войну. Эта умеренная партия не без основания видит опасность для Турции от ее немедленного активного выступления до выяснения общего положения на театре военных действий»[112].

В связи с поражением немецких войск на Марне и успешным продвижением русской армии, занявшей значительную часть Галиции, главнокомандующий Мольтке, начиная с первых чисел сентября, неоднократно требовал от Лимана фон Сандерса немедленного выступления Турции на Кавказе, Черном море и в районе Суэцкого канала[113]. Это, в свою очередь, вызвало усиление нажима на Порту со стороны Вангенгейма, Лимана фон Сандерса и Сушона.

27 сентября турецкое правительство закрыло проливы. Были спущены мины и установлены заграждения, огни маяков были потушены и знаками объявлено судам, что нет прохода. Этот акт явно говорил о приближении момента вступления Турции в войну.

11 октября на совещании в немецком посольстве между Вангенгеймом, с одной стороны, и Энвером, Талаатом и Джемалем, с другой, было заключено соглашение, по которому Тур-

---

[112] МОЭИ, серия III, т. VI, ч. I, № 363.

[113] Лорей Г., Операция германо-турецких морских сил в 1914—1918 гг., 2-е изд., М., 1937, стр. 67.

ция обязалась выступить тотчас после получения от Германии денежной помощи[114] в сумме 100 млн. франков[115].

На следующий день, как пишет Джемаль-паша, на заседании совета министров в узком составе все присутствовавшие, за исключением Джавид-бея, настаивали на том, чтобы «немедленно вмешаться в мировую войну»[116].

На этом особенно настаивал военный министр Энвер-паша. О выступлении Энвера на этом заседании видный деятель партии «Единение и прогресс» Мевлан-заде Рифат в своих мемуарах пишет, что Энвер, доказывая необходимость участия Турции в войне на стороне Германии, отмечал: «Германия согласна, чтобы мы отвоевали Египет, Кавказ и даже Персию... Таким образом, нет сомнения, что мы сможет открыть путь к Турану и осуществить единение турок»[117].

26 октября Порта получила из Германии часть займа золотом. После этого Вангенгейм и посол Австро-Венгрии в Стамбуле Паллавичини потребовали немедленного выступления Турции против России. Но Талаат и Халил заколебались. Они заявили австрийскому послу, что считают «предпочтительным выждать весну, когда Турция... окончит приготовления в Персии, на Кавказе и в Египте». Но Энвер успокоил Паллавичини, уверив его в том, «что лично он твердо стоит за военное выступление. Флот получит категорическое приказание в ближайшие дни...»[118]. Эти слова были произнесены 22 октября. Именно в этот день Сушон получил от военного министра Турции секретный приказ, который гласил: «Турецкий флот должен добиться господства на Черном море. Найдите русский флот и атакуйте его без объявления войны, где бы вы его ни нашли»[119]. Все эти факты говорят о том, что вероломное нападение турецкого флота, которым командовал Сушон, на русские го-

---

[114] МОЭИ, серия III, т. VI, ч. I, № 401; Briggs Davenport, p. 54. Джемаль-паша, отрицает факт подписания этого соглашения. См. Джемаль-паша, стр. 107.

[115] МОЭИ, серия III, т. VI, ч. I, стр. 413. Прим. 1

[116] Джемаль-паша, стр. 107.

[117] Мевлан-заде Рифат, стр. 12.

[118] МОЭИ, серия III, т. VI, ч. I, № 414

[119] Лорей Г., стр. 68.

рода Феодосию, Севастополь, Одессу, Новороссийск было делом рук не только немецкого командования, как пытаются утверждать некоторые деятели младотурецкой партии и ряд турецких историков[120], это преступное действие было совершено с санкции и при прямом участии главарей партии «Единение и прогресс»[121].

29 октября, открыв военные действия на Черном море, Турция показала всему миру, что ее политика нейтралитета, продержавшаяся не более трех месяцев, была сплошным обманом и лицемерием. Даже после обстрела турецким флотом русских городов на Черном море Порта пыталась продолжать прежний политический курс, основанный на лживых заверениях. Турецкое правительство немедленно выступило с заявлением, в котором вину за открытие на Черном море военных действий самым циничным образом сваливало на русский флот. Одновременно в Стамбуле выразили готовность уладить с Россией весь этот инцидент. Великий визирь Саид Халим, с самого начала войны ловко притворявшийся сторонником нейтралитета, высказал «горькое свое сожаление по поводу нападения турецкого флота» и старался убедить Гирса в том, что «оно было совершено вопреки приказанию Порты»[122].

Поверенный в делах Турции в Петрограде передал Сазонову заявление турецкого правительства, в котором говорилось, что «Высокая Порта... примет меры, способные предупредить повторение аналогичных фактов... мы решили больше не разрешать императорскому флоту выходить в Черное море и надеемся, что русский флот, в свою очередь, больше не явится крейсировать в наших водах». Там же, следуя своей лживой версии, Порта утверждала, что русский флот первым совершил «враждебный акт»[123].

---

[120] Talât paşanın hatıraları, s. 29.

[121] Готлиб подчеркивает, что «Талаат и Джемаль, несмотря на свои опровержения, были причастны или, по меньшей мере, знали заранее о плане, хладнокровно обдуманном Энвером, генералом фон Сандерсом и адмиралом Сушоном». См. В. Готлиб, стр. 85.

[122] МОЭИ, серия III, т. VI, ч. I, стр. 434. Прим. 1

[123] Там же, № 445.

Сазонов категорически отверг факт инициативы русского флота в развертывании военных действий на Черном море и заявил, что Россия может продолжать переговоры только в том случае, если Турция выполнит ультиматум послов России, Англии и Франции в Стамбуле, врученный Порте 30 октября, а именно: в течение 24 часов уволит со своей службы германскую военную миссию, а также германских морских офицеров и матросов, находящихся на службе в османском флоте, и откажется предоставлять германским военным судам какое бы то ни было убежище и снабжение[124].

Новые переговоры, которые пыталась затеять Порта, были очередным обманом. Турецкое правительство не ответило на ультиматум держав Антанты. 31 октября Гирс покинул Стамбул. Вслед за ним 1 ноября оставили турецкую столицу послы Англии и Франции. В этот же день, как пишет Ахмед Эмин, военная партия, состоявшая из нескольких министров и влиятельных представителей младотурецкой партии, собралась на заседание. На нем произносились речи о «великих возможностях», которые открывает перед Турцией война для завоевания Египта, Туниса, Алжира, Триполи и районов России, населенных мусульманами. Три члена правительства, являвшиеся противниками вступления Турции в войну, подали в отставку. О них говорили, как об изменниках[125].

После военного разгрома Османской империи турецкий народ потребовал наказания виновников вовлечения Турции в войну. Некоторые бывшие лидеры младотурецкой партии были преданы суду. Из речи генерального прокурора анкарского трибунала, произнесенной 22 августа 1926 г., видно, что он скрыл от общественности захватнические цели младотурецких лидеров, руководствуясь которыми они ввергли страну в империалистическую войну. Главное обвинение было выдвинуто прокурором против уже не существовавшей кайзеровской Гер-

---

[124] Там же, № 427.

[125] Ahmed Emin, p. 76. Подали в отставку министр почты и телеграфа Оскан эффенди, министр земледелия и торговли Сулейман эффенди Эль Бустам, министр общественных работ Чарук Сулу Махмуд-паша. См. Джемаль-паша, стр. 110. Об этом же см. Мевлан-заде Рифат, стр. 34—37.

мании, а о преступных замыслах правящих кругов Турции в войне 1914—1918 гг. он не сказал ни слова. «Вся турецкая нация,— говорил прокурор,— оказалась вовлеченной в войну в результате «свершившегося факта», произведенного германским адмиралом по приказу кайзера. Другими словами, великая историческая империя стала игрушкой в руках этого германского адмирала, самое имя которого не было известно турецкому народу»[126].

По благодушной характеристике прокурора «турецкие министры выглядят скорее как покорные слуги кайзера, чем как министры...»[127]. Но почему и во имя чего младотурецкие вожаки стали «слугами» кайзера и превратили Турцию в военного вассала германского империализма, этот вопрос остался на процессе невыясненным. Последнее не случайно, так как несомненно, что многое во внешнеполитической программе младотурецкой партии отвечало симпатиям и вкусам определенных кругов республиканской Турции.

* * *

Итак, мы видели, что германская военная миссия Лимана фон Сандерса была послана в Стамбул по инициативе младотурецкого правительства, стремившегося как можно скорее осуществить реорганизацию и перевооружение армии. Это обращение младотурок в Берлин отражало укоренившееся в течение почти сорока лет германское влияние в вооруженых силах Турции.

Военные реформы, проводившиеся младотурками при поддержке кайзеровской Германии, имели целью подготовку агрессии на Востоке, направленной главным образом против России и, в частности, Закавказья. Кроме того, колониальные владения Англии и Франции, населенные миллионами мусульман, турецкие панисламисты рассматривали в качестве объектов своей завоевательной политики.

---

[126] Цит. по кн.: Ahmed Emin, p. 75.

[127] Там же.

Захватнические намерения правящих кругов Турции соответствовали интересам германских милитаристов, рассчитывавших на то, что благодаря выступлению турецкой армии значительная часть русских сил будет скована на Кавказском фронте. Тем самым существенно облегчилось бы положение германской армии на Восточном фронте. Наконец, участие Османской империи в войне против стран Антанты, как надеялись в Берлине, способствовало бы привлечению на сторону центральных держав многочисленного мусульманского населения английских и французских колоний.

Посылка в Турцию германской военной миссии, захватившей в свои руки контроль над всей турецкой армией и командование войсками в зоне проливов и Стамбула, вызвала резкий протест со стороны России, породивший острый международный конфликт. Но царское правительство вынуждено было отступить, так как считало себя неготовым к участию в европейской войне. Но главным, что определило эту уступчивость царизма, являлось отсутствие поддержки со стороны Англии, интересы которой на Ближнем Востоке во многом расходились с интересами правящих классов России.

Деятельность миссии Лимана фон Сандерса накануне войны была преимущественно направлена на подготовку будущего Кавказского театра военных действий, сосредоточение у границы с Россией возможно большего числа турецких войск и организацию шпионской и диверсионной агентуры в Закавказье и Средней Азии.

Секретный военный договор, заключенный турецким правительством с Германией 2 августа 1914 г., свидетельствовал о твердом намерении младотурок принять участие в мировом конфликте на стороне центральноевропейских держав. Германо-турецкий союз был направлен против России и предусматривал содействие Германии в территориальных захватах турок в Закавказье.

Объявление Турцией в первых числах августа нейтралитета и предпринятые тогда по инициативе Энвера переговоры с представителями России были чистейшим обманом, имевшим целью выиграть время, необходимое для проведения мобилизации армии и других подготовительных мер.

Прибытие на Босфор «Гебена» и «Бреслау» и фиктивная покупка германских крейсеров турецким правительством окончательно предопределило позицию Османской империи в мировой войне. Вероломное нападение германо-турецкого флота на Черноморские порты России, совершенное 29—30 октября, знаменовало вступление Турции в войну на стороне германо-австрийского блока.

ГЛАВА IV

КАВКАЗСКИЙ ФРОНТ В 1914—1917 ГОДАХ

Османская империя, вступая в мировую войну, преследовала, как и другие воюющие страны, свои собственные цели. В существующей литературе о войне 1914—1918 гг. Турцию обычно изображают государством, которое германские империалисты чуть ли не насильственно вовлекли в вооруженный конфликт. Этим самым отрицается наличие у правящей младотурецкой клики захватнических устремлений, ради достижения которых она сама тянулась к участию в мировой войне.

Выше было отмечено, что еще до войны младотурецкие вожаки и теоретики настойчиво распространяли реакционные идеи пантюркизма и панисламизма и призывали к отвоеванию владений, потерянных Османской империей. Так, председатель меджлиса Халил-бей в одной своей воинственной речи напоминал «о роли турецкой армии, ее боевых заслугах и былой славе» и требовал от писателей, поэтов, учителей и всей интеллигенции своими сочинениями, стихами, всем своим умственным влиянием будить «в наших будущих поколениях идею того, что по другую сторону границы остались наши братья, нуждающиеся в спасении, остались куски нашей земли, требующие освобождения»[1].

О захватнических стремлениях младотурецкой клики известный уже нам деятель младотурецкой партии Мевлан-заде Рифат писал, что на одном из совещаний главарей младотурецкой партии с участием Энвера, Талаата, Джемаля, Саид Халима, Джавида и других обсуждался вопрос об участии Османской империи в войне на стороне германского блока. На этом совещании, как отмечает Мевлан-заде Рифат, Энвер сказал,

---

[1] ЦГВИА, ф. 2000/с, оп 1, д. 752, л. 343—345

что при помощи мощной Германии «мы сможем завоевать не только Македонию, но и Кавказ, Египет, и власть партии «Единение и прогресс» превратим в самую мощную в мире империю»[2]. Непосредственно после этого совещания младотурецким правительством было выпущено воззвание, гласившее: «Наше участие в мировой войне оправдывается нашим национальным идеалом. Идеал нашей нации... ведет нас к уничтожению нашего московского врага для того, чтобы благодаря этому установить естественные границы нашей империи, которые включат и объединят все ветви нашей расы»[3].

После вступления Турции в войну эта пропаганда безудержной агрессии приняла в стране огромный размах. Теперь уже не стесняясь ничем, младотурки цинично кричали, что путем военных захватов они добьются присоединения к Османской империи Кавказа, Средней Азии, Поволжья, Крыма, а также тех территорий Северной Африки, Афганистана, Индии и Китая, которые населены народами, исповедующими ислам, и воссоздадут древнее государство Туран. Эта проповедь шовинизма и разбоя сопровождалась в Турции разжиганием ненависти к России. Особенно усердствовали на страницах газет и журналов идеологи пантюркизма и панисламизма. Так, известный нам Текин Альп призывал турок немедленно «спасти» тюркские народы от «русского рабства» и отвоевать у России и присоединить к Турции земли, населенные мусульманами. «Если русский деспотизм будет уничтожен доблестными армиями Германии, Австрии и Турции,—провозглашал Текин Альп,—30—40 млн. турок получат свою независимость»[4].

Правители тогдашней Турции во главе с пресловутым «триумвиратом» считали, что наступил момент для осуществления их бредовых планов создания Турана. В этом позднее откровенно признавались сами деятели партии «Единение и прогресс». К ним относится упомянутый нами Кязым Карабекир-паша. Последний был одним из ближайших соратников Энвер-паши и занимал при нем высокие военные посты. Изве-

[2] Мевлан-заде Рифат, стр. 12.

[3] Цит. по кн.: В. В. Готлиб, стр. 86.

[4] Toynbee, p. 35—36.

стно, что Кязым Карабекир был активным проводником завоевательной политики Энвера и в определенной степени делит с ним ответственность за постигший Турцию разгром. Кязым Карабекир раскрывает «тайны», которые ему доверил Энвер-паша[5], с единственной целью снять с себя вину за поражение Османской империи. Каковы же эти тайны, которые Кязым Карабекир решился разгласить спустя много лет после катастрофы Турции в войне 1914—1918 гг.?

Кязым Карабекир рассказывает о том, какими дальними расчетами руководствовался Энвер, направляя его осенью 1914 г. во главе дивизии, предназначенной для вторжения в Иран. Энвер подчеркивал, что задача этого похода заключается не только в «освобождении Персии от русского влияния», но и в дальнейшем проникновении в Афганистан и Туркестан, где Кязыму Карабекиру поручалось призвать местное население к вооруженной борьбе с русскими войсками. Одновременно Энвер собирался направить другую дивизию через Тавриз в Дагестан, чтобы побудить к восстанию мусульманские народы Кавказа и ударить с тыла по русским войскам, стоявшим у турецкой границы[6]. «Я придаю большое значение этому походу,— говорил Энвер,— только благодаря ему мы сможем привести в движение весь мусульманский мир в Азии»[7].

Кязым Карабекир пишет, что Энвер был «всегда поглощен одной мыслью, одним стремлением — создать Туран»[8]. При этом он утверждает, что постоянно указывал Энверу на опасность этого пути для Турции. «Я старался также... убедить в этом и министра внутренних дел Талаат-бея... во время войны я доказывал своим начальникам, что борьба за Туран опасна, но все мои усилия были безуспешны»[9].

«На мои официальные обращения,— пишет далее Кязым

---

[5] Kâzım Karabekir, K. II, s. 285.

[6] Там же, стр. 487, 49..

[7] Там же, стр. 489. О захватнических планах Энвера в отношении Закавказья и других районов России см. также Price Ph. A History of the Turkey from Empire to Republic. London, New-Jork, 1956. p. 113. Toynbee. Turkey, p. 31.

[8] Там же, стр. 285.

[9] Там же, стр. 284.

Карабекир,— мне отвечали, что для будущего родины крайне необходимо присоединение к Турции Кавказского Азербайджана, включая Нахичевань»[10].

Другой участник войны 1914—1918 гг., полковник Беркук, в предисловии к своей книге, посвященной походу на Кавказ 15-й турецкой дивизии, пишет, что заветной мечтой младотурок было захватить Закавказье, Северный Кавказ и Крым[11].

Об этих завоевательных планах младотурецкой клики с начала войны открыто писала турецкая пресса. Так, газета «Ати», излагая цели Турции в войне, указывала, что все Черное море должно перейти под власть турок, прибрежные государства стать под протекторат Османской империи, а Крым, Азербайджан и Кавказ следует вернуть под суверенитет султана. Кроме того, должно быть восстановлено турецкое владычество над Египтом и возвращены Турции Триполи, Киренаика, Додеканез и Крит[12]. Другая газета — «Ени Гюн» напечатала тогда карту Османской империи, в которую была целиком включена территория Закавказья[13].

На эту пропаганду реванша, которая проводилась турецкой прессой, всецело находившейся в руках правительства, обращал внимание покойный академик Гордлевский. В одной статье, напечатанной в первые месяцы войны, он привел множество примеров проповеди агрессии в сторону России. «Прославленный вождь младотурецкой партии,—писал Гордлевский об Энвере,— хочет испытать судьбу на Кавказе. Он вводит, таким образом, заключительное звено в идеологию младотурок, для которых Кавказ — турецкая, так сказать, «Ирредента»[14].

Об этих захватнических планах младотурецкой партии свидетельствует также миссия одного видного ее деятеля Наджибея, специально посланного Центральным комитетом еще в начале сентября 1914 г. в Ван для агитации в восточных вилайетах против России и внушения армянам веры в доброжелатель-

---

[10] Там же, стр. 286.

[11] Berkuk, Büyük harpte (334) Şimali Kafkasyadaki faaliyetlerimiz ve 15 firkanın harekâti ve muharebeleri, Istanbul, 1934, s. 1—2.

[12] ЦГИА АрмССР, ф. 200, д. 53а, л. 59.

[13] Там же.

[14] «Русские ведомости», 21.XII 1914, № 294.

ное отношение к ним Турции. В переговорах с представителями различных армянских политических партий и групп Наджи-бей изложил политическую программу младотурок. Она сводилась к следующему:

«В союзе с могущественной Германией молодая, возрожденная Турция сломит военную мощь России и вытеснит ее на север, за линию Кавказского хребта. Завоевав Закавказье, Турция не присоединит его к Империи, а выделит в федерацию трех полусамостоятельных государств под протекторатом константинопольского султана. Армения будет одним из этих трех государств, в которое войдет и «Турецкая Армения».

Этими лживыми обещаниями младотурки стремились добиться участия армян в войне против России. Младотурки добивались, чтобы армяне в пределах Турции организовали свои добровольческие отряды для содействия турецкой армии, а в Закавказье — приняли участие в готовящемся там общем восстании мусульманского населения. Армяне отвергли предложения Наджи-бея[15].

Осуществлению сумасбродных целей создания великого Турана был подчинен стратегический план ведения войны, разработанный турецким генеральным штабом, согласно которому главные силы турецкой армии должны были нанести удар по русским войскам, имея целью быстрое овладение Закавказьем и обеспечение тем самым дальнейшего продвижения в другие районы России, населенные мусульманами, а также в соседние с ней восточные страны. При этом турецкие войска в процессе своего продвижения должны были поднимать восстания мусульманских народов, на которые младотурецкие завоеватели возлагали большие надежды.

Другим важным фронтом Турции в первой мировой войне являлся Сирийско-палестинский, откуда турецкие силы стремились перерезать Суэцкий канал, проникнуть в Египет и далее в Северную Африку, чтобы отвоевать прежние владения Османской империи. Месопотамский и Галлиполийский фронты были для турецкой армии оборонительными.

Но важнейшим театром военных действий для Турции был

[15] «Оборона Вана». М., 1917, стр. 8—9.

Кавказский фронт. Как свидетельствует один документ, «стратегический план кампании Кавказской турецкой армии задолго до войны был выработан турецким и германским штабами, и к войне на этом фронте турки давно готовились»[16].

Российский генеральный консул в Эрзеруме Адамов уже в марте 1914 г. сообщил об усиленных военных приготовлениях на границе с Россией, куда спешно перебрасывались войска, оружие, боеприпасы, транспортные средства, одновременно пополнялись запасы продовольствия и фуража. В Эрзерумском вилайете была развернута энергичная подготовка к мобилизации. Турецкое командование собиралось сконцентрировать у кавказской границы 250 тыс. человек и в этих целях приступило тогда к обучению обширных кадров народной милиции. «Итак,— заключал Адамов,— Турция, несомненно, готовится... к войне с Россией...». По его предположению, «...ввиду предстоящей в близком будущем русско-германской войны, Турция, как союзница Германии, обязалась выставить на Кавказскую границу 200-тысячную армию, чтобы отвлечь на себя часть русских сил и вторгнуться в Закавказье»[17].

Это сосредоточение войск у границ России и Ирана продолжалось в течение всей весны и лета 1914 г.[18] Как только началась мировая война, военные приготовления Турции, направленные против России, приняли лихорадочный характер. Уже в первых числах августа в вилайетах, пограничных с Закавказьем, была проведена мобилизация запасных частей и призыв новобранцев. Под руководством немецких офицеров спешно модернизировались и вооружались форты Эрзерума[19]. Для нужд армии турецкие власти беспощадно реквизировали у местного армянского населения запасы продовольствия и лошадей[20]. В течение августа к русской границе было переброшено около 40 тыс. турецких солдат[21].

---

[16] ЦГИА, ГрузССР, ф. 2с, оп. 1, д. 3599, л. 212.

[17] Там же, ф. 85с, д. 620, л. 45—48.

[18] ЦГВИА, ф. 2000, оп. 1, д. 3827, л. 483. См. также ЦГАВМФ, ф. 418, оп. 1, д. 4017.

[19] ЦГИА, ГрузССР, ф. 2с, оп. 1, д. 3361, л. 74—76.

[20] ЦГАВМФ, ф. 418, оп. 1, д. 4017, л. 84.

[21] ЦГВИА, ф. 2000/с, оп. 1, д. 3796, л. 94.

К 10 октября турецкий генеральный штаб закончил проведение мобилизации. Вооруженные силы Турции состояли из четырех армий. В 1-ю армию входило четыре корпуса: 1-й корпус (Стамбул), 2-й (Адрианополь), 3-й (Родосто) 4-й (Алеппо). Во 2-ю армию входило два корпуса — 4-й (Смирна) и 5-й (Анакра). Эти корпуса должны были защищать проливы со стороны Азии. 3-я армия, штаб которой находился ь Эрзеруме, имела три корпуса: 9-й (Эрзерум), 10-й (Эрзинджан) и 11-й (Ван). 4-я армия, расположенная в Сирии, имела в своем составе три корпуса и одну дивизию: 8-й корпус (Дамаск), 12-й (Мосул), 13-й (Багдад), 16-я дивизия (Адана) и принадлежащая к 6-му корпусу 22-я дивизия (Хиджаз)[22]. Кроме того, в Хиджазе была размещена 21-я дивизия. 7-й корпус стоял в Йемене[23].

Особое внимание было уделено увеличению численности войск на границе с Россией. В этих целях в 9, 10 и 11-м корпусах число дивизий каждого корпуса вместо обычных двух было увеличено до трех. Всего в 3-й армии числилось: 81 батальон, 20 пулеметных рот, 58 батарей с 232 скорострельными орудиями и 35 эскадронов кавалерии (сувари). Общая численность 3-й турецкой армии достигала 190 тыс. человек.

Кроме этих войск первой линии, было сформировано около 50 курдских полков, насчитывавших 15—20 тыс. всадников, выставленных различными курдскими аширетами (племенами). В районе расположения 3-й армии также находилось 95 запасных батальонов, вместе с 15 тыс. человек жандармерии и 10 тыс. человек пограничников, составлявших войска второй линии. Их общая численность равнялась 90 тыс. человек[24]. Наконец, для усиления Кавказского фронта турецкий генеральный штаб перебросил две пехотные дивизии из Месопотамии. Английская печать сообщала в начале 1914 г.: «Численность турецких войск, выставленных против России на Кавказском фронте, достигает 300 тыс. человек»[25].

---

[22] Pomiankowski, S. 91.

[23] Allen and Muratoff, p. 237.

[24] ЦГВИА, ф. 2000, оп. 1, д. 3860, л. 7—8.

[25] ЦГАВМФ, ф. 418, оп. 1, д. 4248, л. 123 (газетная вырезка).

Остальные армии своей мощью значительно уступали 3-й. Так 1-я и 2-я армии насчитывали вместе 211 тыс. человек, 4-я армия — 88 тыс. человек, т. е. не превышали своей общей численностью одну 3-ю армию. Всего к началу октября в ряды войск было призвано 1 млн. солдат[26].

По сведениям из швейцарских источников, в момент вступления Турции в войну ее армия достигала 800 тыс. человек, не считая 200 тыс. в составе рабочих батальонов, сформированных, главным образом, из немусульман. Турецкие войска дислоцировались следующим образом: Кавказский фронт — 360 тыс. человек, Галлиполийский фронт — 200 тыс. человек, Сирийский фронт — 100 тыс. человек, Восточная Фракия и район Стамбула — 100 тыс. человек, Малая Азия — 50 тыс. человек, Месопотамский фронт — 50 тыс. человек[27].

Для ускоренного обучения османской армии и флота, содействия в деле мобилизации и усиления специальных технических частей в Турцию за период август—октябрь 1914 г. было переброшено около 5 тыс. немецких офицеров, солдат и матросов.

Турецкая армия оснащалась немецким оружием, которое усиленно поступало из Германии, начиная с весны 1914 г. Правительство кайзера предоставило Турции для этой цели специальный заем[28].

Но полученного вооружения далеко не доставало для полного обеспечения миллиона солдат, призванных в ряды армии. Ощущалась также острая нехватка запасов продовольствия и амуниции. Это особенно остро чувствовалось в районе 3-й армии, где зимой, в горных условиях, у бойцов даже не было теплой одежды.

---

[26] МОЭН, серия III, т. VI, ч. 1, № 363.

[27] ЦГВИА, ф. 2000, оп. 1, д. 3891, л. 4. По другим данным турецкая армия в начале войны состояла из одного миллиона человек, но из них хорошо организованных войск было лишь около 600 тыс. человек (ЦГВИА, ф. 2000/с, оп. 1, д. 824, л. 192). По мнению некоторых наблюдателей, общая численность турецкой армии достигала 1 млн. 500 тыс. человек, включая 200 тыс. резервных войск, 300 тыс. человек в рабочих батальонах и 100 тыс. иррегулярных войск, состоявших из бедуинов и курдов (ЦГВИА, ф. 2000/с, оп. 1, д. 824, л. 369; там же, ф. 2000, оп. 1, д. 3885, л. 54).

[28] ЦГВИА, ф. 2000, оп. 1, д. 2003, л. 54—59.

Самым слабым местом турецкой армии был ее командный состав. Как свидетельствует известный военный историк и участник войны на Кавказском фронте Корсун, «младший командный состав турецкой армии был на 75% малограмотен, средний на 40% состоял из произведенных унтер-офицеров без специального военного образования. Старший и высший командные составы, имея общее военное образование, были очень слабо подготовлены к вождению войск в современной войне и притом на горных театрах»[29].

Вступление в феврале 1914 г. Энвера на должность военного министра сразу ознаменовалось массовым увольнением генералов и штаб-офицеров под предлогом достижения ими предельного возраста. На самом деле Энверу нужно было избавиться от неугодных офицеров, присутствие которых в министерстве или в верхах армии могло подорвать его личный авторитет. Энвер тогда же упразднил Высший военный совет, что освобождало военного министра от всякого контроля.

В течение первых месяцев 1914 г. из армии было изгнано около 1500 генералов и офицеров. Энвер заменил их людьми не по признаку подготовленности в военном деле, а только по преданности младотурецкой партии. Такая же чистка была проведена младотурками во флоте. Подобным образом младотурецкая клика избавлялась от неугодных ей элементов в армии. Председатель младотурецкого комитета Мидхат Шукри на одном из заседаний Комитета прямо заявил: «Первой заботой Энвер-паши при принятии им портфеля военного министра было — очистить армию в смысле увольнения тех офицеров, которые занимались политикой и преданность коих младотурецкой партии могла быть поставлена под сомнение»[30].

Младотурецкий комитет, проводя реорганизацию армии, руководствовался стремлением добиться полного подчинения вооруженных сил своему диктату. Ради достижения этого Энвер и морской министр Джемаль, не задумываясь, выгоняли из армии и флота опытных офицеров, особенно из среды высшего командного состава. «Преследование офицеров, не желающих

---

[29] Комбриг Н. Корсун, Сарыкамышская операция, М., 1937, стр. 11.
[30] ЦГАВМФ, ф. 418, оп. 1, д. 4288, л. 20—21.

вступать в члены партии «Единение и прогресс»,— отмечала одна газета,— коснулось и высших чинов командного состава армии. Способные и талантливые генералы увольнялись или переводились на низшие должности»[31].

Турецкое командование, сконцентрировав на Кавказском фронте крупные силы, рассчитывало, что благодаря их численному превосходству можно будет быстро отбросить русские войска с занимаемых ими позиций и открыть себе путь в глубь Закавказья.

Готовясь к вторжению в Закавказье, турецкое командование возлагало надежды на помощь местного мусульманского населения, что должно было создать большие затруднения для русских войск. Однако эти расчеты младотурок оказались ошибочными.

Энвер — главный инициатор и вдохновитель похода в Закавказье — считал, что изгнание русских сил из этого района явится необходимой предпосылкой для присоединения Ирана к антирусской коалиции и подъема широкого движения среди мусульманского населения России. Без этой поддержки со стороны мусульман за пределами Османской империи, по мнению Энвера, было бы невозможно осуществить «национальные чаяния» турок. «Поэтому,— говорил турецкий вице-генералиссимус,— надо попытаться выбить Россию из Кавказа... Армия в 300—350 тысяч человек может раздавить русских на этом фронте». Турецкое командование полагало, что, отбросив русские войска за Кавказский хребет, можно будет укрепить горные проходы и сделать их непреодолимыми к весне 1915 г., когда русские сумеют сконцентрировать на Северном Кавказе крупные силы[32]. Но в первые же месяцы войны эти авантюристические планы были опрокинуты русскими войсками, сражавшимися на Кавказском фронте.

Командованию русских войск было хорошо известно о сосредоточении крупных турецких сил в пограничном с Россией

---

[31] «Новое время», 5 (18) I, 1914, № 13584.

[32] ЦГВИА, ф. 2000, оп. 1, д. 3891, л. 14—22. Аллен и Муратов ошибочно утверждают, что турецкое командование не имело накануне войны плана ведения военных действий. См. Allen and Muratoff, p. 222.

районе. Поэтому оно приняло соответствующие ответные меры. В августе 1914 г. была сформирована Кавказская армия под командованием наместника края генерала Воронцова-Дашкова. В эту армию входили 1-й Кавказский корпус, 2-й Туркестанский корпус, 66-я дивизия, 2 и 3-я кубанские бригады, 2 и 4-я Кавказские казацкие дивизии, 2 казацких полка, 4 саперных батальона и 4 пограничных батальона. В начале ноября общая численность Кавказской армии доходила до 153 батальонов, 175 сотен, 12 инженерных рот, 350 полевых орудий и 5 батальонов крепостной артиллерии[33]. Кроме того, Кавказскую армию поддерживали армянские и грузинские отряды добровольцев. По словам Сазонова, в конце октября 1914 г. на Кавказе имелось 200 тыс. войск[34].

Как видим, в численном отношении Кавказская армия значительно уступала турецкой, но зато превосходила противника в подготовке командного состава во всех его звеньях, в боевой выучке войск, а также в их оснащении артиллерией, средствами связи и в постановке медицинской части и снабжения.

Что же касается планов царизма в войне с Турцией, о чем говорилось выше, Ленин писал: «Россия воюет... за Армению и за Константинополь»[35].

В объяснительной записке генерального штаба «Границы России в результате войны 1914—1915 годов (соображение к требованиям России при заключении мира)», представленной Николаю II в 1915 г., подчеркивалось, что «несмотря на одиннадцать веденных с Турцией войн, несмотря на то, что турки, особенно в 1878 г., были совершенно разбиты, *Россия не достигла удовлетворения своих жизненных интересов* (подчеркнуто в документе.— *Е. С.*); проливы остались вне владения России, граница с Кавказом не стала обеспеченной, Черное море не сделалось внутренним русским морем... Причинами тому было соперничество других держав, особенно Англии и Франции, бо-

---

33 Генерал-майор Корсун Н. Г., Первая мировая война на Кавказском фронте, М., 1946, стр. 22.

34 «Константинополь и проливы», I, док. № XVII

35 Ленин В. И., Соч., т. 23, стр. 115.

явшихся военного и экономического усиления России. Поэтому эти державы загораживали выход России из Черного моря и поддерживали существование Турции»[36].

Говоря далее о планах России на Балканах, генеральный штаб считал необходимым занять такую позицию, чтобы Болгарии, Сербии, Румынии и Греции было бы выгодно сдружиться с Россией и опасно становиться в ряды ее врагов. «Этого положения,— говорилось в записке,— можно достигнуть только в том случае, если Россия, частью своих владений, сама станет Балканской державой. Занятие проливов с Константинополем и прилегающих на европейском и азиатском берегах территорий и приведет к этой важной для России XX века цели. Мраморное море станет внутренним русским морем...»[37].

Таким образом, очевидно, что если Османская империя стремилась в войне 1914—1918 гг. добиться осуществления своих захватнических планов в отношении России, то и царское самодержавие преследовало в этой войне агрессивные цели в отношении Турции.

Но Россия не была заинтересована в том, чтобы Османская империя примкнула к австро-германскому блоку. Царское правительство всячески стремилось привлечь Турцию в лагерь Антанты, а в случае провала этих попыток, сделать все, чтобы турки остались нейтральными. Такая позиция России объяснялась военно-стратегическими мотивами, ибо России не выгодно было расчленять свои основные силы на востоке Европы, направленные против Германии. Вступление Османской империи в войну на стороне германского блока заставило бы Россию вести войну и на Кавказском театре, что не могло не отразиться на основном для нее фронте. Вот почему царское самодержавие, несмотря на наличие у него захватнических планов в отношении Турции, не хотело войны с ней. Османская же империя, исходя из своих экспансионистских пантюркистских планов, давно готовящаяся к войне против России, решила внезапно перейти в наступление на Кавказском фронте, воспользовавшись

[36] ЦГИАМ, ф. 543, оп. 1, д. 751, л. 173—174.
[37] Там же, л. 210—211.

тем, что основные силы русской армии были заняты на европейском театре военных действий[38].

Турецкий генеральный штаб был осведомлен о том, что командование русских войск главное внимание уделяло западному фронту, считая, что он является для России важнейшим, так как на нем будет решен исход схватки с ее самым опасным и сильным противником — кайзеровской Германией. Поэтому сюда были брошены основные силы русской армии, в том числе и значительная часть войск, расположенных в пределах Кавказского военного округа. Этим объясняется, что в численном отношении русская Кавказская армия намного уступала турецким силам, вторгшимся в Закавказье.

Войска Кавказской армии были разбиты на пять групп.

Первая группа состояла из трех отрядов — Сарыкамышского, Ольтинского и Кагызманского. Вторая группа разделялась на Эриванский, Макинский и Азербайджанский отряды. Третья группа, разделенная на Рионский и Чороxский отряды и гарнизон Михайловской (Батумской) крепости, должна была охранять побережье, оборонять крепость и прикрывать правый фланг армии. Четвертая группа войск, состоявшая из трех отрядов — Пограничного (на русско-иранской границе), Ардабильского и Казвинского (оба в Иране), контролировала Иранский Азербайджан и охраняла шоссе Энзели-Тегеран. Пятая группа составляла армейский резерв в районе Тифлиса. Кроме того, часть войск была выделена для охраны тыла армии[39].

Командование Кавказской армии разбросало свои войска отдельными отрядами на протяжении 720 километров фронта, растянувшегося от Черного моря до стыка русско-турецкой и иранской границ, не сконцентрировав достаточных сил на главном, Эрзерумском направлении, тогда как на второстепен-

[38] В начале войны русское командование перебросило с Кавказа на европейский театр войны два армейских корпуса и пять казачьих дивизий (всего 71 батальон, 156½ сотен и 35 батарей). (Корсун Н. Г., Первая мировая война на Кавказском фронте, стр. 20).

[39] Корсун Н. Г., Первая мировая война на Кавказском фронте, стр. 22.

ном направлении, каким являлось Эриванско-азербайджанское, сосредоточено было больше войск.

«В то время как турки,— пишет Корсун,— для контрманевра в зоне Эрзерум—Кёпрю-кёй могли сосредоточить свыше 50% своих сил, русские были в состоянии противопоставить им всего 33% из числа развернутых войск. Таким образом, стратегическое сосредоточение турецких войск было произведено в предвидении первых столкновений более целеустремленно, чем у русских. Это неизбежно должно было сказаться на результатах первого встречного столкновения»[40].

2 ноября турецкие войска, руководствуясь планом Энвер-паши[41], перешли в наступление и крупными силами вторглись в Батумскую область. На Аджарию турецкое командование с самого начала войны обратило исключительное внимание. Переброшенные туда турецкие шпионы и эмиссары старались повлиять на религиозные чувства грузин-мусульман, чтобы возбудить у них симпатии к Турции. Они раздавали населению оружие и пытались толкнуть его к вооруженным выступлениям в тылу русских войск.

Под напором превосходящих сил противника русские войска вынуждены были отступить, и турки в начале ноября заняли Артвин и Ардануч. Русские войска отошли на позицию по реке Аджарисцхали, недалеко от Батума. В результате дальнейшего продвижения турок административные районы Аджарии, нижний и верхний участки, лишились сообщения с Батумом по шоссе. Продолжая наступление, турецкие войска стремились выйти к Карсу — в тыл главных сил Кавказской армии в районе Сарыкамыша.

Между тем Сарыкамышский отряд русских войск под командованием генерала Берхмана, оторвавшись от своей базы, вступил на территорию Западной Армении и дошел до Кёпрюкёя (35 км от Эрзерума). 6 ноября русские войска встретились с войсками 3-й турецкой армии, под командованием Гассан Из-

---

[40] Там же, стр. 24.

[41] По плану Энвера основные силы 3-й армии должны были прорвать правый фланг Сарыкамышской группы русской Кавказской армии и путем глубокого обходного маневра выйти в ее тыл восточнее Карса, для полного окружения Сарыкамышской группы войск.

зет-паши, и после упорных боев 7 ноября заняли Кёпрю-кёй. Две турецкие дивизии, оборонявшие этот пункт, были обращены в бегство[42].

Занятие Кёпрю-кёя, совершенное по инициативе Берхмана, не входило в планы командования Кавказской армии, ибо русские силы не были подготовлены для дальнейшего продвижения к Эрзеруму. Турецкое командование, воспользовавшись тем, что Сарыкамышский отряд оторвался от своей базы, сконцентрировало в районе Кёпрю-кёя крупные силы 9 и 11-го корпусов и стремилось, обойдя правый фланг русских войск, окружить их. Последние, разгадав этот замысел противника, 16 ноября оставили Кёпрю-кёй и начали отступать к границе. Турецкие войска, преследуя Сарыкамышский отряд, пытались зайти им в тыл и отрезать путь к дальнейшему отступлению.

Оставление русскими войсками Кёпрю-кёя было воспринято младотурецкой кликой и ее прессой как предвестник близкой победы над Россией. Так, стамбульская газета «Танин» писала в статье, опубликованной 27 ноября под заглавием «Наконец, победители»: «Победа доблестных турецких войск... является высочайшим образчиком не только храбрости, но и искусства... Мы знаем, что, одержав громадную победу — первую серьезную победу после сорока лет, наши отважные воины отбросили русскую армию и блестящим успехом своим смыли позор былых поражений. Создатель даровал нам счастье видеть великий успех, и мы верим, что доживем до дня, когда враг будет окончательно уничтожен»[43]. Но это ликование, как показали последующие события, было преждевременным.

Энверу казалось близким осуществление его плана полного разгрома Кавказской армии в ее основной базе Сарыкамыш — Карс, после чего овладение Закавказьем не представляло бы для турок особых затруднений. Поэтому основные силы 9, 10 и 11-го корпусов Энвер сконцентрировал на Эрзерумско-Сарыкамышском направлении. Командующий 3-й армией

---

[42] Jollivet G. Six mois de Guerre, août 1914—février 1915. Paris, p. 155.

[43] ЦГАВМФ, ф. 418, оп. 1, д. 424, л. 175.

Гассан Иззет-паша более трезво оценивал боеспособность своих сил. Он считал невозможным в суровых условиях зимы и бездорожья, при неподготовленности армии и нехватке зимнего обмундирования и продовольствия начать такую крупную операцию, какую задумал осуществить Энвер. Тогда последний немедленно отстранил Гассан Иззет-пашу от командования и в конце ноября, прибыв на фронт, лично возглавил 3-ю армию. Начальником штаба армии был назначен член военной миссии Лимана фон Сандерса генерал-лейтенант Бронсарт фон Шелленсдорф, а начальником оперативной части — член той же миссии майор Фельдман.

Упорные бои между 3-й армией и Кавказской армией, продолжавшиеся с 22 декабря 1914 г. по 18 января 1915 г., известны в истории первой мировой войны под названием Сарыкамышской операции, оказавшей решающее влияние на дальнейший ход военных действий на турецко-русском фронте.

Турецкая армия, принимавшая участие в Сарыкамышской операции, насчитывала 120—125 тыс. человек, силы же Кавказской армии не превышали 64 тыс. человек[44]. На это численное превосходство турецких войск всецело уповал Энвер, отдавая приказ о наступлении на Сарыкамыш. Немецкие генералы не воспротивились осуществлению этого плана, хотя Лиман фон Сандерс высказал Энверу сомнение в возможности его успеха[45]. Но для немцев не так важно было достижение турками победы на этом второстепенном фронте мировой войны, как важен был сам факт турецкого наступления, которое, по их расчетам, должно было вынудить русских оттянуть на Кавказ часть своих сил, находившихся на Западном фронте. Поэтому Вангенгейм и германское правительство не возражали против пантуранистских завоевательных предприятий турецкого вице-генералиссимуса[46].

Основной целью этого наступления, как пишет немецкий подполковник Гюзе, до прибытия на Кавказский фронт Брон-

---

[44] Allen and Muratoff, p. 252. Корсун считает, что в этой операции турки имели почти полуторное превосходство в пехоте и некоторое превосходство в артиллерии. См. Н. Г. Корсун, Сарыкамышская операция, стр. 29.

[45] Liman von Sanders, S. 52.

[46] Pomiankowski, S. 98.

сарта фон Шеллендорфа, занимавшего пост начальника штаба 3-й армии, был захват внезапным нападением Сарыкамыша. Затем турецкие войска должны были ударить по Карсу с фронта (со стороны Сарыкамыша) и с тыла силами войск, наступавших на Ольтинском направлении. Энвер предполагал, что русские войска отступят, не принимая боя. «Это мнение,— пишет Гюзе,— было фантастическим и, как выяснилось позже, русские о таком отступлении и не думали». Далее Гюзе отмечает, что 3-я турецкая армия не в состоянии была успешно провести операцию такого масштаба, какую задумал Энвер[47]. Это свидетельство непосредственного участника описываемых событий лишний раз убеждает в том, что военный министр и тогдашний диктатор Турции, опьяненный своими агрессивными планами, не учитывал состояния собственных войск и, самое главное, недооценивал силы противника.

Накануне наступления Энвер разъезжал по фронту и пытался вдохновить голодных и замерзших аскеров. «Солдаты,— писал он в своем обращении к войскам,— я всех вас посетил. Видел, что ноги ваши босы и на плечах ваших нет шинелей. Но враг, стоящий напротив, боится вас. В скором времени вы будете наступать, вступите на Кавказ. Там вы найдете всякое продовольствие и богатства. Весь мусульманский мир с надеждой смотрит на ваши последние усилия»[48].

22 декабря турецкие войска начали наступление. В нашу задачу не входит подробное описание всей сарыкамышской операции. Отметим лишь самое главное. Обе стороны упорно сражались в трудных условиях зимы и горного рельефа. Войска 10-го корпуса, намного превосходившие силы противостоящего им Ольтинского отряда (в пехоте более чем в шесть раз, в артиллерии в три раза), продвигались в направлении Олты. Генерал Истомин, командовавший Ольтинским отрядом, под угрозой окружения дал приказ к отступлению. Отряд отходил, оказывая противнику упорное сопротивление. Планомерное отступление русских войск обеспечило своевременную эвакуацию

---

[47] Güze, Büyük harpte Kafkas cefesindeki muharebeler, „Askerî mecmuanın Tarih kısmı". 1. I 1931, N 20. s. 40.

[48] Цит. по кн.: Н. Г. Корсун, Сарыкамышская операция, стр. 33.

Олты (в частности, армянского населения), боеприпасов, обмундирования, продовольствия и ценного имущества. Турецкие войска 23 декабря вошли в Олты. Несмотря на успех, в этом направлении турецким войскам не удалось осуществить основной задачи, поставленной перед ними Энвер-пашой,—окружения Ольтинского отряда.

Истомин, умело организовавший отход своего отряда, понимал, что это отступление оголяет правый фланг Сарыкамышской группы русских войск и ставит ее под угрозу окружения. Об этом он неоднократно сообщал в штаб Кавказской армии. Но предупреждениям Истомина командующий Сарыкамышской группой русских войск генерал Берхман не придавал должного значения[49]. В результате Берхман был отстранен от командования войсками и на его место был назначен помощник главнокомандующего генерал Мышлаевский. Последний перегруппировал войска, усилил оборонительные рубежи и тем самым создал возможность для проведения контрудара.

25 декабря Энвер приказал частям 9-го корпуса наступать на Сарыкамыш. Войска двигались по горным тропам по колено в снегу. В это время на фронт прибылс подкрепление — два пехотных полка. Кроме того, из сторонников младотурецкой партии были организованы партизанские отряды и отправлены через линию фронта в тыл русской армии для порчи линий связи, вывода из строя железной дороги Карс—Сарыкамыш и поднятия восстания[50].

Вновь прибывшие полки были переброшены на Ольтинское направление, и отряд Истомина под натиском превосходящих сил противника вынужден был отступить к Мерденеку

Между тем Энвер создал сильный кулак для захвата Сарыкамыша. Мышлаевский, чувствуя нависшую угрозу, усилил оборону Сарыкамыша переброской к нему новых войсковых частей.

К вечеру 26 декабря, когда началось сражение за Сарыкамыш, русские силы насчитывали $7^3/_4$ батальона, 7 сотен при 6 орудиях. Силы турок равнялись 18 батальонам[51].

---

[49] Allen and Muratoff, p. 255.

[50] Корсун Н., Сарыкамышская операция, стр. 56.

[51] Там же, стр. 63.

Энвер был уверен, что русские войска, оборонявшие Сарыкамыш, не имели артиллерии и потому надеялся на легкую победу. Но когда 26 декабря части 9-го корпуса начали атаку Сарыкамыша, они были встречены мощным артиллерийским огнем. Это было для Энвера полной неожиданностью. Ценой больших жертв в полдень 26 декабря турки заняли высоту у Сарыкамыша, но не могли войти в город. Командир 9-го корпуса Иззет-паша, видя тяжелое положение своих войск, решил ждать прибытия 28-й дивизии, которая подошла 28 декабря. Турецкие войска в ходе наступления несли огромные потери.

Гюзе, подробно описывая военные действия, отмечает, что из-за отсутствия подвоза продовольствия солдаты съедали неприкосновенные запасы. Турецкие войска, лишенные зимнего обмундирования, страдали от морозов, достигавших 36 градусов. Многие солдаты, не вынося мучений, бежали с фронта. Число дезертиров увеличивалось с каждым днем. Гюзе свидетельствует о полном отсутствии в войсках какого-либо наступательного порыва. Он пишет, что когда попытался повести вперед 17-ю дивизию, то «был ранен в руку солдатом этой дивизии... Настроение в частях 29-й дивизии,— продолжает Гюзе,— было не лучше. Хотя эта дивизия находилась под непосредственным влиянием Энвера, она отказывалась идти вперед. У турок уже не оставалось надежд на успех дальнейшего наступления»[52]. В результате из 25 тыс. солдат 9-го корпуса за неделю его продвижения к Сарыкамышу осталось к 26 декабря лишь 10 тыс. человек, растерявших по пути почти всю свою артиллерию[53].

О состоянии турецких войск после кровопролитного сражения под Сарыкамышем писал в своих мемуарах бывший начальник 9-го турецкого корпуса: «Люди с промокшей легкой обувью, пройдя 25 декабря большое расстояние по глубокому снегу, расходились на ночлег после боя с русской колонной в районе равнины Малаган; многие из них за ночь замерзли. Почерневшие от мороза трупы аскеров обозначали утром 26 декабря расположение бивуаков, образовывая вокруг потухших ко-

[52] Cüze, s. 41, 45.

[53] Allen and Muratoff, p. 267.

стров широкие круги. Утром 26 декабря оказалось, что отстало по пути и замерзло за ночь около 50% состава 29-й пехотной дивизии»[54].

Несмотря на большие потери в сражении 26 декабря и на провал плана захвата Сарыкамыша, Энвер ждал подхода частей 10-го корпуса, действовавших на Ольтинском и Ардаганском направлениях. Между тем части этого корпуса развивали наступление. 25 декабря турки заняли Ардаган. Ольтинский отряд Истомина, крайне ослабленный, отступил от Мерденека. Мышлаевский, обеспокоенный создавшимся положением на Ольтинском направлении и нерешительностью Истомина, вынужден был заменить его Габаевым, который приостановил дальнейшее отступление Ольтинского отряда и предпринял необходимые меры для контрудара по противнику, стремившемуся прорваться в глубь Карсской области. 29 декабря наступление турок было приостановлено, и Ольтинский отряд перешел в районе Мерденека в контрнаступление.

Но в этот момент Габаев со своим отрядом был вызван в Карс. Оставив на месте небольшой заслон под командованием Истомина, Габаев двинулся к Карсу. Переброска отряда Габаева объяснялась новым крупным наступлением турок на Сарыкамыш, предпринятым ими 29 декабря. Об этом намерении противника Мышлаевский узнал благодаря тому, что 27 декабря был взят в плен начальник штаба 28-й турецкой дивизии. У пленного были найдены приказы Энвера, в которых подробно излагался план наступления на Сарыкамыш. Войска 9-го корпуса должны были атаковать Сарыкамыш, а 10-й корпус имел задание отрезать его от Карса[55]. Эти сведения дали возможность подготовиться к отражению атаки противника. Для усиления обороны Сарыкамыша к этому пункту 29 декабря было переброшено 21 батальон, 20 конных сотен, 44 орудия, 64 станковых пулемета[56]. Силы противника равнялись 52 батальонам неполного состава.

---

[54] Цит. по кн.: Н. Г. Корсун, Сарыкамышская операция, стр. 63.

[55] Allen and Muratoff, p. 368. По мнению Корсуна, Мышлаевский считал невозможным спасти Сарыкамыш и для сохранения Кавказской армии предпочел отступать (Сарыкамышская операция, стр. 72—78).

[56] БСЭ, 2-е изд., т. 38, стр. 125.

29 декабря турецкие войска под личным командованием Энвера начали новое наступление. Мышлаевский, охваченный страхом, собирался отступить, чтобы сохранить силы. В самый критический момент он оставил фронт и выехал в Тифлис. Командующим обороной Сарыкамыша был назначен генерал Пржевальский, который во главе 1-й кубанской пластунской бригады 28 декабря подошел к Сарыкамышу. Пржевальский являлся сторонником активных действий. Под его руководством яростные атаки турецких войск были отбиты. Энвер в ночь на 30 декабря возобновил наступление. Турецким войскам удалось ворваться в Сарыкамыш. Начался штыковой бой. Турки несли огромные потери. 17-я дивизия 11-го корпуса потеряла боеспособность. В 28 и 29-й дивизиях осталось всего 3 тыс. человек. В ходе ожесточенных боев инициатива перешла к русским. Противник был выбит из Сарыкамышских высот. Русские войска перешли в контрнаступление и отрезали 9-й корпус вместе со штабом от его главных сил. 80% личного состава этого корпуса погибло от морозов. 9-й корпус, состоявший из 40 тыс. солдат, был уничтожен почти полностью. Его командующий генерал Иззет-паша со своим штабом сдался в плен[57]. В это же время части 10-го корпуса, действовавшие севернее Сарыкамыша, под ударами русских войск отступили в горы.

Потери турок были настолько велики, что от многих дивизий и полков после их разгрома под Сарыкамышем почти ничего не осталось. На конференции левых турецких социалистов в Москве в 1918 г. докладчик Джевдет, говоря о Сарыкамышской операции, отметил, что «значительная часть наступавшей армии погибла от холода, голода и отсутствия обмундирования. Про печальную участь 88-го полка могли рассказать лишь 160 счастливчиков, которые вошли в Сарыкамыш. При таком критическом положении турецкой армии русские начали свое контрнаступление. Естественно, что полки и дивизии смешались, никто и не думал об исполнении исходящих от начальства приказов. Командующие, чтобы остановить отступление, приказывали начальникам стрелять в солдат, одним словом, получилась страшная суматоха...»[58].

[57] Price, p. 113.

[58] Архив ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 17, оп. 1, д. 90, л. 10.

В ходе преследования русские войска захватили в плен более 5 тыс. турецких солдат, 14 орудий и большое количество провианта[59].

Кавказская армия продолжала теснить турецкие войска и в Ольтинском направлении. 3 января 1915 г. войска Истомина выбили турок из Ардагана, взяв при этом в плен 900 солдат. Противник понес тяжелые потери. Истомин продолжал наступать на Ардануч—Артвин, а отряд под командованием Калтина начал преследовать турок по направлению Мерденек-Олту. 12 января после кровопролитных боев русские войска отбросили турок за Олту и, продолжая преследование, 15 января очистили Ени-кей. Разбитые части 11-го корпуса вместе с остатками 9-го корпуса под непреодолимым нажимом правого фланга Кавказской армии были выброшены из Чорохской долины и бежали по направлению к Трапезунду. Но Батумская область полностью не была очищена от турецких войск. На труднодоступном участке, юго-западнее Артвина, остатки турецких войск продолжали удерживать свои позиции.

В Сарыкамышском направлении Энвер силами 11-го корпуса, удерживавшими фронт, и уцелевшими частями 10-го корпуса сделал последние усилия перейти в контрнаступление в районе Бардиз (северо-западнее Сарыкамыша). Но под натиском частей Кавказской армии турецкие войска были отброшены с большими для них потерями. Убедившись, что битва за Сарыкамыш окончательно проиграна, Энвер передал командование над жалкими остатками 3-й армии (около 13 тыс. человек) полковнику Хафиз Хакки-бею и сам, едва избежав плена, тайком покинул разбитые войска.

11 января части Кавказской армии взяли Бардиз и продолжали преследовать остатки разгромленного 10-го корпуса. Войска 11-го корпуса пытались приостановить натиск русских войск. С 17 января в районе Каракургана в течение трех дней

---

[59] Jollivet Gaston, p. 165. По данным Корсуна, было взято в плен 3500 турецких солдат. См. Н. Г. Корсун, Сарыкамышская операция стр. 143.

происходили ожесточенные бои, закончившиеся разгромом 11-го корпуса, обратившегося в беспорядочное бегство в сторону Эрзерума.

Один русский офицер, участник боев под Сарыкамышем и Каракурганом, рассказывает, что турки после понесенного поражения не отступали, а бежали, в самом буквальном смысле этого слова, без передышки несколько дней, бросив при этом все, что ими было захвачено с собою и что мешало бегству: оружие, амуницию, обозы, артиллерию, повозки, лошадей, боевые и съестные припасы, полевые аптеки. Даже легко раненные офицеры, в том числе и высшие штабные чины, были брошены на полях и местах битв на произвол судьбы. Турки, спасаясь, разбрелись по горам и ущельям, избирая для этого кратчайшие пути. Они лезли через горы, скалы и хребты, оставляя на них небольшие арьергарды, хотя бы для временной задержки преследующих их русских войск. «Наши солдаты,— пишет далее этот очевидец,— дабы застигнуть их, заставить принять бой и нанести последний удар, прилагали к этому все усилия, они шли по пятам турок, не давая им опомниться, засыпая их убийственным огнем из винтовок и пулеметов, выбивая их часто штыками и рукопашной схваткой из ущелий и оврагов, где они прятались и оборонялись. Мужество и отвага наших солдат не поддаются в этих схватках описанию, все стали героями, вели себя беспримерно...»[60].

Огромные запасы снаряжения и боеприпасов, брошенные турецкими войсками при отступлении, свидетельствовали о том, что план наступления Энвер-паши задуман был давно[61].

Победа русских войск под Сарыкамышем вошла в историю первой мировой войны как одна из самых блестящих ее страниц. Сокрушительный разгром превосходящих сил противника в условиях суровой зимы объяснялся не только исключительной стойкостью и боевой выучкой войск Кавказской армии, тут сказалось и общее превосходство русской армии в подготовке командного состава, в обладании боевой техникой, в умении маневрировать в сложных условиях горного театра

---

60 ЦГИА ГрузССР, ф. 2, оп. 1, д. 3599, л. 24.

61 Там же, д. 3187, л. 20—21.

военных действий, в обеспечении снабжения и в службе тыла. Поражению турецких войск способствовала их полная неподготовленность к военным действиям в зимних условиях, а также бездорожье Западной Армении. Анатолийские железные дороги за тысячи километров не доходили до кавказской границы, в то время как русские войска могли пользоваться железнодорожными путями, доходившими до Карса и Батума, отстоявших в двух-трех переходах от границы с Турцией. Турецкая же армия вследствие бездорожья не получала вовремя и в должном количестве продовольствие, обмундирование и боеприпасы, что сильно снижало ее боеспособность.

Поражение турецких войск в Сарыкамышском сражении оказало сильнейшее воздействие на весь дальнейший ход военных действий на Кавказском фронте, создав предпосылки для успешного наступления русских сил в Западной Армении в 1915 г. Кроме того, последовавшая вскоре переброска турецким командованием войск с других фронтов к границе России облегчила действия англичан в Месопотамии и в зоне Суэцкого канала.

Авантюра Энвера дорого обошлась турецкому народу. Из 90 тыс. солдат 3-й армии в результате ее разгрома в Сарыкамышской операции 78 тыс. человек было убито в боях, замерзло и погибло от голода и болезней и попало в плен. В Стамбуле было строго запрещено говорить и писать об этой катастрофе[62]. По данным Гюзе, 12 тыс. человек дезертировали с фронта[63]. Около 20 тыс. сравнительно легко раненых умерло вследствие полного отсутствия медицинской помощи[64]. Потери русских исчислялись: более 20 тыс. убитых, раненых и больных и свыше 6 тыс. обмороженных[65].

---

[62] Liman von Sanders, S. 54—55. Примерно эти же данные — 80 тыс. потерь, 18 тыс. счастлився, из которых 15 тыс. принадлежало к частям 11-го корпуса, сообщают Аллен и Муратов. См. Allen and Muratoff, p. 284. По данным Мевлан-заде Рифата, потери турецкой армии под Сарыкамышем составляли 75 тыс. человек (См. указ. соч., стр. 144—145). Современные турецкие историки также признают почти полное уничтожение в Сарыкамышской операции 3-й армии. См. Bayur J. H. Türk inkılâbı tarihi, C. III, kısım 3. Ankara, 1957, s. I.

[63] Güzc, s. 46.

[64] ЦГВИА, ф. 2000, оп. 1, д. 3862, л. 91.

[65] Корсун Н. Г., стр. 142.

По характеристике одного английского историка войны 1914—1918 гг., Энвер «потерпел неудачу из-за своей непредусмотрительности. В течение трехнедельной ожесточенной борьбы в снегах и тумане погибло не менее 50 тыс. солдат... После сражения под Сарыкамышем угроза России со стороны Кавказа была уже снята»[66].

Начальник штаба 9-го корпуса Шериф-бей-Кепрюлю в своих мемуарах пишет: «Такова была цена попытки Энвера овладеть районом Карс и Ардаган, пропагандировать панисламизм и реализовать мечты пантуранизма»[67].

В официальной истории Турции вина за поражение турецких войск под Сарыкамышем целиком сваливается на немецкое командование: «Трагедии канала (Суэцкого.—*Е. С.*) и Сарыкамыша являются крупными ошибками, допущенными немцами из-за преследования своих собственных интересов. Несмотря на эти промахи, османская армия везде мужественно сражалась с врагом»[68]. Тем самым современная турецкая историография берет под свою защиту младотурецкую клику, своей авантюристической политикой причинившей турецкому народу неисчислимые бедствия.

Как было воспринято в Германии известие о катастрофе турецких войск под Сарыкамышем? По этому поводу Помянковский писал: «Немцы определенным образом учитывали, что крупные турецкие наступательные операции на Востоке империи, служившие проведению пантуранистских военных целей Энвер-паши, должны привести к значительному ослаблению военной мощи Турции... Для Германии это означало скорее преимущество, чем недостаток. Одной из важнейших военных целей немцев было открытие пути из Берлина в Багдад и дальше в Индию, а для этого нужна была не сильная, а наоборот, слабая Турция.

Турецкие поражения и потери лили воду на мельницу немецкой политики, являясь, по крайней мере, в некоторой степени даже полезными, потому что они увеличивали зависимость

---

[66] Buchan John, History of the War, London, 1916, p. 126.

[67] Цит. по кн.: Н. Г. Корсун, Сарыкамышская операция, стр. 127.

[68] „Tarih", C. III, s. 308.

Турции от Германии и облегчали привлечение немецких сил в Турцию»[69].

Немецкая газета «Reichspost», желая успокоить младотурок и в то же время сгладить неблагоприятное впечатление от поражения союзника Германии, 29 января 1915 г. писала, что «операции турецкой армии уже достигли главной цели; они отвлекли значительные русские силы и облегчили задачи центральных держав. Это важнее всего для Турции, так как вопрос о судьбе Кавказа будет решен не там, а на главном Европейском театре»[70]. Кайзеровской Германии важно было, чтобы турки продолжали сражаться на Кавказском фронте, отвлекая тем самым русские силы от Западного фронта. Устоит ли турецкая армия в этой борьбе — это было для германских империалистов делом второстепенным. А пока в Берлине могли утешать своих турецких союзников ничего не стоящим обещанием — передать им весь Кавказ после победоносного окончания войны. Но как мы ниже увидим, в конце войны, в 1918 г., германское правительство, руководствуясь собственными колониалистскими целями, противилось захвату младотурками Кавказа.

* * *

С самого начала войны с Россией турецкое командование предусматривало вторжение в Закавказье не только со стороны основного направления Сарыкамыш—Карс, но и через Иранский Азербайджан. Согласно стратегическому плану, турецкие войска должны были с открытием военных действий захватить Урмийскую провинцию и создать в ней базы для дальнейших наступательных операций в направлении Хой—Джульфа—Баку и Сулдуз—Соудж-булак. Турецкое командование было уверено в том, что иранские власти и местные курдские шейхи окажут поддержку и с их помощью удастся поднять население Южного Азербайджана против находящихся там русских войск[71]. Поэтому турецкие захватчики считали, что они без особого труда

---

[69] Pomiankowski, S. 99.

[70] ЦГИА ГрузССР, ф. 2с, д. 3187, л. 29 (газетная вырезка).

[71] ЦГВИА, ф. 2000/с, оп. 1, д. 749, л. 354.

сумеют осуществить свой план вторжения в Закавказье с территории Ирана.

Но это намерение не соответствовало наличным силам, которые были в распоряжении турецкого командования. Так как большая часть войск была брошена в наступление в Батумскую область и на Сарыкамыш, для похода в Иран турки сумели выделить лишь слабые части. Кроме того, население Южного Азербайджана, так много натерпевшееся от турецких нашествий, прекрасно помнило тяготы недавней оккупации (1905—1912 гг.) и не скрывало своей враждебности к турецким захватчикам. Турки сумели небольшими силами занять Тавриз, Урмию и Дильман лишь благодаря тому, что в критические дни Сарыкамышской операции отряд русских войск под командованием Чернозубсва из северного Ирана был переброшен на Кавказский фронт[72].

В связи с этим стамбульские газеты распространяли лживые сведения, что вывод русских сил из Южного Азербайджана якобы является следствием их «поражения» в столкновениях с турецкими войсками.

Вступление в Азербайджан турок сопровождалось грабежами и убийствами мирных жителей — азербайджанцев, армян, айсоров, курдов. Турецкие военные власти расстреливали крестьян, рабочих, ремесленников, торговцев, не щадя ни женщин, ни стариков, ни малолетних детей. Естественно, что эти зверства турецких оккупантов вызывали всеобщую ненависть и возмущение.

Турецкие интервенты и немецкие агенты с помощью перешедших на их сторону 6 тыс. иранских жандармов вытеснили в течение зимы 1914—1915 гг. русские и английские консульства и колонии из Исфагана, Керманшаха и Хамадана.

---

72 Сазонов в письме Воронцову-Дашкову возражал против вывода русских войск из Южного Азербайджана. Министр иностранных дел указывал на неблагоприятные последствия этого шага — ослабление русского влияния в Иране и ущерб экономическим интересам России в этой стране (ЦГВИА, ф. 2000/с, оп. 1, д. 749, л. 376). Главнокомандующий Кавказской армией аргументировал необходимость этой меры для «сокращения стратегического фронта» и использования войск Азербайджанского отряда для прикрытия границы Закавказья от угрозы со стороны превосходящих сил турок (ЦГВИА, ф. 2000/с, оп. 1, д. 749, л. 420, 444).

Иранское правительство в значительной мере утратило власть над страной. Не только север, но и весь юг Ирана, за исключением побережья Персидского залива, фактически находился под контролем турецких оккупантов и германских агентов, захвативших в свои руки все пути сообщения и телеграфные линии.

Турецкие войска готовились к вторжению в Закавказье с территории Южного Азербайджана. Чтобы предупредить эту угрозу, командование Кавказской армии после разгрома турок в Сарыкамышской операции решило перебросить в Иран часть своих сил. Весной 1915 г. турецкие войска были разбиты и выброшены за турецко-иранскую границу. В этом деле русским войскам существенную помощь оказало население (армяне и азербайджанцы) Южного Азербайджана. Но турки продолжали занимать южные районы Ирана. В связи с этим в декабре 1915 г. Сазонов просил начальника штаба верховного главнокомандующего увеличить количество войск в Иране «до той цифры, которая необходима для обеспечения нас с этой стороны от каких-либо роковых случайностей и притом без ослабления нашего положения на нашем непосредственном турецком фронте»[73].

Нейтральный Иран стал полем сражения двух враждующих коалиций. В октябре 1915 г. русское верховное командование начало переброску экспедиционного корпуса генерала Баратова через Энзели (Пехлеви) в южные районы Ирана. Войска Баратова, отбросив турок, заняли Хамадан, Керманшах, Кашен, Кум и, преследуя противника, подошли к Исфагану.

В связи с поражением английских войск в апреле 1916 г. в Кут-эль-Амаре, где 13 тыс. англичан сдались в плен туркам, британские позиции на юге Ирана были подорваны. Лишь ценой больших усилий англичанам удалось к концу 1916 г. восстановить свой прежний контроль над южными районами Ирана.

---

[73] МОЭИ, серия III, т. IX, № 580. Грей еще в октябре 1915 г. обратился к Сазонову с просьбой об увеличении русских сил в Иране, что должно было облегчить английскому командованию осуществление наступательных операций в Месопотамии. См. МОЭИ, серия III, т. IX, № 70.

Таким образом, к началу 1917 г. большая часть территории Ирана оказалась под властью Англии и России. Незначительные районы на западе страны продолжали удерживать турецкие войска. Такое положение сохранялось до победы Великой Октябрьской социалистической революции в России.

* * *

В осуществлении своих захватнических планов младотурецкие агрессоры большие надежды возлагали на объявленную 11 ноября 1914 г. султаном «священную войну» (джихад). По мнению Помянковского, «призыв султана-халифа к священной войне являлся главным средством младотурок в достижении ими фантастических панисламистских и пантюркистских военных целей»[74].

Еще до вступления Турции в войну в Стамбуле было составлено, переведено на иностранные языки и отпечатано для распространения среди мусульманского населения других стран специальное воззвание, призывавшее к немедленному объявлению мусульманами «священной войны» против «неверных» с целью освобождения от «христианского ига» исконных мусульманских владений, в том числе и Кавказа. Это воззвание было озаглавлено: «Священная война обязательна». В нем, в частности, говорилось: «Каждый мусульманин... должен в настоящее время считать себя воином. Всякий мусульманин, могущий носить оружие, должен подготовиться и быть наготове принять участие в священной войне». Далее в воззвании указывалось, что нужно освободить от англичан Индию, Египет, Судан, от голландцев—Яву, от французов—Алжир, Марокко и Тунис. «Великая Сибирь, великий Туркестан, Хива, Бухара, Кавказ, Крым, Казань, Астрахань, земли казаков терроризированы жестокими врагами нашей религии... Поэтому истинные мусульмане этих стран должны немедленно объявить священную войну против подлых неверных...». Воззвание заканчивается выдержкой из корана, гласившей: «Убивайте тех, кто наряду с единым богом допускает существование других богов,

[74] Pomiankowski, S. 96.

убивайте везде, где бы вы их ни нашли, хватайте их, задерживайте их, подстерегайте их на всех дорогах».

Этот призыв к «священной войне» всех мусульман против Англии, Франции и России был сделан не без наущения Германии, считавшей, что провозглашение такой войны создаст Антанте серьезные затруднения. Но эти расчеты оказались ошибочными. В Берлине явно переоценили влияние султана-халифа на мусульманский мир[75].

Еще до войны, с целью содействия Турции в организации «священной войны», в Северную Африку и в различные районы Малой Азии под видом ученых-путешественников были направлены немецкие агенты. Их задача заключалась в установлении связей с местным мусульманским населением. Этим же занимались и члены германской военной миссии Лимана фон Сандерса во время своих разъездов по различным провинциям страны.

Со вступлением Турции в войну в Берлине под руководством некоего барона Оппенгейма была образована комиссия для планомерного возбуждения мусульман к восстанию против держав Антанты. Мусульманам, из разных стран приезжавшим в Берлин, читали лекции о том, что судьба народов, исповедующих ислам, зависит от того, воспользуются ли они войной для восстания против Англии, Франции и России, чтобы добиться политической независимости с помощью германского кайзера, «покровителя ислама и союзника халифа». Как отмечалось в одном документе, тем мусульманам, которые соглашались участвовать в подготовке вооруженных выступлений против Антанты, «немцы дают большие деньги, обещают им золотые горы в случае успешного выполнения ими своей крамольной работы, снабжают их подробными инструкциями...». С этой целью в 1914 г. в Берлин прибыли проживавшие в Турции выходцы из России Абдул-Рашид эффенди Ибрагимов и Ахмед-бек Агаев. Они занимались распространением заведомо ложных сведений о России для возбуждения враждебных к ней чувств среди турецкого населения[76].

---

[75] Там же, стр. 91—95.

[76] ЦГИА ГрузССР, ф. 2с, д. 3166, л. 25.

Но тщательные приготовления к «священной войне» оказались напрасными. Все призывы к мусульманам, раздававшиеся из Стамбула, подняться на вооруженную борьбу со странами Антанты потерпели на Востоке неудачу. На упомянутое выше воззвание султана-халифа откликнулось лишь несколько тысяч фанатиков в Триполитании и Ливии, взявшихся за оружие. Что же касается мусульманского населения различных стран Азии и Африки, то оно проявило к нему полное равнодушие.

Современник событий француз Шарль Франси отмечал, что призыв к священной войне не имел никакого эффекта и не взволновал мусульманский мир[77]. То же самое констатировал американский журнал «The Atlantic Monthly». В нем отмечалось: «Идея священной войны, ведущейся объединенным исламом, позорно провалилась. Такая война очень торжественно была провозглашена султаном-халифом. Но магометанский мир не откликнулся на этот призыв. Арабы и индусские мусульмане сражались против турок»[78].

Даже такой видный деятель младотурецкой партии, как Мевлан-заде Рифат, вынужден был признать, что объявленная священная война не имела влияния не только среди исламских народов мира, но даже и в самой Османской империи[79].

Наибольшие усилия в годы первой мировой войны прилагали младотурки к тому, чтобы склонить на свою сторону мусульманское население тех районов, которые непосредственно находились под воздействием турецких войск. Поэтому население Кавказа являлось первоочередным объектом, привлекавшим внимание младотурецких вожаков. Для привлечения на сторону Османской империи кавказских мусульман младотурецкие агенты широко распространяли различные прокламации и призывы. В одном из документов говорилось, что «война с Россией — это общее, давнишнее желание турок. Для того чтобы мусульмане воспользовались благоприятным моментом, не-

---

[77] Charles Francis, La Guerre 1914—1915. Paris, 1915, p. 197—198.

[78] „The Atlantic Monthly", Oktober, 1923.

[79] Мевлан-заде Рифат, стр. 114.

обходимо подготовить Кавказ и его мусульманских обитателей к вооруженному восстанию... Для этого нужно путем устной и печатной пропаганды объяснить мусульманскому населению, что в случае победы Германии и Турции, в чем не может быть сомнения, Кавказ получит полную автономию... Необходимо теперь же подготовить пограничных мусульман и возбудить ненависть против России»[80].

Вторжение турецких войск в Батумскую и Карсскую области сопровождалось распространением среди местного населения воззваний с призывом восстать против русских и вести против них «священную войну»[81]. В одном из этих воззваний, напечатанном в Стамбуле и найденном в Батумской области, провозглашалось: «Мусульмане, Кавказские горы — наши, это вам известно, и голос аллаха эхом раздается с этих гор. Сейчас вы, кавказские мусульмане, больше всех обязаны по примеру других мусульман восстать против врага...»[82].

В прокламации, оглашенной турецкими оккупационными властями в Артвине, говорилось: «Наши храбрые солдаты должны овладеть нашим древним владением — Кавказом... Конституция молодой Турции (речь идет о конституции 1876 г., восстановленной в 1908 г. во время младотурецкой революции.— *Е. С.*) решила освободить свою старинную родину от коварного деспота — русского самодержавия»[83].

Вступление турецких войск в конце 1914 г. в Батумскую и Карсскую области сопровождалось усиленной засылкой младотурками шпионов и диверсантов в различные районы Закавказья и активизацией деятельности ранее созданной там агентурной сети[84]. По сведениям департамента полиции, относящимся к концу 1915 г., комитет партии «Единение и прогресс» всячески старался насадить на Кавказе пантюркистское движение[85].

---

80 ЦГИА ГрузССР, ф. 2с, д. 3187, л. 7.
81 Там же, л. 119; см. также д. 3917, л. 5—7.
82 ЦГВИА, ф. 2000, оп. 1, д. 3862, л. 500.
83 ЦГИА, ГрузССР, ф. 2с, оп. 1, д. 3193, л. 167—169.
84 ЦГАОР ГрузССР, ф. 3, д. 812, л. 93.
85 ЦГИА ГрузССР, ф. 13/2с, оп. 1, д. 3171, л. 86.

В Баку в годы войны на турецком языке нелегально издавалась газета «Басирет», которая вела пантюркистскую агитацию и призывала мусульман к восстанию против России. Там же турецкие агенты основали особую организацию[86]. Ее участники разъезжали по всему Закавказью в целях сбора секретных военных сведений, которые незамедлительно пересылались в Турцию. Эта же организация с помощью турецких эмиссаров старалась разжечь среди кавказских мусульман ненависть к России, распространяла ложные слухи о поражении русской армии на Западном фронте, вела пропаганду о необходимости путем восстания всех мусульман России и особенно Кавказа оказать поддержку Германии, являющейся «искренней союзницей и покровительницей ислама». Помимо младотурок, засылкой шпионов в Закавказье занимались также германская и австрийская разведки. Их агенты обычно снабжались паспортами нейтральных держав, главным образом американскими и швейцарскими[87].

Начальник Александропольского гарнизона сообщал 19 января 1915 г., что в Ак-Бабинском участке Карсской области действует нелегальный комитет по сбору для турецкой армии оружия, денег, теплой одежды и продовольствия[88].

Отдельные турецкие шпионы проникали тогда в тыл русской армии. Так, турецкий офицер Джевдет пытался в Эривани побудить местных мусульман к вооруженным выступлениям и собирал топографические сведения[89]. Там же турецкие агенты вели в мечетях агитацию в пользу Турции. Деятельное участие в этом деле принимали местные ханы: Мирза Гусейн, Бюк хан, Ага-хан и Муса-хан. По сведениям, поступившим в начале 1915 г. в штаб Кавказской армии, «...они агитируют, сообщаются с турками и приказывают состоятельным мусульманам за-

---

86 О ней подробно сообщила издававшаяся тогда в Стамбуле армянская газета «Վերջին լուր» в номере от 30/17 октября 1914 г. Эти сведения газета почерпнула из младотурецкого органа „Sabah".

87 ЦГАОР АзССР, ф. 25, оп. 2, д. 1187, л. 103.

88 ЦГИА ГрузССР, ф. 2с, д. 3602, л. 17.

89 ЦГИА АрмССР, ф. 200, д. 223, л. 8.

купать хлеб и ячмень для турок, которые, по их словам, не сегодня-завтра должны завладеть краем»[90].

Турецким разведчикам и шпионам удавалось вербовать агентов в основном из бековских и ханских слоев мусульманского населения Закавказья. Что же касается трудящихся мусульман, то многочисленные документы неопровержимо свидетельствуют о том, что антирусская пропаганда не находила у них отклика. Так, эриванский губернатор, сообщая 4 января 1915 г. о шпионаже ханов Асад Кербалая, Али-оглы и Гусейн-бек Мехти в пользу Турции, подчеркивал: «В общей массе мусульмане продолжают держать себя вполне корректно...»[91]. Начальник тифлисского губернского управления в мае 1915 г. доносил: «Идеи панисламизма среди мусульман Елизаветпольской губернии не имеют никакого успеха, причем громадное большинство из них не имеет даже приблизительного представления о панисламизме»[92].

В другом документе отмечалось, что все попытки турецкого правительства провести в жизнь «джихад» — «священную войну» мусульманского мира против России, терпят... плачевную неудачу»[93]. Об этом же писала весной 1915 г. издававшаяся в Тифлисе газета «Кавказ»[94].

Русские консулы, аккредитованные в мусульманских странах, писали, что турецкая пропаганда священной войны не имела успеха[95].

Энвер-паша вынужден был признать провал объявленной его кликой священной войны. В своем воззвании к турецким войскам в связи с этим он сделал следующее злобное заявление: «Наши единоверцы, на помощь которых вы имели право рассчитывать, оказались в большинстве недостойными имени мусульман, и проклятие пророка — над их головами. Но это не должно смущать вас, мои храбрые солдаты! Когда они будут в наших руках, то почувствуют нашу ненависть. Мусульмане

---

90 ЦГИА ГрузССР, ф. 2с, д. 3602, л. 180.
91 Там же, оп. 1, д. 3719, л. 1.
92 Там же, д. 3602, л. 95.
93 Там же, ф. 13/2с, оп. 1, д. 3187, л. 7.
94 «Кавказ», 30.IV 1915, № 97.
95 ЦГИА ГрузССР, ф. 2с, д. 3166.

Кавказа и Волги, Алжира, Туниса и Марокко сражаются не только против Германии и Австрии... но, слушайте, они осмелились идти против нас, своих братьев. А потому смерть им и никакой пощады. Уничтожайте их, убивайте всюду, потому что они хуже всех наших врагов»[96].

Один из ближайших сподвижников Энвера, Кязым Карабекир-паша, отмечал, что «несмотря на наше объявление священной войны, восстание, на которое мы рассчитывали, не поднималось»[97].

Несомненно, что мусульманские массы не пошли за младотурецкими агрессорами, пытавшимися играть на религиозных чувствах народов, исповедующих ислам. В этом турецкие интервенты очень быстро убедились на поведении населения оккупированных ими районов Батумской и Карсской областей.

Некоторые историки крайне преувеличивают значение перехода на сторону турецких войск отдельных лиц, преимущественно принадлежавших к зажиточным слоям местного населения. Так, например, Корсун, описывая вторжение турок в Аджарию в ноябре-декабре 1914 г., пишет, что оно «сопровождалось общим восстанием аджарского населения южной части Батумской области...»[98]. Между тем архивные документы опровергают это утверждение. Военный губернатор Батумской области сообщал тогда, что население «в огромной своей массе не сочувствовало турецкому вторжению... оно всячески старалось дать доказательство своей преданности правительству». Там же отмечалось, что все содействие противнику со стороны местных жителей выражалось в принудительном снабжении турок провиантом и фуражом[99]. .

Из местного мусульманского населения на сторону турецких оккупантов переходили беки и распропагандированные турецкими шпионами и эмиссарами отсталые, фанатично настроенные элементы. В конце 1914 г. против русских властей восстала кучка аджарских беков. Протурецкие пропагандисты, в том числе Махмуд эффенди Киритли-оглы и Шукри эффенди, на-

[96] Там же, д. 3187, л. 18.

[97] Kâzım Karabekir, s. 490.

[98] Корсун Н. Г., Сарыкамышская операция, стр. 16.

[99] ЦГИА ГрузССР, ф. 2с, д. 3561, л. 12—14.

бирали банды для оказания поддержки вторгшимся в Аджарию турецким войскам. Они пытались убедить аджарцев, что «война, возникшая между Турцией и Россией, для ислама является «священной» и каждый турок должен вести усердную борьбу с гяурами»[100].

В период оккупации части Батумской области турецкими войсками распространялось множество прокламаций на грузинском языке, обращенных к грузинам-мусульманам и аджарцам[101].

В одной из них турецкие захватчики, опьяненные первыми успехами, писали: «Мусульманское знамя вновь водружено на вершинах Кавказских гор... Халиф посылает вам свой поклон и приглашает вас к великой священной войне... вы, кавказские мусульмане, должны восстать против русских и начать с ними священную войну... заградите путь движения вражеских войск из центра России. Для этого необходимо портить пути железной дороги, разрушать мосты, телеграф и телефон. Образуйте четы и бросайтесь на врага, подвергайте его обстрелу, уничтожайте его провиант и помогайте прибывающим из Турции к вам на помощь четникам, исполняйте их требования и соединяйтесь с ними, ибо они для вашего освобождения проливают свою кровь и жертвуют своей жизнью.

Стотысячная армия перешла границу и рвется к вам на помощь. Она вновь освободит Кавказ от рук гяуров (неверных). После чего Кавказ заново возродится... Сыны героя Шамиля, атакуйте врага и уничтожайте его. Победить русских,— это зависит от вас. С этого дня да водрузится знамя пророка на земле Кавказа!..»[102].

Но народные массы Кавказа, хорошо помнившие кровавый произвол янычар, понимали, что им не ждать от турецких захватчиков ничего, кроме разорения и возврата к средневековому варварству. Поэтому вполне естественно, что подобные призывы и посулы турецких агрессоров не оказали влияния на мусульманское население Кавказа.

---

[100] Там же, л. 37.

[101] Там же, д. 3193, л. 140.

[102] Там же, л. 112—113.

Турецкие оккупанты, вскоре убедившись в провале своей пропаганды, пытались вооружить местное население посредством принудительных мер. «После занятия турецкими войсками села Кеды,—говорится в одном документе,— начальник разослал своих людей по всем деревням с предложением населению сдаться, изъявить покорность турецкому султану и оказать ему помощь в войне с Россией, для чего они получат вооружение»[103].

Из немногих распропагандированных мусульман турецкие военные власти формировали четнические (партизанские) отряды. Тех, кто не решался записаться в четники, подгоняли прикладами[104]. Так называемые отряды четников действовали не самостоятельно, а направлялись на передовые позиции и часто использовались турками на строительстве полевых укреплений. Командовали ими турецкие офицеры или местные беки. Таких отрядов было немного и, разумеется, они не могли играть сколько-нибудь существенной роли в ходе боевых действий на Кавказском фронте.

Джевдет в своем докладе «О влиянии войны на жизнь Турции» на конференции левых турецких социалистов, проходившей в Москве в июле 1918 г., отмечал, что во время наступления турецкой армии в Закавказье население оккупированных районов отказывалось примкнуть к ней. Лишь незначительная часть местных жителей против своей воли была вооружена турками. У тех, кто отказывался выступить против русской армии, турецкие оккупанты беспощадно реквизировали имущество[105].

После изгнания турецких войск из Закавказья царские власти специально выясняли, как вело себя мусульманское население в период турецкой оккупации. С этой целью на места были посланы официальные лица, которые установили в общем благоприятную картину. Так, генерал-лейтенант Поршин сообщал 17 ноября 1915 г., что «общей измены всех горцев — мусульман области, аджарцев—не было; произошла частичная

---

103 Там же, л. 77.

104 Там же, д. 3197, л. 38.

105 Архив ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 17, оп. 1, д. 90, л. 10.

измена отдельных преступных лиц, число которых не превышает 200 человек»[106].

По этому же поводу в отчете военного губернатора Батумской области генерал-майора Романовского подчеркивалось, что «аджарцы преданы России, они не изменники, только лишь отдельные лица пачкали честную преданность аджарцев»[107].

Невиновность аджарцев была доказана и на судебном процессе, проходившем в Батуме в октябре 1915 г. Суд признал обвинение в измене не доказанным[108].

Ряд фактов, опубликованных в кавказских газетах, свидетельствует о том, что грузины-мусульмане, проживавшие в районах, оккупированных в конце 1914 г. турецкими войсками, оказывали им сопротивление и брали под свою защиту местное армянское население. Так, в тифлисской печати сообщалось, что «когда в ноябре турецкие полчища ворвались в Имерхеви и Шавшети... жители 18 селений — грузинские мусульмане названных округов — не только воспрепятствовали вторжению турецких аскеров в их селения, но и не допустили причинить вреда населению единственного армянского селения в округе Пхикур. Угрозы и ложные слухи о взятии турками Карса и Батума не привели ни к чему, и население Имерхеви осталось верным своему решению. Имерхевцы не раз отражали нападения турок на селение Пхикур... имерхевцы заявили, что лишь через их тела и тела их детей и жен турки могут дойти до Пхикура». «Таким образом,—заключал автор статьи,—имерхевцы защищали армян в течение четырех месяцев, пока русские войска не заняли Шавшети и Имерхеви. Армянское селение Пхикур было спасено»[109].

Один очевидец, описывая зверства турецких войск в Ардануче и Артвине, подчеркивал, что среди местных турок было не мало таких, которые с риском для своей жизни вступались за армян[110].

---

[106] ЦГИА ГрузССР, ф. 2с, оп. 1, д. 3193, л. 221—224.
[107] Там же, л. 215—219.
[108] «Кавказское слово», 15. X 1915, № 227.
[109] «Закавказская речь», 19. V 1915.
[110] «Кавказское слово», 28. III 1915, № 69.

Мы отмечали, что, готовясь к вторжению в Закавказье, младотурки большие надежды возлагали на проживавших там курдов. Но эти расчеты также не оправдались. Так, военный губернатор Карсской области сообщал 5 декабря 1914 г., что курды Артвинского округа изгнали турецких эмиссаров и готовы оказать сопротивление турецким войскам[111].

Районы Закавказья, подвергшиеся турецкой оккупации, были разорены. Особенно пострадало христианское население: армяне, греки, айсоры. Города Артвин, Ардануч со своими районами и вся местность до Урмии и Соуджбулака по обеим сторонам границ была разграблена. Все мужчины в армянских, греческих и ассирийских селах были вырезаны, а женщины и даже маленькие девочки увезены или обесчещены[112]

Первый же день занятия Ардануча и Ардагана турецкими войсками сопровождался массовой резней армян. Случайно уцелевшие армяне бежали[113].

Прибывший из Ардаганского округа в Тифлис бывший член Государственной думы Захар-бек Аджарский сообщал следующее: «Ардаганского округа более не существует: все разграблено, большинство населения вырезано... вы можете обойти десятки сел и нигде живой души не встретите, только трупы, трупы и трупы... Кто мог бежать, теперь находится в Ахалкалаки, Шавшети и Пасхавском участке, но здесь не многие спаслись, только главным образом женщины и дети... Но если бы вы знали, сколько их замерзло по пути... ужас... Богатейшие до войны села округа теперь; точно после чумы, совершенно опустели; в селах Мериям, Хелаван, Секерек, Ур, Пангис, Ольчаки, Сазара, Сабгара, Кермак, Дадагюль, Реваз, Шедеван, Чикова, Кевдедаман, Алаба и многих других все мужское население вырезано... Скот угнан, дома разгромлены»[114].

Но пребывание турецких войск в Батумской и части Карсской областях продолжалось недолго. Разгром главных сил 3-й турецкой армии в Сарыкамышской операции способствовал быстрому очищению этих областей от турецких оккупантов.

---

[111] ЦГИА ГрузССР, ф. 2с, д. 3561, л. 7—8.

[112] «Кавказское слово», 3. III 1915, № 39.

[113] «Русское слово», 7. II 1915, № 30.

[114] «Кавказское слово», 31. XII 1914, 1/13. I, 1915, № 89.

В изгнании их из пределов Закавказья большую роль сыграла прямая помощь, оказанная Кавказской армии населением края, в том числе дружинами добровольцев, сражавшимися плечом к плечу с русскими войсками.

* * *

В начале 1915 г. военные действия на Кавказском фронте были перенесены на территорию Западной Армении. Кавказская армия продвигалась в глубь Анатолии.

Еще в начале войны части 4-го корпуса Кавказской армии, действовавшие в Эриванском направлении, вступили в Баязетскую и Алашкертскую долины. Тем самым они должны были обеспечить левый фланг русских сил, действовавших на главном Карсско-эрзерумском направлении. После разгрома турецких войск под Сарыкамышем и успешного наступления русской армии в Западной Армении действия частей 4-го корпуса еще более активизировались. Русское командование усилило их левый фланг, чтобы обеспечить дальнейшее продвижение к озеру Ван и Мурад-су. Под безостановочными ударами Кавказской армии турецкие войска беспорядочно отступали к Мушу и Битлису, грабя по пути армянские селения, истребляя их жителей. Русские части, преследуя противника, в феврале—мае 1915 г. заняли Башкалу, Шатах, Котур, Арчеш, Ван, Муш, Битлис.

Турецкое командование, перебросив крупные силы (89 батальонов) под командованием Абдул Керим-паши против войск 4-го корпуса, отдало приказ о контрнаступлении. Ввиду значительного превосходства численности турецких войск 4-й корпус вынужден был отступить к Алашкертской долине. В конце июля, получив подкрепление, войска 4-го корпуса в свою очередь перешли в контрнаступление и, отбросив турок, снова вышли к Ванскому озеру. В итоге от турецких войск была очищена юго-восточная часть Западной Армении. Теперь был полностью обеспечен левый фланг Карсско-эрзерумского направления, откуда готовилось наступление на Эрзерум.

Первоначально это наступление планировалось на весну 1916 г. Но ввиду провала организованной Черчиллем десантной операции на Галлипольском полуострове и эвакуации в январе 1916 г. оттуда войск на Салоникский фронт, командование

Кавказской армии решило ускорить наступление на Эрзерум. Необходимо было предупредить прибытие в Восточную Анатолию частей 5-й турецкой армии, освободившейся на Галлипольском полуострове.

Преобладание на Черном море русского флота облегчало переброску новых сил на Кавказский фронт. 11 января 1916 г. Кавказская армия перешла в наступление по всему фронту. Русские войска наступали по трем направлениям: Ольтинском — в целях обхода левого крыла 11-го турецкого корпуса, Карсско-эрзерумском и Алашкертском. На войска, двигавшиеся в Алашкертском направлении, была возложена задача отрезать части противника, действовавшие в районе озера Ван, от сил, защищавших Эрзерум.

Внезапным ударом правофланговых частей Карсско-эрзерумского направления противник был отброшен к озеру Тортум. В то же время войска, наступавшие в Алашкертском направлении, принудили турок отступить к Мушу (к западу от озера Ван). На центральном направлении русские войска 16 января дошли до Кёпрю-кёя. Здесь, в результате ожесточенных боев, были разбиты три турецкие дивизии, остатки которых бежали к Эрзеруму.

В итоге этого наступления Кавказской армии 11-й турецкий корпус понес большие потери убитыми и ранеными. 4 тыс. турецких солдат было взято в плен. На пути отступления турецкие войска бросили большую часть артиллерии и боеприпасов. После поражения под Кёпрю-кёем турецкие силы не могли оказать серьезного сопротивления русским войскам, рвавшимся к Эрзеруму. Непрерывное наступление Кавказской армии не давало турецкому командованию ни времени, ни возможности собрать части, растерянные в горах и лесах во время беспорядочного отхода. В это же время на Черном море русский флот уничтожил у Трапезунда 163 парусных судна противника с военным снаряжением и продовольствием[115].

Русские войска наступали на Эрзерум концентрически с севера, востока и с юга. 100 тыс. турок, оборонявших Эрзерумскую крепость, не в состоянии были ее отстоять из-за нехватки

[115] Buchan, p. 93.

боеприпасов и продовольствия[116]. Продвигаясь в глубоком снегу при 40 градусах мороза, русские части с боем брали одно укрепление за другим. После пятидневного штурма они 16 февраля ворвались в Эрзерум и захватили крепость. В плен сдалось 235 офицеров и 12 866 солдат. В качестве трофеев в руки русских войск попали 323 орудия и огромное количество боеприпасов и продовольствия. За период всей Эрзерумской операции от 11 января до 17 февраля турки потеряли одними убитыми свыше 60 тыс. человек. Русские во время этой операции потеряли убитыми и ранеными 16 735 солдат и 400 офицеров. Всего Кавказская армия потеряла 10% своего состава, а 3-я турецкая армия — 66%[117].

Взятие Эрзерума имело большое военно-стратегическое значение. Крепость Эрзерум, расположенная в центре нагорной долины, являлась ключом к обладанию всей Западной Арменией. Кроме того, эрзерумская долина занимала центральное положение на кратчайшей и главнейшей операционной линии из Закавказья к Центральной Анатолии. Все главнейшие пути, от побережья Черного моря, из Анатолии, Сирии и Месопотамии перекрещивались в эрзерумской долине. Обладание этой долиной давало контроль над узлом всех этих путей. По характеристике генерального штаба русской армии, «Эрзерумская крепость есть единственный пункт во всей Азиатской Турции, который одновременно прикрывает и Анатолию и Сирию и командует стратегическим движением в Месопотамию. Такого пункта уже не существует до самого Босфора»[118].

Падение Эрзерума по существу означало потерю Турцией Западной Армении и создание угрозы Центральной Анатолии. Поэтому турецкое правительство всячески старалось скрыть от населения занятие Эрзерума русскими войсками. Газетам было запрещено что-либо сообщать об этом. Однако благодаря письмам солдат с фронта в Турции вскоре узнали о падении

---

[116] Там же.

[117] Комбриг Н. Корсун, Эрзерумская операция, М., 1938, стр. 126; Первая мировая война на Кавказском фронте, стр. 54—55. См. также Buchan, p. 96.

[118] ЦГВИА, ф. 2000, оп. 1, д. 3885, л. 21.

Эрзерума. Это известие повсеместно вызвало сильную панику. Чтобы успокоить население, младотурки пытались приуменьшить значение этой потери. Правительственная пресса утверждала, что турецкие войска отступили «по стратегическим соображениям» и для того, чтобы занять «более выгодные позиции». Армия,— утверждали газеты,— «сохранила все свои силы, так как не произошло никакого крупного сражения между русскими и турецкими войсками... Турки нашли ненужным защищать Эрзерум»[119].

Но эти лживые заявления никого не могли обмануть. В Стамбуле в конце февраля 1915 г. состоялась крупная антиправительственная демонстрация, разогнанная полицией. Многие ее участники были арестованы[120]. Усиление недовольства младотурецким режимом в то время отмечал русский военный агент в Афинах. «Неприязненное отношение к младотурецкому правительству и германцам несомненно и все усиливается,— сообщал он в Петроград. — Кроме того, между самими младотурками и германцами идут взаимные обвинения; на чьей стороне вина за падение Эрзерума... Турки,— говорилось далее,— обвиняют германцев,— это они укрепили его так плохо, что он так быстро был взят, а германцы говорят, что, если бы им было вверено там главное командование (на что турки не согласились), то Эрзерум и до сих пор был бы еще в руках Турции»[121].

Поражение под Эрзерумом и потеря Эрзерумской крепости, являвшейся основной базой турецкой армии на Кавказском фронте, вынудили турецкое командование перебросить туда часть сил, находившихся в Сирии, Месопотамии и в районе проливов[122]. Вступление в октябре 1915 г. Болгарии в войну на стороне центральных держав и Турции и провал десантной операции англичан на Галлипольском полуострове[123] освобождало

---

[119] АВПР, ф. «Политархив», д. 4656, л. 10.

[120] См. „Daily Telegraph", 25.11 1916.

[121] ЦГВИА, ф. 2000/с, оп. 1, д. 824, л. 367—368

[122] Там же, л. 342.

[123] Успехи русских войск на Кавказском и Восточном фронтах вызвали беспокойство у Англии и Франции, опасавшихся подхода русских к Константинополю и проливам одновременно со стороны Анатолии и Балкан.

силы 2-й армии, находившейся в восточной Фракии и в зоне проливов. Последняя весной и летом 1916 г. была переброшена в район Муша и Битлиса. Всего в течение февраля — июня 1916 г. на Кавказский фронт было направлено 250 тыс. войск и большое количество артиллерии и различной боевой техники[124].

В результате пополнения турецкие силы на территории Западной Армении насчитывали 282 батальона, 72 эскадрона и курдские части в числе 10 тыс. человек. Общее количество турецких войск на этом театре войны весной 1916 г. доходило до полумиллиона. В состав Кавказской армии входили 183 батальона, 49 дружин, 6 добровольческих дружин, 175 сотен кавалерии. Всего 207 тыс. штыков и 23 тыс. сабель[125].

22 июня 1916 г., закончив сосредоточение, турецкие войска перешли в наступление. Им удалось прорвать фронт на правом крыле (в Трапезундском направлении) Кавказской армии. Но вскоре, 2 июля, турки были остановлены, и русская армия на своем левом фланге силами 2-го Туркестанского корпуса перешла в контрнаступление. 16 июля русские части вошли в Бай-

---

Этим объясняется наступление, которое Англия и Франция организовали на Галлипольском полуострове с целью захвата Дарданелл, Константинополя и Босфора, пока Россия не успела их аннексировать. В течение весенних и летних месяцев 1916 г. на Галлипольском полуострове и в районе Дарданелл шли кровопролитные бои, в результате которых англо-французские войска потеряли 266 тыс. человек, турецкие войска — 218 тыс. человек.

В дни кровопролитных жестоких боев на берегах Дарданелл между дипломатами Англии, Франции и России шла острая борьба вокруг вопроса, кто из союзников должен стать хозяином турецких проливов и Стамбула. После поражения русских войск на Восточном фронте осенью 1915 г. и англо-французских — на Галлипольском полуострове и эвакуации оставшихся с Галлипольского полуострова войск в декабре 1915 г. и январе 1916 г. в Салоники военная угроза была снята и союзники как бы «успокоились», ибо уже ни один из них непосредственно не угрожала проливам и Константинополю. Дальнейшая судьба турецких проливов и ее столицы зависела от исхода войны.

[124] ЦГВИА, ф. 2000, оп. 1, д. 3885, л. 83 об. Там же, ф. 2000/с, оп. 1, д. 824, л. 328—329.

[125] Там же, д. 3892, л. 36; там же, д. 3891, л. 248; Н. Г. Корсун, Первая мировая война на Кавказском фронте, стр. 63—64.

бурт. Турки, понеся большие потери, вынуждены были отступить. Инициатива теперь была уже в руках Кавказской армии. Ее части, наступая по всему фронту, приближались к Эрзинджану. Большую помощь этому продвижению оказал Приморский отряд. Он наступал из Батумской области вдоль побережья Черного моря и благодаря активному содействию флота, высадившего десант у г. Ризе, еще 16 апреля занял Трапезунд—очень важный порт на побережье Черного моря. Трапезунд был использован для переброски войск и снабжения Кавказской армии боеприпасами по кратчайшему морскому пути. Продвижение Приморского отряда в юго-западном направлении от Трапезунда помешало 3-й турецкой армии отразить натиск на Эрзинджан правого крыла главных сил Кавказской армии.

Комбинированными ударами части 5-го Кавказского и 2-го Туркестанского корпусов 25 июля заняли Эрзинджан. 3-я турецкая армия вновь понесла тяжелое поражение. Только пленными она потеряла свыше 17 тыс. человек. Взятие русскими войсками Эрзинджана означало утрату турками всей Западной Армении. Опасаясь дальнейшего продвижения русских войск в глубь Анатолии, в сторону Сиваса и Ангоры, турецкое командование напрягало все силы, чтобы задержать наступление Кавказской армии. С этой целью в Восточную Анатолию были стянуты все резервы. Достаточно сказать, что 54% всех вооруженных сил Османской империи действовали в 1916 г. на Кавказском фронте, который по-прежнему продолжал оставаться для турецкой армии основным фронтом мировой войны.

Германо-турецкое командование не сумело организовать одновременное наступление 3 и 2-й армий. 2-я армия перешла в наступление с большим запозданием, лишь 3 августа, когда 3-я армия уже была разбита в Эрзинджанской операции. Это обстоятельство значительно облегчило войскам 1 и 4-го кавказских корпусов парирование удара 2-й армии противника. Наступление 2-й армии против левого фланга Кавказской армии имело целью прорыв русского фронта в северо-западном направлении в обход Эрзерума с юго-востока, в тыл главных сил Кавказской армии. Развернулись ожесточенные встречные бои, часто доходившие до штыковых схваток. Они продолжа-

лись 39 дней. Турецкие войска не смогли выстоять и отступили. В итоге летнего сражения 1916 г. 2 и 3-я турецкие армии потеряли около 60 тыс. человек. Кавказская армия потеряла 21 тыс. человек. Контрнаступление частей Кавказской армии вынудило обескровленные войска 3 и 2-й армий к новому отходу.

Таким образом, в результате боев в ноябре-декабре 1915 г. и в течение всего 1916 г. Кавказская армия выполнила свою основную задачу — обеспечение Закавказья от вторжения турок и оккупации Западной Армении[126].

Дальнейшие попытки турецкого командования вытеснить русские войска с позиций, занимаемых ими в Западной Армении, закончились провалом.

Долгая и изнурительная война привела к ослаблению боеспособности как турецких войск, так и русской Кавказской армии. Несмотря на это, правящая клика младотурок, как и царское правительство, ни перед чем не останавливалась, чтобы добиться осуществления своих военных целей.

Но на четвертом году войны экономическая разруха в России дошла до такой степени, что русские войска на всех фронтах терпели большие лишения. Поражения русской армии на Западном фронте способствовали усилению революционного движения, приведшего к Февральской буржуазно-демократической революции и свержению самодержавия. Пришедшее на смену царизма буржуазно-помещичье Временное правительство, вопреки желанию народных масс, объявило о своей верности союзникам и продолжало империалистическую войну. Наступление, организованное правительством Керенского в июне 1917 г. на Западном фронте, кончилось полным провалом.

В феврале 1917 г. командование Кавказской армии, в целях содействия операциям англичан в Месопотамии, бросило в наступление экспедиционный корпус Баратова. Войска этого корпуса, после успешных боев, в конце февраля и начале марта заняли Хамадан, Керманшах, Биджар и 23 марта Исфаган. Английские войска, двигаясь в Багдадском направлении, 23 февраля взяли Кут-эль-Амару. При этом 20 тыс. турецких

[126] Корсун Н., Первая мировая война на Кавказском фронте, стр 77.

солдат и офицеров сдались англичанам в плен. После поражения под Кут-эль-Амарой турецкие войска обратились в бегство. 11 марта англичане вошли в Багдад. 2 апреля 1917 г. английские войска в Кизиль-Рабате встретились с частями генерала Баратова[127].

Победы англичан на Месопотамском фронте, а также быстрое занятие ими осенью 1917 г. Палестины и Сирии объяснялось главным образом тем, что турецкое командование, готовясь к захвату Закавказья, как отмечалось выше, продолжало держать в Западной Армении крупные силы.

Русская Кавказская армия с середины 1917 г. уже не в состоянии была развивать успешное наступление. Огромны были лишения и невзгоды, которые претерпели солдаты Кавказской армии в течение нескольких лет войны. Работа тыла Кавказского фронта разваливалась. Царили самотек, расхлябанность и безответственность военачальников. Оснащение войск оружием поставлено было из рук вон плохо. Армии не хватало не только сложных видов вооружения, но и винтовок. Запасные полки фронта имели лишь 55 процентов необходимого оружия[128]. Снабжение фронта провиантом было ниже всякой критики.

В июне 1917 г. начальник Александропольского гарнизона получил от одной из своих частей телеграмму следующего содержания: «Бригадный комитет предлагает принять решительные меры... дабы не дать солдатам Джибраильского отряда погибнуть с голода»[129]. Солдаты, находившиеся в Эрзеруме, писали: «Кавказский фронт, в частности мы, забыт богом и людьми. Нет хлеба, сухарей, одежды. Люди голодают в буквальном смысле слова. Нас гонят вперед, лишая всего необходимого»[130].

Солдаты Кавказского фронта от ропота переходили к активному протесту. Среди них росло дезертирство, все чаще они покидали позиции. Эсер Анисимов, председатель Совета солдатских депутатов одной из частей Кавказской армии, просил в

[127] Адамов Е. А., Раздел Азиатской Турции, стр. 83
[128] ЦГАОР ГрузССР, ф. 1, оп. 5, д. 430, л. 41
[129] Там же, д. 6, л. 211.
[130] Там же, л. 41.

марте 1917 г. комиссара Временного правительства принять экстренные меры для борьбы с дезертирством[131]. В городах и селах Закавказья скрывалось множество дезертиров. В одном из донесений местных властей сообщалось, что Эривань переполнен дезертирами[132].

Что касается турецкой армии, то в связи с царившей в стране экономической и финансовой разрухой и непрерывными поражениями на фронтах она в 1917 г. переживала огромные трудности. Армия разлагалась. Стихийный протест против войны выражался в массовом дезертирстве и прямом уклонении призывников от военной службы.

Массовое дезертирство имело место еще в период мобилизации турецкой армии летом и осенью 1914 г. Так, Адамов сообщал из Эрзерума, что в вилайетах Восточной Анатолии насчитывалось в конце октября 1914 г. около 50 тыс. дезертиров. В связи с этим «по настоянию германского военного начальства военно-полевым судам было предписано, ради пресечения этого зла, выносить смертные приговоры всем преданным суду беглецам»[133].

Во время войны, также по инициативе немецких командиров, в Турции принимались все более жестокие меры борьбы с дезертирством. Военный агент России во Франции Игнатьев в ноябре 1915 г. доносил, что «по турецким источникам, число турецких дезертиров в Малой Азии велико... объявлено распоряжение в Турции, по коему дается 27 дней срока дезертирам явиться к ближайшему начальству. По истечении срока женатые дезертиры будут объявлены разведенными с их женами. Имущество всех дезертиров будет конфисковано. Мера эта принята по указанию германских офицеров»[134].

Особенно частыми были случаи дезертирства во время передвижения войск. Согласно одному донесению, некоторые части теряли в среднем в пути $^1/_{10}$ своего состава[135]. Многие ту-

---

[131] ЦГАОР ГрузССР, ф. 41, д. 169, л. 1.

[132] Архив Армянского филиала ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 33, д. 517, л. 14—15.

[133] ЦГВИА, ф. 2000, оп. 1, д. 3860, л. 608.

[134] Там же, д. 6753, л. 3.

[135] Там же, д. 3891, л. 168—169.

рецкие части буквально таяли, пока добирались до места назначения. Так, Урфийский полк, выступив в начале 1916 г. в составе 1800 человек, довел до столицы лишь 400 человек. В батальоне, вышедшем из Диарбекира в составе 900 человек, по прибытии в Эрзерум оказалось всего 240 человек[136]. Иногда дезертировали целые воинские части. Так, весной 1916 г. сильное возмущение охватило гарнизон г. Айвалик. Солдаты, измученные постоянными голодовками, разбежались в горы. В погоню за ними был отправлен отряд под командованием германских офицеров[137].

В одном письме, полученном из Турции в ноябре 1916 г., подчеркивалось, что дезертирство в рядах турецкой армии распространилось не только среди нижних чинов, но и офицеров, вплоть до батальонных и полковых командиров[138].

Помянковский, говоря об уменьшении численности 3-й турецкой армии, отмечал, что это объяснялось главным образом массовым дезертирством солдат. Летом 1916 г. в тылу этой армии находилось свыше 50 тыс. дезертиров[139]. Весной 1917 г. в Турции насчитывалось не менее 100 тыс. дезертиров, большая часть которых мародерствовала в тылах армий[140].

Полновластный контроль немецкой военщины над турецкой армией, привилегированное положение немецких офицеров, их грубое и заносчивое поведение вызывало сильное недовольство среди турецкого офицерства и в особенности среди солдат, оскорбляло их национальные чувства. Турецкие офицеры выражали протест против получения немецкими командирами высоких окладов, в то время как низкое жалованье турецких офицеров систематически задерживалось. Об этом говорилось в январе 1915 г. на тайном собрании турецких офицеров стамбульского гарнизона. Присутствовавшие были застигнуты полицией и наказаны[141].

Протест турецких офицеров против немецкого засилья в:

---

136 АВПР, ф. «Политархив», д. 4665, л. 2.

137 Там же, д. 4658, л. 25.

138 ЦГИА ГрузССР, ф. 2с, оп. 1, д. 4670, л. 22.

139 Pomiankowski J., S. 225.

140 АВПР, ф. «Политархив», д. 3891, л. 460.

141 ЦГИА ГрузССР, ф. 2, оп. 1, д. 3599, л. 97.

армии нередко принимал значительно более резкие формы. Дело доходило до кровавых стычек. Так, газета «Тан» сообщала 20 января 1916 г. о столкновении, происшедшем в Стамбуле между германскими и турецкими офицерами, во время которого с обеих сторон многие были ранены[142]. Английская газета «Дэйли телеграф» 24 января 1916 г. писала, что в Стамбуле был раскрыт заговор среди турецких офицеров. Заговорщики собирались перебить всех германских командиров. Большинство участников этого заговора было казнено[143].

В одном донесении из Стамбула говорилось о бунте в 5-й дивизии, расположенной на Кавказском фронте. В ходе подавления бунта было убито 40 человек и многие ранены. Там же сообщалось, что «старшие чины командного состава из турок стараются под благовидным предлогом избавиться от сотрудничества немцев, которых откомандировывают в другие части»[144].

Сведения, поступавшие тогда из Турции, свидетельствовали о том, что по мере затягивания войны возмущение в армии господством младотурецкой партии и хозяйничаньем в стране немецкой военщины все более усиливалось[145]. Все чаще оно выражалось в прямом неповиновении турецких солдат своим немецким начальникам, в кровавой расправе с последними. Об этом, в частности, неоднократно доносил военный агент России в Берне генерал Головин[146]. В одном документе, датированном 30 июня 1915 г., сообщалось, что «турецкие войска во всех неудачах обвиняют германцев... часто происходят конфликты между солдатами и германскими офицерами. В одном месте 10 турок демонстративно покинули позиции, за что были расстреляны германцами. Увидев это, турецкий офицер и его солдаты тут же убили германцев... на чаталджинских позициях, где командует Сандерс Лиман-паша, войска подняли бунт»[147].

В донесении, относящемся к маю 1916 г., говорилось «Сре-

---

142 АВПР, ф. «Политархив», «Осведомительный отдел», д. 237, л. 51.
143 Там же, л. 59.
144 ЦГИА ГрузССР, ф. 2с, оп. 1, д. 3599, л. 157.
145 Там же, д. 3187, л. 27; ЦГВИА, ф. 2000, оп. 1, д. 3892, л. 8.
146 ЦГВИА, ф. 2000, оп. 2, д. 3891, л. 314, 540.
147 ЦГИА ГрузССР, ф. 2с, оп. 1, д. 3599, л. 96.

ди офицеров турецкой армии все более и более усиливается недовольство германскими офицерами, являющимися фактическими хозяевами армии. В последнее время были случаи отказа со стороны высших начальников в исполнении распоряжений, отдаваемых немцами»[148].

Военный агент России в Греции сообщал 26 сентября 1915 г.: «Недовольство немцами в войсках всеобщее, дисциплина поддерживается лишь самыми суровыми мерами, но все же бывают случаи бунта, как это на днях было в трех полках 5-й армии, куда для успокоения армии выезжал наследный принц; тогда было присуждено к смертной казни более 70 офицеров. Такие же беспорядки имели место и среди полков 4-го корпуса»[149].

Иногда дело доходило даже до убийства немцев, принадлежавших к высшему командному составу турецкой армии. В донесении от 29 марта 1916 г. сообщалось: «12 марта во время объезда укрепленной позиции был убит командующий Сивасской группой фон-Мютцнер и сопровождавший его полковник Суди-бей. Убийство совершено двумя турецкими офицерами по соглашению с тридцатью пятью нижними чинами»[150].

Военный агент в Греции писал в связи с этим фактом: «Это убийство и раскрыло заговор офицеров 2, 3 и 4-го корпусов. 132 человека были арестованы, из них 57 были казнены. Будто с 1 мая заговорщики убили 38 немцев-офицеров, из коих 8—на Кавказе, 4—в столице»[151].

В марте 1916 г. в Бруссе в частях гарнизона вспыхнуло восстание, направленное против германских офицеров[152]. Восстание еще большего размаха произошло в Смирне в связи с невероятными лишениями войск, а также из-за ненависти к немцам[153].

Катастрофическое положение страны, превращенной в вот-

---

148 Цит. по кн.: А. Д. Новичев, Экономика Турции в период мировой войны, М.—Л., 1935, стр. 127.

149 Там же, 128.

150 Там же.

151 Там же.

152 АВПР, ф. «Политархив», д. 4656, л. 30.

153 Там же.

чину германского империализма, поражения на фронтах и прогрессирующий развал армии — все это мало смущало правящую младотурецкую клику. Младотурки продолжали надеяться, что немецкое оружие в конце концов одержит в Европе победу и что с помощью кайзеровской Германии можно будет добиться осуществления своих агрессивных целей. Поэтому, пренебрегая национальными интересами страны, младотурецкие вожаки всеми мерами старались помешать выходу Турции из войны и даже пытались активизировать ее военные усилия.

ГЛАВА V

ВНУТРЕННЕЕ ПОЛОЖЕНИЕ ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ В ГОДЫ ВОЙНЫ

Выше говорилось, что младотурецкие вожаки готовы были пойти на любые преступления ради того, чтобы преодолеть препятствия, мешавшие осуществлению их захватнических планов в отношении Закавказья. По их мнению, главной помехой в достижении этой агрессивной цели являлся армянский народ. Как неоднократно заявляли деятели младотурецкой партии, «вклинившиеся» в мусульманский мир армяне мешали «объединению» с Османской империей мусульманского населения Закавказья и других районов России.

Так, младотурецкий орган «Икдам» еще в феврале 1914 г. предлагал выслать всех армян из Восточной Анатолии в Месопотамию, а на их место переселить мусульман[1].

По словам одного современника, Армения мешала «единству мусульман и созданию туранского союза путем объединения тюркской расы с родственным ей населением Кавказа, Персии и Центральной Азии»[2].

Представитель Турции на Батумской конференции Вехиб-паша в мае 1918 г.[3] в «обоснование» своего требования об уменьшении территории Армении, обращаясь к армянской делегации, говорил: «Вы видите, что судьба влечет Турцию с За-

---

[1] ЦГВИА, ф. 2000, оп. 1, д. 38, л. 83

[2] Poidebard A. La lutte pour la route des Indes. Notes de voyage de Paris a Tiflis par Bagdad, Paris, 1923, p. 229.

Во время судебного процесса над убийцей Талаат-паши Согомоном Тейлиряном, проходившем в Берлине в июне 1921 г., Лепсиус заявил, что идея создания пантюркистской и панисламистской империи принадлежит младотурецкому комитету и в первую очередь Энвер-паше (См. *Դատավարություն Թալէաթ-փաշայի, սղագրական զեկուցում, Վիեննա, 1921, էջ 97*):

[3] Подробно о Батумской конференции см. стр. 358—366.

пада на Восток. Мы ушли с Балкан... но мы должны распространиться на Восток. Там — наша кровь, наша религия, наш язык. Это — стихийная тяга. Наши братья в Баку, Дагестане, Туркестане и Азербайджане. Мы должны проложить путь к ним. И вы, армяне, не стойте нам поперек дороги»[4].

Один из организаторов армянской резни доктор Бехаэддин Шакир на той же конференции заявил: «Армяне стоят поперек дороги наших панисламистских и пантюркистских священных идеалов, и мы неизбежно сталкиваемся с ними. Это выше, вне наших личных чувств и настроений. Мы вынуждены стихийно уничтожить на нашем пути все, что является помехой для выполнения наших священных национальных идеалов»[5].

«Представление младотурок об армянах, как об элементе, мешающем туркам осуществить их мечту о слиянии турок-татар (под татарами подразумевались жители Азербайджана.— *Е. С.*) в одно целое,— сообщал во время войны один из офицеров штаба Кавказской армии,— способствовало тому, что ни одно конституционное правительство Турции не упразднило германского лозунга — уничтожить армян. Тот же лозунг приняла и Германия, которая усиленно поощряет турок в этом, ибо ей выгодна на юге России сплошная турко-татарская стена»[6].

Об этом же позднее писал издававшийся английскими оккупантами в Стамбуле в 1920—1922 гг. официоз «Ньюс Ориент». В одной из помещенных в нем статей об Армении отмечалось: «Страна эта находится как раз на дороге, ведущей на Кавказ и в Центральную Азию, куда стремились младотурки. Вот это обстоятельство, более чем чувство вражды, послужило причиной тому, что турки в период великой войны старались уничтожить армянский народ»[7].

---

[4] «Заря Востока», 24.II 1925, № 812.

[5] Там же, № 809. Эти откровенные заявления были сделаны на банкете, устроенном турецкой делегацией в честь делегации Закавказского сейма. Младотурки, чувствовавшие себя тогда господами положения, не стесняясь, говорили о целях и методах своей политики

[6] ЦГВИА, ф. 2000, оп. 1, д. 3851, л. 11.

[7] ЦГИА АрмССР, ф. 200, д. 241б, л. 681.

По расчетам младотурок, истребление армянского населения Западной Армении и Киликии должно было не только обеспечить захват ими Закавказья, но и устранить удобный предлог для вмешательства держав Антанты во внутренние дела Турции.

В принципе младотурецкая клика еще до начала мировой войны решила уничтожить всех армян, проживавших в Турции[8]. Теперь, воспользовавшись военной обстановкой, младотурки приступили к разрешению армянского вопроса, который, по словам Джемаль-паши, являлся важнейшим вопросом внутренней жизни страны[9].

Как только Османская империя вступила в войну, младотурецкий комитет приступил к составлению детального плана поголовного уничтожения армянского населения страны. Он был разработан и утвержден на тайном совещании младотурецкого комитета, проходившем под руководством организатора резни армян Талаат-паши.

О ходе и решениях этого совещания подробно пишет в своих воспоминаниях Мевлан-заде Рифат. По его свидетельству, основным докладчиком на совещании был член младотурецкого комитета доктор Назым. «Если довольствоваться частичной резней, как было в 1909 году в Адане и в других районах,

---

[8] В секретной директиве Талаат-паши, направленной местным властям весной 1915 г., говорится: „Хотя истребление армянского элемента... было решено ранее, обстоятельства не позволили выполнить это священное дело". См. The Memoirs of Naim Bey. Turkish Official Documents relating to the Deportations and Massacres of Armenians. London, 1920. p. 7 (Наим-бей был главным секретарем Алеппского комитета по делам ссыльных армян. Через его руки проходили все официальные приказы и распоряжения младотурецкого правительства из Стамбула о высылке и истреблении армян. В его мемуарах опубликованы подлинные документы турецкого правительства и младотурецкого комитета „Единение и прогресс", касающиеся организации высылки и истребления армян). В программе, принятой на конгрессе младотурецкой партии, прямо сказано: „Рано или поздно нужно будет провести полную османизацию всех турецких подданных. Но должно быть ясно, что этого никогда невозможно будет достичь путем убеждения и придется применить силу оружия". См. Lepsius, Bericht über die Lage des armenischen Volkes in der Türkei. Potsdam, 1916, S. 220.

[9] «Записки Джемаль-паши», стр. 80.

то это вместо пользы принесет вред»,— цинично заявил Назым. «Я несколько раз говорил вам и сейчас повторяю: если чистка не будет всеобщей и окончательной, то вместо пользы это неизбежно нанесет нам вред. Армянский народ надо уничтожить, чтобы ни одного армянина не осталось на нашей земле и забылось само его имя. Сейчас идет война, такого удобного случая больше не будет. Вмешательство других стран и протест газет не будут иметь никаких последствий, так как они станут перед совершившимся фактом, и тем самым вопрос будет разрешен. На этот раз наши действия должны быть направлены на уничтожение армян так, чтобы ни один из них не остался в живых. Резня необходима... Я хочу, чтобы на этой земле только турки жили независимыми... Все нетурецкие элементы, к какой бы национальности они ни принадлежали, должны быть уничтожены... Такова цель и программа нашей революции»[10].

Затем выступил член комитета ходжа Хасан Фехми, который сказал: «По божьему велению пусть будут уничтожены старики, женщины, дети и немощные. Я придумал удобные способы для этого. Сейчас мы воюем; всех армян, пригодных для войны, пошлем на передовую линию огня сражаться против русских, а сзади откроем огонь специально посланными для этого силами и всех истребим. Оставшихся дома женщин, стариков и детей прикажем нашим правоверным уничтожить, и они разграбят имущество армян, заберут девушек. Этот способ мне кажется удобным»[11].

Джавид, подытожив все выступления, сказал: «Объяснения доктора Назыма, Бехаэддин Шакира и ходжи Хасана достаточно осветили вопрос... Уничтожение армян, всех до единого, насколько необходимо для нашей национальной политики, настолько же важно для создания экономического господства турок. Перейдем к голосованию». «По предложению Талаата,— пишет Мевлан-заде Рифат,— голоса были подсчитаны. Результаты показали, что все присутствовавшие единогласно

---

[10] Мевлан-заде Рифат, стр. 159—162.

[11] Там же, стр. 164—165.

голосовали за полное уничтожение всех армян, не исключая ни одного человека»[12]. «Исполнение этого решения,— отмечает в другом месте своих мемуаров Мевлан-заде Рифат,— было поручено специальной группе, состоящей из преступников и бандитов, а руководство ими—«действующей тройке», куда вошли доктор Назым, доктор Бехаэддин Шакир и министр просвещения Шюкри»[13–14].

Руководствуясь этим постановлением, младотурецкое правительство 15 апреля 1915 г. направило местным властям директиву об истреблении армян. Она была подписана министром внутренних дел Талаатом, военным министром Энвером и секретарем комитета партии доктором Назымом.

В директиве говорилось, что правительство и Центральный комитет партии «Единение и прогресс» в целях предотвращения постановки где-либо и в какой-либо форме армянского вопроса, «пользуясь независимостью, предоставленной нам войной, решили окончательно покончить с ним, истребив этот чуждый элемент — армян, выселив их в пустыни Аравии, согласно данной нами секретной инструкции». «Правительство и Центральный комитет Иттихада,— указывалось далее в директиве,— обращаются к вам и к вашему патриотизму и приказывают всеми находящимися в вашем распоряжении силами оказать содействие местным органам «Единение и прогресс», которые с восхода солнца 24 апреля, согласно тайной инструкции, приступят к выполнению этого приказа. Всякое должностное или частное лицо, которое воспротивится этому священному и патриотическому долгу и не выполнит возложенных на него обязанностей или каким-нибудь образом попытается защищать или укрыть того или другого армянина, будет признано врагом отечества и религии и соответственно этому будет наказано»![15].

Младотурецкое правительство начало осуществление своей варварской программы с уничтожения армян, призванных в

---

[12] Там же, стр. 165—166.

[13–14] Там же, стр. 148.

[15] Там же, стр. 197—199

турецкую армию осенью 1914 г.[16]. Армяне-солдаты были разоружены. Из них зимой 1914—1915 гг. сформировали рабочие батальоны, которые использовались на строительстве дорог и городских работах. К апрелю 1915 г. насчитывалось до 120 батальонов. Они были разделены на дружины по 300—500 человек в каждой, работавшие на морозе в ужасающих условиях. «Целые регулярные турецкие полки,—пишет Гиббонс,—назначенные для усмирения армянской революции, неожиданно наезжали на эти дружины, мирно работавшие кирками, ломами и лопатами и, не давая им опомниться, расстреливали их. Если кто-нибудь пытался бежать, за ним в погоню бросались конные турки и закалывали или расстреливали его»[17]. Так весной 1915 г. было зверски убито около 6 тыс. солдат-армян, сооружавших дороги Эрзерум—Эрзинджан, Диарбекир—Урфа и Диарбекир—Харпут[18].

После уничтожения армянских солдат младотурки организовали расправу с видными армянскими деятелями, в том числе с депутатами меджлиса и крупнейшими представителями армянской интеллигенции, протест которых против этих зверств мог бы быть услышан далеко за границей.

Только в Стамбуле в ночь с 24 на 25 апреля полиция арестовала 235 видных армянских деятелей. В последующие дни было арестовано еще несколько сот человек. Все они, около 600 человек, были убиты по дороге к назначенным им местам ссылок в Ангору, Конию и Диарбекир. По свидетельству Лепсиуса, из них спаслось лишь 8 человек[19]. Той же участи подверглась армянская интеллигенция в других городах страны.

---

[16] В армию были взяты все мужчины-армяне в возрасте от 20 до 45 лет. Несмотря на это, турецкие власти продолжали взимать с семейств армянских солдат военный налог в размере $^1/_3$ имевшегося у них запаса продовольствия, причем этот налог взыскивался по несколько раз в течение самого короткого промежутка времени. В результате армянское население было обречено на голод и вымирание.

[17] Гиббонс Герберт Адамс, Последние избиения в Армении. Факты и ответственность. Пер. с англ., П., 1916, стр. 12—13.

[18] «Документы и материалы», л. 236.

[19] Lepsius J. Deutschland und Armenien 1914—1918. Sammlung diplomatischer Aktenstücke. Potsdam, 1919, S. XX.

Организатор этих кровавых злодеяний Талаат-паша, желая обелить себя, впоследствии утверждал, что армяне, арестованные в Стамбуле, были якобы самочинно «расстреляны жандармами, которые должны были их переправить в Ангору для предания военно-полевому суду»[20]. О том, что эти армянские деятели были уничтожены по прямому приказу турецких властей, видно из ответа Талаата-паши на запрос германского посольства. В нем он пишет, что «момент—подходящий (имеется в виду война.—*Е. С.*), чтобы удалить всех подозрительных лиц из столицы»[21]. Несомненно, что высылка из городов «подозрительных» лиц была лишь ширмой, которая должна была облегчить младотуркам вероломную расправу с виднейшими представителями армянского народа.

Мевлан-заде Рифат прямо пишет, что правительство младотурецкой партии «Единение и прогресс» выселяло из Стамбула и других городов армянских деятелей и по дороге их убивало[22].

Среди убитых стамбульских армян был выдающийся писатель и публицист, видный общественный деятель Григор Зограб[23]. Один из деятелей арабского национально-освободительного движения шейх Фаиз-эль Хосэйн в своих воспоминаниях писал о Зограбе: «Весь мир знает о том, кем был армянский депутат в Константинополе, имя которого после объявления конституции славили и приветствовали. Он блистал как оратор своими знаниями и мудростью... Он был образованнейшим человеком, знатоком вопросов права и не останавливался ни перед чем, когда речь шла о защите национальных интересов»[24].

Известный армянский публицист и писатель Ерванд Отян

---

[20] Talât Paşanın hatıraları, s. 74.

[21] Lepsius J., S. XIX—XX.

[22] Мевлан-заде Рифат, стр. 146.

[23] О жизни и творчестве Григора Зограба см. *Մինաս Հյուսյան, Գրիգոր Զոհրապ, կյանքը և ստեղծագործությունը, Երևան, 1957 թ.*

[24] *Ֆայզ էլ Ղոսեյն, ջարդերը Հայաստանի մեջ (Ականատեսի վկայություններ), Թարգմանեց ֆրանսերենից Գր. Պասմաչյան, Գահիրե, 1960, էջ 9—10* [Фаиз-эль Хосэйн, Резня в Армении (свидетельство очевидца), перевод с франц. Гр. Пасмачяна, Каир, 1960, стр. 9—10].

подробно описывает гибель Зограба. «Гнусное злодеяние,— отмечает Отян,— имело место на расстоянии нескольких часов езды от Урфы. Группа турецких чиновников, возглавляемая Халил-беем, родственником Энвера, назначенным впоследствии главнокомандующим багдадской армией, напала на экипаж и зверски убила Григора Зограба»[25].

Среди жертв турецких репрессий были такие известные поэты, как Даниел Варужан, Сиаманто, крупнейший композитор и ученый Комитас и многие другие[26]. Последний лишь случайно остался живым, но под влиянием пережитого впоследствии навсегда лишился рассудка.

Уничтожением наиболее передовой и просвещенной части армянского населения турецкие власти облегчили себе дальнейшее осуществление своего чудовищного плана истребления всех армян.

На основании упомянутого выше решения младотурецкого комитета, в начале апреля 1915 г. в вилайеты Западной Армении и Киликии был разослан приказ о разоружении армян. Сама процедура изъятия оружия сопровождалась всякого рода эксцессами, кровавыми столкновениями и массовыми арестами. Часть армян, предчувствуя дальнейшие репрессии, бежала с оружием в леса и горы.

Через несколько недель после проведения этой операции из Стамбула пришел второй приказ: выслать в Месопотамию всех армян из тех местностей, которым «угрожают русские войска», так как «христианское население сочувствует войскам, идущим из России».

Талаат-паша по этому поводу писал в своих мемуарах, что выселение являлось «военной мерой предосторожности»[27]. Но в годы войны он цинично заявил одному сотруднику немецкого посольства, что «правительство пользуется обстановкой мировой войны, чтобы окончательно избавиться от своих внутренних врагов — христиан (подразумевались в первую очередь армя-

---

[25] «Наше время», 27. IV 1919.

[26] Подробно см. *«Թուրքահայ աղետը, պատմական փաստաթղթեր»։ Ս. Էջմիածին, 1919, էջ 9—22։*

[27] Talât Paşanın hatıraları, s. 75.

не.—*Е. С.*), не опасаясь дипломатического вмешательства иностранных держав»[28].

Это признание полностью изобличает виновность всей верхушки младотурецкой партии и турецкого правительства в истреблении армянского населения страны. Лживые увертки и голословные отрицания остальных членов младотурецкого триумвирата Энвера[29] и Джемаль-паши[30], конечно, никого не могли ввести в заблуждение.

Для оправдания свирепых репрессий, направленных против армян, по инициативе Джемаль-паши была пущена в ход насквозь лживая версия о том, что «армяне затевали восстания, которые дезорганизовали бы тыл нашей Кавказской армии, что могло бы повести к ее полному уничтожению»[31].

Член английского парламента Брайс в изданном им в 1916 г. сборнике документов[32] приводит множество фактов, доказывающих, что выселение и резня армян была начата младотурками в вилайетах, которые находились за несколько сот километров от зоны военных действий и где не было и помину о каком-либо восстании армян. Мандельштам по этому поводу пишет: «Вопреки ложным сообщениям турецкого правительства, не было никакой армянской революции или восстания»[33].

Раньше всех других вилайетов выселение армян было начато в Киликии—8 апреля 1915 г., то есть еще до известного факта самозащиты армян в Ване, на которую ссылались впоследствии младотурецкие палачи, пытаясь оправдать свои гнусные злодеяния.

Турецкое правительство изобрело тогда и другую ложь о наличии всеобщего армянского заговора с целью совершения

---

[28] Lepsius J., S. XXVI.

[29] Энвер заявил Лепсиусу 10 августа 1915 г. «Я не несу ответственности за все, что происходит внутри страны». См. Lepsius, S. XXVI.

[30] Джемаль-паша, стр. 235.

[31] Там же, стр. 236.

[32] The Treatment of Armenians in the Ottoman Empire, Documents presented to Viscount arey of Falodon Sekretary of State for Foreign Affairs by Viscount Bryce. With a preface by Viscount Bryce. № 31 (1916). London.

[33] Mandelstam, p. 242.

революционного переворота в то время, когда все османские вооруженные силы будут сосредоточены на границах империи. Разоружение и высылка армян—фарисейски утверждали младотурки — предотвратили эту опасность. Правительственные круги упорно распространяли слух, что «армянская революция» вспыхнет, как только союзники начнут высаживать десант в Киликии или в Дарданеллах. «Нужно сказать,—справедливо замечает Брайс,— в Киликии ничего подобного не было, а в Дарданеллах был высажен десант, но «революция» так и не последовала. В действительности трудно себе представить, что могли сделать армяне, когда все мужчины находились в армии»[34].

Помимо приведенного выше официального предписания о высылке армян, турецкое правительство за подписью Талаата разослало вилайетским властям секретное распоряжение об уничтожении без различия пола и возраста армянского населения Западной Армении и Киликии. В нем говорилось, что «правительство берет на себя полную ответственность и приказывает не щадить даже малолетних детей в люльке». Там же строго указывалось: «Не позволяйте людям защищать их (армян.— *Е. С.*). Некоторые, вследствие малосознательности, не могут понять великую политику правительства, настаивающего на этих мерах. Вместо косвенных мер по истреблению... как, например, меры строгости, поспешности при высылке, трудности путешествия и разные невзгоды, можно прибегать к непосредственным мерам без риска».

Этот приказ заканчивался следующим наставлением: «Передайте ответственным лицам, назначенным для выполнения этого задания, что они обязаны проводить в жизнь настоящее распоряжение, не боясь ответственности. Благоволите представлять еженедельно цифровые отчеты о вашей деятельности»[35]. Под «цифровым отчетом» Талаат подразумевал столь желательные ему сводки по каждому вилайету о количестве убитых и сосланных армян.

---

[34] Viscount Bryce, p. 627–629.

[35] The Memoirs of Naim Bey, Turkish official Documents relating to the Deportations and Massacres of Armenians, p. 16.

Талаат прямо толкал местные власти на самые жестокие меры по отношению к армянам. Об этом ярко свидетельствует следующий циркуляр, посланный министром внутренних дел в адрес вали (губернаторов провинций.— *Е. С.*): «До нашего сведения дошло, что некоторые чиновники были отданы под военный суд по обвинению в вымогательстве и жестокости в отношении известного народа (т. е. армян.— *Е. С.*). Даже если это будет лишь простой формальностью, то это может ослабить энергию прочих чиновников. По этой причине и приказываю недопускать подобных расследований»[36].

В другой инструкции подчеркивалось, что «если обращать внимание на жалобы, подаваемые «известными лицами» по всякого рода личным делам, то не только задержится их отправка в пустыню, но также создастся основание для ряда действий, которые могут в будущем вызвать политическое затруднение. Необходимо отдать соответствующие приказы чиновникам»[37].

Тогда же на места было разослано указание, что жалобы по почте и телеграфу в адрес высших правительственных чиновников должны приниматься, но не доставляться[38].

Такими путями правительство стремилось поскорее и без вмешательства извне добиться полного очищения Западной Армении и Киликии от армян.

Этот злодейский план был подготовлен заранее и самым тщательным образом. Выселение и массовая резня армян осуществлялись одинаковым способом и систематически более чем в 50 местах. Местные власти выполняли распоряжения Талаата с большой точностью[39]. Так, в апреле и мае 1915 г. была очищена от армян Киликия, в июне и июле—Западная Армения (Эрзерум, Трапезунд, Ван, Битлис, Харпут, Сивас), в августе и сентябре — Анкара, Адабазар, Брусса, Джебель-Мус, Урфа и Айнтаб. Из Адрианополя армяне были высланы в октябре, а

---

[36] The Memoirs of Naim Bey, p. 17.

[37] Там же, стр. 18.

[38] Там же.

[39] Toynbee Arnold J., Armenian Atrocities. The Murder of a Nation, London—New-York, 1915, p. 29.

из Кайсери — в ноябре. Таким образом,— пишет Мандельштам,— «очистка» страны от армянского населения длилась с 8 апреля до 6 ноября 1915 года[40].

Обычно местные турецкие власти вызывали всех армян-мужчин в возрасте от 15 до 70 лет и гнали их за город, а в деревнях — за населенный пункт. Там они все расстреливались жандармами.

В своей речи на заседании английской палаты лордов 6 октября 1915 г. Брайс рассказал о массовом истреблении армян в Трапезунде. «Из Константинополя,— говорил он,— был получен приказ убить всех армян Трапезунда. Многие мусульмане пытались спасти своих соседей-армян, укрывая их в своих домах. Но турецкие власти были беспощадны. Всех армян, укрывавшихся у своих мусульманских соседей и неукрывавшихся, собрали вместе и, погнав по улицам города, вывели их на берег, где они были посажены на суда, вывезены в открытое море и утоплены. Почти все армянское население города (от 8 до 10 тыс. чел.)... было уничтожено»[41].

О трагической участи армян в Трапезунде сообщал посол Италии в Стамбуле Гаррони. Приказ об аресте армян,— подчеркивал он,—был дан правительством и комитетом «Единение и прогресс». Мусульманское население пыталось ему воспротивиться и уменьшить количество жертв, скрывая в своих домах армян. Но все было напрасно. Не помогло и вмешательство находившихся в Трапезунде консулов нейтральных стран, пытавшихся спасти, по крайней мере, женщин и детей. По свидетельству Гаррони, в Трапезунде из 14 тысяч армян спаслось не больше ста человек[42].

В мае было начато переселение армян из анатолийских вилайетов и Киликии в районы Месопотамии, южнее Багдадской железной дороги. «С мая по октябрь,— пишет Гиббонс,— османское правительство систематически проводило в жизнь план более адский, чем самая ужасная резня. По всей Малой Азии были разосланы приказы о выселении в Месопотамию

---

[40] Mandelstam, p. 283—284. См. также J. Lepsius, S. XXV.

[41] Toynbee, p. 10—11.

[42] ЦГИА ГрузССР, ф. 2с, д. 3599, л. 178.

всего армянского населения. Приказы были вполне определенные и очень подробные. Ни одна деревушка не была забыта. Глашатаи выкрикивали приказания всем армянам к такому-то часу быть готовыми к отбытию по неизвестному назначению. Исключений не делалось ни больным, ни старым, ни беременным женщинам». «Времени для подготовки к пути,—пишет далее Гиббонс,— давалось от двух дней до шести часов. Запрещалось брать с собой какое-либо имущество, домашних животных или даже лишнюю одежду»[43].

Дома и имущество армян во время выселения конфисковывались и раздавались мусульманам. Богатым армянам часто разрешалось нанимать за высокую плату повозку или лошадь, которые отбирались по выезде из города или населенного пункта. Как бедным, так и богатым оставалось только то, что они могли взять с собой. Турецкому населению было запрещено продавать армянам продукты или покупать у них вещи, поэтому высылаемые не могли обеспечить себя припасами на время пребывания в пути. Первым мероприятием было отделение мужчин от женщин и членов семей друг от друга.

Перед высылкой самые красивые женщины и девушки отбирались и передавались в гаремы богатых турок. Огромные массы женщин, стариков и детей турецкие жандармы и аскеры гнали через горные ущелья Анатолии, под палящими лучами солнца[44].

Тысячи армян гибли в пути от голода, жажды и изнеможения. Того, кто отставал или падал, тотчас закалывали или пристреливали. На некоторых этапах — при Кемаге-Бокхас у Евфрата и между Эрзинджаном и Харпутом—совершались массовые расстрелы. Дорога, по которой двигались высланные армяне, стала для них дорогой смерти. Многие очевидцы и лица, писавшие об этих событиях, справедливо отмечали, что эта высылка, по существу, была замаскированным истреблением армянского населения Турции.

---

[43] Гиббонс Герберт-Адамс, стр. 13—14.

[44] „Документы и материалы", л. 333—337 (перевод статьи из швейцарской газеты „Базельские известия", 16.IX 1916). См. также Charles Woods. The Cradle of the War. Boston, 1918, p. 71.

«Выселение,— свидетельствует один документ,— является лишь предлогом и вместе с тем новым методом в руках турецкого правительства, преследующего давнишнюю программу истребления армян. Вместо открытой резни и погромов, ныне армян истребляют выселением»[45].

Даже лидер католической партии центра Эрцбергер, не раз выступавший в защиту младотурецкой клики, не смог на сей раз опровергнуть эти чудовищные факты. В своей записке, адресованной вожакам младотурецкой партии, он писал в феврале 1916 г.: «Отчеты, поступающие из глубины страны от свидетелей не армян, так ужасны, что их нельзя передать на бумаге. Можно было бы предполагать, что высылки являются более мягкой карательной мерой, чем убийства. Фактически одно немного отличается от другого. В то время как при всеобщей резне всегда некоторым удается убежать, скрыться или спастись в горы, при изгнании надежда на сохранение жизни очень невелика. Людей гонят, как стадо скота, неделями и месяцами к месту назначения... Несчастные гибнут массами от голода и эпидемий. Когда они прибывают на место назначения, и там им не позволяют оставаться, а гонят с места на место, не давая покоя». В заключение Эрцбергер давал Энверу и Талаату следующий совет: «Интересы турецкого правительства требуют, чтобы еще во время войны был осуществлен ряд мер, который подействовал бы успокоительно перед лицом обвинений, предъявленных печатью Антанты...»[46].

Как видим, Эрцбергер был мало озабочен судьбой армян. В первую очередь он стремился к тому, чтобы избавить младотурок от обвинений со стороны Антанты.

Лепсиус, выступая в качестве очевидца описываемых событий, показал на судебном процессе над Тейлиряном, что в приказе Талаат-паши о выселении армян прямо разъяснялось, что «ссылка означает уничтожение». До места ссылки, подчеркивал Лепсиус, дошло лишь 10 процентов армян. Все остальные были убиты или погибли от голода и невыносимых мучений[47].

---

[45] ЦГИА ГрузССР, ф. 2с, д. 3599, л. 154.

[46] Эрцбергер М., Германия и Антанта, М.—П, 1923, стр 83.

[47] *Դատավարության Թալէաթ-փաշայի, էջ 90։*

Все эти факты убедительно свидетельствуют о том, что поголовное выселение армян из Западной Армении, Киликии и других районов Османской империи не было вызвано военной необходимостью и требованием безопасности, как утверждали впоследствии в целях собственного оправдания Энвер, Талаат и Джемаль, а было лишь способом физического уничтожения армян.

Очевидцы поведали миру о страшном преступлении, совершенном турецкими властями над высланными армянами. Композитор Романос Меликян, посетивший Западную Армению для выяснения потерь армян, сообщал: «...В долине реки Мурад-чай, а также на берегах Ванского озера, реки Хошаб-чай и верховьях Аракса я видел бесчисленное множество трупов армян, преимущественно женщин и детей, выброшенных водой на берег. Их живыми сбрасывали в воду турецкие аскеры, когда тысячами гнали из Эрзерумского вилайета в Месопотамию».

По подсчетам лиц, изучавших последствия массовой резни с мая по июль 1915 г., только в Битлисском и в части Эрзерумского вилайета было перебито 136 тыс. армян[48]. Когда русские войска заняли Эрзерум, вблизи города было обнаружено двенадцать больших ям, заполненных трупами заживо зарытых армян. Во многих домах Муша русские солдаты нашли сотни детских трупов. Берега Евфрата были усеяны трупами армян[49].

В статье, опубликованной в официальном органе германских миссионеров «Allgemeine Missionszeitschrift», рассказывалось о том, что многие женщины-армянки по пути к месту ссылки были связаны вместе с детьми и сброшены с высокого берега Евфрата в реку. «Дети, которые не могли идти достаточно быстро, были убиты ударами по голове. Три тысячи женщин были выведены в пустыню и там убиты. Наконец, 50 турецких жандармов принудили 600 женщин и детей сесть на судно на реке Тигр, а затем сбросили их в воду...»[50].

---

[48] ЦГИА АрмССР, ф. 200, д. 95, л. 128.

[49] Архив Армянского филиала ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 33, д. 1162а, л. 190—193.

[50] АВПР, ф. «Политархив», д. 4656, л. 108.

В документированной статье, напечатанной в английской газете 27 ноября 1915 г., Брайс пишет: «Каждый новый факт, каждое новое свидетельство увеличивают ужас и подтверждают невероятную истину. Эти злодеяния не продукт фанатизма. Одно и то же утверждают различные источники, чуждые друг другу». Затем он отмечает, что по имеющимся у него сведениям в Алеппо, начиная с 1 августа 1915 г., прибыло 20 тыс. армян, которые были затем высланы в пустыню. «По дороге у матерей отнимали младенцев и разбивали их тела о камни и швыряли живых детей в реки и пропасти. А там, куда загнали армян, они умирали ежедневно тысячами, умирали от голода, от эпидемических заболеваний. А тех, кто выживал, потом убивали жандармы». «По словам хладнокровных и осторожных людей,— указывает Брайс,— до 14 августа было убито более 500 тысяч армян»[51].

Протоиерей Бекгулянц, находившийся при штабе Кавказской армии, посетил Эрзинджан после занятия его русскими войсками. Со слов очевидцев он писал, что 28 мая армян—жителей Эрзинджана—начали выселять в Кемаху (50 км к юго-западу от Эрзинджана). По пути в Кемахском ущелье армян умерщвляли и хоронили в заранее приготовленных ямах или просто сбрасывали с Кемахского моста[52].

О массовом убийстве армян в Кемахском ущелье сообщал немецкий консул в Эрзеруме Рихтер, отметивший, что в период с 10 по 14 июня в ущелье Кемах солдатами 86-й кавалерийской бригады было расстреляно от 20 до 25 тыс. депортированных армян, преимущественно женщин и детей. Это преступление совершено на расстоянии нескольких часов езды от Эрзинджана, где находилось командование 3-м корпусом, которое было не только осведомлено об этом происшествии, но и санкционировало участие регулярных войск в истреблении эрзинджанских армян[53].

«Если до конца июня,— писал Лепсиус,— могло еще создаваться впечатление, что эти меры ограничатся стратегически

---

[51] ЦГИА ГрузССР, ф. 2с, д. 3198, л. 101 (газетная вырезка).

[52] ЦГИАМ, ф. 13159, оп. 1, д. 50, л. 11—13.

[53] Lepsius, S. XXIV.

угрожаемыми районами (Киликия, Эрзерум), то в конце июня правительство окончательно сбрасывает с себя маску. В это же самое время во всех восточно-анатолийских вилайетах, а также в центральных провинциях, находящихся на расстоянии многих сотен километров от театра военных действий, началась массовая депортация армян, сопровождавшаяся конфискацией всего их имущества, убийством мужчин и похищением молодых женщин». «Теперь уже не было никакого сомнения,— заключал Лепсиус,— что речь шла не о военных мерах с целью безопасности империи, а о планомерном уничтожении армянского народа»[54].

Все армянское население Эрзерумского вилайета было разбито на группы и под охраной отправлено в дальний путь к месту изгнания. «Эти несчастные люди,— свидетельствует один документ,— были отданы во власть жандармов, которые должны были освободиться от них любыми способами. Как только переселенцы вышли за пределы своего вилайета, мужчин отделили от женщин, отвели в овраг и расстреляли. Оставшихся женщин и детей направили в Дер-Зор и Мосул. По дороге солдаты грабили их, продавали и убивали прикладами»[55].

Воды Евфрата несли такое множество трупов, что местами они, собираясь в груды, как плотина, мешали свободному течению реки. 10 июня 1915 г. германский консул в Диарбекире Холштейн сообщал, что уже несколько дней, как по реке проносятся трупы и части человеческих тел[56].

Вот что писал 11 июня 1915 г. о высланных армянах американский консул в Харпуте: «В первых числах июля в Харпут прибыли первые партии ссыльных из Эрзерума и Эрзинджана — в отрепьях, изголодавшиеся, больные. Они пробыли в пути около двух месяцев, почти без пищи и воды. Им дали сена, как скотам. Они так изголодались, что с жадностью набросились на этот корм. Но заптии (офицеры) их отогнали ударами палок, уложив при этом несколько человек на месте»[57].

---

[54] Lepsius J., S. XXIV–XXV.

[55] La voix d'Armenie, № 7, 1918, p. 216.

[56] Lepsius J., S. XXII.

[57] Анри Барби. В стране ужаса. Мученица Армения. Тифлис, 1919, стр. 42

Из 30 тыс. армян, высланных из Эрзерумского вилайета, до Мосула дошло всего 4—5 тыс. женщин и детей. Они бродили по улицам, выпрашивая хлеб. Когда наступил вечер, можно было видеть, что все улицы и площади города, куда из различных вилайетов прибыло около 30 тыс. женщин и детей, были буквально покрыты человеческими телами в лохмотьях. Вскоре солдаты погнали сосланных дальше в пустынные районы, где они погибали от голода и болезней. От всего армянского населения Эрзерумского вилайета осталось в живых лишь 2 тыс. человек[58].

Из 18 тыс. армян, проживавших до войны в Эрзеруме, при вступлении в город русских войск осталось в живых 120 человек, преимущественно женщин и детей. В деревнях Эрзерумского вилайета не осталось ни одного армянина.

Все имущество армян Эрзерумского, как и других вилайетов, было продано с торгов, а деньги переданы в казну. Дома, хозяйство и земли армян местные власти роздали туркам, переселенным из Вана, Малазгерта и Тортума.

Если эрзерумские армяне были высланы и истреблены по пути в Мосул, то армянское население вилайетов Битлис, Муш, Сиирт, Диарбекир, Мардин было по специальному приказу правительства вырезано на месте.

Это злодеяние осуществлялось при помощи мусульманских переселенцев из Вана, среди которых младотурки искусно разжигали ненависть к армянам и призывали уничтожить их, чтобы завладеть их имуществом. В этих вилайетах уже не стоял вопрос о выселении армян. По словам очевидца, «правительство организовало целую армию, состоявшую из самых свирепых убийц... Их расставили на всех дорогах, чтобы они помешали бегству армян. Их вооружили и поручили им грабить всех христиан».

Кровавое избиение армян было организовано турецкими властями в Багеше. В июне город внезапно окружили войска. Армянам запретили выходить из своих кварталов. «Затем,—пишет один свидетель,— началась резня. Вся армянская часть

---

[58] La voix d'Armenie, N 7, 1918, p. 217. Подробно об этом см. Bryce, p. 222–237; Lepsius, S. XII–XIII.

города превратилась в бойню. Истребив всех мужчин, турки вывели на площадь женщин и детей и отправили в Сиирт. По дороге их перебили и зарыли в ямы»[59].

По рассказу одного турецкого офицера, в Битлисе большинство армян было перебито за крепостью. Трупы были свалены в ямы, заранее вырытые турецкими солдатами. Власти Битлисского вилайета «сгоняли армян в большие, наполненные соломой гумна, двери закладывали соломой и поджигали. Армяне задыхались в дыму и погибали. Но большинство погибало от пуль, ножей и кинжалов». Жандармы применяли также другой метод. Они связывали женщин и детей друг с другом и сбрасывали с большой высоты в пропасти[60].

В городе Сиирте турки пощадили жизнь 100 армянам-ремесленникам, которых они заставили работать на турецкую армию. В Битлисе власти сохранили жизнь 15 армянам-пекарям с их семьями, но принудили их принять ислам. Несколько сот армян скрылось в горах[61].

Заняв Битлис, русские войска и армянские добровольцы увидели страшную картину. В селах вилайета и в самом Битлисе было обнаружено множество человеческих скелетов и костей. Все колодцы, в которых местные жители обычно хранили запасы продовольствия, были заполнены человеческими костями. Из 18 тыс. армян, жителей Битлиса, осталось в живых около 300—400 женщин и детей, обращенных в ислам.

Подобная же участь постигла и армян в вилайете Муш. В самом начале войны местные власти отобрали у армянского населения все запасы зерна и 30 тыс. баранов и заставили их самих доставлять свое добро до места расположения турецких войск. Так как все трудоспособные мужчины были мобилизованы или скрывались в горах, то грузы приходилось носить в холод и стужу старикам, детям и женщинам. «Никто из них,— сообщалось в газете «Кавказское слово»,— не возвратился»[62].

В Муше проживало 25 тыс. армян, составлявших подавляющую часть населения города. В Мушском вилайете имелось

[59] ЦГИА ГрузССР, ф. 2с, д. 3599, л. 185.
[60] „La Voix d'Arménie", 1918, N 7, p. 217.
[61] ЦГИА ГрузССР, ф. 2с, д. 3665, л. 8.
[62] «Кавказское слово», 28.II 1915, № 48.

300 армянских сел, в среднем насчитывавших по 500 семейств. Когда русские войска вместе с армянскими добровольцами вошли в Муш, то там не застали ни одного армянина.

История уничтожения мушских армян вкратце такова. В начале июля 1915 г. из Стамбула в Муш было переброшено 20 тыс. солдат с артиллерией. Окружив город, войска 11 июля начали обстрел армянских кварталов. Муш был разграблен солдатами. Дома армян сожжены. Армяне, оставшиеся в живых, были высланы в Урфу. Жители 20 армянских сел — 5 тыс. человек—были загнаны в церковь Сурп Карапет и там убиты. 4 тыс. армян из вилайета Муш бежали в горы и начали упорную борьбу с турецкими войсками[63].

В вилайете Мамур-уль Азиз кровавые репрессии против армян были начаты в ночь на 23 июня. Армянское население было выселено из этого вилайета и истреблено. Та же участь постигла армян в Сивасском вилайете, где их проживало свыше 160 тыс. человек. Только в течение двух недель в этом вилайете было убито 5 тыс. армян, а их имущество захвачено турецкими войсками. Из 25 тыс. армян, проживавших в Сивасе, осталось всего 120 семейств, состоявших исключительно из стариков и детей.

Очевидцы рассказывали о чудовищном уничтожении армян в Диарбекире. Армян живыми бросали в колодцы или в ямы и закапывали. Многие были утоплены в Тигре.

После истребления армян все их имущество: мебель, белье и все товары, найденные в магазинах и лавках, доставлялись в церкви или другие крупные помещения. Власти создали специальные комитеты по реализации, которые сбывали имущество армян. Вся выручка шла в казну. Наличные деньги и ценные бумаги, принадлежавшие армянам, собирались начальником жандармерии и вали и отправлялись в Стамбул[64].

Кровавые репрессии обрушились на армян, проживавших не только в Восточной Анатолии и Западной Армении, но и в западных вилайетах Малой Азии и во Фракии. Так, 800 армян—жителей Ангоры—были высланы в Кайсери. По пути, в

---

[63] Подробно о событиях в Муше см: Bryce, p. 89–99.

[64] The Memoirs of Naim Bey, p. 49.

ущелье, на них напали находившиеся в засаде жандармы и всех перебили. Тысячи женщин-армянок вместе с детьми из Фракии и западных районов Малой Азии были высланы в Конью, где они находились под открытым небом. Голод и эпидемии ежедневно косили их ряды[65].

Значительно сложнее было турецким властям осуществить свой злодейский план уничтожения армян в Киликии. Младотурки больше всего боялись армян—жителей Зейтуна (Аданский вилайет), которые, благодаря их упорной борьбе в течение нескольких веков, сохраняли полунезависимость и не раз победоносно отражали натиск турецких войск[66].

Заранее зная, что с зейтунцами не так легко будет справиться, турецкие власти пошли на хитрость. Они начали переговоры с киликийским католикосом Сааком, которого убедили уговорить зейтунцев сдать оружие. За это обещали «оставить их в покое». Саак согласился с этим, чтобы спасти своих соотечественников в соседних районах Малой Азии. Зейтунцы поддались совету католикоса. Тотчас после сдачи оружия местные власти выслали всех армян-зейтунцев. На землях высланных армян были помещены мухаджиры (мусульмане-переселенцы) из Македонии[67]. Всего из Киликии и Конийского вилайета в пустыни Месопотамии было выслано около 27 тыс. армян[68].

Поголовное выселение армян не имело места лишь в Стамбуле и Смирне, что объяснялось присутствием в этих городах многих представителей нейтральных держав. Для успешного проведения своего плана уничтожения армянского населения в Западной Армении, Киликии и в других вилайетах младотурки старались скрыть свои злодеяния от мировой общественности, дабы избежать какого-либо вмешательства со стороны иностранных государств.

Одним из методов ликвидации армян, помимо массовой

---

[65] Там же.

[66] Подробно об этом см. *Ա. Տ. Ներսիսյան, Հայ ժողովրդի ազատագրական պայքարը Օսմանյան բռնապետության դեմ 1850—1870 թթ., Երևան, 1955։*

[67] Вгусе, p. 468—469.

[68] Там же, p. 472.

резни и высылки, являлось насильственное их отуречивание. Во многих районах армяне, ради сохранения жизни, переходили в ислам. В Сивасе тем армянам, которые соглашались принять мусульманскую веру, предлагалось передать своих детей властям, а самим выехать в указанные им районы. В Харпуте мужчинам-армянам было отказано в перемене веры, а от женщин потребовали, чтобы при обряде обращения присутствовал мусульманин, готовый вступить в брак с обращенной. Многие женщины-армянки предпочли броситься в Евфрат.

Армяне — жители черноморских городов — Трапезунда, Самсуна, Керасунда, которые под давлением властей приняли ислам, были высланы в глубь страны, хотя турецкие власти обещали не делать этого[69].

Немецкий вице-консул в Самсуне Кихгоф сообщал 4 июня 1915 г.: «Правительственные органы посылали фанатиков-мусульман мужчин и женщин во все армянские дома с целью пропаганды за переход в ислам, само собой разумеется, под угрозой тяжелейших последствий для тех, которые останутся верными своей религии[70].

Из 18 тыс. армян, живших в Битлисе, благодаря переходу в ислам уцелело 300—400 женщин и детей.

Армянский патриарх в Стамбуле Завен Егиян сообщал в январе 1916 г., что многие армянские семьи, чтобы избежать гибели, были вынуждены переменить веру. Таким путем были обращены в мусульманство 1 тыс. армянских семейств в Кайсери, 800 семейств в округе Себастия, 1 тыс. семейств в Харбердском округе. Семьи призванных в армию армян направлялись в мусульманские села и принудительно обращались в мусульманство. Тысячи армян, находившихся в армии, писал далее Завен Егиян, «под угрозой смерти вынуждены принимать ислам. В целях обращения в мусульманство солдат и офицеров разосланы даже распоряжения по армейским корпусам»[71].

Десятки тысяч молодых армянок были по пути в Месопотамию проданы в турецкие и курдские гаремы. Тысячи отобран-

---

[69] «Документы и материалы», л. 236—237. См. также Bryce, p. 14.

[70] Lepsius, S. XXXV.

[71] «Документы и материалы», л. 244.

ных у родителей-армян детей были направлены в так называемые правительственные приютские дома для воспитания их в мусульманском духе вместе с турецкими детьми.

Трудно установить число армян насильственно обращенных тогда в мусульманскую веру. Источники и историки приводят самые различные данные. Но путем сопоставления материалов, имевшихся в нашем распоряжении, можно сказать, что было обращено в ислам примерно 200 тыс. армян, преимущественно женщин и детей[72].

Нелегко установить и точную цифру армян, погибших в результате избиений и выселения. По статистическим данным, в Османской империи накануне первой мировой войны проживало 1845 тыс. армян[73]. Лепсиус, исходя из этой цифры, пришел в 1919 г. к заключению, что в годы войны погибло около 1 миллиона человек, так как от всего армянского населения Турции к этому времени осталось около 800 тыс. человек. Из них 200 тыс. оставались в Турции, около 200 тыс., в большинстве своем женщин и детей, были насильственно обращены в ислам, 250 тыс. человек бежали в Закавказье и 200 тыс. томились в концентрационных лагерях в Месопотамии и Сирии[74]. Согласно этим сведениям, младотурки уничтожили 55% всего армянского населения Османской империи[75]. Английская газета «Morning Post» в номере от 10 апреля 1916 г., основываясь на сообщениях дипломатов нейтральных стран, указывала, что турецкими властями истреблено более миллиона армян[76]. По подсчетам английской «Синей книги», 600 тыс. армян

---

[72] Эту цифру указывает и F. Nansen, Arménie et le proche Orient Paris, 1928, p. 355.

[73] Из общего числа армян, составлявшего к 1914 г. 4,47 млн. чел., 2026 тыс. чел. (45,4%) проживало в пределах Османской империи, 2054 тыс. чел. (45,9%) — в пределах Российской империи и 390 тыс. чел. (8,7%) — в других странах. (См. «Атлас Армянской Советской Социалистической Республики». Академия наук Армянской ССР, Главное управление геодезии и картографии МГ и ОН СССР. Ереван—Москва, 1961, стр. 58).

[74] Lepsius J., S. LXV.

[75] «Документы и материалы», л. 246.

[76] АВПР, ф. «Политархив», д. 4657, л. 71. Эту же цифру приводит Лео. Պատմութիւն, էջ 333:

бежали за границу, 600 тыс. были убиты и 600 тыс. остались на своих прежних местах. Но многие погибли в ссылке и потому невозможно установить точное число жертв[77].

В недавно изданной в США книге отмечается, что выселению подверглось около 2 млн. армян, из которых 600 тыс. были убиты[78]. «Бесспорно ясен тот факт,— утверждал один немецкий юрист,— что в течение нескольких месяцев из 1800 тыс. армян 1400 тыс. были сосланы и из них убито 1 млн.»[79]. Мандельштам, основываясь на данных немецких консулов, которые регулярно сообщали в немецкое посольство в Стамбуле о резне и высылке армян, пишет, что, по их мнению, было убито 1 млн. армян. Половина убитых и умерших от голода и болезней были женщины и дети[80].

Наиболее полное представление о числе жертв дают цифры, приведенные в обращении армянского Национального совета правительству Вильгельма II. В нем указано, что в Киликии и северном Иране проживало 248 тыс. армян, из коих 4 тыс. бежали, а остальные были сосланы или убиты. В Восточной Анатолии численность армянского населения составляла 1058 тыс. чел., из которых 240 тыс. спаслись, а 818 тыс. сосланы или убиты. В Западной Анатолии из 337 тыс. армян 310 тыс. чел. были сосланы или убиты. В Стамбуле из 194 тыс. армян 30 тыс. бежали за пределы страны. Всего из Турции и северного Ирана турецкими властями было выслано и уничтожено 1 396 350 армян[81].

---

77 Mandelstam, p. 284.

78 Lenzowski George, The Middle East in the World Affairs, New-York, 1953, p. 48—49.

79 См. *Պատմություն Թալեաթ-փաշայի, էջ 146։*

80 Mandelstam, p. 408.

81 Архив Армянского филиала ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 33, д. 1162а, л. 170—193. По Атласу Армянской ССР, число убитых младотурецким правительством армян превышало один миллион человек (стр. 58). Непосредственные организаторы армянской резни всячески стараются приуменьшить это число. Так, Мевлан-заде Рифат в своих мемуарах (стр. 219) указывает, что османское правительство выслало из восточных вилайетов около $1^1/_2$ млн. армян, из которых 600 тыс. человек было убито и умерло от голода и болезней по пути в Месопотамию.

В итоге, ссылаясь на эти данные, можно с уверенностью сказать, что в результате свирепых репрессий, проведенных турецким правительством в 1915—1916 гг., было выслано около 1,5 млн. армян с территории, которую они занимали испокон веков. Из них более 1 млн. было убито или погибло от голода и эпидемий на пути в Месопотамию и на месте самой ссылки. Немногие армяне, уцелевшие в ссылке, обосновались в Сирии, Месопотамии, Египте и частично выехали в европейские страны, в США и Южную Америку. Таким кровавым путем младотуркам удалось «решить» армянский вопрос. Очищением Западной Армении и Киликии от коренного армянского населения было устранено препятствие, которое, по мнению правящих кругов Турции, мешало им осуществить свои захватнические планы в отношении Закавказья.

* * *

Документы свидетельствуют о том, что турецкий народ не только был непричастен к политике уничтожения армян, проводившейся младотурецкой кликой, но и пытался оказывать ей противодействие.

Патриарх Завен Егиян, подробно описывая все эти события, пришел к заключению, что «не чернь напала на мирный народ, а само правительство, которое проводило свою программу с помощью солдат, жандармерии, полиции и разбойничьих шаек. Приказ был дан из центра и его исполнение повсюду было беспощадным»[82].

В одном документе подчеркивалось, что «само турецкое население, несмотря на подобное отношение к армянам со стороны правительства, относится к ним без вражды. Если само правительство не вызывает погромов и резни христиан, то ожидать их со стороны населения нет оснований»[83].

Гиббонс, посетивший многие районы Турции, на основании своих наблюдений писал, что «личные отношения между турками и армянами были далеко не плохие. Турки по природе на-

---

[82] «Документы и материалы», л. 241.

[83] ЦГИА ГрузССР, ф. 2с, д. 3187, л. 162—163.

род не фанатичный. Преследования и избиения армян турками никоим образом нельзя рассматривать (как это ошибочно делало большинство европейцев и американцев) как следствие вековой вражды этих двух народов на почве религии. Никак нельзя объяснить зверства эти также и тем, что армяне будто бы являлись ростовщиками, безжалостно эксплуатировавшими простодушных турок. На последнем объяснении особенно настаивали те лица, которым во что бы то ни стало хотелось оправдать происшедшие злодеяния. Ведь известно,— продолжал Гиббонс,— что избиения происходили не в одних только крупных центрах, где действительно проживало большое количество состоятельных армян, но единообразно и удивительно планомерно производились в таких селениях, где армяне были и невежественны и бедны»[84].

Показание Гиббонса говорит о том, что турецкое правительство решило покончить со всеми армянами, независимо от их классовой принадлежности.

В некоторых местах турецкое население пыталось воспрепятствовать выселению своих соседей-армян, с которыми они жили бок о бок. Так, например, в июле 1915 г., когда из Стамбула был получен приказ о выселении армян в Месопотамию, турецкие жители Эрзерума пытались помешать его исполнению[85].

Брайс в своей речи на заседании английского парламента 6 октября 1915 г. отмечал, что когда в Трапезунде турки узнали о распоряжении правительства истребить армян, большинство жителей мусульман пыталось спасти соседей-армян и прятало их в своих домах. Но правительственные агенты были беспощадны, они разыскивали христиан, уводили их за город и там убивали или топили в море.[86]. Некоторые турки с оружием в руках вместе с бежавшими в горы армянами боролись с властями. Их постигла та же участь, что и армян — они были убиты.

Современник описываемых событий американец Скипио, много лет проживший в Турции, справедливо пишет, что то, что

---

[84] Гиббонс Герберт-Адамс. стр. 23.

[85] ЦГИА ГрузССР, ф. 2с, оп. 1, д. 3599, л. 137

[86] Toynbee, p. 10—11.

было совершено с армянами в Турции в 1915—1916 гг., произошло лишь по воле небольшой кучки лиц, а не с согласия всего турецкого народа. Многие армяне,— указывает он,— спаслись благодаря своим соседям-туркам, прятавшим их в своих домах в условиях усиленных полицейских розысков, подвергая опасности свою жизнь[87].

Следует отметить, что далеко не все турецкие чиновники совершали те бесчеловечные действия, которые требовали от них младотурецкие заправилы. Выше говорилось о директиве правительства, в которой было специально указано, что всякое должностное или частное лицо, которое попытается защитить или укрыть какого-либо армянина, будет признано «врагом отечества и религии» и соответственно этому наказано[88].

Несмотря на это предупреждение, многие турецкие чиновники отказывались стать палачами. Патриарх Завен Егиян указывал, что за неисполнение приказа одного вали об организации армянского погрома было расстреляно три каймакама[89].

Один из очевидцев злодеяний турецких властей писал, что после издания в Диарбекире приказа об уничтожении армян два каймакама телеграфировали вали, что их совесть не позволяет пойти на преступление и они предпочитают подать в отставку. Их отставку приняли, но оба чиновника были тайно умерщвлены[90].

Губернатор Алеппо Джелал-бей, получив от Талаата приказ истребить армян, телеграфировал в Стамбул: «Я являюсь губернатором этой провинции и не могу быть ее палачом». Джелал-бей был немедленно замещен Бекир Сами-беем[91].

Известный нам Наим-бей в своих воспоминаниях подчеркивает, что в округе Дер-Зор (Алеппский вилайет) новый губернатор делал все, чтобы облегчить страдания сосланных армян. Вопреки приказу центральных властей он не погнал их дальше

[87] Lynn Scipio, My thurty years in Turkey, New Hampshire, 1955, p. 113.

[88] См. Мевлан-заде Рифат, стр. 197—199.

[89] «Документы и материалы», л. 242.

[90] Там же, л. 299. Об этом же см. речь Лепсиуса (*Պատմություն Թալեաթ-փաշայի, էջ 91—92*)։

[91] The Memoirs of Naim Bey, p. 8.

в пустыню, а указал сосланным место для разбивки палаток и предоставил им возможность заняться ремеслом и торговлей. Армяне открыли портняжные и сапожные мастерские, бакалейные и зеленые лавки, соорудили пекарни. Среди сосланных армян было много архитекторов и строителей. С их помощью в Дер-Зоре был сооружен большой госпиталь. Но как только в Стамбуле стало известно о мягком отношении губернатора к армянам, он был отстранен от занимаемой должности. На его место был назначен один из палачей армян, бывший губернатор Вана Джевдет-бей[92]. Около 200 тыс. армян, скопившихся в Дер-Зоре, были партиями направлены в Мосул и все погибли от пуль жандармов, от голода и болезней.

Вали Аданы, прибыв в Рес-уль-Аин и увидев скопление около 50 тыс. армян, приказал их всех уничтожить. Но местный каймакам Юсуф Зиа-бей отказался выполнить это распоряжение, за что был вскоре уволен. Новый каймакам Керим-бей, назначенный на его место, 17 марта начал высылать армян, обосновавшихся в Рес-уль-Аине. По пути, на берегах реки Джурджиб и на дороге в Шаддад, они были вырезаны[93].

Талаат-паша, узнав, что часть сосланных армян задержалась в Алеппо, приказал немедленно очистить от них город. Армян погнали дальше в пустыню. В пути конвоиры, руководствуясь специальным приказом, не давали ссыльным ни есть, ни пить, чтобы по мере возможности уменьшить их число. Но младотурецкие заправилы были недовольны слишком медленными, по их мнению, темпами истребления армян. «Недельная сводка смертей,— говорилось в указании из Стамбула,— сообщенная нам за последние несколько дней, неудовлетворительна... Ни один человек не будет нести ответственности за какое-либо суровое отношение к сосланным армянам»[94].

Если в министерство внутренних дел поступали сведения о том, что где-либо армяне остались в живых или не были высланы в Месопотамскую пустыню, то в таких случаях немедленно следовал приказ Талаата о скорейшей расправе с ними.

---

[92] Там же, стр. 20—21.

[93] Там же, стр. 24—27.

[94] Там же, стр. 39.

Так, вали Алеппо получил от Талаата телеграмму, которая гласила: «1 декабря 1915 г., несмотря на то, что необходимо прежде всего истребить армянское духовенство, до нашего сведения дошло, что некоторые духовные лица посланы в такие подозрительные места, как Сирия и Иерусалим. Такие разрешения являются непростительными упущениями. Ссылка означает для них только уничтожение. Я рекомендую действовать в соответствии с этим»[95].

* * *

Было много случаев, когда в страшные дни репрессий армянские семьи находили спасение и поддержку у своих соседей-курдов. Так, в одном документе говорится, что армянские семьи, приютившиеся в курдских селениях Бошки и Мираги, спаслись от погромов и грабежей благодаря курдам, которые день и ночь защищали их от турок[96]. Газета «День», описывая трагедию армян, отмечала, что в некоторых местах курды скрывали у себя армян[97].

Ярким свидетельством этой помощи является письмо армян, скрывавшихся у курдов, командиру русских войск, занявших Битлис. Оно датировано 12 апреля 1916 г. В нем сказано: «Мы, нижеподписавшиеся, избегнув избиений и сожжения, находимся одиннадцать месяцев в горах у аширатов (курдские роды), где почти нагие живем мы, голодая, в ужасной нищете. Тем, что мы еще живы, мы обязаны этим курдам, которые пренебрегли всеми опасностями, чтобы спасти нас. Действительно, когда турецкое правительство узнало о нашем бегстве, оно послало к курдским «ага» чиновников и заптиев, чтобы склонить их или убить, или выдать нас. «Ага» отказали. Тогда к ним были посланы муллы и шейхи, которые, основываясь на коране, также советовали нашим защитникам убить нас,— но и они успеха не имели». «Тогда,— говорится далее в письме,— турецкие власти отправили войска против курдов, но курды вместе с армянами оттеснили врага. Курды и армяне, окруженные ту-

---

[95] Там же, стр. 42.

[96] ЦГИА ГрузССР, ф. 2с, д. 3196, л. 80.

[97] «День», 13.VII 1916.

рецкими войсками, были отрезаны от соседних районов. Все запасы иссякли. Курды кормили армян за свой счет, распродав для этого все свое имущество, и они оказались в таком же бедственном положении, как и армяне. Начался страшный голод. Армяне просят, чтобы русские войска, взявшие Битлис, продвинулись бы к ним на помощь». В конце письма приведен список армянских семей, спасенных курдами. Так, курды спасли 60 семей из селения Гаркю, 50—из с. Селенд, 55—из с. Зердо, 30—из с. Ардер, более 100 семей — из с. Харк, Дзрдут и Дзуман и 45—из Гутцгез. Кроме этого, 400 семей из с. Хацо нашли приют в курдском поселении Асси[98].

Особенно значительна была помощь дерсимских курдов, которые издавна считались друзьями армян. Во время кровавых событий 1915—1916 гг. они спасли жизнь тысячам армян. Дерсимские курды сами ненавидели турецкий гнет и во время наступления русской армии на Эрзинджан с оружием в руках выступили против турецких войск и своими непрерывными партизанскими действиями мешали турецкой армии, разрушая дороги, расстраивая службу тыла, нанося туркам чувствительные потери. Восставшие дерсимцы установили связь с русской армией и армянскими добровольческими отрядами. Командир одного курдского полка, уроженец Дерсима Мустафа Вефан во время боев под Эрзинджаном перешел со своей частью на сторону русских войск.

Доктор Нури Дерсими, касаясь вопроса о помощи дерсимских курдов армянам и русской армии, писал, что курдские села в районе Эрзинджана во время войны прервали все свои связи с турками. С согласия командующего русскими частями в районе Эрзинджана Ляхова в курдских областях восточнее и южнее р. Евфрат и в Дерсиме были созданы органы курдского самоуправления. Таким образом, по словам Нури Дерсими, Дерсим фактически сбросил с себя турецкое господство и стал самостоятельным[99]. Младотурецкое правительство,— пишет далее Дерсими,— с помощью курдских полков «хамидие»,

---

[98] Анри Барби, стр. 54—57.

[99] D-r Nuri Dersimi. Kürdistan Tarihinde Dersim, Halep, 1952, s. 13.

состоявших из обманутых курдов южного Курдистана, потопило позднее в крови дерсимское восстание[100].

Курдская кавалерия «хамидие» была использована младотурками и против армян. Это удалось благодаря усиленной антиармянской агитации, которая велась в курдских частях агентами правительства. Младотурки распространяли ложный слух, якобы армяне заключили с Россией тайное соглашение, по которому русские обязались помочь армянам захватить Западную Армению и Курдистан. При этом армяне, пугали младотурки, устроят резню курдов[101]. Натравливание курдов на армян было для младотурецкой клики, так же как и для ее предшественника кровавого султана Абдул Хамида, излюбленным методом разрешения армянского вопроса. Но политика ассимиляции, неуклонно проводившаяся младотурками, вызывала отпор со стороны курдов. Чувствуя нависшую над ними угрозу отуречивания, курды в массе своей были враждебны младотуркам и не поддерживали их свирепые репрессии против армянского населения Турции.

* * *

Многие армяне спаслись от младотурецких палачей благодаря помощи арабских народных масс.

Один из деятелей национально-освободительного движения арабов писал: «При моей поездке в Диарбекир мой путь проходил через земли арабских племен, у которых я видел много армянских мужчин и женщин. Они относились к армянам очень хорошо, несмотря на приказ правительства, что их убийство является «строжайшим долгом». Я не мог установить ни одного случая убийства армян арабами или насилия над их женами. Наоборот, я слышал, что арабы, ехавшие на плотах, с большой опасностью для своей жизни вытаскивали из воды тонувших армянок и... ухаживали за ними до тех пор, пока они восстанавливали свои силы»[102].

---

[100] Там же, стр. 114.

[101] Arshak Safrastian, p. 75.

[102] «Документы и материалы», л. 300.

Выходящая в Париже газета «Армения» в 1917 г. сообщала, что армянские беженцы в пустынях Месопотамии ведут бродячий образ жизни и находят у арабов защиту от турецких властей.

О поддержке, оказанной армянам в Месопотамии арабским населением, рассказывают спасшиеся от гибели армяне в своих воспоминаниях, изданных в Париже под названием «1915. Трагедия и возрождение»[103]. Описывая нечеловеческие муки и страдания на пути к месту ссылки и во время пребывания в Месопотамской пустыне, они с благодарностью отмечают дружелюбное отношение к ним арабов и проявленную о них заботу. Арабы приютили многих армянских детей, лишившихся родителей.

Зверства младотурок над армянами вызывали возмущение и протест среди самых различных слоев арабского народа. Один из случайно спасшихся армян приводит следующий характерный факт. Турецкие жандармы посадили 70 армянских детей на баржу и без рулевого пустили ее по Евфрату у самого водопада. Баржа перевернулась, и все дети погибли. Арабы, бывшие свидетелями гибели беззащитных детей, обратились к турецким властям в Алеппо и потребовали наказания палачей. Негодование арабов было настолько велико, что турецкие власти вынуждены были повесить сопровождавшего баржу жандарма[104]. Бывали случаи, когда арабы нападали на жандармов, конвоировавших армян, освобождали изнуренных, изголодавшихся женщин и детей и прятали их в своих жилищах[105].

Многие очевидцы отмечали, что арабы самоотверженно защищали сосланных армян, давали им убежище, кормили их, подкупали турецких жандармов, разыскивавших армян. Рискуя своей жизнью, арабы по ночам переправляли армян в безопасные места. Арабы давали армянам работу, чтобы они могли

---

103 *«1915, Ազետ և վերածնունդ». Փարիզ, 1952.* Второй том под заглавием *«Տէր Զօր»* («Дер-Зор»), изданный в 1955 г., написан также ссыльными проживающими до настоящего времени в Дер-Зоре и других районах Месопотамии армянами.

104 *«1915, Ազետ և վերածնունդ», էջ 59—60;*

105 Там же , стр. 72.

прокормить свои семьи. В Алеппо, Дамаске, Багдаде и других городах армяне благодаря содействию местного арабского населения открывали мастерские, мелкие лавки, устраивались на всевозможные работы. Таким путем некоторая часть сосланных армян сумела уцелеть, несмотря на насилия и гонения со стороны турецких властей.

«Если не было бы человеколюбия честного арабского народа,—пишет в своем письме один из первых свидетелей бедствий 1915 г. А. Торосян,— большинство армян Сирии и Месопотамии не существовало бы»[106].

Турецкие власти не смогли полностью уничтожить сосланных армян еще и потому, что многие арабские провинции благодаря упорной и долголетней борьбе арабов против турецкого ига добились фактической независимости. Накануне первой мировой войны Турция сохраняла власть только в Западной Аравии (Хиджаз и Асир). В остальной части Аравийского полуострова суверенитет Османской империи был лишь номинальным[107]. А вскоре после вступления Османской империи в войну арабы взялись за оружие, чтобы окончательно сбросить с себя гнет младотурецких ассимиляторов.

* * *

Младотуркам удалось решить армянский вопрос по-своему в значительной мере благодаря той позиции, которую заняли тогда европейские державы. Кайзеровская Германия — союзница Турции в войне — сама была заинтересована в изгнании из Западной Армении ее коренного населения, так как, по мнению германских колонизатров, это способствовало бы достижению ими на Ближнем Востоке своих агрессивных целей.

Вильгельм II считал Западную Армению важным плацдармом на пути германской колониальной экспансии. Он говорил своим дипломатам: «Армяне народ очень жизнеспособный и,

---

106 *Տեր-Զօր, հեղինակ՝ Ազնաւեան վերապրողներ։ Փարիզ, 1955, էջ 28։*

107 Лазарев М. С., Политика Англии в центральной и юго-западной Аравии в годы первой мировой войны, «Краткие сообщения Института востоковедения АН СССР, XXXV. Международные отношения и колониальная политика», М., 1959, стр. 19.

как находящийся на наших исторических путях на Востоке, требует серьезного внимания со стороны нашей дипломатии»[108].

Германские империалисты опасались, что во время войны армянское освободительное движение может быть использовано Антантой в ее борьбе с Турцией, что привело бы к ослаблению военных усилий союзницы Германии. Кроме того, выселение армян в Месопотамию, в район трассы Багдадской дороги, также соответствовало интересам Германии, ибо она приобрела бы для завершения строительства железной дороги дешевую рабочую силу.

В то же время, чтобы поддержать в германском народе престиж своей союзницы на Востоке, правительственные круги Германии всячески старались скрыть факт уничтожения и депортации армянского населения Турции. Германское посольство в Стамбуле нагло отрицало факты массового истребления армян и заявляло, что якобы зверства, совершаемые в Османской империи, являются плодом чистого воображения[109].

Лепсиус после войны писал, что германской прессе было запрещено упоминать что-либо о насилиях, чинимых над армянами в Турции. В 1915—1916 гг. Лепсиус, находясь в Стамбуле, благодаря личным связям собрал множество материалов, характеризующих политику истребления армян, проводившуюся турецкими властями. На основе этих материалов он в 1916 г. написал «Отчет о положении армянского народа в Турции». Но германская цензура не разрешила ему распространить этот отчет через книжные магазины. Поэтому, пишет Лепсиус, «я смог только раздать мой отчет доверенным лицам»[110].

Несмотря на свирепую цензуру, сведения об истреблении младотурками армянского населения проникли и в Германию. Группа прогрессивных немецких деятелей составила воззвание, в котором призывало правительство кайзера оказать воздействие на младотурецких лидеров в целях прекращения ими зверского уничтожения армян. Это воззвание было конфисковано германскими властями[111].

---

[108] ЦГИА АрмССР, ф. 200, д. 53а, л. 14.

[109] Toynbee, p. 111.

[110] Lepsius, S V.

[111] «Армянский вестник», 1916, № 1, стр. 5.

11 января с запросом в рейхстаге по поводу этих зверств выступил Карл Либкнехт. Он дал понять, что ответственность за них ложится на правительство кайзера, ибо всему миру известно, что подлинными хозяевами в Турции являются германские офицеры и генералы[112]. Но протест вождя левого крыла социал-демократической партии не мог изменить общей позиции правого и центристского руководства партии. И в этом вопросе, как и во всех других, касавшихся войны, оно поддерживало империалистов своей страны.

Известие о зверском уничтожении армян в Турции быстро облетело весь мир и вызвало бурное негодование и резкие протесты. Даже один из палачей армянского народа Джемаль-паша впоследствии вынужден был признать, что «преступление против армянских переселенцев в 1915 г. совершенно справедливо вызвало ужас всего мира»[113].

Официальные круги Германии более уже не могли скрыть или отрицать факт турецких репрессий против армян. Поэтому они изменили тактику и пытались приуменьшить масштабы этих злодеяний. Немецкая печать, вопреки очевидности, утверждала, что в восточных вилайетах Османской империи «убиты только мятежники, пойманные на месте преступления, с еще красными от крови руками, или же уличенные в измене турецкому правительству; женщин же и детей никто не трогал...»[114].

Во многих странах, в первую очередь в принадлежавших к лагерю Антанты, публично обвиняли Германию в поощрении младотурецких зверств и прямом соучастии в их осуществлении[115]. Гиббонс, ссылаясь на показания очевидцев, писал, что в Ване германский офицер лично руководил огнем турецкой артиллерии по мирным армянским селениям, а германские кон-

[112] Verhandlungen des Reichstags. XIII Legislaturperiode. Bd. 306, Berlin, 1916, S. 512—513. См. также Spartakusbriefe. Berlin, 1958, S. 97.

[113] «Записки Джемаль-паши», стр. 236.

[114] Гиббонс Горберт-Адамс, стр. 13

[115] Пропагандистская кампания, поднятая тогда в странах Антанты, имела успех и нанесла Германии немалый морально-политический ущерб. Это признавали немецкие представители в Турции. Так, Вангенгейм 12 августа 1915 г. сообщал Бетман-Гольвегу, что «общественное мнение уже пришло к убеждению в участии Германии в избиении армян» (См. Lepsius, S. 126).

сулы в Турции всячески поддерживали репрессии против армян[116].

Газета «Temps» 17 декабря 1917 г. сообщала, что немцы не только поощряли младотурок к избиению армян, но и принимали прямое участие в этих злодеяниях. В Зейтуне германский консул убедил армян сдать оружие. После этого жандармы перебили безоружных армян[117]. Аналогичные факты приводит и Брайс. В Алеппо истребление армян осуществлялось в присутствии германского консула. Немцы способствовали резне армян также в Дорт-йолле[118].

Германский посол Вангенгейм в меморандуме от 4 июля 1915 г. на имя великого визиря Саид Халима высказал согласие с мерами по выселению армян из Восточной Анатолии, которые «продиктованы военными причинами и являются средствами законной защиты»[119]. Естественно, что, санкционировав эти репрессии, германский дипломат отказывался потом от какого-либо заступничества в защиту их жертв. Когда посол США в Стамбуле Моргентау обратился к нему с просьбой использовать свое огромное влияние на младотурок, чтобы добиться прекращения армянской резни, Вангенгейм лицемерно ответил, что «Германия не может вмешиваться во внутренние дела Турции»[120].

Такую же поддержку младотуркам в истреблении армянского народа оказывали многие другие официальные представители Германии. Морской атташе германского посольства в Стамбуле Гумман — любимец Вильгельма II—открыто одобрял армянские погромы и говорил, что «турки совершенно правильно поступают с армянами»[121]. Посол Германии в Вашингтоне Бернсдорф объявил, что все происшедшее в Турции следует рассматривать как «вполне законный акт подавления армянского восстания»[122].

---

[116] Гиббонс, стр. 27.
[117] АВПР, ф. «Политархив», д. 237, л. 31 (газетная вырезка).
[118] Bryce, p. 26.
[119] Lepsius, S. XXVIII.
[120] Toynbee, p. 111. См. также Mandelstam, p. 301.
[121] Тарле Е. В., Соч., т. V, стр. 402.
[122] Гиббонс, стр. 27.

Буржуазная печать Германии также подхватила насквозь лживую версию турецкого правительства о подготовке армянами восстания в Турции. Один из главных органов правящих кругов Германии «Deutsche Tageszeitung» опубликовал статью известного реакционного публициста графа Ревентлова, в которой он писал, что массовое выселение армян является «необходимым шагом и собственным делом Турции». Около миллиона убитых армян были безапелляционно окрещены им «повстанцами» и «кровопийцами»[123].

Другая крупная газета «Frankfurter Zeitung» с деланным возмущением осуждала антитурецкие выступления в английском парламенте, вызванные действиями младотурецких палачей. «Что сделали бы англичане и французы,— писала газета,— если бы какой-либо народ, живущий среди них, шпионил бы в пользу их врагов?» Далее она пыталась доказать, что немцы «умиротворяют национальный дух кипящей и мятежной Анатолии и таким путем защищают невинных»[124].

Глашатай империалистических кругов Германии Фридрих Науман в своей книге «Срединная Европа», изданной в годы первой мировой войны, писал: «Армянский вопрос — турецкое внутриполитическое дело. Христианство является препятствием для Османской империи. Армянский вопрос для Турции — это вопрос жизни и смерти». И далее: «Христианская Германия может лишь жалеть армян, и больше ничего. Она не может из-за армян выступить против своей союзницы. Ради своих интересов Германия не должна ослаблять Турцию».

После поражения в войне буржуазные деятели Германии всячески старались доказать ее непричастность в деле уничтожения армянского населения Турции. Так, Эрцбергер в своих мемуарах утверждает, что Германия якобы сделала все, чтобы предупредить армянские погромы в 1915—1916 гг., но турецкое правительство не вняло немецким советам. «Германская империя,— пишет Эрцбергер,— не несет вины в печальных событиях в Армении»[125].

---

[123] ЦГИА ГрузССР, ф. 2с, оп. 1, д. 3198, л. 89 (газетная вырезка).
[124] Там же, л. 106 (газетная вырезка).
[125] Эрцбергер, стр. 84.

Между тем Лепсиус после мировой войны переиздал упоминавшийся нами выше «Доклад о положении армянского народа в Турции», дополнив его новыми материалами из отчетов немецкого посольства и консулов в Турции, которые ранее были ему недоступны. В нем он укорял правительство кайзера за безразличное отношение к судьбе армянского населения Турции[126]. Но этим и ограничилась вся его критика отношения официальных кругов Германии к армянскому вопросу в годы мировой войны. Эта позиция Лепсиуса вполне понятна, так как он выполнял заказ министерства иностранных дел Веймарской республики, решившей с его помощью опубликовать эти документы только для того, чтобы оправдать политику своих предшественников в Турции.

Тем не менее документы, извлеченные Лепсиусом из архива ведомства иностранных дел, проливают дополнительный свет на политику турецкого правительства в отношении армян и неопровержимо доказывают виновность младотурецких заправил — Энвера, Талаата, Джемаля, Назыма и других в организации массового истребления армян.

Вместе с тем Лепсиус не только умолчал об участии немцев в армянских погромах, но даже пытался показать дружелюбное отношение немецких дипломатов и военных к армянам. Не случайно эта публикация документов названа им «Германия и Армения». Лепсиус старался убедить читателей, что переписка между посольством Германии в Стамбуле и немецкими консулами, миссионерами с турецкими властями имела целью смягчить злодеяния, совершавшиеся над армянами. Но немцы «не виноваты» в том, что турки не слушались «их советов». «Министр внутренних дел Талаат-бей,— пишет Лепсиус,— к которому обращалось посольство с просьбой смягчить меры по высылке армян, не шел ему навстречу»[127].

По мнению Лепсиуса, посол Германии не имел оснований возражать против мер, объявленных Энвером, так как считал их оправданными[128].

---

[126] Lepsius J., S. V.
[127] Там же, стр. XIII.
[128] Там же, стр. XXI.

Ту же цель — обелить политику Германии в армянском вопросе—преследовали выступления свидетелей на процессе Тейлиряна по поводу убийства Талаат-паши, проходившем в Берлине в июне 1921 г. Лепсиус тогда на суде заявил, что Германия, начиная с Берлинского конгресса, всегда благожелательно и чутко относилась к армянскому народу[129]. А Лиман фон Сандерс утверждал, что младотурки были неповинны в армянских погромах. Приказ турецкого правительства от 20 мая 1915 г. о поголовном выселении армян из Восточной Анатолии, говорил Сандерс, был «вызван военной и политической необходимостью, но исполнение этого приказа попало в очень плохие руки». Он имел в виду турецкую жандармерию, состоявшую, по его словам, из «лодырей и курдских разбойников». Стремясь доказать невиновность палача армянского народа Талаат-паши, Сандерс уверял, что не видел ни одного приказа за его подписью, касающегося резни и высылки армян. На этом же процессе Лиман пытался доказать, что германское правительство и его дипломатические и военные представители в Турции в «мерах дозволенного» делали все, чтобы облегчить участь армян[130].

Некоторые историки веймарской Германии откровенно пытались оправдать массовое уничтожение армян младотурками в годы мировой войны. Так, Лирау вину за трагедию, пережитую армянским населением Турции, сваливал на армян, которых он огульно обвинял в «бессовестной эксплуатации» турецких крестьян и видел в этом главную причину упадка сельского хозяйства Турции. Чудовищные зверства, совершенные над армянами, он объясняет сущностью ислама—фанатизмом и «героической мыслью» — «ты должен распространять свою веру огнем и мечом»[131].

Как же отнеслись державы Антанты к зверствам, совершаемым над армянами правителями Турции?

Когда по всему миру разнеслось известие о чудовищной резне в Османской империи, правительства Англии, Франции и России, в армиях которых сражалось свыше 200 тыс. армян,

---

129 *Դատավարություն Թալեաթ-փաշայի, էջ 94—95.*

130 Там же, стр. 98—100.

131 Лирау Вальтер, стр. 11.

11 мая 1915 г. публично заявили Порте, что возлагают полную ответственность за эти преступления на всех членов турецкого кабинета, а также на тех представителей местных властей, которые причастны к массовым убийствам армян[132].

Турецкое правительство с присущим ему цинизмом в ответной ноте от 3 июня 1915 г. голословно отрицало факты уничтожения армян и утверждало, что армяне не подверглись никаким преследованиям. А если имели место «отдельные эксцессы», то они были вызваны тем, что армянское население, подстрекаемое Россией, Англией и Францией, готовилось к восстанию, и правительство «вынуждено было принять решительные меры» для его предупреждения. Поэтому были арестованы вожаки армянского движения, находившиеся в сношениях с агентами Антанты.

В целях оправдания предпринятых по отношению к армянам свирепых репрессий турецкое правительство выдумало новую ложь о том, что при подавлении «армянских беспорядков» были найдены революционные флаги, бомбы, русское оружие и документы, якобы доказывающие, что движение поощряется комитетами, находящимися в Тифлисе, Париже и Лондоне, и правительствами стран Антанты. В заключение Порта подчеркивала, что «ответственными за все являются союзные правительства, поощрявшие революционное движение армян»[133].

Турецкое правительство из сфабрикованных им документов издало в 1916 г. в Стамбуле сборник «Цели и повстанческое движение армянских комитетов до объявления конституции и после»[134]. В нем утверждалось, будто «армянский элемент» в Турции как до, так и после конституции находился в «привилегированном» положении. Но армяне «не сумели» оценить благожелательное к ним отношение со стороны султана, и в самый трудный для Турции момент они стали создавать препятствия и затруднения внутреннему и внешнему положению

[132] Архив Армянского филиала ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 33, д. 1253, л. 1.

[133] ЦГВИА, ф. 2000/с, оп. 1, д. 3877, л. 94. Полный текст турецкой ноты см. Мевлан-заде Рифат, стр. 204—211.

[134] „Ermeni komitelerinin âmal ve hareketi ihtilâliyesi ilâni meşrutiyetten evvel ve sonra". „Istanbul, 1332 (1916)".

Турции. Подобными ложными обвинениями оправдывались меры, принятые властями против армян.

Бумажные протесты Антанты, конечно, не в состоянии были остановить младотурецких заправил или хотя бы уменьшить масштабы их преступной деятельности по уничтожению армянского населения Турции. Также безрезультатны были предпринятые тогда послом США в Стамбуле Моргентау попытки вмешательства в защиту армян. В ответ на протесты с его стороны Талаат невозмутимо сказал: «Нас упрекают, что мы не делали различия между невинными и виновными армянами, это было абсолютно невозможно, ибо сегодняшние невинные, может быть, завтра будут виновными». По поводу этого заявления младотурецкого вожака Е. В. Тарле справедливо замечает: «Что армянский народ будет в е с ь истреблен, Талаат-паша был вполне уверен, и не его вина, если все-таки несколько сот тысяч человек армян случайно на свете уцелело». «Не стоит так спорить,— сказал как-то Талаат-паша американскому послу,— мы уже ликвидировали три четверти армян. Их уже нет ни в Битлисе, ни в Ване, ни в Эрзеруме»[135].

О чудовищном цинизме и наглости Талаата свидетельствует его обращение к Моргентау с просьбой оказать ему «услугу» и повлиять на американские страховые общества, где многие из его жертв застраховали свою жизнь: «Так как армяне почти все теперь уже умерли, не оставив наследников, то, следовательно, их деньги приходится получить турецкому правительству, оно должно ими воспользоваться»[136].

Тем не менее после войны некоторые органы американской прессы пытались оправдать злодеяние младотурок в отношении армян. Так, журнал «The Atlantic Monthly» поместил статью, в которой было написано: «Как ни ужасны и как ни жестоки были происходившие.... массовые выселения из Турции армян, греков и др. инородцев, было бы бесполезно отрицать наличие оснований к таковым выселениям и насилиям». Древние армянские земли, завоеванные Турцией в XIV—XVII веках, автор этой статьи считает извечно турецкими. «Благодаря терпимости

---

135 См. Е. В. Тарле, Соч., т. V, стр. 402.

136 Там же.

турок армянам было разрешено жить в Турции на протяжении многих веков. Ни турецкая государственность, ни мусульманская религия не могли ассимилировать их... Пусть говорят что угодно о тех приемах, к которым прибегали турки для того, чтобы отделаться от этих народов (имеются в виду армяне и греки.— *Е. С.*), тем не менее остается фактом, что ни одна господствующая нация не допустит, в конечном счете, чтобы чуждые ей народы, живущие на ее земле... противились ассимиляции...».

Прогрессивная общественность всего мира в годы первой мировой войны клеймила младотурецких убийц и требовала от своих правительств предпринять решительные шаги в целях защиты армянского населения Турции. «Цивилизованный мир,— писал известный буржуазный английский историк Тойнби,— не может позволить, чтобы эти преступления продолжались»[137-138].

В периодической печати России, европейских и американских стран часто помещались статьи и сообщения о положении армян в Турции. В них широко освещались зверства турецких властей. На многолюдных митингах протеста выступали видные общественные и политические деятели, гневно осуждавшие правителей Турции и их германских пособников, залившних кровью всю Западную Армению.

Еще в 1914 г., после открытия между Турцией и Россией военных действий, в Москве 3 ноября состоялось общее собрание пацифистской организации «Общество мира», на котором ораторы указывали на большую опасность, нависшую над армянским населением в Турции. Собрание приняло резолюцию, призывавшую правительства стран Антанты принять меры к обеспечению безопасности армян в Турции. В резолюции подчеркивалась особая роль России, которая должна сделать все зависящее от нее «через представителей нейтральных держав к обеспечению судьбы населения в армянских вилайетах, где и в мирное время периодически происходила резня армян». Эта ре-

---

[137—138] Toynbee Arnold, Nationality and the War. London, 1915, p. 387.

золюция была послана министру иностранных дел России и в Бернское международное бюро мира[139].

Передовая русская общественность приняла близко к сердцу трагедию, переживаемую армянским народом. Крупнейшие представители русской интеллигенции: М. Горький, В. Брюсов, Ю. Веселовский, Н. Марр, И. Бунин и многие другие подняли голос протеста против злодеяний, совершаемых над армянами в Турции. В лекциях, статьях и публичных выступлениях они знакомили широкие слои русского общества с богатейшей культурой Армении, ее древней историей.

В конце 1915 и в начале 1916 г. Валерий Брюсов прочитал на Кавказе, а затем в Москве и Петрограде цикл лекций по истории Армении и ее поэзии. Лекции по истории в переработанном виде были им опубликованы в 1918 г. в книге «Летопись исторических судеб армянского народа». В этой книге Брюсов убедительно доказывал, что судьба армянского народа тесно связана с судьбой великого русского народа. Под редакцией Брюсова и с его предисловием в 1916 г. был издан крупный сборник «Поэзия Армении».

В 1916 г. по инициативе Максима Горького был издан «Сборник армянской литературы». Для ознакомления широких слоев русского общества с культурой и историей армянского народа, с его общественно-политической и национальной жизнью, с нуждами и потребностями армян во время войны с 1916 г. начали выходить два журнала на русском языке: «Армянский Вестник» — в Москве и «Армяне и война» — в Одессе. В них участвовали: Максим Горький, Валерий Брюсов, И. Бунин, академик А. Веселовский, Ю. Веселовский, проф. Н. Марр, проф. М. Ковалевский, проф. Крымский, Ф. Сологуб и другие. Из армянских общественных и культурных деятелей в этих журналах печатались — М. Шагинян, А. К. Дживелегов, С. Кара-Мурза, проф. Лео, Ов. Туманян, А. Ширванзаде.

Выступления крупнейших представителей русской литературы и науки в защиту армян воодушевляли армянский народ, вселяли в него надежду на лучшее будущее. В то же время могучий голос передовых деятелей России звучал мощным про-

[139] «Армянский вестник», 1916, № 1, стр. 2.

тестом против чудовищного истребления армян в Турции и являлся призывом ко всему человечеству о помощи армянскому народу.

Во многих крупных городах России, особенно на Кавказе, были созданы комитеты помощи беженцам из Западной Армении, численность которых превышала 300 тыс. человек. Благодаря братской помощи русского и других народов России армянские беженцы были спасены от голодной смерти.

В защиту армянского народа активно выступала и общественность Франции и Англии. 9 апреля 1916 г. в большом зале Сорбонны состоялось заседание, на котором присутствовало свыше 3 тыс. человек. Заседанием руководил председатель французской палаты депутатов Поль Дешанель. В защиту армянского народа—носителя древней культуры—выступили министр просвещения Пенлеве и писатель Анатоль Франс. Они пригвоздили к позорному столбу младотурецких палачей и кайзеровскую Германию, несущую полную ответственность за трагедию армянского народа[140].

В этой обстановке огромного сочувствия армянскому народу в Париже в мае 1916 г. был организован комитет «Франция—Армения», в который вошли ученые и политические деятели — член французской академии Этьен Лами, члены института Франции Рафаэль Жорж Леви и Шлюмберг, крупный лингвист Мейэ, министр просвещения Бургиньон. Генеральным секретарем комитета был избран Ренеде Шовань — директор журнала «Revue France — Etrangère»[141].

Тогда же в различных странах общественные организации выпускали воззвания, призывавшие народы к оказанию помощи армянам — жертвам младотурецких репрессий. В одном из них указывалось, что истребление армян происходит в Турции по приказу правительства и по определенному плану, что предприятие, начатое султаном Абдул-Хамидом, продолжается теперь посредством еще более беспощадных и дьявольских мер. 250 тыс. армян, среди которых много сирот, бежали в пределы России. Тяжесть их содержания легла на одних кавказских ар-

---

140 «Армяне и война», 1916, № 6, стр. 89.

141 Там же.

мян. Положение беженцев крайне трудное. Воззвание заканчивалось призывом оказать помощь армянам-беженцам, «спасшимся от методического истребления»[142]. Этот документ подписали Анатоль Франс, Виктор Берар, Фердинанд Бюиссон, Густав Эрве, проф. Милье и другие представители французской общественности.

В Англии на заседаниях парламента неоднократно выступал Брайс, приводивший массу документов о турецких зверствах в Западной Армении. 16 ноября в палате общин депутат А. Уильямс потребовал от правительства принятия мер для оказания помощи армянским беженцам. Это требование поддержал лидер ирландской национальной партии О'Коннор[143].

В ноябре 1915 г. в Лондоне под председательством мэра состоялся многолюдный митинг, на котором было постановлено провести сбор средств в пользу беженцев-армян. На митинге выступили Брайс, архиепископ Берн, член парламента О'Коннор[144]. С помощью «Армянского союза», созданного в Лондоне в 1913 г. с целью изучения армянской истории, литературы, искусства, британская общественность организовала англо-армянский Красный Крест и фонд помощи беженцам из Западной Армении. Председатель «Армянского союза» Эмилия Робинсон выпустила в 1915 г. брошюру, в которой протестовала против зверств, творимых младотурками в Армении, и призывала к вмешательству Англии. Ее отец Джон Робинсон, специальный корреспондент «Дэйли Ньюс», призывал в английской печати к оказанию армянам помощи.

В 1916 г. в Лондоне с предисловием Брайса вышел в свет крупный сборник произведений классиков армянской литературы. Весь сбор от продажи этой книги поступил в фонд помощи армянским беженцам[145].

Тогда же в Англии был издан большой том «Синей книги», представлявшей собою уже не раз цитированную нами выше коллекцию документов, собранную Брайсом и представленную

---

142 ЦГИА ГрузССР, ф. 2, д. 3198, л. 102.

143 Там же, л. 9.

144 Там же, л. 98 (газетная вырезка).

145 «Армяне и война», Одесса, 1917, № 6, стр. 89.

им парламенту. Эти документы рисовали подробную картину чудовищных насилий турецких властей над армянским населением Османской империи.

Следует отметить, что правительства стран Антанты использовали негодование общественности и ее протесты как средство пропаганды против Турции и Германии. «Пока Германия была сильна и побеждала,— отмечал крупный армянский историк Лео,— армянские ужасы нужны были ее противникам, чтобы опозорить, унизить Германию, показать ее сторонницей варварства и покровительницей турецких палачей, а себя выставить в качестве защитников и освободителей страдающих наций. Но как только Германия была разбита и больше не могла угрожать странам Антанты, они тотчас позабыли о своей освободительной миссии»[146].

* * *

Армянский народ на своем долголетнем горьком опыте убедился, что ему нечего ждать реальной помощи от европейских держав. Поэтому в дни свирепых репрессий турецких властей он в первую очередь полагался только на самого себя. Несмотря на то, что турецкое правительство пыталось заранее обезоружить армянское население, в ряде вилайетов армяне оказали героическое сопротивление жандармам и турецким регулярным войскам.

«Вопреки ложным сообщениям турецкого правительства,— писал Мандельштам,— не было никакой армянской революции или восстания. Армяне взялись за оружие только тогда, когда им угрожала резня»[147]. Это же впоследствии вынужден был признать Мевлан-заде Рифат, отмечая, что повсеместная резня армян вынудила их прибегать местами к восстанию в целях самозащиты[148].

Еще во время разоружения многие армяне, предвидя опасность резни, с оружием скрылись в горы и леса и оттуда напа-

---

[146] Լեո, Պատմութիւն, էջ 347։

[147] Mandelstam, p. 242.

[148] Мевлан-заде Рифат, стр. 147.

дали на турецких погромщиков, спасая своих матерей, сестер и братьев.

Широко известна самоотверженная борьба армянского населения Вана. Кроме горожан, в его обороне приняло участие около 17 тыс. крестьян, которые, спасаясь от резни, нашли убежище в Ване. В Ванском вилайете, где насчитывалось 250 тыс. армян, из них 22 тыс. в самом Ване, турецкие власти давно готовились к их истреблению. Еще в феврале вали Вана Джевдет-паша (зять Энвера-паши), одновременно являвшийся главнокомандующим турецкими войсками, расположенными вдоль иранской границы, возвратившись из похода в Иран, заявил на одном собрании: «С армянами и ассирийцами в Азербайджане (речь идет об Иранском Азербайджане. — *Е. С.*) мы покончили, с армянами Вана нужно сделать то же самое»[149]. С этой целью он подтянул из Эрзерума подкрепления.

В середине апреля в городах Арджеше, Шатахе, в деревнях района Айоц-Дзор и в других армянских селениях Ванского вилайета турецкие войска и жандармерия начали массовую резню.

Участник обороны Вана Мелконян, рассказывая об этих событиях, привел слова одного старого армянина: «Если бы Ванское озеро превратилось бы в чернила, а Абагнская долина в бумагу, на которой начали бы писать, то их не хватило бы, чтобы описать все наше горе»[150].

Жители многих армянских сел оказывали упорное сопротивление турецким погромщикам. Уцелевшие от гибели крестьяне с боями отступили к Вану. Вместе с горожанами они стали энергично готовиться к самообороне. 20 апреля турецкие войска напали на город, но вооруженные отряды армян отбили атаку. Начались бои между превосходящими войсками турок и плохо вооруженными защитниками Вана[151], продолжавшиеся до 17 мая. У армянских повстанцев не было боеприпасов. Они были совершенно отрезаны от внешнего мира и не получали никакой помощи.

---

149 «Документы и материалы», стр. 178.

150 ЦГИА АрмССР, ф. 200, д. 95, л. 93—97.

151 См. «Армяне и война», 1916, № 2—3, стр. 40—41.

Благодаря своей организованности, находчивости и умению защитники Вана смогли наладить изготовление всего необходимого для обороны города от натиска турецких погромщиков. Так, для сборки и починки винтовок известным умельцем мастером Назо была организована оружейная мастерская. Другая мастерская под руководством мастера Погоса из Шатаха изготовляла ружейные ложа. В мастерской для изготовления гильз и отливки пуль работало около 70 человек. В специальной мастерской изготовляли ручные гранаты и отливали небольшие орудия. Здесь были отлиты три медные пушки. Повстанцы создали лабораторию для приготовления бездымного пороха[152].

Для постройки укреплений была организована команда каменщиков и землекопов, в которой работало около тысячи человек. Под руководством врача Паносяна был сформирован санитарно-медицинский отряд. Отдел интендантства ведал складами провианта, общественными пекарнями, мастерской для пошива белья и обуви.

Наконец, повстанцы создали бюро для регистрации событий, составления и обнародования ежедневных бюллетеней. Защитники Вана избрали штаб для руководства обороной города. В нем деятельное участие принимали художник Панос Терлемезян, Григор Булгареци и Арменак Егоян[153]. Город и его предместье Айгестан были разбиты штабом обороны на районы с командирами во главе.

Штаб обороны сформировал батальоны стрелков, инженерный отряд, полицию для наблюдения за порядком внутри города, перевязочные пункты и госпиталь.

Среди повстанцев царили строгая дисциплина и организованность, без чего они не смогли бы в течение месяца упорно обороняться. В штабе защитников города вели дневник, в котором отмечались события каждого дня. В него заносились также приказы по войскам, оборонявшим Ван. В одном из приказов говорилось: «Строго запрещается входить в дома и совер-

---

[152] «Оборона Вана», М., 1917, стр. 26—27.

[153] Там же.

шать грабежи. Виновные будут подвергнуты смертной казни». Другой приказ гласил: «В отрядах категорически запрещается употребление спиртных напитков... Где имеются таковые, они должны быть немедленно отправлены комитету по снабжению продуктами»[154].

У входа в армянские кварталы были построены различные укрепления, а окраины города опоясаны траншеями.

Во время ожесточенных боев школьный оркестр играл марсельезу и армянские народные песни, вдохновляя бойцов. Командующий турецкими войсками Джевдет-паша, не удержавшись, как-то воскликнул: «Они доведут меня до бешенства своей музыкой»[155].

Очевидцы рассказывают, что все жители Вана были проникнуты одной мыслью — лучше умереть, чем сдаться турецким палачам. Те, кто имел оружие, шел сражаться с врагом, а остальные брали лопаты, кирки, ломы и строили укрепления. В боях нередко участвовали девушки и подростки. Женщины ухаживали за больными и ранеными, нянчили детей, готовили пищу и шили одежду для бойцов.

Оборона Вана длилась почти месяц. Все атаки врага были опрокинуты упорно сражавшимися армянами. Несмотря на почти непрерывный артиллерийский обстрел города (по Вану было выпущено около 16 тыс. снарядов), дух его защитников не был сломлен. Укрепления, разрушенные турецкой артиллерией, восстанавливались по ночам. Боевые действия носили крайне ожесточенный характер. Важные позиции часто переходили из рук в руки. Огонь турок не затихал ни на минуту, но сломить сопротивление армянских повстанцев им так и не удавалось.

Героические подвиги совершали подростки. Они, например, приметили, что часть турецких снарядов не разрывалась. Разбившись на небольшие группы, подростки собирали неразорвавшиеся гранаты. Кроме того, каждая группа мальчиков следила на своем участке за падавшими снарядами, набрасывалась на них, моментально отрывала фитили и, разря-

---

154 ЦГИА ГрузССР, ф. 2с, д. 3196, л. 103.

155 Анри Барби, стр. 75.

див снаряды, с торжеством относила свою добычу в оружейный склад[156].

В критический для турецких войск момент прибыл германский офицер и принял на себя командование. Он собрал все орудия на одной из высот, чтобы прикрыть артиллерийским огнем атаку своих солдат. Этот штурм Вана был предпринят темной ночью, солдаты ползком за завесой орудийного огня двинулись вперед, а затем стремительно бросились в атаку. Но защитники Вана были начеку. Они отбросили врага. Турки поспешно отступили, оставив на месте боя множество трупов. «Я не ожидал такого сопротивления»,—признался германский офицер, вскоре покинувший Ван[157].

16 мая турки последний раз обстреляли город. На следующую ночь турецкие войска вдруг стали панически отступать. 19 мая части русской Кавказской армии вместе с армянскими добровольцами вступили в Ван, вызвав ликование его защитников. Русские войска вошли в город как раз в то время, когда у армян иссякли запасы хлеба и боевых припасов.

Таким образом, благодаря героической самообороне население Вана спаслось от резни. Восстание ванских армян Лепсиус справедливо называет «актом самозащиты». Турецкое правительство «знало,— отмечает Лепсиус,— что это «восстание» было спровоцировано вали Джевдет-беем и не имело никакого отношения к русско-турецким военным операциям»[158].

В Ване быстро налаживалась нормальная жизнь. Но продолжалась она недолго. Длительные бои привели к истощению у русских войск боевых припасов. Опасаясь наступления турок и угрозы окружения, части Кавказской армии вынуждены были 2 июля 1915 г. покинуть Ван.

Внезапное оставление Вана русскими войсками поставило население города в трудное положение. Все армяне должны были немедленно покинуть Ван. Началась паника. Толпы жителей, большая часть пешком, так как перевозочных средств не

---

[156] «Оборона Вана», стр. 33.
[157] Анри Барби, стр. 75—76.
[158] Lepsius J., S. XV.

хватало, двинулись на север к русской границе. В городе начались пожары. Уходя, жители поджигали дома и имущество.

После взятия турками Арджиша дорога из Вана на север была перерезана, и часть беженцев вынуждена была двинуться на восток, в Иранский Азербайджан. Большая же часть их по горным тропам прошла в Закавказье.

По пути от Вана до русской границы погибло 40 тыс. человек. В некоторых местах скопление трупов затрудняло движение по дорогам. Через Карс, Игдыр и Джульфу в пределы Закавказья бежало около 210 тыс. армян — жителей Ванского вилайета. Из этого количества 55% составляли женщины и 30% дети. Мужчин было всего 10% и 5% стариков[159].

После отхода русских войск турки во главе с Джевдет-пашой вступили в Ван. Но через несколько дней началось новое наступление Кавказской армии, приведшее к изгнанию турок из Вана. Свое недолгое пребывание в городе Джевдет использовал для истребления нескольких сот не успевших выбраться из него армянских детей и женщин. Он поджег уцелевшие дома и подверг город полному разграблению. По возвращению в Ван русские войска застали свежие следы турецких зверств. На улицах валялись трупы женщин и детей. А на дороге от Беркри до Джаника лежали тысячи трупов армянских беженцев[160]. Тем не менее благодаря героической самозащите значительная часть армянского населения Ванского вилайета спаслась и нашла убежище в России и в Иранском Азербайджане.

Упорное сопротивление турецким войскам оказали также армяне в соседнем Мушском вилайете. Здесь турецкие войска обрушились на армянские селения 27 июля. Приготовившиеся к самообороне армяне не могли долго противостоять превосходящим силам турок. В отдельных деревнях вооруженные армяне держались по несколько суток, отбивая натиск турок до последнего патрона. Ночью повстанцы прорвались через турецкие цепи и вместе с частью жителей отступили в горы Сасуна, где, укрепившись на горе Бердак, продолжали борьбу с турецкими погромщиками[161].

159 Анри Барби, стр. 101—102.

160 «Кавказское слово», 2.IX 1915, № 198.

161 ЦГИА ГрузССР, ф. 2с, д. 3599, л. 181.

По мере ликвидации сопротивления армянских сел турецкие войска подходили к городу Муш. Они отрезали все пути сообщения между Мушем и Сасуном. Армяне—жители Муша—оказали туркам упорное сопротивление. Они засели в церквах и каменных домах и сражались четыре дня — с 11 по 14 июля. Однако турецкие пушки,— пишет Брайс,— направленные немецкими офицерами, разрушили армянские позиции. Армянские бойцы защищались до последнего вздоха. В вилайете Муш из 59 тыс. армянских жителей спаслись только 9 тыс. человек, которые бежали в Сасун и в горах продолжали героическую борьбу[162].

В Сасуне, в этой маленькой горной области, лежащей к юго-западу от Муша, жило до 30 тыс. армян. Суровая обстановка неприступных гор укрепила среди сасунцев дух свободолюбия. Узнав о гибели своих братьев в других районах Западной Армении, сасунцы сплотились в единый военный лагерь и поклялись держаться до последних сил. В продолжение нескольких месяцев турецкие войска, насчитывавшие 30 тыс. человек, тщетно пытались ворваться в стан сасунцев. Все армянское население Сасуна, не исключая женщин и детей, мужественно сражалось. Не имевшие оружия защищались лопатами, камнями, всем, чем попало. Турецкое командование, убедившись, что прямые атаки не достигают цели, решило блокировать Сасун и, отрезав его от остального мира, взять измором неприступную область. Турецкая артиллерия непрерывно била по армянским позициям. Силы защитников таяли. Ежедневно от голода умирали десятки людей. Когда турецкие войска начали свой последний штурм, у защитников Сасуна уже не было патронов, иссякли запасы пороха. По существу турецкие банды ворвались не в лагерь, а в огромное кладбище и больницу. Немногие оставшиеся в живых были вырезаны. «Молодые женщины,— свидетельствует один документ,— чтобы не попасть в руки турок, бросались с высоких скал, унося с собой в пропасть грудных детей»[163]. Так трагично завершилось героическое сопротивление сасунских армян.

---

[162] Bryce, p. 82.

[163] ЦГИА ГрузССР, ф. 2с, д. 3198, л. 101.

Выше отмечалось, что свободолюбивое армянское население Зейтуна, благодаря уговорам киликийского католикоса Саака и внутренним разногласиям, поверило лживым обещаниям турецких властей и не оказало им сопротивления[164]. Но большая часть молодежи бежала в горы, где присоединилась к ранее укрывшимся там армянам, дезертировавшим из армии. Оттуда они нападали на турецкие войска, вооружаясь трофейным оружием. По свидетельству директора американской больницы в Айнтабе, армянские повстанцы неоднократно спускались с гор, чтобы отбить караваны выселяемых из Зейтуна армян, и несколько раз им это удавалось. Вооруженная борьба в Зейтуне продолжалась около трех месяцев. В конце мая турецкие войска полностью захватили Зейтун, истребив всех оставшихся там армян.

Самым значительным и героическим эпизодом борьбы армянского народа была самозащита армян на Муса-даге (Аданский вилайет). Этой эпопее посвящен известный роман австрийского писателя Франца Верфеля «Сорок дней Муса-дага»[165].

Приводим краткую историю этой эпопеи. 13 июля 1915 г. турецкие власти приказали жителям шести армянских селений, расположенных вблизи Антиохийского залива, распродать свое имущество и приготовиться к выселению в Месопотамию. В ответ на это армяне решили сопротивляться до последней капли крови. Около пяти тысяч мужчин, женщин и детей с принадлежащими им стадами скота перебрались на возвышавшуюся у берега моря скалистую вершину Муса-даг. Имевших оружие среди них было мало. В наличии было всего 150 ружей старых образцов, 200 охотничьих винтовок, 50 пистолетов и 200 кинжалов.

На вершине Муса-дага с лихорадочной быстротой был построен укрепленный лагерь: вырыты траншеи, завалены дороги и тропинки, подступы к горе оплетены колючей проволокой. Из

---

[164] См. стр. 249.

[165] Werfel Franz, Die vierzig Tage des Musa Dagh, Berlin, 1956.

огромных камней были воздвигнуты баррикады. Защитники Муса-дага избрали комитет обороны.

21 июля турецкие войска, насчитывавшие 7 тыс. солдат, начали наступление на Муса-даг. С раннего утра и до поздней ночи турки со всех сторон атаковали вершину, пытаясь ворваться в лагерь. Часто дело доходило до рукопашных схваток. Главным оружием армян являлись каменные глыбы, которые они сбрасывали на головы турецких солдат.

Один из участников этой беспримерной обороны рассказал о следующем факте. Турецкое орудие своим огнем наносило армянам большой урон. Комитет обороны решил заставить замолчать это орудие. И вот один из лучших стрелков искусно пробрался вплотную к турецким позициям и меткими выстрелами убил четырех артиллеристов, захватив в плен командира батареи. Турецкое орудие этот смельчак вывел из строя[166].

Однажды утром турецкие войска начали наступление сразу по всем горным проходам, ведущим к вершине Муса-дага. Комитет обороны допустил тактическую ошибку, рассредоточив свои силы по всем направлениям. Турки воспользовались этим и сконцентрировали основной удар по главному проходу. Комитет обороны не успел стянуть свои силы против основного кулака турецких войск, успевших уже продвинуться вперед и захватить ряд важных высот. Турки настолько были уверены в победе, что решили переждать ночь в лесу, чтобы на рассвете перейти овраг, отделявший их от защитников Муса-дага, и покончить с ними.

Этот промах турок спас повстанцев. Ночью они окружили позиции турецких войск и, открыв огонь, внезапно бросились со всех сторон в атаку. Турки, застигнутые врасплох этим неожиданным нападением, обратились в повальное бегство. На рассвете лес был полностью очищен от турецких войск. В качестве трофеев армянам досталось брошенное турками оружие и боеприпасы. Турки оставили 200 убитых[167].

---

166 Анри Барби, стр. 64.

167 Там же.

После этого поражения турецкое командование призвало под ружье все мужское население окружавших турецких сил. Численность турецких солдат выросла до 20 тыс. человек. Муса-даг был с суши окружен плотным кольцом. Турки пытались взять его измором. Запасы продуктов у армян были на исходе.

Положение защитников Муса-дага стало крайне критическим. Оставался единственный путь спасения через Средиземное море. Из-за крутизны берега и отсутствия вблизи гавани турки не могли со стороны моря блокировать Муса-даг.

Комитет обороны составил письмо в трех экземплярах и передал его трем лучшим пловцам, которые при виде какого-нибудь приближающегося корабля должны были доплыть до него и передать письмо капитану. В этом письме защитники Муса-дага просили спасти их семьи, а им дать оружие и продовольствие, чтобы они могли продолжать борьбу с противником.

Но шли дни, а на горизонте не показывался ни один пароход. За это время женщины смастерили огромный белый флаг, на котором на английском языке крупными буквами было написано: «Христиане терпят бедствие — спасите нас!». Был сшит еще один флаг с красным крестом посредине. Оба флага были прикреплены к вершинам двух высоких деревьев.

На пятьдесят третий день обороны Муса-дага вблизи берега показалось судно, к которому сумели доплыть несколько героев-мусадагцев. Это был французский военный корабль „Guichen", капитан которого передал командующему эскадрой просьбу о помощи защитников Муса-дага. Вскоре к берегу подошел французский пароход «Жанна Д'Арк», эскортируемый военными судами. Все, кто уцелел в армянском лагере, бросились к берегу. Под прикрытием огня с моря удалось перевезти на пароход защитников Муса-дага вместе с их семьями — всего 4058 человек. 14 сентября они прибыли в Порт-Саид, где и обосновались на жительство[168]. Так, не подчинившись приказу турецкого правительства о высылке в Месопотамию, где их ожидала верная смерть, армяне Муса-дага спаслись благодаря своему мужеству и стойкости.

---

[168] Bryce, p. 512—520, Toynbee, p. 32, Lepsius, S. XI; ЦГИА ГрузССР, ф. 2с, д. 3198, л. 62.

Армянское население оказывало вооруженное сопротивление турецким насильникам и в других районах Анатолии. В городе Шабин Карахисаре 4 тыс. армян отказались сдать оружие и переселиться в Месопотамию. С 12 июня по 3 июля они вели упорные бои против частей 10-го турецкого корпуса. Повстанцы захватили городскую цитадель и здесь в течение двенадцати суток отбивались от противника. Турецкое командование вынуждено было перебросить подкрепления из Эрзинджана и Сиваса. Турецкие войска окружили город. Цитадель непрерывно обстреливалась из орудий. Защитники Шабин Карахисара совершили ночью попытку пробиться через турецкие цепи. Однако попытка оказалась неудачной, и все повстанцы погибли[169].

Не менее героической была борьба армян в Урфе, где они также отвергли требование турецких властей выдать оружие и покинуть родные места. К Урфе были стянуты воинские части из Алеппо. По приказу Джемаль-паши, одного из членов триумвирата, командовавшего тогда войсками в Сирии, Урфа была разрушена артиллерийским огнем. Все армянское население города было перебито.

В целом можно прийти к выводу, что там, где армяне брались за оружие, чтобы защитить свою жизнь, они пострадали значительно меньше, чем там, где они покорились своей участи и безропотно выполняли приказы турецких чиновников.

Приведенные выше факты разрозненной самозащиты армян в различных вилайетах Западной Армении и Киликии, которые турецкое правительство квалифицировало как всеобщее восстание, инспирируемое агентами Антанты, свидетельствуют о том, что среди армянского населения Турции не было плана общих действий, а также связи с русской армией, хотя официальные турецкие круги в годы первой мировой войны и современные турецкие историки утверждают противоположное, пытаясь таким образом снять с младотурецких заправил ответственность за массовое истребление и изгнание армян с их родины.

---

[169] Güze, Büyük harpte Kafkas cephesindeki muharebeler. См. Askeri Mecmuanin Tarih Kismi. Sayi 20. Istanbul, 1931, s. 64—65.

* * *

Официальная историография современной Турции оправдывает свирепые репрессии, предпринятые младотурками в 1915—1916 гг. в отношении армянского населения страны. Именно этим объясняется издание мемуаров палачей армянского народа Талаат-паши в 1946 г. и Джемаль-паши еще в 1923 г. Махровый шовинист Джахид-Ялчин в предисловии к воспоминаниям Талаат-паши пишет, что бывший великий визирь Османской империи решил опровергнуть несправедливые обвинения, которые предъявлялись младотуркам во время первой мировой войны. Эта книга, подчеркивает Ялчин, «является оправдательным документом партии «Единение и прогресс»»[170].

Ялчин правильно оценил писанину Талаата, который после поражения Турции в мировой войне и своего бегства в Германию решил путем злостной фальсификации обелить деятельность младотурецкой партии и правительства, которыми он руководил вместе со своими приспешниками — Энвером и Джемалем. С особым усердием и тщательностью Талаат извращает подлинную политику младотурецкого правительства в армянском вопросе, которой он посвятил специальный раздел. Это вполне объяснимо, так как в качестве министра внутренних дел он более чем кто-либо из младотурецких главарей был причастен к кровавому избиению армян. Выше уже отмечалось, что Талаат был автором плана массовых репрессий и лично подписывал все приказы местным властям для проведения их в жизнь.

В своих мемуарах Талаат вновь повторяет лживую версию о восстании армян. Он пишет, что «как только началась война, в вилайетах Муш, Битлис и Ван вспыхнули восстания, поднятые армянами». Когда,— нагло утверждает Талаат,— генеральный штаб подготовил закон о «переселении армян», «я снова выступил против этого»[171].

Главной задачей, которую ставил перед собой Талаат-паша, берясь за мемуары, было стремление доказать, что приго-

---

[170] Talât paşanın hatıraları, s. 1.

[171] Там же, стр. 63.

воры суда в отношении деятелей партии «Единение и прогресс» являлись ошибочными, ибо «ряд лиц был осужден неправильно, несмотря на очевидные доказательства их невиновности»[172]. Здесь он имеет в виду первым долгом себя, Энвера и Джемаля (после поражения Турции в войне стамбульский суд заочно приговорил к смертной казни всех младотурецких триумвиров).

С этой же целью написал свои воспоминания Джемаль-паша[173]. Он также фальсифицирует всю историю армянского вопроса. Пытаясь оправдать злодеяния турецкого правительства, Джемаль всю вину за беды, обрушившиеся на армян, сваливает на Россию[174]. Армянские погромы он объясняет поведением самих армян. По его словам, «они затевали восстание, которое дезорганизовало бы тыл нашей Кавказской армии, что могло бы повести к ее полному уничтожению»[175].

Такой деятель младотурецкой партии, как Мевлан-заде Рифат, также заочно приговоренный стамбульским судом к смертной казни, в своих мемуарах, приводя большой документальный материал, сказал всю правду об армянской резне, стремясь этим показать свою непричастность к решениям младотурецкого комитета и правительства об уничтожении армян[176].

Аналогичную цель преследовал и Наим-бей, который в своих мемуарах приводит множество решений и приказов младотурецкого комитета и правительства, подавляющее большинство которых исходило от Талаат-паши, как министра внутренних дел.

Приведенные выше документы из мемуаров Мевлан-заде Рифата, Наим-бея, Брайса, Лепсиуса, Мандельштама и других авторов, а также архивные материалы показывают полную абсурдность утверждений членов младотурецкого триумвирата.

Современные турецкие историки в подтасовке фактов не отстают от Талаата и Джемаля. В этом отношении особенно характерны «труды» таких шовинистов, как Эсат Урас, Хикмет, Баюр, Садри Максуди Арсал. Они силятся доказать, что все не-

---

172 Там же, стр. 76.

173 Джемаль-паша. Записки 1913—1919 гг., Тифлис, 1923.

174 Там же, стр. 197.

175 Там же, стр. 236.

176 Мевлан-заде Рифат, стр. 117.

мусульманские народы, в том числе и армянский, жили в Османской империи в наилучших условиях и пользовались всеми политическими правами, поэтому, дескать, им нечего было бороться за национальное освобождение. Игнорируя вышеприведенные известные исторические факты деспотической ассимиляторской политики султанов, буржуазные турецкие историки утверждают, как говорилось в первой главе, что турки никогда в отношении целой нации не применяли насилия; турецкие правители не навязывали свою религию находившимся под их господством нациям[177].

Эсат Урас, касаясь событий 1915—1916 гг., ничуть не смущаясь, пишет, что сведения о 600—800 тысячах или об одном миллионе убитых турками армян ничего общего с действительностью не имеют. Наоборот, армяне, по его словам, перебили больше мусульман[178]. Эсат Урас голословно отрицает наличие заранее выработанной турецким правительством программы уничтожения армянского населения.

Хикмет Баюр, Ахмед Эмин и другие турецкие авторы избегают какого-либо упоминания о приведенных выше документах, неопровержимо свидетельствующих о виновности правящей младотурецкой клики в массовом истреблении армян. Зато они охотно прибегают к документам, сфабрикованным султанским правительством и лидерами младотурецкой партии в 1915—1916 гг. В частности, они ссылаются на ответ Турции на ноту держав Антанты по поводу армянской резни. В этом ответе турецкое правительство весьма неуклюже пыталось утаить от мировой общественности трагедию армянского народа.

Эсат Урас и Хикмет Баюр не скрывают своего недовольства выступлением премьера-министра Турции Дамад Ферида, обвинившего в своей речи от 19 октября 1919 г. прежнее правительство младотурок в организации армянских погромов и расценившего эти действия как варварские[179].

---

[177] Sadri Maksudi Arsal, Ikinci türk Tarih kongresi, s. 1062 1074, 1092.

[178] Esat Uras, s. 617.

[179] Там же, стр. 668.

«В годы войны,— говорил Дамад Ферид,— весь цивилизованный мир был потрясен сообщениями о преступлениях, якобы совершенных турками. Я далек от того, чтобы набросить покрывало на деяния, заставившие содрогнуться от ужаса все человечество; еще менее склонен я приуменьшить степень виновности участников этой великой драмы. Я ставлю себе иную цель: показать миру с фактами в руках, на кого действительно ложится ответственность за эти ужасные преступления... Надо, однако, отвергнуть всякую попытку,— сказал далее Дамад Ферид,— объяснить случившееся расовым конфликтом или взрывом религиозного фанатизма»[180].

Хикмет Баюр возмущается этим заявлением Дамад Ферид-паши. Он пишет, что Дамад Ферид-паша по глупости совершил на Парижской мирной конференции «массу ошибок». Так, 17 июня, говоря там о выселении армян, он, по мнению Баюра, «не счел нужным упомянуть о том, что армяне во время войны пытались поднять восстание и поставить под угрозу тыл нашей армии, что они стали совершать преступления, и квалифицировал это выселение как дикий произвол Османского правительства»[181].

В другой своей работе, выдавая следствие за причину, Хикмет Баюр пишет, что репрессивные меры со стороны младотурок были вызваны восстанием армян в Ване, Битлисе и Шатахе[182]. Далее он отмечает, что «утверждение тогдашних наших врагов о высылке и убийствах армян являются ложью. В действительности было общее восстание армян в самое критическое для турецкой армии время»[183]. Все-таки Хикмет Баюр признает, что способ подавления «армянского восстания» был «весьма печальной страницей истории». Но он утешает своих читателей тем, что эти события не приняли такого широкого масштаба, какой имел место в отношении еврейского населения оккупи-

---

[180] Ллойд Джордж, Правда о мирных договорах, т. 2, М., 1957, стр. 200—202. Эту же речь приводит Esat Uras, s. 688.

[181] Bayur Yusuf Hikmet, Türkiye devletinin dış. siyasası, Istanbul, 1938, s. 37.

[182] Bayur Yusuf Hikmet, Türk inkılâbı tarihi, c. III, kısım 3. Ankara, 1957, s. 3.

[183] Там же, стр. 4.

рованных гитлеровцами стран Европы. Меры, принятые младотурками, Хикмет Баюр характеризует как вынужденные, на которые они пошли во имя спасения государства[184]. Поэтому он негодует против тех, кто считает актом насилия высылку армян султанским правительством во время войны 1914—1918 гг.[185].

В работе «История турецкой революции» Баюр опирается на ложные утверждения Эсат Ураса о том, что младотурецкое правительство не виновно в уничтожении армян. Баюр пишет, что турецкое правительство, узнав заблаговременно о подготовке армянами восстания с помощью стран Антанты, решило выслать их из пограничных районов в Месопотамию. Но на пути к месту высылки, в результате действий «безответственных чиновников, жандармерии и курдских банд», из миллиона высланных армян около половины умерло. По версии Баюра и Ураса, младотурки неповинны в гибели этих армян[186].

Другой турецкий историк Тевфик Быйыклыоглу также извращает исторические факты. Тевфик Быйыклыоглу в своей рецензии на книгу американского историка Фишера «История Среднего Востока»[187] полностью солидаризуется с его измышлением о том, что армяне, населявшие Ван и Эрзерум, специально взялись в 1915 г. за оружие, чтобы помочь русским войскам. В Ване, сочиняют Фишер и Быйыклыоглу, было образовано армянское правительство, что заставило турецкое командование прибегнуть к депортации армянского населения из Восточной Анатолии[188].

Ахмед Эмин, пытаясь опровергнуть неоспоримое утверждение Мандельштама, что армяне и не помышляли о восстании против турецкого правительства и взялись за оружие тогда, когда им угрожала гибель, пишет: «Поведение армян вполне оправдывало их высылку»[189]. Но несколькими страницами ниже он проговаривается по поводу действительных целей политики

---

[184] Там же, стр. 6.

[185] Bayur Yusuf Hikmet, Türkiye devletinin diş siyasasi, s. 64.

[186] Bayur Yusuf Hikmet, Türk inklabi tarihi. c. III. k. 3, s. 7—9.

[187] Fisher S. N. The Middle East. A History, New-York, 1959.

[188] Belleten (Türk tarih kurumu), cilt XXIV, sayı 94, Ankara. 1960, s. 326—327.

[189] Emin Ahmed, p. 215

младотурок в армянском вопросе. «Выселение армян,— пишет он,— ...означало ликвидацию армянского меньшинства в Турции. Сторонники полного физического уничтожения указывали на то, что плотное армянское население в восточных районах представляет опасность для существования самой Турции. Поэтому следует ликвидировать эту опасность... Мы знаем,— говорили они,— что... вызовем к себе ненависть и обвинения в свой адрес. Но надеемся, что в далеком будущем все же будут признаны наши личные жертвы, принесенные во имя интересов национального дела»[190].

Надо признать, что современные турецкие шовинисты — Эсат Урас, Хикмет Баюр, Ахмед Эмин — оправдали эти надежды младотурецких палачей значительно раньше, чем последние предполагали.

* * *

Выселение армянского населения из Западной Армении и других районов Османской империи и его истребление отразились самым пагубным образом на состоянии страны. Турция лишилась трудолюбивого и талантливого армянского народа, игравшего важную роль в ее экономической и культурной жизни. Несмотря на неимоверный национальный гнет турецких деспотов, армяне развили в Турции промышленность, торговлю, земледелие и культуру. В таких городах, как Стамбул, Смирна, Эрзерум, Ван и др. промышленность и торговые предприятия в основном были в руках армян. Армяне славились как мастера золотых дел, мастера по выделке шелка и материи. Турецкие ковры, которыми восторгалась Европа, были почти исключительно делом рук армян.

Такую же ведущую роль, как в экономике, армяне играли и в культурной жизни Турции. «Музыканты, певцы и актеры в Турции большей частью состояли из армян. Архитектурные красоты Константинополя, в большинстве случаев,—работа армянских талантливых людей: чудесная мечеть Сулеймание — произведение архитектора Синана, который был армянского происхождения; армянские архитекторы Баляны строили

190 Там же, стр. 252.

дворцы Бейлербея, Чргана и Долмабахче; руками армян был возведен дворец Йылдыз-Киоск»[191]. В Константинополе, Смирне и других городах типографии, где печатались турецкие книги и периодические издания, принадлежали в большинстве армянам.

Армянами издавались газеты и книги на турецком языке армянскими буквами, которые читались не только теми армянами, которые не владели родным языком (а таких было немало), но и многими турками, для которых усвоить армянский алфавит было гораздо легче, чем арабский.

Особенно велика была роль армян в восточных вилайетах, где они большей частью занимались земледелием, являлись искусными виноградарями и пчеловодами.

Производительная деятельность, торговля, финансы в армянских вилайетах почти целиком находились в руках армян. Так, в вилайете Сивас (Себастия), где армяне составляли около 35% населения, из 9800 ремесленников и мелких торговцев 6800 были армяне, из 153 промышленных предприятий 130 принадлежало армянам, из 166 крупных торговцев-импортеров 141 были армяне, из 150 экспортеров — 125 армяне, из 37 банкиров — 32 армянина[192].

Во всех армянских вилайетах 60 процентов врачей и 58 процентов торговцев были армяне. Три четверти рабочих, занятых в горной промышленности восточных районов, были по национальности армяне[193]. Все эти далеко неполные данные показывают, что истребление и изгнание армянского населения не могло не привести к глубоким последствиям как в экономической, так и в культурной жизни Турции вообще и в ее восточных вилайетах в особенности. Известно, что армянские вилайеты, лишившиеся в результате резни своего коренного населения, за прошедшие полвека в своем развитии не только не сделали ни шагу вперед, а наоборот, резко отстали по сравнению с периодом до первой мировой войны.

---

[191] Анри Барби, стр. 119.

[192] Цифровые данные взяты из статьи А. Дживелегова, Будущее Турецкой Армении. См. «Армянский Сборник», стр. 163.

[193] Firuz Kazemzadeh, The Struggle for Transcaucasia, p. 8.

* * *

В годы войны немало претерпел и находившийся под тяжелым турецким игом арабский народ.

Длительная и тяжелая война разрушила экономику арабских провинций Османской империи. Младотурецкие гражданские и военные власти, воспользовавшись военной обстановкой, грабили арабское население. Они отбирали у него последние продукты питания по ничтожным ценам, а для нужд армии реквизировали рабочий скот. В течение только одного месяца, как признает Джемаль-паша, для первой Суэцкой экспедиции у арабов было отобрано 14 тыс. верблюдов[194]. В результате мобилизации самой трудоспособной части населения в армию и реквизиции рабочего скота крестьянские поля остались не возделанными. Из годных к обработке земель вспахивалось не более 50%.

Турецкие военные власти облагали население непосильными налогами.

Вследствие недостатка сырья и рабочей силы свертывались промышленные и ремесленные предприятия. Сильно сократилась торговля. Обесценилась бумажная лира. Широко распространилась спекуляция. Резко возросли цены. Все это пагубно отразилось на положении арабских народных масс, сотни тысяч людей гибли от голода и эпидемий. Достаточно сказать, что в Сирии и Ливане в годы войны население сократилось на 40%[195].

Разбой и грабежи младотурецких властей и их шовинистическая политика в арабских вилайетах вызвали яростный гнев арабского народа против турецких поработителей.

Младотурецкие правители, воспользовавшись войной, делали все, чтобы окончательно задушить национально-освободительное движение арабов, но арабский народ еще упорнее стал бороться за полное избавление от турецкого кровавого ига.

С вступлением Османской империи в войну национально-освободительное движение арабского народа, охватившее все арабские страны, приняло новый размах.

---

[194] Джемаль-паша, стр. 123.

[195] Об этом см. подробно сборник «Великий Октябрь и народы Востока», М., 1957, стр. 370.

Основной мотивировкой назначения Джемаль-паши командующим 4-й армией, дислоцированной в Сирии, по словам Энвер-паши, было крайне напряженное положение, вызванное деятельностью арабских революционеров. Джемаль-паша, прибыв в декабре 1914 года в Сирию и ознакомившись с обстановкой в арабских вилайетах, вынужден был признать, что арабские области подобно пороху могут в каждую минуту взорваться от искры, если не принять строжайшие меры[196].

Джемаль, установив свою неограниченную власть в Сирии, Ливане и Палестине, ликвидировал генеральные советы и гражданские суды. В школах и административных учреждениях запрещалось употребление арабского языка. Все оппозиционные арабские газеты были закрыты. «Политическая жизнь в Сирии более не существует...,— писал русский наблюдатель в августе 1916 г.,—Джемаль-паша властвует самодержавно...»[197]. По приказу Джемаля арестовывали и часто без суда вешали видных представителей арабской интеллигенции и деятелей национально-освободительного движения. Российский посланник в Берне В. Р. Бахерхат в телеграмме от 2/15 июня 1916 г. сообщил в МИД, что за последнее время не прекращаются казни и ссылки сирийцев, которые неминуемо вызовут волнение во всем арабском мире и усилят ненависть к младотуркам. «Достойно также внимания, что главная роль в этих преследованиях принадлежит Джемаль-паше»[198]. Только за один день, 6 мая 1916 г., в Дамаске и Бейруте было повешено 22 видных деятеля. Среди повешенных в Дамаске были депутаты меджлиса Рившти-бей Шамхан, Абдель-Хамид аль-Зохраби, видные деятели Дамаска Шефиг-бей аль-Муайэд, известный оратор Шауки-бей Асали, поэты Абдул Вахаб аль-Мылэн и Рефиз Селлум и др. Среди казненных в Бейруте были поэт Омар Хамд, Мухамед аль-Шанти, издатель газеты «Аль Муфид» Абдул-Гамид аль-Араси, издатель газеты «Фата аль-Араб» Эмир Ариф, известный публицист Ахмед Таббара, мыслитель Эмин Лутфи и др.

Кроме указанных лиц, в разных частях Османской империи число повешенных и тайно расстрелянных арабских дея-

196 Джемаль-паша, стр. 117.

197 Цит. по кн.: М. С. Лазарев, стр. 74—75.

198 «Раздел Азиатской Турции», № 338.

телей, как признает Мевлан-заде Рифат, велико. Только в одной Сирии к лету 1916 г., по данным каирской газеты «Мукаттам», было приговорено к смертной казни с конфискацией имущества 816 человек»[199].

Турецкие власти, научившись на опыте поголовного выселения армян из Западной Армении, в арабских вилайетах продолжали ту же политику массовых депортаций коренного арабского населения в пустынные районы Дер-Зора. К началу 1916 г. из Бейрута и горного Ливана было отправлено туда более 4 тыс. семей, а из Дамаска и других городов Сирии — до 5 тыс. семей. Весной того же года только из Бейрута было выслано свыше 400 семей. Движимое имущество репрессированных подверглось разграблению, а принадлежавшие им земли конфисковывались турецкими властями. По словам одного сирийца, эти репрессии грозили полным «уничтожением туземцев страны»[200].

О своих зверствах Джемаль впоследствии нагло писал: «Непокорные арабы, которые заставляли чувствовать свою силу уже в Дамаске, не смели, благодаря установленному мною режиму, открыто взяться за оружие»[201].

Ливанский историк Зейне, говоря о репрессиях в арабских вилайетах, пишет: «...Не будет преувеличением сказать, что правление Джемаль-паши было одним из определяющих факторов, который помог лидерам арабов-мусульман решиться раз и навсегда полностью порвать с Турецкой империей. После казней 6 мая 1916 г. арабский национализм набрался сил и стал действенным. Арабская политическая независимость и арабский национальный суверенитет стали осязаемой реальностью и абсолютной необходимостью...»[202].

---

[199] Цит. по кн.: М. С. Лазарев, стр. 89. См. также *Ֆայէզ էլ Ղոսէյն, Ջարդերը Հայաստանի մէջ (ականատեսի վկայութիւններ), ֆրանսերենից թարգմանեց Գր. Պասմաճեան, Կահիրէ, 1960, էջ 47.* (Фаиз эль Хосейн, Резня в Армении (свидетельство очевидца), перевод с французского Гр. Пасмаджяна, Каир, 1960, стр. 47).

[200] Там же.

[201] Джемаль-паша, стр. 153.

[202] N. Z. Zeine, Arab-Turkish relations and the Emergence of Arab Nationalizm. Beirut, 1958, p. 103—104. Цит. по кн.: М. С. Лазарев, стр. 91—92. Примечание.

Зверства турецких властей в отношении арабской интеллигенции и политических и национальных деятелей вызвали всеобщее возмущение во всех арабских вилайетах. Хотя массовыми репрессиями и высылкой турецким поработителям удалось предупредить готовившееся общее восстание в Сирии, Ливане, Палестине и Ираке, арабы все же перешли к партизанской войне, которая приняла большой размах в связи с восстанием в Хиджасе[203].

О назревании восстания в Хиджасе турецким властям, в частности диктатору арабских провинций Джемалю, было давно известно. Об этом пишет сам Джемаль-паша, отмечая, что он старался сделать все, что было возможно, чтобы заставить правителя Хиджаса шерифа Хусейна отказаться от мысли поднять восстание арабов. Но все старания Джемаля в этом направлении были тщетны, ибо в конце концов он все же оказался перед фактом восстания[204]. Глава восставших арабов, правитель Мекки Хусейн провозгласил себя королем всех арабских стран. В своем воззвании к арабам он призывал восстать против тирании Энвера, Талаата и Джемаля. В воззвании перечислялись все зверства турецких властей в отношении деятелей национально-освободительного движения. Воззвание заканчивалось следующими словами: «С того дня, когда мы сделались эмиром, все наши помыслы были направлены к освобождению арабов. Мы сделали все, что было в наших силах, для того, чтобы добиться этой цели. Ради этого мы вошли в дружественные сношения с влиятельнейшими и могущественнейшими арабами. Наше упорство в этом направлении явствует из того, что мы снарядили ассирийскую экспедицию, послав войска... сражаться с войсками эмира Ибн эль Рестрида, который по наущению турок напал на эмира Иби эль Сунуда»[205]. Англия и Франция использовали восстание арабов в войне с турецко-германскими силами на Месопотамском и Сирийско-палестинском фронтах.

---

[203] Мевлан-заде Рифат, стр. 249—251.

[204] Джемаль-паша, стр. 134—135. См. Бенкендорф—Сазонову, 3/14 июня 1916 г. «Раздел Азиатской Турции», № 334.

[205] См. Джемаль-паша, стр. 183—184.

Англия еще с ноября 1914 г., то есть с момента вступления Османской империи в войну на стороне германского блока, начала переговоры с правителем Хиджаса с целью «склонить его свергнуть турецкое господство. При этом Англия предлагала Хусейну помощь и гарантии его будущей независимости»[206].

В результате долгих переговоров между Великобританией и шерифом Мекки Хусейном бен-Али в октябре 1915 г. было заключено секретное соглашение, согласно которому будущее независимое арабское государство должно было простираться на юге до Индийского океана, на севере — до Александреттского залива, на западе — до Средиземного и Красного морей и на востоке — до Персидского залива.

Как показали последующие события, английские колонизаторы вовсе не собирались предоставить после победоносного окончания войны независимость арабам. Об этом свидетельствуют тайные переговоры между Англией и Францией, а затем и с царской Россией о послевоенном разделе Османской империи, в частности о разделе ее арабских территорий. Переговоры начались в Лондоне в декабре 1915 г., где Англию представлял эксперт по ближневосточным делам Марк Сайкс, Францию — бывший генеральный консул в Бейруте Франсуа Жорж-Пико. Переговоры показали, что в вопросе о разделе арабских территорий между Англией и Францией существовали глубокие противоречия. В результате долгих торгов в феврале 1916 г. было заключено компромиссное соглашение между Англией и Францией, в силу которого после победы союзников в войне южная Месопотамия с Багдадом передавалась во владение Англии, внутренняя Месопотамия включалась в английскую зону влияния, Западная Сирия, Ливан, Киликия, Айнтаб, Урфа, Мардин, Диарбекир и область Хаккяри передавались Франции. Восточная Сирия и Мосульский вилайет отходили в сферу влияния Франции. Палестина отходила под совместное управление союзников[207].

---

206 Готлиб В. В., стр. 72. Примечание.

207 О соглашении Сайкса—Пико подробно говорится в памятной записке английского и французского посольств в Петрограде российскому министру иностранных дел С. Д. Сазонову. См. «Раздел Азиатской Турции», № XXV.

В связи с усиленным передвижением русской Кавказской армии в феврале 1916 г. к ближайшим подступам Месопотамии и Сирии (о чем говорилось в предыдущей главе) Англия и Франция, опасаясь вторжения русских войск в арабские страны, решили согласовать условия раздела арабских стран с Россией. В результате переговоров Сайкса и Пико в Петрограде весной 1916 г. царское правительство, добившись своей доли в разделе Азиатской Турции, присоединилась к соглашению Сайкса—Пикс[208]. Это соглашение было заключено в глубокой тайне от арабского народа и полностью аннулировало условия упомянутого выше договора между Англией и правительством Мекки Хусейном. Но это не помешало английским колонизаторам выступать в роли «защитников» интересов арабского народа, чтобы использовать его борьбу против турецко-германских сил. В этом отношении большую деятельность развернули английские разведчики Лоуренс, Вильсон и др. Они организовали добровольческие отряды из бедуинов и сами же руководили боями. Действия арабских иррегулярных частей против турецких войск поддерживались местным арабским населением.

Восстание в Хиджасе нашло широкий отклик за его пределами — в Сирии, Ливане, Ираке, Египте и др. арабских странах. Во всех этих странах велась усиленная агитация за оказание материальной помощи восставшим в Хиджасе и за посылку в Хиджас добровольческих отрядов. Хиджас стал знаменем национально-освободительной борьбы арабов.

Немецкий генерал Фалькенгейн, говоря о восстании в Хиджасе, отметил, что весть о нем «быстро распространилась далеко за пределы полуострова Аравии и вызвала волнения среди арабского населения Сирии, а также среди бедуинов Сирийской пустыни. Облеченное в религиозную окраску, это восстание окончательно доказало, что попытка Турции провозглашением лозунга так называемой «священной войны» поднять все мусульманское население мира против англичан в общем была ошибкой»[209]. Борьба арабов в Хиджасе, Ираке, Сирии, Пале-

---

208 См. «Раздел Азиатской Турции», протоколы особого совещания и записки морского и военного министров — XCII, XCVII, XCVIII, XCIX.

209 Фалькенгейн Э., Верховное командование 1914—1918 гг. в его важнейших решениях, М., 1923, стр. 237.

стине и Ливане, используемая Англией и Францией для изгнания турок и установления своего господства, еще больше ожесточила турецкие власти против арабов. В указанных странах тысячами казнили, высылали в концентрационные лагеря, устраивали массовые погромы мирного населения. В связи с передвижением английских войск на Палестинско-синайском фронте Джемаль заявил консулам США и Испании о том, что «если союзники продвинутся, а сирийцы ему изменят, то он сожжет всю страну, перебьет всех жителей и оставит страну в пепле»[210].

Но никакие зверства Джемаля не могли приостановить арабов, боровшихся против ненавистного турецкого ига. Младотурецким заправилам не помогли неоднократные переброски дополнительных контингентов войск в арабские страны, ибо арабы вели партизанскую войну и своими внезапными нападениями на турецкие войска наносили им серьезные поражения.

Борьба арабского народа в годы войны сыграла существенную роль в деле окончательного разгрома турецко-германских войск на Месопотамском и Сирийско-палестинском фронтах и освобождения арабских стран от турецкого господства, продолжавшегося четыре столетия.

* * *

В годы войны основа экономики Османской империи — сельское хозяйство было полностью разорено. В турецкую армию было призвано 3 млн. человек, т. е. почти все мужское население призывного возраста[211]. Посланник России в Берне Мандельштам сообщал в мае 1916 г., что в деревнях Малой Азии почти не осталось трудоспособных мужчин, кроме немногих богатых крестьян, уплативших выкуп за освобождение от призыва в армию. В городах, где было больше состоятельных людей, имелось много откупившихся мужчин[212].

---

[210] ЦГВИЛ, ф. 2000, д. 3891, л. 310. См. М. С. Лазарев, стр. 173—179.

[211] ЦГВИЛ, ф. 2000, д. 3891, 310. См. М. С. Лазарев, стр. 178—179.

[212] Emin Ahmed, г. 252.

В результате мобилизации самой производительной части населения сельское хозяйство лишилось рабочих рук. Для нужд армии у крестьян были реквизированы лошади и почти весь крупный рогатый скот. По официальным турецким данным, в Анатолии в конце войны насчитывалось 300 тыс. лошадей вместо 2 млн. до войны, 2 млн. коров вместо 6—7 млн., буйволов и волов в 1913 г. было 2,7 млн., а к 1919 г. осталось 378 тыс. За эти же годы количество мулов с 145 тыс. упало до 85 тыс., ослов с 13 737 до 825 тыс., верблюдов с 314 до 95 тыс.[213]. Овец и коз вместе с ягнятами в 1913 г. насчитывалось 18 722 тыс., а в 1919 — 11 200. Если в 1913 г. ангорских коз в Турции насчитывалось 2039 тыс., а простых коз — 14 428 тыс., то в 1919 г. и тех и других осталось всего 2065 тыс.[214].

Таким образом, сельское хозяйство Турции к концу войны почти лишилось тягловой силы. Это привело к тому, что большая часть крестьянских полей оставалась незасеянной. Если в Турции до войны обрабатывалось 60 млн. денюмов земли, то к концу войны обрабатываемая площадь сократилась более чем в два раза — до 25 млн. денюмов[215]. В некоторых вилайетах — Урфа, Диарбекир, Алеппо—засевалось лишь 15 процентов всей ранее обрабатываемой площади[216]. Если взять по отдельным культурам, то площадь под хлопком в 1918 г. составляла лишь 8 процентов посевной площади 1913 г.[217]. Площадь, занятая табаком, и его продукция сократились более чем на две трети[218]. Даже немецкий автор Мюльман, всячески пытающийся приукрасить состояние Турции в годы первой мировой войны, вынужден был признать, что ввиду уменьшения посевных площадей и падения урожайности население постоянно голодало[219].

Для выхода из этого катастрофического положения турецкое правительство в 1916 г. ввело принудительную сельскохо-

[213] Там же.

[214] Mears Eliot Grinnell. Modern Turkey. New York, 1924, p. 285.

[215] ЦГВИА, ф. 2000, оп. 1, д. 3891, л. 350.

[216] АВПР, ф. «Политархив», д. 4656, л. 33.

[217] Emin Ahmed, p. 117.

[218] Isatatistik yillegi. 1931—1932, cilt 5, s. 157.

[219] Mühlmann C. Das Deutsche-Türkische Waffenbündnis im Welt, kriege. Leipzig, 1940, S. 187.

зяйственную повинность, на основании которой все сельское население в возрасте от 16 до 60 лет обязано было обрабатывать землю. За уклонение от этой повинности был установлен штраф и даже тюремное заключение сроком до трех месяцев. Помимо этого, для полевых работ были организованы специальные сельскохозяйственные батальоны. В турецкие деревни направлялись сельскохозяйственные машины, вывезенные из Германии и Австро-Венгрии. Принимались меры к улучшению производства отдельных культур, особенно хлопка. В этих целях из Германии были выписаны специалисты-агрономы. Правительство начало отпускать через сельскохозяйственный банк ссуды для кредитования сельского хозяйства.

Этими мероприятиями в первую очередь воспользовалась верхушка деревни. Откупившись от призыва на военную службу, крупные землевладельцы и кулаки прибрали к своим рукам хозяйства ушедших на войну крестьян. Излишки земли помещики и кулаки отдавали в аренду безземельным крестьянам, превращая их в издольщиков. Кроме того, сельские богатеи наживались на поставках для армии съестных припасов и фуража.

Турецкое крестьянство, обезземеленное и задавленное налогами, страдало от тяжкой феодально-ростовщической эксплуатации. «Народ,— говорилось в одном документе,— изнывает под бременем непосильных военных налогов, население совершенно разорено постоянными принудительными реквизициями»[220]. «У турецкого крестьянина,— гласило известие из Турции,—отбирают последнюю лошадь, мула, осла, верблюда, подводу для нужд армии. Вследствие этого крестьяне лишились возможности сообщаться не только с городами, но и с соседними деревнями... Отбирание рабочего скота производится в таком размере, что в целых округах крестьянство вынуждено пахать землю на людях»[221].

Правительство реквизировало у сельского населения последние запасы пшеницы, ячменя, риса, соли, сахара, чая. Власти отобрали даже зерно, заготовленное для посевов. Все эти продукты отправлялись в Германию и Австро-Венгрию. В ка-

[220] ЦГИА ГрузССР, ф. 2с, д. 3187, л. 79.

[221] «Кавказское слово», 5.II 1915, № 28.

ких грандиозных размерах проводились тогда в Турции реквизиции, видно из списка, представленного жителями села Молла-Сулейман, состоявшего из 200 домов. Еще в период мобилизации из села было забрано: 24 арбы с волами, отдельно еще 30 быков, 24 лошади, 4 тыс. пуд. пшеницы, 2,5 тыс. пуд. ячменя, 18 тыс. пуд. сена, 110 пар носков, 23 пуда масла, 2 тыс. баранов и 200 коров. После вступления Турции в войну у крестьян этого села, как и у других сел, были реквизированы все запасы продуктов и рабочий скот[222].

Даже некоторые младотурецкие деятели впоследствии вынуждены были писать, что находившийся у крестьян урожай покупался по ничтожной цене, якобы для нужд армии, и крестьянин сам должен был перебросить этот урожай в военные склады, а взамен денег он получал ни к чему не пригожую справку[223].

На конференции левых турецких социалистов в июне 1918 г. Джевдет в своем докладе о влиянии войны на экономическую жизнь Турции отметил, что «под предлогом военных нужд правительство реквизировало все продукты питания первой необходимости и этим обрекло на голод и вымирание несчастных женщин и детей»[224].

Михаил Васильевич Фрунзе, объездивший в конце 1921— в начале 1922 гг. многие районы Турции, писал, что всюду в глаза бросалась величайшая хозяйственная разруха и запустение. Долголетняя война всей своей тяжестью «ложится на плечи мусульманского турецкого населения... В деревнях почти нигде нет мужского населения — все они перебиты или находятся на фронте. Работают старики, женщины или подростки; материальные средства истощены, нет рабочего скота, нет транспортных средств. Пустующая земля составляет не меньше 50 процентов[225]. Далее в одном месте своего дневника Фрунзе

---

222 «Каспий», 25.X 1914, № 239. Подробно об этих реквизициях см. Н. Арсеньев, Очерки современной Турции. «Новый Восток», 1922, № 2, стр. 153.

223 См. Мевлан-заде Рифат, стр. 286.

224 Центральный партийный архив ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 17, оп. 1, д. 90, л. 37.

225 Фрунзе М. В., Соч., т. I, М., 1929, стр. 358.

отмечает: «От войны все устали и разорились донельзя...»[226].

На почве голода и антисанитарных условий в Османской империи свирепствовали эпидемические заболевания. В годы войны от голода и эпидемий в Малой Азии погибло свыше 2,5 млн. человек. Эпидемические болезни были особенно распространены в восточных вилайетах, что объяснялось их отсталостью, усугубленной разорением их территории военными действиями. 72 процента населения этих вилайетов переболело тифом, 14 процентов страдало хронической малярией и каждый одиннадцатый болел сифилисом[227].

В одном сообщении из Турции отмечалось, что в Эрзеруме от тифа ежедневно умирает от 100 до 150 человек; в госпиталях гибнут раненые, лишенные какой-либо медицинской помощи[228].

Огромны были потери Турции в живой силе. За время войны было призвано в армию 2 млн. 850 тыс. человек, из которых 550 тыс. погибли на полях сражений, 891 тыс. были ранены и 480 тыс. попали в плен. Это составляло 62,84 процента всего мобилизованного в армию контингента[229].

Более точными нам представляются турецкие данные, по которым Османская империя за четыре года войны потеряла 2,5 млн. человек. Из них около 1 млн. умерло от ран и болезней, 500 тыс. убито и около 900 тыс. ранено[230].

За эти годы существенные изменения произошли и в промышленности Турции, война нанесла ей большой ущерб. Больше всего пострадали те отрасли, которые были связаны с экспортом: табачная, шерстяная, по выработке шелка-сырца. Так, производство сладостей упало в шесть раз, шерстяной пряжи в пять раз, шелка-сырца в три раза.

Вследствие блокады русским флотом черноморского побережья Турции, препятствовавшей вывозу угля из Зонгулдак-

---

[226] Там же, стр. 308. Подробно о пагубном влиянии войны 1914—1918 гг. на сельское хозяйство Турции см. А. Д. Новичев, Экономика Турции в период мировой войны, Л.—М., 1935, стр. 16—34.

[227] Emin Ahmed, p. 81.

[228] ЦГВИА, ф. 2000, оп. 1, д. 3862, л. 219.

[229] «Мировая война в цифрах», М.—Л., 1931, стр. 22.

[230] Emin Ahmed, p. 255.

ского угольного бассейна, добыча угля сократилась более чем в четыре раза — с 827 тыс. т. в 1913 до 186 тыс. т. в 1918 г.[231].

Но в этот же период возникли новые отрасли промышленности, обслуживающие нужды фронта. Новые предприятия строились не в Стамбуле, Смирне и других портовых городах, которые были под ударами войск Антанты, а в Центральной Анатолии. Росту чисто турецких промышленных предприятий способствовало также прекращение ввоза в страну европейских товаров. Воспользовавшись военной обстановкой, правительство подняло таможенные пошлины до 30 процентов стоимости ввозимых товаров и объявило об отмене режима капитуляций[232]. Эта мера явилась большим ударом по позициям англо-французского капитала в Османской империи.

Годы войны ознаменовались крупными сдвигами во внешней торговле Турции. Представление об этом дают следующие данные[233].

Годы	Импорт в золотых лирах	Экспорт в золотых лирах
1913	41.749.000	21.436.000
1914	22.927.000	11.487.000
1916	2.210.000	3.405.000
1917	15.077.000	13.970.000
1918	21.276.000	24.889.000

Таким образом, накануне войны импорт превышал экспорт почти в два раза, что объяснялось широким притоком иностранных товаров в Османскую империю, вследствие чего национальная экономика не могла развиваться. Внешнеторговый баланс Турции был тогда пассивным, что сильно отражалось на финансовом положении страны. В связи с прекращением в годы войны внешнеторговых связей Османской империи с большинством государств и сильным повышением таможенных пошлин

[231] Türkiye Cümhuriyet Merkez Bankası. Üc Aylik Bülten, № 67—68. Ankara, 1948, s. 139. Об этом же см. Istatistik yıllığı. 1931—1932, c. 5, s. 223.

[232] Режим капитуляций был отменен еще 1 октября 1914 г. См. МОЭИ серия III, т. VI, ч. I, стр. 234 (прим. 4. 5).

[233] Süreyya Şevket, Cihan iktisadiyatında Türkiye, Ankara, 1931, s. 92.

экспорт стал превышать импорт. Как внешняя, так и внутренняя торговля переходит в руки быстро растущей в Анатолии турецкой национальной буржуазии и помещиков. Городские и сельские богатеи Анатолии, спекулируя на военных поставках, сколачивали крупные состояния. В их руки целиком перешло снабжение страны продовольствием.

Один из стамбульских публицистов писал, что партия «Единение и прогресс» во время войны 1914—1918 гг. вела экономическую политику, направленную к тому, чтобы создать себе социальную опору в лице национальной буржуазии и с ее помощью подорвать экономическое господство греческой и армянской буржуазии[234]. В результате этой политики в годы войны в Анатолии возник ряд промышленных и торговых предприятий, охраняемых новыми таможенными пошлинами и военным положением от иностранной конкуренции. Тогда же быстро росла турецкая торговая буржуазия, наживавшая колоссальные барыши на военных поставках. Этому сильно способствовали созданные правительством различные монополии. Так, например, в начале войны была организована монопольная кампания по снабжению продуктами Стамбула. Снабжение столицы должно было обеспечиваться поставками из Румынии[235]. Кроме того, немцы учредили в Стамбуле кооперативное общество, снабжавшее некоторыми предметами первой необходимости только немцев. Как турецкая кампания по снабжению Стамбула, так и немецкое кооперативное общество снабжали только чиновников и немцев. Все остальные жители столицы должны были довольствоваться голодным пайком.

Огромные толпы жителей Стамбула с раннего утра стояли около пекарен в ожидании черной малосъедобной лепешки. Семья из восьми человек получала в день лишь один килограмм хлеба. Огромное число женщин и детей, прибывших из разоренных сельских районов, не имея продовольственных карточек, нищенствовало.

В Стамбуле были созданы и другие монополии: текстильная, по торговле тканями, табачная, по экспорту табака, нацио-

[234] Архив Грузинского филиала ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 13, оп. 1, д. 19, л. 11—20.

[235] Mühlmann C., S. 187.

нальное общество и другие. Активными участниками этих монополий являлись воротилы партии «Единение и прогресс» — Талаат-паша, Джемаль-паша, Джавид-бей, Кара-Кемаль, Хуссейн Джахид, Исмаил Хакки и другие, в качестве крупных пайщиков получавшие огромные прибыли.

Помянковский, рассказывая о создании монопольных компаний и роли в них деятелей младотурецкой партии, в первую очередь членов правительства, их родственников и друзей, приводит слова Энвера, который «в откровенной беседе, не краснея, сказал мне: прибыль от торговли мы не желаем оставлять купцам, а получаем ее сами»[236].

В своей жажде обогащения монополии переходили всякие границы. Так, например, в 1916 г. продовольственная монополия повысила цены на продукты питания сразу на 300 процентов. Цены на продовольственные товары за годы войны возросли: на хлеб — в 37 раз, на кофе — в 70 раз, на рис—в 30 раз, на макароны — в 32 раза, на картофель — в 27 раз, на бобы —в 21 раз, на керосин — в 107 раз[337]. Жизнь в Турции в конце 1917 г. вздорожала в 20 раз по сравнению с летом 1914 г.[238]. В результате огромного роста цен и острой нехватки продуктов первой необходимости на почве голода и эпидемий в городах сильно увеличилась смертность.

Хотя власти отбирали у крестьян все излишки зерна, но транспорт не обеспечивал переброску хлеба в города и нуждающиеся в хлебе районы страны. Население самых богатых и в культурном отношении более развитых областей уже в 1915—1916 гг. не получало хлеба и погибало от голода. По свидетельству очевидца, цены на предметы первой необходимости настолько повысились, что «беднейшие классы населения вообще не были в состоянии приобретать что-либо»[239].

Что касается небольшой прослойки зажиточных горожан и лиц, находившихся в близких отношениях с комитетом «Единение и прогресс», то они, пользуясь обстановкой войны, путем

---

[236] Pomiankowski, S. 180.
[237] Emin Ahmed, p. 147—148.
[238] ЦГВИА, ф. 2000, оп. 1, д. 3859, л. 1—6.
[239] Pomiankowski, S. 179—180.

В ходе войны Турция попадала во все большую зависимость от кайзеровской Германии. Во всех турецких министерствах сидели немецкие советники и специалисты, фактически руководившие ими. В армии и во флоте основные командные посты были в руках германских офицеров во главе с Лиманом фон Сандерсом и фон дер Гольц-пашой. К концу войны в Турции находилось 800 немецких офицеров и 18 тыс. немецких солдат[246]. «Германия *сейчас*,— писал Ленин в январе 1917 г.,— превратила Турцию в своего *и* финансового *и* военного вассала»[247].

Страшное бремя войны, ее лишения и тяготы прежде всего ложились на плечи народных масс. На почве огромных бедствий и страданий росли в турецком народе негодование и протест против политики младотурецкой верхушки и засилья немецкой военщины, приведших страну к крайнему разорению и вызвавших неисчислимые жертвы.

В одном сообщении из Турции от 1 марта 1916 г. отмечалось, что младотурки все более теряют под собою почву. Против них поднимается грозная волна народного недовольства. «В Царьграде (Стамбуле.— *Е. С.)* произошла шумная демонстрация против правительства. Народ в резкой форме порицал младотурок и правительство, считая, что они ведут страну к окончательной гибели». Далее подчеркивалось, что события, развертывающиеся в Османской империи, очень тревожат правящие круги в Берлине. «Немцы со своей стороны делают все возможное, чтобы окончательно захватить власть в Царьграде, надеясь таким путем положить конец серьезной кампании, предпринятой в настоящее время против младотурок»[248].

В письме из Бухареста от 31 марта 1916 г. рассказывалось о свирепствующем в Стамбуле голоде. «Ежедневно десятки людей умирают от истощения. Двадцатитысячная толпа стариков, женщин и детей устроила грандиозную демонстрацию перед зданием Блистательной Порты, громко требуя выдачи хлеба населению. Были вызваны войска, которые врезались в самую

[246] Larcher M. La guerre turque dans la guerre mondiale. Paris, 1926, p. 613.

[247] Ленин В. И., Соч., т. 23, стр. 172.

[248] АВПР, ф. «Политархив», д. 4656, л. 25.

Весной 1915 г. Турция получила от Германии второй заем в сумме 3552 тыс. турецких лир золотом, который вместе с 2109 тыс. турецких лир золотом, предоставленных Австро-Венгрией, был обращен на гарантию первой серии турецких кредитных билетов, выпущенных в том же году на сумму 5670 тыс. турецких бумажных лир. В последующие годы было выпущено еще шесть серий на общую сумму 139 млн. бумажных лир.

По соглашению с Германией, последняя гарантировала поддержку турецких бумажных денег после войны в той же мере, как и германских. Для этой цели Германия обязалась предоставлять Турции ежегодно 3,5 млн. лир золотом для извлечения из обращения бумажных денег[243]. Однако ни обещание Германии заменить после окончания войны бумажные деньги золотом, ни обязательство младотурецкого правительства при помощи Германии поддержать курс бумажных денег не вызвали никакого доверия у населения, и курс турецких бумажных лир продолжал быстро падать. Это констатировал сам министр финансов Джавид-бей, подчеркивавший, что бумажная валюта упала в цене на 200—300 процентов, а в некоторых случаях даже на 400 процентов.

По подсчетам Джавид-бея, весь турецкий долг Германии за время войны равнялся 252,6 млн. лир. Большую половину этой суммы Турция получила не золотом, а вооружением и различного рода военными поставками[244]. В своей речи на заседании меджлиса 9 марта 1918 г. Джавид-бей отметил, что за время войны Турция получила от своих союзников займов на общую сумму 900 млн. долларов (из них на долю Австро-Венгрии приходилось всего 45 млн. долларов). Из всей этой суммы 585 млн. долларов были истрачены в самой Германии на покупку оружия и разного военного имущества[245]. Таким образом, две трети общей суммы займов остались в руках самих кредиторов и служили обогащению германских военных монополий.

---

[243] ЦГВИА, ф. 2000, оп. 1, д. 3891, л. 356—358 (Доклад министра финансов Джавид-бея на заседании меджлиса 3.III 1918 г.).

[244] Там же.

[245] Мирный С., К вопросу об определении стоимости мировой войны для Турции. «Новый Восток», № 3, 1923, стр. 472.

В ходе войны Турция попадала во все большую зависимость от кайзеровской Германии. Во всех турецких министерствах сидели немецкие советники и специалисты, фактически руководившие ими. В армии и во флоте основные командные посты были в руках германских офицеров во главе с Лиманом фон Сандерсом и фон дер Гольц-пашой. К концу войны в Турции находилось 800 немецких офицеров и 18 тыс. немецких солдат[246]. «Германия *сейчас*,— писал Ленин в январе 1917 г.,— превратила Турцию в своего *и* финансового *и* военного вассала»[247].

Страшное бремя войны, ее лишения и тяготы прежде всего ложились на плечи народных масс. На почве огромных бедствий и страданий росли в турецком народе негодование и протест против политики младотурецкой верхушки и засилья немецкой военщины, приведших страну к крайнему разорению и вызвавших неисчислимые жертвы.

В одном сообщении из Турции от 1 марта 1916 г. отмечалось, что младотурки все более теряют под собою почву. Против них поднимается грозная волна народного недовольства. «В Царьграде (Стамбуле.— *Е. С.*) произошла шумная демонстрация против правительства. Народ в резкой форме порицал младотурок и правительство, считая, что они ведут страну к окончательной гибели». Далее подчеркивалось, что события, развертывающиеся в Османской империи, очень тревожат правящие круги в Берлине. «Немцы со своей стороны делают все возможное, чтобы окончательно захватить власть в Царьграде, надеясь таким путем положить конец серьезной кампании, предпринятой в настоящее время против младотурок»[248].

В письме из Бухареста от 31 марта 1916 г. рассказывалось о свирепствующем в Стамбуле голоде. «Ежедневно десятки людей умирают от истощения. Двадцатитысячная толпа стариков, женщин и детей устроила грандиозную демонстрацию перед зданием Блистательной Порты, громко требуя выдачи хлеба населению. Были вызваны войска, которые врезались в самую

[246] Larcher M. La guerre turque dans la guerre mondiale. Paris, 1926, p. 613.

[247] Ленин В. И., Соч., т. 23, стр. 172.

[248] АВПР, ф. «Политархив», д. 4656, л. 25.

гущу толпы, давя женщин и детей. Из толпы кричали «Долой изменников — Энвера и Талаата»[249].

Один датчанин, проживавший в те годы в Турции, свидетельствовал в 1916 г., что «прежнее безразличное отношение к войне совершенно исчезло. Брожение в армии и в интеллигентских кругах носит революционный характер и сдерживается лишь железным режимом. В столице полный хаос. Массовые аресты, смертные казни — обычное явление.

Жизненные припасы невероятно вздорожали. Неимущие классы буквально голодают, вспыхивающие время от времени голодные бунты подавляются силой оружия. Перед Ыылдыз-Киоском произошло несколько демонстраций женщин, требовавших хлеба»[250].

Очевидец, посетивший ряд районов страны, в феврале 1916 г. писал, что население волнуется на всем пространстве Османской империи, начиная от столицы и кончая самыми отдаленными окраинами. Недовольство младотурецким режимом проявляется с каждым днем все сильнее. Глухой ропот быстро переходит в открытое возмущение. Население чрезвычайно утомлено войной и не верит больше в ее благополучное окончание. На этой почве происходили уже не раз крупные беспорядки, подавлявшиеся вооруженной силой. Особенно большой размах приняли волнения, последовавшие за падением Эрзерума. В них участвовали десятки тысяч человек[251]. В одном сообщении от 14 января 1917 г. указывалось, что в турецком народе «есть очень сильное чувство против Комитета (руководящего органа партии «Единение и прогресс». — *Е. С.*) и против существующей системы эксплуатации страны и народа»[252].

По стране и в воинских частях распространялись прокламации, направленные против младотурок и немцев. В них раздавались призывы к населению и армии выступить против клики Энвера, Талаата и против немцев. В одной из таких прокламаций говорилось: «Энвер и Талаат превратили Турцию в вас-

---

249 АВПР, ф. «Политархив», д. 4656, л. 96.
250 ЦГИА ГрузССР, ф. 2с, оп. 1, д. 3599, л. 195.
251 АВПР, ф. «Политархив», д. 4656, л. 24.
252 ЦГВИА, ф. 2000, оп. 1, д. 3891, л. 314.

сальное государство Германии, которая с неуклонной методичностью выжимает из нее последние соки»[253].

В различных районах Анатолии ширились вооруженные выступления масс[254]. Основное ядро повстанцев составляли дезертировавшие солдаты, создававшие партизанские отряды, в которые вливались сотни крестьян. В 1915 г. вспыхнуло восстание в вилайете Айдын. В том же году имели место крупные выступления крестьян в северных и южных районах Анатолии. По мере затягивания войны росло дезертирство из рядов армии и вместе с тем ширилось партизанское движение, направленное против местных властей и помещиков, нещадно грабивших трудовое крестьянство.

Банкротство политики младотурецкой верхушки становилось ясным и многим представителям эксплуататорских классов Турции. В парламентских кругах, среди офицеров армии и даже в ближайшем окружении султана росло недовольство младотурецким триумвиратом и в первую очередь Энвером, которого считали главным виновником всех несчастий, обрушившихся на Османскую империю. В связи с этим в Стамбуле в годы войны не раз организовывались заговоры, имевшие целью осуществление верхушечного переворота, который привел бы к устранению правящей клики и открыл бы возможность выхода Турции из войны.

Один из этих заговоров, имевший место в 1916 г., возглавил принц Юсуф Изеддин. В нем участвовали турецкие и арабские офицеры и члены обеих палат турецкого парламента. Принц просил султана порвать с немцами и положить конец гибельной политике Энвера, Талаата и Джемаля. Но заговор был раскрыт германскими шпионами и разгромлен. Принц Юсуф Изеддин умер при таинственных обстоятельствах[255]. Оппозиция сверху, не имевшая никаких связей с народными массами и потому терпевшая неудачу при попытках перейти к активным действиям, не представляла для младотурецких вожаков большой опасности. При помощи широко разветвленной

---

[253] АВПР, ф. «Политархив», д. 4662, л. 100.

[254] Ahmed Bedevi Kuran, s. 375—376.

[255] АВПР, ф. «Политархив», д. 4656, л. 27.

сети шпионажа и посредством быстрых и свирепых мер триумвират без особого труда и в самом зародыше подавлял эти выступления.

Под влиянием Октябрьской социалистической революции в России усилилось разложение турецкой армии и партизанское движение в Турции приняли новый размах. Освободительные идеи Октября, сокрушительный отпор советского народа иностранным интервентам и белогвардейской контрреволюции вдохновляли трудящиеся массы Турции на борьбу со своими внутренними и внешними врагами. В конце 1917 и в 1918 г. с особой силой поднимается в стране движение крестьянских масс. Оно приняло такие размеры, что мешало проведению набора солдат в армию[256]. Выступления крестьян носили ярко выраженный классовый характер.

«Мусульманское крестьянство определенно вооружается против правительства Турции,— сетовала стамбульская газета «Сабах» 12 ноября 1917 г. Для нас совершенно непонятно, откуда исходят эти большевистские идеи, кто ведет эту вредную агитацию среди трудовых масс, почему пропаганда под флагом недоверия союзникам направлена против турецкого правительства».

Реакционная пантюркистская писательница Халиде Эдиб, ненавидевшая простой народ, делает любопытное признание. «В горах Смирны,— писала она,— банды (так называет она партизанские отряды.— *Е. С.*) были в постоянном конфликте с Оттоманским правительством... грабили богатых купцов, убивали правительственных чиновников и жандармов, но симпатизировали бедным крестьянам»[257].

На севере Анатолии действовали отряды повстанцев, руководимые Сары-эфе. По рассказу очевидца, Сары-эфе отбирал у богачей деньги, лошадей, рабочий скот, зерно и раздавал все это беднякам. Он пользовался большой популярностью среди крестьянских масс[258]. Широкую известность приобрел крупный

---

[256] Larcher M., p. 126.

[257] Halide Edib, Turkey faces West, London, 1930, p. 156.

[258] Reşat Ebnis, Kilicimi sürüyorum (Sari-efe şu dagiara yaşlanir), Istanbul, 1930, s. 70.

партизанский отряд во главе с дезертировавшим из армии Демирджи Мехмед-эфе. Этот отряд действовал в районах Айдына, Одемиша, Денизли, Измира, Кара-Мюрсела[259]. Операции отряда Демирджи настолько распространились в Западной Анатолии, что некоторые современники сравнивали действия этого отряда с крупным антифеодальным движением в период средневековья под руководством Джеляли[260].

Партизанские отряды контролировали почти весь Брусский район и активно действовали вдоль железной дороги Измир-Пандырма[261].

О большом размахе партизанского движения свидетельствует тот факт, что для борьбы с ним правительство вынуждено было послать крупные войсковые части. 1 октября 1918 г. «Правда» сообщала, что «в азиатских провинциях Турции происходят бунты, положение там ужасно. Две дивизии, предназначенные для Кавказа, отправлены в Малую Азию для подавления этих бунтов, но сомневаются, смогут ли они справиться с этим огромным восстанием».

Революционное брожение охватило городских трудящихся и интеллигенцию, которые, будучи лучше осведомлены о революционных событиях в России, выражали искреннюю симпатию к Советской власти и к ее политике.

Один турецкий дипломат отмечал: «После Октябрьского переворота в России турецкие студенты шли под лозунгами большевиков, требовали мира, хлеба и всеобщего разоружения».

В 1918 г. «в Стамбуле начали выходить революционные журналы «Военная беднота» и «Большевик», а в Айдыне—журнал «Чифтчи» («Крестьянин»). Они призывали турецкий народ к борьбе за новую жизнь, к союзу с большевиками[262].

Мустафа Субхи в своей речи на I конгрессе Коммунистического Интернационала отметил, что «после Октябрьской ре-

---

[259] Ibrahim Alaettin Govsa, Türk Meşhurları Ansiklopedisi, 1946, s. 100.

[260] Der Neue Orient, Berlin, N. 10, 1918, S. 488.

[261] Emin Ahmed, p. 262.

[262] Хейфец А. Н., Великий Октябрь и угнетенные народы Востока, М., 1959, стр. 60.

волюции, когда в константинопольском университете обсуждался вопрос, кому присудить Нобелевскую премию, турецкая молодежь, несмотря на давление турецких профессоров, присудила ее тов. Ленину... Уважаемый великий учитель товарищ Ленин своими идеями, стремлениями и действиями представляет собой целый революционный мир, и турецкая молодежь своим выбором доказала свою привязанность к этому миру»[263].

Младотурецкая клика, смертельно боявшаяся распространения в Турции идей Октябрьской революции, пыталась посредством жестоких репрессий не допустить проникновения в страну вестей о победоносной борьбе советского народа. Но никакие меры не могли помешать революционным идеям завоевывать симпатии широких масс трудящихся Турции. Вот что пишет по этому поводу Назым Хикмет: «Каждый городок, каждая маленькая деревенька Анатолии была наполнена слухами о русском Октябре»[264].

Идеи Октябрьской революции охватили бывших турецких военнопленных, находившихся в Советской России. Это ярко проявилось в июле 1918 г. на конференции левых турецких социалистов. На ней присутствовали делегаты, избранные турецкими рабочими, крестьянами и интеллигентами, одетыми в солдатские шинели.

Конференцию открыл Мустафа Субхи. В своей речи он отметил, что «прибыло 17 турецких делегатов-социалистов, приехавших из тех местностей России, где собраны турецкие военнопленные. Цель настоящей конференции,— продолжал Субхи,— состоит в том, чтобы путем организации социалистических групп и путем установления тесных сношений между турецкими социалистами привлечь турецкий пролетариат к участию в интернациональном движении...

На этой конференции присутствуют не только, как прежде, революционеры-интеллигенты, но и представители угнетенных классов — солдаты и рабочие. Вот почему можно сказать, что в Турции революционный дух проник в низшие слои общества»[265].

---

263 «Известия», 6.III 1919.

264 «Известия», 5.VII 1951.

265 Архив ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 17, оп. 1, д. 90, л. 6.

В обращении Центрального Комитета партии турецких социалистов-коммунистов Центральному Комитету партии (большевиков) от 17 августа 1918 г. говорится: «С успехом окончив свою работу, конференция... определенно стала на почву действительного претворения в жизнь заветов Маркса, порвав тем самым отношения с социалистами-соглашателями»[266].

На конференции было организовано Центральное бюро турецких коммунистических организаций (ЦБТКО) во главе с Мустафой Субхи. ЦБТКО издавал газету «Ени дюня» («Новый мир»), которая сыграла большую роль в распространении идей Октябрьской революции среди мусульманских народов. «Она,— говорилось об этом органе в журнале азербайджанских коммунистов,— рожденная... Великой русской революцией, идет за Красной Армией, распространяя по Востоку... спасительные идеи Советской России»[267]. ЦБТКО и газета «Ени дюня» сплачивали бывших турецких военнопленных. ЦБТКО отправляло в Турцию в большом количестве политическую литературу и вело разъяснительную работу среди моряков турецких судов. В одном из своих выступлений Мустафа Субхи рассказал, что «прибывшие из Турции в Одессу два товарища передают о большом успехе, который имеет там наша литература, и о все растущем большевизме. Среди населения и войск в районах Самсуна, Трапезунда и Эрзерума организовывались революционные коммунистические ячейки... Вести, переданные этими товарищами, подтверждаются последними телеграфными сообщениями о восстании против правительства 3-й армии в Анатолии»[268].

В брошюрах и листовках, которые распространялись турецкими социалистами-коммунистами, разоблачалась захватническая политика младотурецкой верхушки в отношении Закавказья, раздавались призывы к народным массам покончить с преступным режимом младотурок. «...Мы,—говорил Субхи,— решили пойти против течения, против группы людей, объединившихся вокруг турецкого империализма. Когда турецкие ге-

---

266 Там же, л. 21.

267 «Коммунист», Баку, Орган ЦК и БК АКП(б), 29.VII 1920, № 48.

268 «Жизнь национальностей», 5.X 1919, № 38 (46).

нералы намеревались послать турецкую армию занять берега Каспийского моря и Туркестан, турецкие революционеры смело подняли знамя и пошли против авантюристических стремлений турецких генералов[269].

Громадное значение как для турецкого народа, так и для всего угнетенного мусульманского народа Востока имело обращение Советского правительства 3 декабря 1917 г. «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока». В этом историческом документе правительство РСФСР заявляло: «...Не от России и ее революционного Правительства ждет Вас порабощение, а от хищников европейского империализма, от тех, которые ведут нынешнюю войну из-за дележа ваших стран... Не теряйте же времени и сбрасывайте с плеч вековых захватчиков ваших земель! Не отдавайте им больше на разграбление ваших родных пепелищ! Вы сами должны быть хозяевами вашей страны.

Вы сами должны устроить вашу жизнь по образцу своему и подобию... ваша судьба в ваших собственных руках»[270].

Как это обращение, так и декрет Советского правительства о заключении мира без аннексий и контрибуций открывали перед турецким правительством возможность выхода из войны и спасения страны от военной катастрофы, призрак которой уже в 1917 г. навис над Османской империей.

Но правители тогдашней Турции, одержимые стремлением к захватам, по-прежнему пренебрегали национальными интересами страны и всеми доступными средствами пытались затянуть преступную войну. Более того, младотурецкие главари рассчитывали использовать волю к миру и твердую решимость народов России добиться скорейшего окончания империалистической бойни, чтобы, опираясь на кайзеровскую Германию, навязать молодой Советской республике грабительский мир и аннексировать пограничные с Османской империей районы Закавказья.

---

269 «Первый конгресс Коммунистического Интернационала». Протоколы, М., 1933, стр. 244.

270 «Документы внешней политики СССР», т. I, М., 1957, № 18.

ГЛАВА VI

АГРЕССИЯ ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ В ЗАКАВКАЗЬЕ В 1918 г. И БОРЬБА ЗАКАВКАЗСКИХ НАРОДОВ С МЛАДОТУРЕЦКИМИ ЗАХВАТЧИКАМИ

Какова же была обстановка в Закавказье и на Кавказском фронте накануне интервенции турецких войск?

После победы Великой Октябрьской социалистической революции контрреволюционные партии грузинских меньшевиков, дашнаков и мусаватистов, с целью отрыва Закавказья от Советской России и подавления революционного движения в крае, организовали 28/15 ноября 1917 г. правительство, так называемый Закавказский комиссариат во главе с меньшевиком Е. Гегечкори. Это правительство было создано при активном участии консулов Англии, Франции и США в Тифлисе. Консул США Смит еще до сформирования в Закавказье контрреволюционных органов власти телеграфировал государственному секретарю Лансингу: «Я буду присутствовать 24 ноября на совещании по вопросу об организации Закавказского правительства, которое объединится с Южной федерацией[1] и отвергнет перемирие или сепаратный мир. Необходимо оказать им финансовую помощь... Этот вопрос для нас очень важен»[2].

---

[1] Юго-Восточная федерация, или Юго-Восточный Союз, был создан в ноябре 1917 г. контрреволюционным казачеством Дона, Кубани и Терека для борьбы с Советской властью. Деятельное участие в его организации принял упомянутый Смит, заключивший соглашение с уполномоченным казачьих войск Дона, Кубани, Астрахани и Урала, согласно которому гарантировалась поддержка образованию Казачьего государства под эгидой США.

[2] „Papers Relating to the foreign relations of the U. S. 1918, Russia", Washington, 1932, vol. 11, p. 592.

Об агрессивных планах Англии и США в Закавказье см.: Е. А. Токаржевский, Из истории иностранной интервенции и гражданской войны в Азербайджане, Баку, 1957; Д. Е. Енукидзе, Крах империалистической интервенции в Закавказье, Тбилиси, 1954; Г. Галоян, Борьба за Советскую власть в Армении, Москва, 1957; Е. К. Саркисян, Англо-американская интервенция в Закавказье в 1918—1920 гг. и борьба народов Закавказья за свое освобождение. «Известия» АН АрмССР, № 3, 1953, стр. 35—48 и др.

После установления власти Закавказского комиссариата сразу же начались преследования революционных организаций рабочего класса и разжигание межнациональной розни. В ноябре 1917 г. закавказская контрреволюция создала национальные советы, руководство которыми оказалось целиком в руках дворянско-буржуазной интеллигенции и реакционного офицерства. Руководитель закавказских большевиков Степан Шаумян по этому поводу писал: «Политика размежевания по национальностям внутри Закавказья, споры о национальных территориях, создание национальных полков и внесение тем самым раздора в братскую до того семью Кавказской армии—все это... создало атмосферу национального обособления, вражды *и подготовило почву для уже неизбежных национальных войн в Закавказье*»[3].

Выдающийся большевик Нариманов, выступая тогда в Баку, отметил, что после победы рабоче-крестьянской революции имущие классы Кавказа, почувствовав себя в опасности, решили отделиться от России. Они «самоопределились» и создали свое «горе-правительство» — Закавказский комиссариат. «Наши кавказские лжесоциалисты и социал-националисты,— говорил далее Нариманов,— как орудие в руках беков, помещиков и капиталистов, пошли за ними. И вся политика Закавказского комиссариата уже подготовила почву для национальной розни у нас, на Кавказе»[4].

В результате двухмесячного господства Комиссариата экономика Закавказья была доведена до полной разрухи. Прекратился подвоз хлеба из Северного Кавказа, была прервана железнодорожная связь между Баку и Тифлисом. Во всем Закавказье крестьянские массы, обманутые лживыми посулами Комиссариата предоставить им землю, восставали и сами по-своему разрешали земельный вопрос. Огромный размах приняли выступления мусульманских крестьян в Елизаветпольской губернии, где восставшие перебили помещиков и разделили между собой их земли.

---

[3] Шаумян С. Г., Избранные произведения, т. 2, М., 1958, стр. 197.
[4] «Известия Бакинского Совета», 26.I 1918, № 20.

Крупные крестьянские восстания развертывались также в Грузии и Армении. Повсюду крестьяне творили самосуд над князьями и помещиками. Репрессии властей Комиссариата не могли остановить борьбы крестьянских масс за землю.

Несмотря на обстановку преследований, большевики Закавказья вели упорную работу среди рабочих и крестьян. Они сплачивали трудящихся для отпора местной контрреволюции.

В конце 1917 и в начале 1918 гг. происходили крупные выступления народных масс против Комиссариата и «национальных советов». По инициативе большевиков созывались митинги и собрания рабочих, крестьян и солдат, на которых принимались резолюции, осуждавшие политику Закавказского комиссариата. Во многих местах их участники требовали перехода власти к Советам.

27 октября 1917 г. большевиками Александрополя было созвано общее собрание трудящихся и 39-й пехотной дивизии, на котором выступили большевистские деятели Б. Гарибджанян и П. Арвеладзе. Они говорили о величайшем значении Октябрьской революции и призывали массы к борьбе за Советскую власть. 10 ноября состоялся пятитысячный митинг трудящихся и солдат Александрополя, принявший резолюцию об осуждении закавказской контрреволюции и поддержке Советской власти в России. В январе 1918 г. массовые собрания рабочих и солдат в Кутаисе, Чиатурах и Сачхери приняли большевистские резолюции[5].

9 января 1918 г. собрание большевиков в Ахпате (Армения) приняло резолюцию, отметившую, что оно признает власть Совета Народных Комиссаров и всеми мерами будет способствовать проведению в жизнь лозунгов Октябрьской революции. В резолюции отмечалось, что блок соглашательских и контрреволюционных партий в лице Закавказского комиссариата не способен разрешить земельный и национальный вопросы в интересах крестьянской бедноты и рабочего класса[6].

Революционные массы закавказских рабочих и крестьян отворачивались от соглашательских партий и переходили на

---

5 «История гражданской войны в СССР», т. 3, М., 1958, стр. 88.

6 «Кавказский рабочий», 21.I.1918, № 15.

сторону большевиков. На II краевом съезде Советов рабочих и солдатских депутатов, открывшемся в Тифлисе 1 января 1918 г. (19 декабря 1917 г.) делегаты промышленных центров Закавказья и Северного Кавказа, выразив недоверие меньшевикам, эсерам и националистическим партиям, являвшимся опорой Закавказского комиссариата, покинули съезд и открыли свой чрезвычайный съезд Советов Восточного Закавказья и Северного Кавказа. Все делегаты этого съезда единодушно осудили политику Закавказского комиссариата и оборонческих советов Тифлисской и Кутаисской губерний. Съезд признал власть Совета Народных Комиссаров. «Крупнейшие пролетарские Советы на Кавказе,— писала «Правда», — Бакинский, Грозненский, Екатеринодарский, Новороссийский и т. д. — идут под знаменем большевизма и не признают Закавказского комиссариата»[7].

Оплотом революционного движения в Закавказье был Баку, где еще 31 октября (13 ноября) Бакинский Совет взял власть в свои руки. Бакинская большевистская организация вела неутомимую борьбу против меньшевиков, эсеров и дашнаков за упрочение Советской власти. После подавления в конце марта и в начале апреля контрреволюционного мусаватистского мятежа Советская власть в Баку значительно окрепла и распространилась на ряд районов Азербайджана (Ленкорань, Куба, Шемаха). 25 апреля 1918 г. был образован во главе с верным ленинцем Степаном Шаумяном Бакинский Совнарком, установивший тесные связи с Москвой. Его политику лично направлял Ленин, переписывавшийся со Степаном Шаумяном. Бакинский Совнарком развернул кипучую деятельность по проведению в жизнь социалистических мероприятий: национализации банков, нефтяных промыслов, торгового флота, конфискации ханско-бековских земель.

Советская власть в Баку мобилизовывала революционные силы Закавказья против Комиссариата и соглашательских советов. Она разоблачала их контрреволюционную сущность и указывала трудящимся Закавказья единственный путь спасе-

[7] «Правда», 5.II (23 I) 1918, № 17.

ния — установление Советской власти и единение с Советской Россией.

Между тем закавказская контрреволюция предпринимала все возможное, чтобы осуществить отрыв Закавказья от революционной России. Первым внешнеполитическим актом, преследовавшим эту цель, было подписание Закавказским комиссариатом и контрреволюционным командованием Кавказского фронта сепаратного перемирия с турками в Эрзинджане 5(18) декабря 1917 г.[8]. Тем самым Закавказский комиссариат не признавал перемирия, заключенного Советской Россией с центральными державами в Брест-Литовске 2(15) декабря, условия которого распространялись также и на Кавказско-Турецкий театр военных действий.

Верховное командование турецкой армии пошло на подписание перемирия в Эрзинджане исключительно ради осуществления своих захватнических планов в отношении Закавказья. Турецким агрессорам гораздо легче было добиться этой цели в условиях отрыва Закавказья от Советской России. Закавказский комиссариат, выступая от имени самостоятельного государства, играл этим на руку турецким захватчикам, которые ухватились за этот прецедент в своих последующих переговорах с представителями закавказских контрреволюционных властей. Так, Энвер-паша в своем обращении к Закавказскому комиссариату с предложением открыть переговоры о заключении мирного договора сослался на высказывание председателя комиссии от Кавказского командования генерала Вышинского, сделанное при заключении Эрзинджанскго перемирия, что Кавказская армия вступает в переговоры от имени «независимого Кавказского правительства».

Согласно Эрзинджанскому перемирию прекращались военные действия на всех участках Кавказского фронта и устанавливалась демаркационная линия, проходившая через передовые линии Кавказской армии и турецких войск. Эта демаркационная линия признавалась действительной до заключения окончательного мира. При этом оговаривалось, что нарушение

---

[8] Полный текст договора о перемирии см. «Документы внешней политики СССР», т. I, М., 1957, док. № 30

одной из сторон демаркационной линии может последовать лишь при условии предупреждения за 14 суток до начала боевых действий[9].

По Эрзинджанскому перемирию Армения продолжала оставаться в зоне оккупации Кавказской армии. Отношение Советского правительства к Западной («Турецкой») Армении, из которой оно собиралось после заключения окончательного мира вывести войска, показывает его декрет о «Турецкой Армении», принятый 11 января 1918 г. (29 декабря 1917 г.). Декрет извещал, что Советское правительство «поддерживает право армян оккупированной Россией «Турецкой Армении» на свободное самоопределение вплоть до полной независимости». В целях осуществления этого Совет Народных Комиссаров считал необходимым вывод войск из пределов «Турецкой Армении» и немедленное образование армянской народной милиции для обеспечения личной и имущественной безопасности местных жителей. Кроме того, Совет Народных Комиссаров требовал беспрепятственного возвращения в «Турецкую Армению» беженцев-армян, а также эмигрантов-армян, рассеянных по различным странам, и тех армян, которые во время войны были насильственно высланы турецкими властями в глубь Турции. Наконец, этот декрет предусматривал образование Временного Народного Правления «Турецкой Армении» в виде Совета Депутатов армянского народа, избранного на демократических началах.

Совет Народных Комиссаров поручил Чрезвычайному временному комиссару по делам Кавказа Степану Шаумяну оказать всяческое содействие возвращению в пределы «Турецкой Армении» беженцев-армян и армян, насильственно высланных в период войны турецкими властями.

По этому декрету эвакуация русских войск из «Турецкой Армении» должна была быть произведена лишь по указанию смешанной комиссии, сформированной Степаном Шаумяном[10].

Декретом о «Турецкой Армении» Советское правительство стремилось предупредить ее захват турецкими агрессорами. Но

[9] «Документы и материалы по внешней политике Закавказья и Грузии», Тифлис, 1919, стр. 19.

[10] «Документы внешней политики СССР», т. I, М., 1957, № 43.

осуществлению этого декрета помешала предательская сепаратистская политика Закавказского комиссариата и подчинившегося ему контрреволюционного командования Кавказской армии.

Закавказский комиссариат, объявив демобилизацию и оставляя под ружьем только вновь формируемые национальные части, фактически приступил тогда к ликвидации Турецко-Кавказского фронта. Этим самым закавказская контрреволюция стремилась поскорее освободиться от революционно настроенной армии, полностью игнорируя при этом необходимость держать фронт до заключения окончательного мира.

«Русская армия, все больше и больше усиливавшая лозунги рабоче-крестьянской революции,— говорилось тогда в докладе ЦК Коммунистической партии Армении,— представляла смертельную угрозу для господствующей коалиции Закавказья»[11–12]. С первых же дней после Октябрьской революции солдатские массы Кавказской армии признали Советскую власть и выступали против отделения Закавказья от революционной России.

Так, 23 ноября 1917 г. солдаты Александропольского гарнизона совместно с солдатами 39-й пехотной дивизии в числе 5 тыс. человек, собравшись на митинг, единогласно приняли резолюцию, гласившую: «Единственная власть, гарантирующая нам прочный мир, всю землю и полную свободу,— это власть Советов, в лице нового рабоче-крестьянского правительства. Всякое посягательство, с чьей бы то ни было стороны, саботировать или сорвать эту власть — встретит с нашей стороны решительный отпор». Участники митинга в своих выступлениях заклеймили Закавказский комиссариат как самочинный орган, стремящийся разъединить революционный фронт и отделить его от революционной пролетарско-крестьянской власти. В резолюции подчеркивалось, что на Кавказе не может быть организовано иной власти, кроме Советской[13].

[11–12] ЦГАОР, ф. 1318 (Наркомнац), д. 32, л. 25. Из доклада ЦК Комгартии Армении о политическом положении Закавказья и Армении, январь, 1918 г.

[13] «Кавказский рабочий», 30.XI. 1917, № 212.

Общее собрание 156-й роты Елизаветпольского полка, состоявшееся в Сарыкамыше 25 ноября, в своей резолюции признавало рабоче-крестьянское правительство законным, справедливым и отвечающим интересам трудящегося народа. Собрание требовало немедленного перезбрания контрреволюционного Кавказского краевого совета, в котором заседали агенты буржуазии. Солдаты единогласно заявили: «Не признаем отдельного временного Закавказского правительства, назвавшегося Закавказским комиссариатом»[14].

Солдаты Сарыкамышского гарнизона на собрании 1 декабря 1917 г. постановили всецело поддерживать Советскую власть в России, стоящую на страже интересов угнетенных рабочих и крестьян, призывали к свержению закавказских контрреволюционных властей и к установлению в крае Советской власти[15].

Командующий Кавказской армией генерал Одишелидзе сообщал главнокомандующему фронтом Пржевальскому, что солдаты 4-го и 6-го Кавказских корпусов, а также Трапезундского укрепленного района настроены большевистски. Быстро росли революционные настроения в частях 4-го Туркестанского корпуса[16]. В своем донесении начальник Эрзерумского участка фронта генерал Энгель отмечал тогда, что «в войсках преобладают большевики»[17].

Солдаты Кавказской армии, руководимые большевиками, все более решительно выступали против контрреволюционного Закавказского комиссариата. Эти настроения проявились на II краевом съезде Кавказской армии, созванном в Тифлисе в декабре 1917 г. Большевики были представлены на нем самой крупной фракцией, насчитывавшей 160 депутатов. Меньшевистские, дашнакские и право-эсеровские делегаты во главе с Гечкори пустили в ход все средства, чтобы осилить большевиков. «Но все эти недостойные меры,— писал С. Шаумян,— к которым всегда прибегают умирающие партии, не спасли от про-

---

[14] Там же.

[15] Там же, 21.XII 1917, № 226.

[16] История гражданской войны, т. 3, стр. 89.

[17] Материалы секретариата главной редакции «Истории гражданской войны», ф. 2, д. 11, л. 37.

вала оборонческо-соглашательский блок. Съезд прошел все-таки под знаком победы большевиков... Были приняты резолюции большевиков о фронте, по турецко-армянскому вопросу...»[18]. Съезд высказался за признание Советской власти в России и за осуществление всех декретов Совета Народных Комиссаров. На съезде был избран новый краевой совет, в котором большинство принадлежало большевикам и левым эсерам, возглавляемым большевиком Г. Коргановым.

Рост влияния большевиков среди солдатских масс Кавказского фронта, который продемонстрировал этот съезд, сильно напугал Закавказский комиссариат и командование армии. Единственный выход для спасения своей власти от угрозы со стороны революционных солдат Кавказской армии закавказская контрреволюция видела в ее скорейшей демобилизации. Главнокомандующий войсками Кавказской армии генерал Пржевальский под предлогом «создавшегося крайнего затруднения в вопросах продовольствия фронта» еще 1 декабря 1917 г. приказал демобилизовать пять возрастов[19]. Эта частичная демобилизация сильно дезорганизовала Кавказскую армию. Солдаты других возрастов также рвались домой.

Закавказский комиссариат и национальные советы, руководимые буржуазными и соглашательскими партиями, в эту критическую пору бросили в солдатскую массу, истомленную более чем трехлетней войной, призыв оставить все и отправиться домой для формирования национальных частей. На эту уловку попались многие солдаты, жаждавшие вернуться к мирному труду. Начался массовый уход солдат с фронта. Фронт быстро разлагался. В войсках возник разлад, доходивший до открытых вспышек вражды. Производился самовольный раздел военного имущества. Все это сопровождалось вынужденным обособлением русских солдат. Последствия предательского курса Закавказского комиссариата на «национализацию» армии оказались самыми пагубными.

С. Г. Шаумян, оценивая действия командования Кавказской армии и Закавказского комиссариата, писал: «Приказ ге-

---

[18] Шаумян С. Г., Избранные произведения, т. 2, стр. 138—139.
[19] ЦГАОР ГрузССР, ф. 41, д. 45, л. 79.

нерала Пржевальского, написанный под диктовку Кавказского комиссариата, под диктовку националистов-сепаратистов, не только оголяет фронт перед внешним врагом, но и создает невероятную анархию внутри страны.

Роспуск единого российского войска и создание национальных корпусов наносит удар не только российской революции, но и ставит на карту существование кавказских народов»[20].

Революционный Краевой Совет Кавказской армии выступил против разложения армии и оголения фронта. В своем воззвании от 28 декабря 1917 г. ко всем советам и комитетам солдат и всем солдатам Кавказской армии он писал: «Произвольными расформированиями, демобилизацией и системой национализации полков они (т. е. меньшевики, правые эсеры, дашнаки, мусаватисты. — *Е. С.*) внесли полную дезорганизацию в ряды армии»[21].

С фронта стали отзывать украинцев, поляков, армян, грузин для образования национальных полков. Всем русским солдатам было предложено отправиться домой. На фронте начался общий беспорядочный отход. Те солдаты, которые не хотели подчиниться приказу контрреволюционного командования и Закавказского комиссариата, насильственно разоружались. Таким путем была разоружена авиационная школа в Тифлисе и захвачен дашнаками александропольский артиллерийский склад. Были сделаны неудачные попытки разоружения карсской артиллерии, батарей в Караклисе. Степан Шаумян в статье «Национализм на Кавказе и оголение фронта» гневно клеймил грузинских меньшевиков, армянских дашнаков и азербайджанских мусаватистов за их политику отделения Закавказья от Советской России, расчленение закавказских народов на отдельные национальности и за организацию национальных частей.

«Самым печальным последствием кавказского национализма,— констатировал Шаумян в декабре 1917 г.,— является дезорганизация фронта. Пока мир еще не заключен, естественно, что войска должны охранять фронт, но при созданной кавказ-

---

[20] «Бакинский рабочий», 24.XII 1917, № 110.

[21] Там же, 5.I 1918, № 3.

скими националистами атмосфере, есть ли силы, которые могли бы удержать русские войска на своих позициях?»[22]. С. Г. Шаумян предвидел трагические последствия для армянского населения «Турецкой Армении» ухода из нее Кавказской армии и призывал солдат остаться на позициях и удерживать фронт до заключения окончательного мира. «...Наша армия,— писал Шаумян,— не должна поддаваться провокации националистов. Наши сознательные товарищи солдаты должны объяснять войскам, что народные массы, что крестьянская беднота, которую они видят вокруг себя, неповинна в предательстве вождей из Закавказского комиссариата. Крестьяне—армяне, курды, мусульмане, которые живут в этой стране, и те, которые будут встречаться по пути следования отходящих частей, заслуживают такого же братского отношения с нашей стороны, как и русские крестьяне, ваши отцы, ваши жены и сестры. Мы будем разоблачать националистическую и контрреволюционную политику кавказских оборонцев, мы будем клеймить их тем презрением, которого они заслуживают, но не нужно допускать, чтобы за них страдали народные массы там, в завоеванных областях, и здесь, в Закавказье»[23].

Большевики Закавказья прилагали чрезвычайные усилия, чтобы убедить солдат Кавказской армии не покидать фронт. В одном из большевистских воззваний подчеркивалась настоятельная необходимость до окончательного упрочения Советской власти не распылять армию. Формирование национальных частей расценивалось в нем как предательство, ибо в руках контрреволюции они явятся орудием разжигания национальной вражды. В воззвании выдвигалось требование установления тесной связи Кавказской армии с Советским правительством в Петрограде[24].

Военно-революционный комитет Кавказской армии, возглавляемый Кургановым, разъяснял войскам необходимость неподчинения предательскому приказу об оставлении фронта. В целях развертывания на фронте политической работы были образованы Военно-революционные комитеты Восточно-Пер-

[22] Шаумян С. Г., Избранные произведения, т. 2, стр. 128.

[23] Там же, стр. 132.

[24] «Кавказский рабочий», 30.XI 1917, № 212

сидского района в г. Энзели, Урмийского — в Джульфе, Ванского — на станции Шахгахты, Эрзерум-Эрзинджанского района—в Сарыкамыше, Трапезундского—в Трапезунде. «Все войсковые части и высшие войсковые соединения, а также гарнизоны,— говорилось в приказе Военно-революционного комитета Кавказской армии от 29 декабря 1917 г.,— учреждают военно-революционные комитеты соответствующих наименований. Военно-революционным комитетам принадлежит вся политика власти в частях и войсковых соединениях соответственно.

Высшим военно-революционным органом Кавказской армии является революционный Краевой Совет и его исполнительный орган—Военно-революционный комитет Кавказской армии»[25].

Но несмотря на все предпринятые большевиками энергичные меры, они не сумели остановить распад фронта, и вся ответственность за это ложилась на Закавказский комиссариат и контрреволюционное командование.

Немного позднее Рамишвили, один из лидеров грузинских меньшевиков, в своем публичном выступлении 1 марта 1918 г. нагло утверждал, будто в оголении фронта виновны большевики[26].

В докладе на заседании ВЦИК 23 февраля 1918 г. Ленин, характеризуя тяжелое состояние армии, отметил: «Все те клеветы, которые бросали на нас буржуазная печать и партии, им помогавшие или враждебные Советской власти, будто бы большевики разлагали войска,— являются вздором»[27]. В качестве доказательства этого утверждения Ленин процитировал большевистскую прокламацию, разосланную войскам. В ней говорилось: «Никаких бунтов, мы к этому не зовем, мы зовем вас к организованным политическим действиям, стремитесь держаться как можно организованнее»[28]. «Все, что можно было сделать,— говорил далее Ленин,— для того, чтобы удержать

---

[25] Архив Азербайджанского филиала ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 276, оп. 3, д. 61, л. 18.

[26] «Документы и материалы по внешней политике Закавказья и Грузии», № 45.

[27] Ленин В. И., Соч., т. 27, стр. 24.

[28] Там же, стр. 24—25.

эту неслыханно, неизмеримо уставшую армию, все, что возможно было сделать для того, чтобы сделать ее сильнее, было сделано»[29].

Степан Шаумян, неустанно разоблачавший контрреволюционные партии и Закавказский комиссариат, писал: «Вы заняли позицию, которая погубит вас; она приведет неизбежно к открытию фронта. Армия, говорили мы, недовольная вашей националистической политикой, стихийно, неорганизованно хлынет с фронта и сметет и затопит вас. Теперь все это оправдалось»[30].

Когда массовый уход войск стал фактом, контрреволюционные партии и Закавказский комиссариат стали распространять ложь, будто большевики своей агитацией натравливают русских солдат на местных жителей, а оставление солдатами фронта — результат разлагающей деятельности большевиков. «Не наша «агитация»,— отвечал клеветникам Шаумян,— не наши с л о в а о вашем национализме, а ваши националистические д е л а провоцируют армию и двигают ее с фронта»[31]. Характеризуя политику Закавказского комиссариата, он подчеркивал: «Эта политика и это предательское отношение способствовали быстрому оголению фронта, расхищению миллиардного богатства Российской республики, находящегося на фронте, и создали еще более тяжелое положение на Кавказе».

«Полмиллиона русских крестьян, одетых в солдатские шинели, вооруженных, преданных революции, которые могли оказать неоценимые услуги кавказскому крестьянству и пролетариату в их борьбе с контрреволюционными элементами, были объявлены ненужными «пришельцами», которых старались поскорее выжить с Кавказа»[32].

Даже некоторые армянские буржуазные газеты, указывая на катастрофические последствия оголения фронта для Закавказья, вынуждены были признать, что вина за создавшееся положение ложится на Закавказский комиссариат. Так, газета «Мшак», старый орган армянских либералов, писала 17 дека-

[29] Там же, стр. 25.

[30] Ш а у м я н С. Г., Избранные произведения, т. 2, стр. 128.

[31] Там же, стр. 129.

[32] Там же, стр. 199.

бря 1917 г. в передовой статье «Действовать, а не отчаиваться»: «К несчастью, в Закавказье нет авторитетной, деятельной, энергичной, сознающей свою ответственность перед страной власти, а есть только тень ее. Власть эта, ведущая одностороннюю политику, не способна была понять нужды момента, заняться вопросами социального переустройства в стране. Не малая ответственность лежит и на Закавказском комиссариате за оголение фронта».

Преступные действия Закавказского комиссариата и командования Кавказской армии привели к тому, что разложение и деморализация воинских частей продолжались усиленными темпами. «Только Советская власть,— отмечал орган азербайджанских большевиков,— может прекратить то оголение Кавказского фронта, которое приняло широкие размеры в связи с недоверием Кавказской армии к Кавказскому комиссариату»[33].

Закавказский комиссариат вместо войск, покидавших фронт, обещал выставить национальные части. Но их формирование шло крайне медленно, что объяснялось контрреволюционной политикой закавказских властей, вызывавшей среди солдатских и народных масс края острое недовольство.

Вот что отмечалось по этому поводу в письме члена Исполнительного Комитета Совета солдатских депутатов в Народный Комиссариат по национальным делам: «Начали формировать национальные части войск. Охотников итти в армию было мало, и тогда началась принудительная мобилизация. Лиц, не явившихся к сроку, арестовывали и отправляли в соответствующие национальные части»[34].

Об отказе солдат вступать в национальные части неоднократно сообщали командиры войск. Так, командующий 4-м корпусом 25 декабря 1917 г. телеграфировал в штаб Кавказского фронта: «Армяне под влиянием большевиков отказываются итти в армянские подразделения. Командный состав не в силах бороться и влиянием не пользуется. Заметно явно пренебрежительное отношение к офицерам»[35]. В этом же позднее признавался один из организаторов армянских частей видный деятель

[33] «Бакинский рабочий», 30.XII 1917, № 116.

[34] ЦГАОР, ф. 1318, д. 40, л. 50.

[35] Архив Армянского филиала ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 33, д. 670, л. 1.

дашнакской партии А. Хатисов. В своих мемуарах он отмечал, что организация армянских национальных частей наталкивалась на большие затруднения, главным образом из-за того, что армяне шли в армию крайне неохотно[36].

Солдаты Хамаданского гарнизона на митинге 8 декабря 1917 г. единогласно решили не идти в формирующиеся национальные части. «Мы, грузины, армяне, осетины и имеретины, солдаты Хамаданского гарнизона,— гласит принятая митингом резолюция,— собравшись на митинг... в количестве 300 чел., обсудив телеграмму генерала Пржевальского о формировании национальных полков, единогласно постановили протестовать против формирования национальных полков и разделения национальностей. Мы хотим быть вместе с русскими, как жили раньше, поэтому мы не подчиняемся приказу генерала Пржевальского и не признаем буржуазный Закавказский комиссариат, который отделяет нас от свободной России. Мы признаем только власть Совета Народных Комиссаров и Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов...

Просим всех товарищей грузин, армян, имеретин и осетин присоединиться к нашему призыву»[37].

Закавказский комиссариат, разлагая армию и оголяя фронт, одновременно пытался разоружить отходящих солдат, чтобы таким путем вооружить формируемые национальные части. Военно-революционный комитет Кавказской армии призывал части, направлявшиеся преимущественно в Кубанскую и Терскую области для борьбы с контрреволюцией на Северном Кавказе, не сдавать оружия и боеприпасов. Русские войска, возвращаясь с фронта, брали с собой боевое оружие, в котором остро нуждалась Советская Россия, ведущая тяжелую борьбу с внутренней белогвардейщиной и внешней интервенцией. Командующий Кавказской армии генерал Одишелидзе телеграфировал Пржевальскому, что в армии появился «новый вид психоза» — повальное требование оружия всеми нестроевыми частями и командами. Это мотивируется тем, что «За-

---

[36] «Заря Востока», 30.I.1925, № 796.

[37] «Кавказский рабочий», 21.I 1918, № 15.

кавказское правительство отделилось от России, оружие же русское, а потому его нужно вывести в Россию»[38].

Чтобы лишить большевистски настроенных солдат возможности вернуться в Советскую Россию с оружием в руках, закавказская контрреволюция стала на пути следования эшелонов с русскими солдатами организовывать на них бандитские нападения. Одно такое нападение было совершено на станции Шамхор, вблизи Елизаветполя (Кировабад), 9—12 января 1918 г. По секретному указанию руководителя грузинских меньшевиков Ноя Жордания и Закавказского комиссариата здесь была сосредоточена мусульманская «дикая дивизия» во главе с князем Магаловым. Ее поддерживал бронепоезд, присланный меньшевиками из Тифлиса. 9 января эскадроны «дикой дивизии», насчитывавшей 10 тыс. сабель, внезапно напали на эшелоны с русскими войсками. В результате сотни солдат были убиты, тысячи ранены. У всех солдат было отобрано оружие. Таковы были, по образному выражению Шаумяна, «кровавые проводы»[39], устроенные русским солдатам мусульманскими феодалами — союзниками Закавказского комиссариата.

Предательский курс, проводимый контрреволюционными партиями грузинских меньшевиков, мусаватистов и дашнаков, лил воду на мельницу младотурецких шовинистов и ставил Закавказье под угрозу турецкой интервенции.

* * *

Правители Османской империи решили воспользоваться обстановкой, создавшейся на Кавказском фронте и в Закавказье, чтобы возобновить поход, неудавшийся туркам зимой 1914—1915 гг.

Один из участников турецкой интервенции в Закавказье в 1918 г. полковник Беркук отмечал, что целью этого похода было овладение Кавказом, Ираном и Средней Азией. Кроме того, по свидетельству Беркука, успешным вторжением в Закавказье младотурецкие заправилы надеялись избежать взрыва народного возмущения внутри страны, поднять свой подорванный

---

38 ЦГАОР ГрузССР, ф. 9, д. 9, стр. 283.

39 Шаумян С. Г., Избранные произведения, т. 2, стр. 199.

престиж, воодушевить армию и народ. Он пишет: «Во время мировой войны мы... потеряли много обширных и ценных территорий. Как в результате этих потерь, так и под влиянием усталости и апатии всех охватила нерадивость и безнадежность. Такое положение было настолько опасным и пагубным, что могло привести наши силы к разложению и катастрофе. Кавказский поход частично облегчал это положение, армия снова воодушевилась. У всех стали появляться надежды на возможность осуществления национальных чаяний»[40].

Слепая ненависть к большевикам и страх перед успехами социалистической революции в России также толкали младотурецкую верхушку на преступную авантюру в Закавказье[41].

В правительственных кругах Стамбула заявляли, что в то время как США, Англия и Япония ставят своей целью овладеть советским Дальним Востоком и Сибирью, турки в первую очередь интересуются мусульманским населением России[42]. Вдохновитель турецкой агрессии в Закавказье Энвер-паша бахвалялся, что «Турция будет в Азии играть ту же роль, какую в Европе играет Германия»[43].

Турецкие агрессоры, нарушив условия Брестского и Эрзинджанскгоо перемирия, в середине февраля 1918 г. перешли в наступлнние на всем Кавказском фронте. Для оправдания этого вероломного акта турецкое верховное командование сослалось на мнимые «армянские насилия» над мусульманским населением.

Командующий турецкими войсками Вехиб-паша в радиограмме, посланной командующему Кавказской армии генералу Одишелидзе 9 февраля 1918 г., заявил, что «армянские насилия» заставили турецкие войска перейти демаркационную линию с целью спасения и защиты местных оттоманских мусульман и восстановления порядка и спокойствия... Эти действия не

---

[40] Miralay Berkuk, s. 35.

[41] См. Там же, стр. 26.

[42] Lepsius J. Der Todestag des armenischen Volkes. Potsdam, 1919, S. 312.

[43] «Себиль-ул-решад» («Путь истинного направления»), № 363, стр. 247.

имеют ничего общего с враждебными действиями против русских войск»[44].

С лицемерием, присущим младотурецким заправилам, Вехиб-паша телеграфировал командованию русской армии: «Дружественно и сердечно уверяю вас, что Эрзинджанский временный договор сохраняет свою силу, кроме параграфа о демаркационных линиях, который с отходом русских войск сам собою теряет свое значение. Эта операция предпринимается лишь в силу необходимости и долга гуманности и цивилизации»[45].

Главнокомандующий войсками Кавказского фронта генерал Лебединский[46] немедленно опроверг измышления Вехиб-паши об «армянских насилиях» и заявил ему, что с переформированием Кавказской армии по национальному признаку все части, к какой бы национальности они ни принадлежали, нужно считать полноправными войсковыми частями Российской республики[47]. Тем самым Лебединский дал понять турецкому командованию, что несмотря на отход русских войск, оно должно рассматривать оставшиеся на фронте армянские и грузинские части как русские войска. Поэтому наступление турок он расценивал как явное нарушение Эрзинджанского перемирия. Но предупреждение Лебединского не приостановило наступления турецких войск, 12 февраля перешедших за демаркационную линию.

Силы турок накануне наступления состояли из остатков разбитых русскими войсками в 1914—1917 гг. 3 и 2-й армий. 3-я армия стояла западнее Эрзинджана, между Тиреболу и Кемахом. Несмотря на то, что положение турецких войск на других фронтах было в это время буквально катастрофическим, турецкое командование, ради осуществления своих захватнических планов в отношении Закавказья, продолжало усиливать

---

[44] ЦГИА АрмССР, ф. 200, д. 19, л. 5—6.

[45] «Документы и материалы по внешней политике Закавказья и Грузии», № 32.

[46] Лебединский 5 января 1918 г. сменил на этом посту генерала Пржевальского.

[47] «Документы и материалы по внешней политике Закавказья и Грузии», № 33.

3-ю армию. К ней были присоединены остатки 2-й армии — 5-я и 21-я дивизии, сведенные в 4-й Кавказский корпус, стоявший северо-восточнее Диарбекира. Следует отметить, что ввиду затишья на этом фронте, продолжавшегося почти целый год, турецкие войска сумели несколько оправиться от нанесенных им ранее поражений.

В целом турецкое командование выставило пять дивизий, не считая вооруженных отрядов курдов, действовавших в тылу армянских частей. Под командованием Вехиб-паши находилось 45—50 тыс. человек с 160 орудиями. Им противостояли армянские и грузинские национальные части, заменившие ушедшие русские войска.

Еще в мае 1917 г. лидеры армянской буржуазии приступили к организации национальных частей. С этой целью в Петроград были посланы специальные представители, чтобы добиться от правительства Керенского отзыва армянских солдат с других фронтов для отправки их на Кавказский фронт. В течение шести месяцев удалось собрать на Кавказе 35 тыс. солдат, к которым присоединились добровольцы. Из них был сформирован армянский корпус под командованием генерала русской армии, бывшего командира Кавказской дивизии Томаса Назарбекяна (Назарбеков). Комиссаром корпуса был назначен один из главарей дашнакской партии Дро Канаян. Армянский корпус состоял из трех дивизий. 1-й дивизией командовал генерал Арешян. Дивизия эта состояла из четырех полков и одной артиллерийской бригады, состоявшей из шести батарей. 2-й дивизией командовал полковник Силикян (Силиков). Эта дивизия была сильнее первой, так как ей была придана кавалерийская бригада из двух полков по 400 человек в каждом. 3-й дивизией, сформированной из турецких армян, командовал генерал Андраник. В нее входили Эрзинджанский, Хнысский, Ванский и Зейтунский полки. Кроме того, в Лори, Шуше, Ахалкалаки и Казахе имелись местные части из двух батальонов в каждой, а в Нухе, Ахалцихе и Игдыре стояло по одному батальону.

Вместе с армянским корпусом против турецких войск сражались 300 русских офицеров, организовавших отдельный батальон.

Грузинские национальные части, организованные в декабре 1917 г., насчитывали около 10 тыс. человек и находились в районах Кутаиса, Ахалциха и Батума. Грузинскими войсками командовал генерал Габаев.

Контингент как армянских, так и грузинских частей был очень слабо подготовлен. Эти войска призваны были отражать наступление большой турецкой армии на фронте протяжением около 700 километров, начиная от Черноморского побережья в районе Трапезунда, через Западную Армению до стыка турецко-персидской границы.

Мусаватская «дикая дивизия», еще ранее сформированная русским командованием, была переброшена в Азербайджан и вместо того, чтобы помочь армянским и грузинским войскам отразить наступление турецких войск, она совместно с другими азербайджанскими национальными частями готовилась к поддержке агрессоров.

Успеху турецкого наступления способствовало полное отсутствие взаимодействия между армянскими и грузинскими войсками. Каждая национальная армия оказывала туркам сопротивление только на своей территории. Благодаря этому турки быстро продвигались к Эрзинджану. Еще до падения Эрзинджана генерал Одишелидзе приказал войскам в случае наступления превосходящих сил турок отходить, не ввязываясь с ними в бой.

Наступавшим туркам противостоял в основном состоявший из армян эрзинджанский отряд полковника Морели. По своей численности он значительно уступал 1-му Кавказскому корпусу (5 и 36-я дивизии) турок, продвигавшемуся в Эрзинджанском направлении под командованием Кязым Карабекир-паши. Отряд Морели в сильный мороз с боями отступал к Эрзинджану, потеряв при этом около половины личного состава. На отходящие армянские части нападали с тыла отряды курдов, нанося им большие потери. Турецкому командованию удалось тогда подкупить отсталую часть дерсимских курдов и натравить их на армян. Из курдов, соблазненных денежным вознаграждением, была сформирована милиция, которая помогла турецким войскам захватить Эрзинджан и Эрзерум[48].

[48] Nuri Dersimi, s. 117.

Турецкие войска вошли в Эрзинджан 13 февраля 1918 г. Армянские войска отступали к Эрзеруму. Вследствие разрушения мостов действовавшими в их тылу курдскими отрядами армяне были вынуждены бросить весь обоз, горные орудия и пулеметы. Впереди отступавших войск шли армянские беженцы. Многие из них погибали в пути от сильных морозов.

Быстрое продвижение турецких войск было облегчено предательством генерала Одишелидзе. Последний через турецкого разведчика отправил Вехиб-паше секретное письмо, в котором дал понять, что русские войска быстро покинут фронт[49], чему он всячески содействовал. Одишелидзе расформировал тогда готовую к выступлению против турок горную батарею поручика Жамкочяна, а другой горной батарее приказал отойти в район Сарыкамыша для «дальнейшего формирования». Он приказал армянским частям при отступлении из Эрзинджана и Эрзерума «не уничтожать припасов и складов и не взрывать их, а оставить все в целости и передать их туркам через выразившего свое согласие остаться в Эрзеруме комиссара области Глатова, который... сохранит все в целости и по заключении мира вернет России»[50]. В результате этого предательского распоряжения в руки турецкого командования попали огромные ценности.

После захвата Эрзинджана части 1-го Кавказского корпуса турок, преследуя отступающие армянские войска, 26 февраля заняли Мамахатун, расположенный на полпути между Эрзинджаном и Эрзерумом. Одновременно перешел в наступление 2-й Кавказский корпус под командованием Шевкет-паши. Он продвигался в направлении Гюмуш-хане—Байбурт—Трапезунд, где действовали грузинские национальные части. 17 февраля турки заняли Трапезунд. В то же время по линии Ван—Баязет развертывал наступление 4-й Кавказский корпус под командованием Али Иззет-паши[51].

---

[49] ЦГИА АрмССР, ф. 200, д. 99, л. 42—44.

[50] Там же

[51] Наступление турецких войск и их боевые действия описывает Кязым Карабекир-паша в своем рапорте, представленном 25 сентября 1919 г. в Эрзеруме американской военной миссии генерала Харборда. См. „Birinci Kafkas kolordusunun 334 senesindeki harekâtı ve meşhudatı hakkında general Harbord riyasetindeki Amerika Heyetine takdim edilen rapor sureti", Erzurum, 1335 (1919), s. 1—2.

Продвижение турецких войск в глубь Западной Армении не мешало турецким дипломатам, прикидывавшимся сторонниками заключения мира, водить за нос Закавказский комиссариат, чтобы во время мирных переговоров диктовать свои условия. Известно, что 14 января 1918 г. в письме командующему Кавказской армии Одишелидзе Вехиб-паша сообщал, что Энвер-паша хотел бы узнать, «каким путем будет возможно восстановить отношения с независимым Кавказским правительством, какие предположения имеет Кавказское независимое правительство в целях восстановления мирных отношений между обеими странами»[52]. Турецкое командование предпочитало иметь дело со слабыми закавказскими властями, раздираемыми внутренними противоречиями, а не с быстро крепнущим Советским государством.

Предложение Энвер-паши обсуждалось на заседаниях Закавказского комиссариата. Последний, чувствуя свое бессилие перед угрозой турецкого нашествия, пытался показать, что он тесно связан с теми районами бывшей Российской империи (Украина, Северный Кавказ и др.), которые в результате временной победы местной реакции также оторвались от Советской России. 28 января Закавказский комиссариат ответил Вехиб-паше, что готов начать мирные переговоры о заключении окончательного мира между обеими сторонами. Однако он считает необходимым согласовать свои действия с мнениями других правительств территориальных единиц Российской Республики, одинаково с Закавказским правительством заинтересованных в установлении мира[53].

Тогда же председатель Закавказского комиссариата Гегечкори послал телеграммы председателю Украинской Центральной рады и председателю Юго-Восточного Союза, в которых извещал о предложении Энвер-паши. Гегечкори просил их срочно направить в Тифлис своих представителей на совместную конференцию, назначенную на 14 февраля для рассмотрения предложения турецкого командования о начале переговоров о

---

52 «Документы и материалы по внешней политике Закавказья и Грузии», № 15.

53 Там же, № 22.

мире. От Рады ответа не последовало, а из Юго-Восточного Союза ответило только Кубанское правительство, заявившее, что срок созыва предлагаемой конференции его не устраивает[54].

Поэтому на заседании комиссариата 14 февраля вопрос о вступлении в мирные переговоры с Турцией обсуждался без участия представителей Рады и Юго-Восточного Союза. На нем было решено сообщить Вехиб-паше, что Закавказское правительство готово приступить к переговорам о мире, причем «основные директивы и условия мира будут выработаны Закавказским сеймом, как представительным органом всего Закавказья, имеющим собраться в Тифлисе 23 (10) февраля»[55].

По инициативе Закавказского комиссариата 23 февраля в Тифлисе был созван Закавказский сейм, в котором, кроме депутатов от Закавказья, разогнанного Советским правительством Учредительного собрания, заседали члены Закавказского комиссариата и представители грузинских меньшевиков, дашнаков, мусаватистов и других контрреволюционных партий и группировок. Созывая сейм, обанкротившийся Закавказский комиссариат пытался спасти шаткую власть грузинской, армянской и азербайджанской буржуазии, ханов и беков.

С. Г. Шаумян в статье «К созыву Закавказского сейма» писал: «Непопулярность Комиссариата, ненависть к нему со стороны широких слоев народа теперь уже вне сомнения, и вот хитроумные гг. Жордания, Гегечкори и К° прибегли к обычному для оборонцев средству для продления своего жалкого существования — к новому одурачиванию народных масс. Эти господа знают, что мелкобуржуазные массы еще питают некоторые иллюзии в отношении Учредительного собрания и его членов. Эти иллюзии и составляют ту почву, на которую хотят теперь опереться господа оборонцы в союзе с беками и агалараами»[56].

В день открытия сейма Кавказский Крайком РСДРП в своем воззвании к трудящимся Закавказья характеризовал этот орган как контрреволюционный блок меньшевиков, даш-

[54] «Документы и материалы по внешней политике Закавказья и Грузии», № 23, 24, 25.

[55] Там же, № 37.

[56] Шаумян С. Г., Избранные произведения, т. 2, стр. 172.

наков, мусаватистов и других националистических партий, ничем не отличающийся от Закавказского комиссариата. В воззвании, в частности, говорилось: «Сейм представляет собой новый подлог, новый обман для народа, новое средство задушить революцию в Закавказье в угоду мусульманским бекам и ханам, в угоду грузинским князьям и армянской буржуазии»[57].

В первый же день своего существования сейм обрушился на революционные организации Закавказья. Вооруженные силы контрреволюции открыли огонь по тифлисским рабочим, собравшимся в Александровском саду для выражения своего протеста против политики отделения Закавказья от Советской России.

Степан Шаумян отмечал, что отделение Закавказья от революционной России «есть первый решительный шаг в сторону подчинения Турции, которая теперь и продвигается вперед к Кавказу»[58].

Контрреволюционный сейм, не пользовавшийся поддержкой, не признанный народными массами и раздираемый грызней между националистическими партиями, не в силах был организовать отпор наступавшим турецким агрессорам. Поэтому на первом же своем заседании сейм принял решение заключить мир с Турцией, которого турецкие захватчики добивались с момента подписания Эрзинджанского перемирия, хотя их делегация совместно с представителями Германии и Австро-Венгрии еще с 15 декабря 1917 г. вела в Брест-Литовске мирные переговоры с Советским правительством. Местом встречи был предложен Трапезунд. Выбор этого пункта объясняется тем, что город находился тогда в руках грузинских войск и лидеры сейма полагали, что переговоры с турками ничем не будут стеснены. Решение сейма было передано Вехиб-паше через Одишелидзе. Делегация сейма должна была выехать 2 марта. На основании директив сейма ей надлежало добиваться восстановления государственных границ России с Турцией, существовавших к моменту объявления войны, и самоопределения для Восточной

---

[57] Архив Грузинского филиала ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 33, л. 220.

[58] Шаумян С. Г., Избранные произведения, т. 2, стр. 192.

Анатолии, в частности автономии «Турецкой Армении» в рамках турецкой государственности.

Между тем военная и политическая обстановка на фронте и в Закавказье в момент открытия Трапезундской конференции сложилась явно в пользу турецких захватчиков. Турецкие войска безостановочно наступали по всему фронту. По мере их продвижения все более росли аппетиты турецких агрессоров, предъявлявших на конференции одно новое требование за другим. Военная слабость закавказской контрреволюции, раздоры и грызня в сейме, предательство главарей мусаватистской партии, игравших роль прямой турецкой агентуры,— все это заранее обрекало на провал какие-либо попытки делегации сейма добиться на переговорах принятия их платформы мирного соглашения с Турцией.

В день отъезда делегации сейма в Трапезунд из Брест-Литовска была получена радиограмма от заместителя НКИД РСФСР Карахана. Она ставила комиссариат в известность о том, что вследствие отказа немцев прекратить до подписания мирного договора военные действия «мы решили,— сообщил Карахан,— подписать договор... Самым серьезным ухудшением условий 21 (8) февраля:[59] отторжение от России округов Ардагана, Карса и Батума под видом самоопределения»[60].

Председатель Закавказского сейма меньшевик Н. Чхендзе

[59] Речь идет о новом германском ультиматуме, содержавшем значительно более тяжелые условия мира по сравнению с первым, врученным Советскому правительству 21 (8) февраля. В декларации, оглашенной советской мирной делегацией на заключительном заседании конференции в Брест-Литовске 3 марта 1918 г., по поводу ничем не обоснованного отторжения территории Закавказья в пользу Турции говорится: «На Кавказе, явно нарушая сформулированные Германским же правительством условия ультиматума от 21 (8) февраля и не сообразуясь с подлинной волею населения областей Ардагана, Карса и Батума, Германия отторгает в пользу Турции эти области, ни разу не завоеванные турецкими войсками» («Документы внешней политики СССР», т. I, док. № 77). На Брест-Литовской конференции турецкая делегация, как отмечает Марриот, хотела больше чем границы до войны 1877—1878 гг. Этим было вызвано наступление турецких войск в глубь Закавказья (См. J. A. Marriot. The Eastern Question. An Historical Study in European Diplomacy. Oxford, 1951, p. 495).

[60] «Документы и материалы внешней политики Закавказья и Грузии», № 47.

немедленно публично опротестовал постановление Брестского мира. Он заявил, что «всякий договор, касающийся Закавказья и его границ, заключенный без ведома и одобрения *самостоятельного Закавказского правительства,* почитается лишенным международного значения и обязательной силы, так как *Закавказье никогда не признавало большевистской власти и Совета Народных Комиссаров*»[61] (курсив наш.— *Е. С.*).

На заседании сейма 11 марта было принято решение, что Закавказье действует как совершенно независимая политическая единица и отвергает Брестский договор. Таким образом, ради поддержания фикции «самостоятельности» Закавказья лидеры контрреволюционных партий края, полностью игнорируя интересы народных масс, стали на путь авантюристической политики, лившей воду на мельницу турецких захватчиков. Курс, взятый тогда Закавказским сеймом, лишь облегчал турецкому командованию организацию интервенции в пределы Закавказья. Как признавался позднее один из членов делегации сейма Хатисов, после получения телеграммы Карахана «мы колебались: ехать или нет? Но мы в конце концов почувствовали, что наша поездка необходима, хотя и догадывались, что *«надо сдаваться на милость»*[62] (курсив наш.— *Е. С.*).

После подписания Брестского мира переговоры в Трапезунде могли быть выгодны лишь турецким агрессорам, так как делегация сейма не имела ни юридических прав, ни реальной силы, чтобы заставить турок принять желательные условия мирного соглашения. Как мы видели, это понимали и сами члены делегации еще до отъезда в Трапезунд.

Председатель Закавказского правительства Гегечкори прямо заявил: «Мы объявили войну Турции, чтобы парализовать позорный Брест-Литовский договор»[63]. Закавказская контрреволюция прежде всего стремилась к удержанию в своих руках власти, даже ценою отдачи края под власть Османской империи. «Согласно словам меньшевика А. Чхендзе,— сообщала

---

[61] Там же, № 51.

[62] «Заря Востока»; 1.II 1925, № 79.

[63] «Демократическое правительство» Грузии и английское командование, Тифлис, 1928, стр. 85.

тогда «Правда»,— лучше власть Турции, чем Советов»[64]. «Заря России», говоря о последствиях отделения Закавказья от России, признавала, что Закавказье очутилось перед альтернативой: господство большевиков или вторжение турок. Сейм, не колеблясь, предпочел второе[65]. Мирная делегация сейма состояла из 40 человек. Ее возглавлял А. Чхеидзе. А. Хатисов, возглавлявший группу делегатов от партии дашнаков, отмечал, что многочисленность состава мирной делегации ярко свидетельствовала о наличии в ней острых разногласий между представителями различных партий. Такое положение ослабляло позиции делегации сейма в ее переговорах с турками и, конечно, было использовано ими в своих интересах. «Когда мы приехали в Трапезунд,— писал тот же Хатисов,— турецкие газеты ехидно острили: «Если прибыл военный отряд, то он малочислен, если же это мирная делегация — то она чересчур велика»[66].

В состав турецкой делегации входило семь человек. Председателем ее был Хусейн-Рауф-бей, начальник штаба морского департамента. 14 марта, открывая «мирную» конференцию, Хусейн-Рауф-бей высокопарно говорил об особой миссии Османской империи на Кавказе. «Войны Турции против России в течение двухсот лет,— заявил он,— были войнами оборонительными для наших стран. Наши общие судьбы связывались все более и более. В течение этой общей славной истории Турция, к несчастью, не могла выполнить свой исторический долг в деле оказания помощи Закавказью, тем не менее, пережитый период доказал... всю важность единения наших судеб. Мы считаем падение разделяющего нас препятствия явлением чрезвычайной важности, ибо узы, связывающие нас, являются отношениями не только историческими и географическими, но скорее родственными»[67].

Таким образом, извращая подлинную историю, Хусейн-Рауф-бей пытался доказать общность в прошлом исторических судеб народов Закавказья и Османской империи. «Единение» Закавказья с Турцией, о котором говорил он, могло лишь означать

---

64 «Правда», 28.VI 1918, № 130.

65 ЦГАОР, ф. 1318, оп. 1, д. 619, л. 32 (газетная вырезка).

66 «Заря Востока», 5.II 1925, № 796.

67 ЦГИА АрмССР, ф. 200, д. 7, л. 183—184.

поглощение закавказских народов турецкими ассимиляторами.

Несколько позднее Хусейн-Рауф-бей в одном из своих выступлений на Трапезундской конференции заявил: «Политические границы России должны быть отодвинуты назад, за главный Кавказский хребет, и к Закавказью Россия больше не может предъявлять никаких требований... В настоящее время может быть два способа решения вопроса: либо Турция займет Закавказье вплоть до берегов Черного и Каспийского морей, либо под протекторатом Турции будут образованы различные Закавказские государства — буферного типа»[68].

Успешное продвижение турецких войск вскружило головы правителям Османской империи. На последнем заседании Трапезундской конференции Рауф-бей громогласно заявил: «Мы хотим, чтобы Турция шла во главе Востока»[69].

В течение всей конференции турки, видя полное бессилие закавказской делегации, диктовали ей свои условия. Сеймовцы оказались жалкими игрушками в руках Рауф-бея. Положение закавказской делегации усугублялось еще тем, что к моменту ее прибытия в Трапезунд город уже был занят турецкими войсками. На заседании закавказской делегации 21 марта Хатисов, чувствуя себя на положении турецкого пленника, заявил, что создались немыслимые условия для дальнейших переговоров в Трапезунде. Этот жалкий дашнакский вожак, сравнивая себя с Бисмарком, говорил: «Ни я, ни мой предшественник Бисмарк так никогда не поступали. Какие же я могу вести переговоры, когда я сижу как кукла, которую поят кофеем... и которая отрезана от всего мира... Я считаю, что при таких условиях переговоры вести нельзя и необходимо выйти из этих адских условий»[70]. Чхенкели характеризовал обстановку, в которую была поставлена его делегация, как условия тюремного заключения[71].

На первом же заседании Рауф-бей, давая понять, что турецкое правительство не признает Закавказье самостоятельным государством, предложил сеймовцам декларировать

---

[68] ЦГИА АрмССР, ф. 200, д. 318, л. 37.

[69] Там же, д. 23, л. 101.

[70] Там же, л. 95—97.

[71] Там же, л. 100—101.

сущность политической и административной формы Закавказской республики.

В своем ответе закавказская делегация указала, что после «большевистского переворота в России в Закавказье возникло новое самостоятельное правительство и что Закавказье фактически уже представляет собою государство, вступившее в сферу международных отношений, так как оно протестовало против Брестского договора, заключенного без его ведома, хотя еще не декларировало и не сделало нотификации державам о своей независимости».

Турецкая делегация заявила, что она не может признать Закавказье самостоятельным государством и потому считает в силе условия Брестского мира в части, касающейся Кавказа. При этом Рауф-бей подчеркнул, что «вступление в настоящие переговоры не имеет иной цели, кроме подготовки основ для экономических и коммерческих сношений и определения их практических и технических деталей, оставшихся вне обязательств Брест-Литовского договора». Турецкая делегация выразила пожелание, чтобы Закавказье объявило о своей независимости и принятой форме правления, прежде чем будут закончены начатые переговоры»[72].

Таким образом, с одной стороны, турки требовали немедленного выполнения условий Брестского мира относительно Батумской, Карсской и Ардаганской областей, судьба которых должна была быть определена плебисцитом. В этом случае они рассматривали Закавказье в качестве составной части РСФСР. Но, с другой стороны, турки требовали объявления независимости Закавказья, чтобы тем самым создать легальную почву для грубого нарушения условий Брестского договора и осуществления своих захватнических планов в отношении Закавказья. Такова была двоедушная и коварная тактика турецкой дипломатии на Трапезундской конференции.

Что же касается условий мирного соглашения с Турцией, намеченных сеймом в качестве базы для переговоров в Трапезунде, то турки о них и слышать не хотели. Они сразу же отвергли выдвинутый сеймовцами пункт «о самоопределении Во-

---

[72] Там же, д. 7, л. 178—181.

сточной Анатолии (подразумевалось в первую очередь предоставление автономии Западной Армении — *Е. С.*), расценивая его как вмешательство во внутренние дела Османской империи.

«Вопрос о самоопределении Армении,— категорически заявил Хусейн Рауф-бей,—должен быть снят, ибо Турция не допускает его обсуждения в переговорах с делегацией Закавказья». Сеймовцы быстро уступили, и вопрос о самоопределении Восточной Анатолии был снят с повестки дня конференции. Тогда они попытались заменить его вопросом о возвращении на родину армянских беженцев. Но он также был отклонен турецкой делегацией. Итак, все условия соглашения, предлагавшиеся закавказской делегацией, были отвергнуты.

Между тем, в ходе Трапезундской конференции выявились глубокие разногласия среди членов закавказской делегации. На ее совещаниях, длившихся иногда с раннего утра до позднего вечера, шли жаркие споры. Представители каждой из закавказских национальностей старались удовлетворить территориальные притязания турок за счет своих соседей. Так, например, грузинские меньшевики соглашались уступить Турции Кагызманский и Карсский округа, в основном населенные армянами. Дашнаки со своей стороны требовали передать Турции Артвинский, Ольтинский округа и Батумскую область, преимущественно населенные грузинами и аджарцами. Мусаватисты, верные слуги младотурок, настаивали на безоговорочном удовлетворении всех требований турецкой делегации.

Делегаты-мусаватисты явно поддерживали турецких захватчиков. Так, Хас-Мамедов открыто нападал на тех членов делегации, которые считали, что наступление турецких войск имеет целью захват Закавказья. Он заявил: «Продвижение турецких войск и занятие ими спорных областей следует рассматривать не как завоевание, а как восстановление правопорядка... Сменившие ушедшие русские войска кавказские национальные части рассматриваются турками как четники, так как Закавказье пока составляет часть России»[73]. Мусаватисты, фактически являясь агентами младотурок, всячески способствовали продвижению турецких войск.

---

[73] Там же, л. 140—141.

Председатель закавказской делегации Чхенкели на заседании 21 марта, констатируя полный провал выдвинутых условий мирного соглашения, отметил, что «нет единства как в самом Закавказье, так и в сейме. Я повторяю, что наша слабость — в отсутствии единства. У нашей делегации не оказалось коллективного мнения»[74]. То же самое признавал Хатисов, подчеркивавший, что «нас губит не сила турок, а отсутствие внутренней спайки и солидарности»[75].

Обо всем этом Хусейн Рауф-бею было хорошо известно. Турецкая сторона успешно использовала это обстоятельство во время переговоров. Она всячески их затягивала, так как время работало на турок. Турки продолжали диктовать свои условия, зная заранее, что сеймовцы не в состоянии противостоять им. Самым главным аргументом у турок являлась сила. Во время трапезундских переговоров они продолжали свое успешное наступление по всему фронту. «Во всех случаях,— свидетельствовал Хатисов,— поведение турок было одно и то же: вести переговоры и одновременно войну, чтобы навязать всецело свою волю»[76].

Еще накануне открытия Трапезундской конференции на главном Эрзинджанско-эрзерумском направлении части 1-го Кавказского корпуса подошли к Эрзеруму. В ночь на 12 марта турецкие войска начали штурм города. Армянские части были оттеснены превосходящими силами противника, и турки вошли в охваченный пламенем пожара Эрзерум. В городе турки захватили большое количество орудий, боеприпасов и различного военного имущества.

После занятия Эрзерума 1-й Кавказский корпус продвигался в направлении на Сарыкамыш. 17 марта части корпуса заняли Кёпрю-Кёй и Тортум, расположенные к востоку и северо-востоку от Эрзерума, и вышли к границе. Армянские войска 5—6 апреля оставили Сарыкамыш и отступили к Новоселиму, чтобы укрепиться там и остановить продвижение турецких войск к Карсу. 37-я турецкая дивизия после овладения Трапезундом продолжала продвижение вдоль побережья Черного мо-

74 Там же, л. 95—97.

75 Там же, л. 116—126.

76 «Заря Востока», 5.II 1925, № 796.

ря к Батуму. 4-й Кавказский корпус совместно с 12-й дивизией наступал на Малазкерт. 5-я дивизия 7 апреля заняла Ван и подошла к границе. 9 апреля турецкие войска, перейдя границу, вступили в Олту[77].

Закавказское контрреволюционное правительство и сейм, проводившие антинародную политику, не могли, да и не хотели, опереться на трудящиеся массы, чтобы организовать отпор турецким интервентам. Более того, надеясь на успех мирных переговоров в Трапезунде, Закавказский комиссариат своими предательскими приказами лишь способствовал дезорганизации и деморализации грузинских и армянских войск.

Между тем турецкое командование форсировало наступление своих войск, чтобы поставить делегацию сейма перед совершившимся фактом оккупации ряда областей Закавказья. Наконец 6 апреля турецкая сторона предъявила закавказской делегации ультиматум, требуя в течение 48 часов признания выдвинутых ею условий мира, т. е. уступки Турции Батумской, Карсской и Ардаганской областей.

8 апреля состоялось объединенное заседание Комиссариата и представителей всех фракций сейма, на котором обсуждался проект ответа на турецкий ультиматум. Было решено уступить Турции весь Ольтинский, южную часть Ардаганского, юго-западные районы Карсского и западную часть Кагызманского округов. Кроме того, выражалась готовность заключить с турками соглашение по армянскому вопросу в духе, приемлемом для турецкой делегации[78]. Этот ответ, по существу означавший полную капитуляцию сейма перед турецкими агрессорами, был в тот же день переслан Рауф-бею.

К этому времени турецкие войска уже успели захватить Ардаган и находились в восьми километрах от Батума. На главном же направлении войска 1-го Кавказского корпуса подходили к Карсу.

Чхенкели, не получив еще ответа от турок, 8 апреля телеграфировал в Тифлис о необходимости признания Брестского договора. Он был уверен, что турецкое правительство не при-

---

[77] Allen W. and Muratoff P., p. 464.

[78] ЦГИА АрмССР, ф. 200, д. 7, л. 178—181.

мет тех условий, на которые только что согласился сейм. Чхенкели знал, что турецкие войска уже оккупировали те территории, которые Закавказское правительство согласилось уступить Турции.

Не получив ответа на свою телеграмму, Чхенкели 10 апреля, пользуясь своими чрезвычайными полномочиями, ответил на турецкий ультиматум, срок которого уже истек, что закавказская делегация «принимает Брест-Литовский договор и готова вести дальнейшие переговоры, основываясь на нем»[79].

13 апреля Рауф-бей сообщил Чхенкели, что турецкое правительство, узнав о принятии Брестского договора закавказской делегацией, считает необходимым привлечение к переговорам своих союзников и декларирование Закавказьем своей независимости[80].

Это означало, что оккупировав округа Ардаган, Карс и Батум в нарушение условия Брестского мира, предусматривавшего проведение в этих округах плебисцита по вопросу их будущей государственной принадлежности, турки добивались теперь провозглашения «независимости» Закавказья лишь для того, чтобы облегчить себе дальнейший захват.

Вопрос о признании Брестского мира обсуждался на заседании сейма 13 апреля. После долгих прений и пустых речей в духе заявления лидера грузинских меньшевиков Церетели: «Мы сумеем отбросить от наших границ врага и избавить от него наши земли» было решено: «Ввиду того, что мирное соглашение о границах Закавказья между Турцией и Закавказьем не достигнуто, закавказской делегации предлагается немедленно выехать в Тифлис»[81].

Между тем турецкие войска, продолжая наступать, подошли к Батуму. 12 апреля Вехиб-паша предъявил коменданту Батума ультиматум — до 4 часов 13 апреля сдать город. В указанный срок ответ не был получен, и 14 апреля части 37-й турецкой дивизии атаковали Батум. Комендант крепости генерал Гедеванов, не принимая боя, решил капитулировать, несмотря

79 «Документы и материалы по внешней политике Закавказья и Грузии», № 77.

80 Там же, № 81.

81 Там же, № 83.

на то, что в его распоряжении было 113 тыс. солдат и 100 орудий. Несомненно, если бы не предательство Гедеванова, Батум можно было отстоять, тем более, что Черноморский флот предлагал ему свою помощь. После захвата Батума турецкие войска заняли Абастумани и продолжали развивать наступление в Кутаисской и Тифлисской губерниях.

Вместо организации отпора турецким захватчикам сейм, вопреки воле народных масс, по требованию турецких агрессоров 22 апреля провозгласил Закавказье «независимой» федеративной республикой.

При обсуждении в сейме вопроса об отделении Закавказья от России некоторые депутаты, предвидя пагубные последствия этого шага, выступали против. Так, эсер Туманов прямо отметил, что следует честно признать, что идея «независимости» Закавказья исходит от турецких империалистов. «Этот вопрос,— сказал он,— является вопросом жизни и смерти Закавказья. Почему вы не прибегаете к помощи референдума? Убеждены ли вы в том, что народ при решении этого вопроса свободным голосованием не сказал бы: не желаю этой независимости из-под палки турецкого султана... независимость, провозглашенная в такой обстановке, в какой находится сейчас Закавказье, это есть переход к полному рабству Турции. Закавказье обладает слишком малыми экономическими силами, чтобы в настоящий момент оно могло иметь собственную ориентацию. Провозглашение Закавказья независимым означает не что иное, как турецкую ориентацию, и этого факта вы ни от кого не скроете»[82]. Это убедительное саморазоблачение раскрывает всю глубину и чудовищность предательства сейма. Но большинство сейма осталось верным своему антинациональному курсу. Из ненависти к Советской России и боязни революции, нараставшей в Закавказье, сейм отдавал край турецким интервентам на разграбление.

Советское правительство резко протестовало против этого незаконного акта закавказской контрреволюции. Ввиду отсутствия в Москве дипломатического представителя Турции и представителя РСФСР в Стамбуле, Народный Комиссариат

---

[82] Там же, № 99.

иностранных дел РСФСР в ноте от 15 мая 1918 г. послу Германии в Москве Мирбаху выразил протест против отделения Закавказья от России. В этом документе указывалось, что «во многих местах Закавказья власть так называемого закавказского правительства не признается вовсе, и во всем Закавказье вообще против него высказываются широкие народные массы». В подтверждение этого в ноте приводились конкретные данные: «В Тифлисской и Кутаисской губерниях населением выносится ряд протестов против отделения от России. В Сухуме, Поти, Кутаисе, Гори, Тифлисе, Душете и проч[их] грузинских городах и местечках на громадных митингах выносятся резолюции, обвиняющие Сейм в узурпации и настоятельно требующие референдума. В резолюциях подчеркивается, что члены Сейма избирались во Всероссийское Учредительное Собрание для закрепления завоеваний революции, что они не имели и не могли иметь полномочий для решения вопроса об отделении от России. Армянские города и деревни с еще большей настойчивостью требуют референдума, настаивая на уходе своих делегатов из Сейма... Баку объявил кучку сеймовцев узурпаторами, в таком же смысле высказались Ленкорань, Аляты, Дербент, Петровск, Аджикабул, Кюрдамир и все вообще Восточное Закавказье вплоть до Елизаветполя»[83].

О провозглашении «независимости» Закавказья председатель нового правительства Чхенкели спешно телеграфировал Вехиб-паше: «Закавказье уже провозглашено независимой федеративной республикой, о чем сообщено державам,— следовательно, *выполнено и то условие, о котором говорилось в декларации Оттоманской делегации от 13 апреля 1918 г.*» (курсив наш.— *Е. С.*).

В этой же телеграмме Чхенкели сообщал, что правительство одобряет декларацию закавказской мирной делегации от 10 апреля о признании Брестского мира и предлагает возобновить мирные переговоры для скорейшего заключения мира с Турцией[84].

Пока лидеры кавказской контрреволюции заседали и при-

[83] «Документы внешней политики СССР», т. I, № 179.

[84] «Документы и материалы по внешней политике Закавказья и Грузии», № 102.

нимали решения, угодные турецким захватчикам, последние не сидели без дела. Они продолжали свою интервенцию в глубь Закавказья. На Карсском направлении войска под командованием Кязым Карабекир-паши, преодолевая упорное сопротивление армянских частей, несколько раз отбросивших атаки турок, подходили к твердыне Закавказья — Карсу. Последний был хорошо укреплен. Карс защищало 6 тыс. бойцов Армянского корпуса. И хотя турецкие силы вдвое превосходили силы гарнизона Карса[85], последний был в состоянии в течение месяца защищать крепость[86].

Турецкое командование, предвидя эти трудности и основываясь на признании сеймом Брестского договора, потребовало от Закавказского правительства сдать город и всю Карсскую область без боя. В ответ на ультиматум Вехиб-паши Чхенкели приказал командованию Армянского корпуса не оказывать сопротивления и вступить в переговоры с турецким командованием об условиях эвакуации Карса. Чхенкели умолял Вехиб-пашу предоставить месячный срок для вывода из Карса войск, эвакуации христианского населения, военного имущества и других материальных ценностей[87]. Но турецкое командование хотело захватить Карс со всеми имеющимися там богатствами и военным имуществом. 25 апреля войска Кязым Карабекир-паши находились на расстоянии двух километров от фортов Карса.

Капитулянтское распоряжение Закавказского правительства внесло дезорганизацию в ряды защитников Карса. 25 апреля город был сдан без боя. Карсский областной комиссар Дзамоев через два дня телеграфировал об обстоятельствах оставления города: «Ввиду неожиданной и чрезвычайно быстрой для нас всех сдачи Карсской крепости по распоряжению из Тифлиса, население, всемерно приготовившееся к защите твердыни Закавказья, было вынуждено бросить буквально все и оставить Карс 25 апреля в 5 часов вечера, покинув объятый

---

[85] Кадишев А. Б., Интервенция и гражданская война в Закавказье, М., 1960, стр. 53.

[86] «Документы и материалы по внешней политике Закавказья и Грузии», № 123.

[87] Там же.

пламенем город. Горели лучшие здания. Картина отхода населения неописуема»[88].

Естественно, что предательская сдача Карса Закавказским правительством вызвала гнев народных масс. Хатисов признавал в своих мемуарах, что сдача Карса возбудила сильное недовольство. «Чтобы нейтрализовать возникшее в народе волнение,— свидетельствует он,— мы постановили произвести расследование, сколько времени мог обороняться Карс, не будь приказа о сдаче». В целях самооправдания предатели в качестве эксперта привлекли начальника штаба Кавказской армии ген. Левандовского. Последний утверждал, что положение Карса 24 апреля было якобы безнадежно, его часы были сочтены. «Ввиду того, что общество продолжал волновать вопрос о Карсе,— сообщает далее Хатисов,— правительство 5 мая 1918 г. опубликовало подробное и фактическое сообщение, представив все те обстоятельства, которые объясняли сдачу Карса»[89].

В этом сообщении, составленном главой правительства Чхенкели, кроме общих фраз, не приведен ни один конкретный довод, который мог бы оправдать сдачу туркам без боя Батума и Карса. Так, например, по поводу капитуляции Батума говорится, что 13 марта председатель закавказской делегации в Трапезунде Чхенкели «дважды телеграфировал в Батум министру внутренних дел о том, что добровольную эвакуацию фортов Батума он считает необходимой по целому ряду серьезных соображений»[90], которые так и остались неизвестными. Подобными же общими фразами Чхенкели «обосновывал» сдачу Карса.

После оставления Карса армянские войска отступили к Александрополю. По пути, несмотря на заключенное 25 апреля с турками перемирие, они подверглись внезапной атаке противника, которая была отбита.

Все христианское население (188 тыс. человек) в основном состоявшее из армян, опасаясь новой резни, отступало вместе с войсками.

---

88 Там же.

89 «Заря Востока», 15.II 1925, № 205.

90 «Документы и материалы по внешней политике Закавказья и Грузии», № 144.

Таким образом, турки не только нарушили условия 4-й статьи Брестского договора и оккупировали районы Карса, Ардагана, Артвина, Батума, но и зашли далеко за пограничную черту, установленную Брестским договором. Занятие этих областей турецкими оккупантами сопровождалось новой волной зверских преследований армянского населения, разжиганием национальной розни. Плебисцит, организованный в этих условиях под контролем турецких властей, превратился в грубый фарс.

Советская Россия, которая вела тогда тяжелую борьбу против иностранных интервентов и внутренней белогвардейщины, не в состоянии была оказать вооруженную поддержку народным массам Закавказья для отражения сил турецких агрессоров. Территория между центральными губерниями Советской России и Закавказьем находилась тогда под контролем белогвардейцев. Но Советское правительство неоднократно протестовало против нарушения турецкими захватчиками условий Брестского мира, касающихся Закавказья.

В ноте Советского правительства от 20 сентября 1918 г. разоблачались коварные методы турецких интервентов, стремившихся показать, что Карс, Ардаган и Батум присоединены к Турции якобы в результате свободного волеизъявления местного населения. В ноте Советского правительства подчеркивалось, что:

«Статья 4-я Брест-Литовского договора предоставляла населению округов Карса, Ардагана и Батума, входивших ранее в состав Российской Республики, право «установить новый строй в согласии с соседними государствами, в особенности с Турцией».

Судьба указанных округов, их международноправовое положение должно было быть установлено волеизъявлением населения этих округов. Между тем сейчас же после заключения договора округа эти были заняты турецкими военными силами и к ним был применен режим военной оккупации, сопровождавшийся недопустимыми грабежами и насилиями над мирным населением. Одновременно с введением турецкой администрации был произведен принудительный набор мужского населения свыше 19 лет.

Население, свободным выражением воли которого должен был быть установлен новый строй, было заранее терроризировано и поставлено в условия, при которых право, предоставленное населению трех округов, превращалось в открытые издевательства над ним. Накануне голосования почетные граждане, влияние которых могло бы быть не в пользу Турции, высылались, арестовывались, а во многих случаях даже расстреливались. Голосование происходило явно под контролем турецких властей... Результаты голосования при таких условиях не могли быть не предрешены.

Считая такое насилие над населением отторгнутых от России округов существенным нарушением статьи 4 договора, Советское Правительство настоящим заявляет, что оно не может согласиться с результатом так называемого волеизъявления населения округов Карса, Ардагана и Батума и считает право этого населения установить новый строй своих областей неиспользованным и вопрос о новом строе указанных округов открытым»[91].

В своей ответной ноте турецкое правительство всячески стремилось «оправдать» свои действия, на что правительство РСФСР в новой ноте от 10 октября 1918 г. еще раз указало на незаконный захват Турцией округов Карса, Ардагана и Батума и полное нарушение условия статьи 4-й Брестского мира.

В этом документе сказано: «Вопрос о том, исполнило ли Советское Правительство во всех деталях постановления Брестского договора о передаче областей Карса, Батума и Ардагана в руки турецких властей, лишен всякого значения уже по тому одному, что турецкие военные силы, не сообразуясь ни с какими договорными постановлениями, начали преждевременно вторгаться помимо каких бы то ни было установленных сроков и без всякого соглашения с русскими властями в области Карса, Батума и Ардагана, в которых они самым зверским образом стали расправляться с местным населением»[92].

Турецкое правительство не только терроризовало основную часть населения районов Карса, Ардагана и Батума, но и при-

---

[91] «Документы внешней политики СССР», т. I, № 346.

[92] Там же, № 363.

менило репрессивные меры по отношению к той части мусульманского населения, которая накануне плебисцита собиралась голосовать против присоединения к Турции. В приведенной выше ноте Советского правительства об этом говорилось следующее: «Представители местного мусульманского населения обратились к Русскому Правительству с горькими жалобами, серьезно обоснованными и подкрепленными значительным фактическим материалом, на то недопустимое искажение народного волеизъявления, которое представило из себя так называемое голосование несчастного населения этих областей по вопросу об их будущей судьбе»[93].

Эти документы и факты неопровержимо свидетельствуют о том, что территории Карса, Ардагана и Батума были в 1918 г. фактически захвачены в результате прямой аннексии, что со стороны Турции являлось грубым нарушением обязательств, взятых им по Брестскому миру. Естественно, что Советское правительство тогда же заявило, что не признает результатов плебисцита, проведенного турецкими захватчиками в округах Карс, Ардаган и Батум и считает незаконным их присоединение к Турции.

Таким образом, вопреки лживым утверждениям Закавказского сейма и его правительства, что якобы «Советы уступили туркам Карс, Ардаган и Батум», становится абсолютно бесспорным, что закавказская контрреволюция сама без всякого сопротивления отдала эти области Турции.

* * *

Закавказское правительство, раздираемое внутренней борьбой и не имеющее опоры внутри страны, не в состоянии было организовать отпор турецким захватчикам, продолжавшим вторжение в глубь Закавказья. Поэтому в целях скорейшего заключения мирного соглашения с Турцией оно решило возобновить переговоры, прерванные в Трапезунде. Эти переговоры были начаты в Батуме 11 мая 1918 г. Турецкую делегацию возглавлял министр юстиции Халил-бей, закавказскую — председатель правительства так называемой Закавказской Федерации Чхенкели. Неожиданно для турок на конференцию прибыла

[93] Там же.

и немецкая делегация во главе с генералом фон Лоссовым, чтобы отстоять интересы кайзеровской Германии в Закавказье[94]. В работе конференции участвовали также представители северокавказской контрреволюции, являвшиеся агентурой турецких агрессоров, стремившихся присоединить к Османской империи и Северный Кавказ.

В упоминавшейся выше ноте Народного комиссариата иностранных дел РСФСР от 15 мая указывалось, что Батумская конференция без участия представителей Советской России неправомочна решать территориальные вопросы, ибо так называемое Закавказское правительство, объявившее об отделении Закавказья от России, не признано Совнаркомом. «Настаивая на участии делегатов Русского Правительства в ведущихся в Батуме переговорах,— говорилось далее в ноте,— Народный Комиссариат подчеркивает, что этим нисколько не предполагается признание Русским Правительством так называемого закавказского, прибавляя при этом, что заключенного без участия его договора он не будет считать себя вправе признать»[95]. На эту ноту ответа не последовало. Правители Турции продолжали диктовать свои условия жалкой кучке лидеров закавказской контрреволюции, безропотно отдававших народы Закавказья на милость турецких интервентов.

На первом же заседании Батумской конференции председатель закавказской делегации заявил, что открывающиеся переговоры следует рассматривать как прямое продолжение трапезундских и что в основу их, в соответствии с декларацией оттоманской делегации от 21 марта и ответом закавказской делегации от 10 апреля, должен быть положен Брест-Литовский договор. Но Халил-бей тотчас и самым категорическим образом отклонил базу переговоров, предложенную закавказской делегацией. Он заявил, что Оттоманское правительство уже не может руководствоваться условиями Брест-Литовского договора, так как Закавказье является самостоятельным госу-

---

[94] На германо-турецких противоречиях в Закавказье мы ниже остановимся особо.

[95] «Документы внешней политики СССР», т. 1, № 179.

дарством, признанным Турцией 27 мая, и условия Брест-Литовского договора на него не могут распространяться. Турецкая делегация подчеркивала, что после Трапезундской конференции многое изменилось и правительство Турции не может ограничиться теми территориальными приобретениями, которые были предусмотрены Брестским миром.

Между тем турецкие войска, легко оккупировав Батумскую и Карсскую области, в мае 1918 г. проникли в Тифлисскую и Эриванскую губернии. Этот успех вдохновлял Энвера на повторение своего неудавшегося похода 1914 г., имевшего целью присоединение к Османской империи всего Кавказа и Иранского Азербайджана, проникновение в Закаспийский край и далее в Афганистан, южный Иран и в Северную Индию, чтобы побудить мусульманское население этих стран к восстанию против англичан. Для осуществления этого плана Энвер перебросил 15-ю дивизию из Румынии в Батум и начал формировать на Кавказском фронте из насильственно мобилизованных жителей оккупированных районов Азербайджана так называемую «Армию Ислама». Во главе этой армии, штаб которой вместе с мусаватистами, бежавшими из Баку, обосновался в Гяндже, был поставлен сводный брат Энвера Нури-паша.

В ходе Батумской конференции наиболее ярко проявились захватнические устремления правящей верхушки Турции. В период батумских переговоров турецкое командование продолжало осуществлять отмеченный выше план Энвера. Для его скорейшей реализации турецкая делегация 14 мая предъявила ультиматум, требуя предоставления в распоряжение командования турецких войск железной дороги Александрополь—Эривань—Джульфа. Это наглое требование мотивировалось необходимостью переброски вооруженных сил для противодействия операциям англичан в Иране. В действительности это означало передачу турецким интервентам всей Армении на поток и разграбление.

Закавказская делегация ответила протестом на это требование. Но она, конечно, не могла остановить турецкие полчища, перешедшие в наступление на Александрополь тотчас за предъявлением в Батуме ультиматума. Утром 15 мая турецкие

войска в районе Александрополя внезапно атаковали части Армянского корпуса.

Командующий Армянским корпусом генерал Назарбеков в своем сообщении о захвате турками Александрополя подчеркивал, что турецкие войска самым беззастенчивым образом нарушили перемирие и без всякого предупреждения, перейдя в наступление, 15 мая заняли Александрополь. Внезапное нападение турок расстроило ряды армянских частей, и они отступили в полном беспорядке, оставив противнику все боевые и продовольственные запасы. Многие солдаты из состава Александропольского отряда бежали в Тифлис [96–97].

Согласно отчету начальника Александропольского отряда, после падения города, вследствие массового дезертирства солдат, на фронте не осталось войск. 1, 4, 7 и 8-й стрелковые полки покинули свои позиции. В каждом из них насчитывалось лишь по 20—40 бойцов. В 3-м стрелковом и в Карсском крепостном полках было всего по 100 солдат[98]. Население Сурмалинского и Эчмиадзинского уездов после занятия турками Александрополя спешно эвакуировалось.

С захватом Александрополя турками и оттеснением армянских войск от Арпа-чая и линии железной дороги войска Армянского корпуса сосредоточились на трех главных направлениях — Лорийском, Караклисском и Эриванском. Положение армянских частей, по характеристике Назарбекова, было крайне тяжелым. Царила полная дезорганизация. «Самым грозным вопросом для вверенного мне корпуса,— сообщал Назарбеков,— в данное время является обеспечение войск всеми видами продовольствия. Из-за невозможности своевременной эвакуации, вследствие наплыва беженцев и недостаточности подвижного состава в Карсе и Александрополе, а также в результате захвата турками в обоих этих пунктах огромных запасов, оставшиеся в распоряжении корпуса боевые, вещевые, продовольственные и фуражные запасы оказываются совершенно ничтожными. Наши войска уже почти достигли предельных пунктов возможного отхода, приходится признать положение наше,

---

[96–97] ЦГИА АрмССР, ф. 200, д. 19, л. 19, 50.

[98] Там же, л. 44—48.

без помощи извне, безвыходным, делающим невозможным дальнейшее продолжение войны с турками»[99].

Все это хорошо было известно турецким захватчикам, которые 26 мая предъявили в Батуме делегации Закавказской республики новый ультиматум. Как и ранее, турецкое командование выдумало повод для оправдания новых агрессивных действий. Когда оно пожелало захватить Александрополь и всю железную дорогу до Джульфы, в качестве предлога указывалась необходимость переброски войск в Иран против англичан. Но как только эта цель была достигнута, ни один турецкий солдат не был отправлен в Иран. Турки, оккупировав большую часть Армении, стремились теперь к захвату всего Закавказья и Северного Кавказа. Предлогом для дальнейшей интервенции явилась сказка о том, что «сотни тысяч турок и мусульман терпят в Баку и его окрестностях кровавое ярмо безжалостных бандитов, так называемых революционеров»[100]. Для спасения «единоверцев» в турецком ультиматуме выдвигалось требование передачи в распоряжение турецких войск всей железнодорожной сети Закавказья и нового «исправления» границ между Османской империей и Закавказской республикой.

Под «исправлением границ» подразумевалось немедленное отторжение в пользу Османской империи Нахичеванского уезда, исключая Ордубад, половину Шаруро-Даралагязского уезда, всего Сурмалинского уезда, Эчмиадзинского уезда, половину Эриванского уезда, большей части Александропольского уезда с городом Александрополь и всего Ахалкалакского округа[101]. Для ответа на этот ультиматум турецкая делегация в Батуме дала 72 часа, начиная с 8 часов вечера 26 мая.

Новый турецкий ультиматум явился смертельным ударом по Закавказскому сейму. Здесь разгорелась острая борьба по вопросу об отношении к ультиматуму. Мусаватисты стояли за его безоговорочное принятие, дашнаки целиком отвергали турецкие требования, а грузинские меньшевики за счет уступки армянских территорий добивались выгодных для себя условий мира с Турцией. Эти разногласия обнаружились в самом нача-

[99] Там же, л. 21—25.

[100] Там же, д. 11, л. 32.

[101] Шаумян С. Г., Избранные произведения, т. 2, стр. 262.

ле Батумской конференции. Еще до предъявления турками нового ультиматума различные фракции делегации сейма вели втайне друг от друга сепаратные переговоры с Халил-беем.

Банкротство внешней и внутренней политики сейма вынудило его 26 мая вынести решение, гласившее: «Ввиду того, что по вопросу о войне и мире обнаружились коренные расхождения между народами (то есть между партиями, представленными в сейме. — *Е. С.*), создавшими Закавказскую независимую республику, и потому стало невозможно выступление одной авторитетной власти, говорящей от имени Закавказья, Сейм констатирует факт распадения Закавказья и слагает свои полномочия»[102].

Турецкие войска, воспользовавшись распадом Закавказья на отдельные республики, безостановочно продолжали свое наступление по территории Армении и Грузии.

Грузинские меньшевики объявили Грузию отдельной республикой только для того, чтобы начать с Турцией сепаратные переговоры. Жордания по этому поводу цинично заявил, что «если армяне тонут, то грузины не обязаны тонуть вместе с ними». «Грузия,— говорил он далее,— не привыкла быть под властью турок, а армяне привыкли, и если мусульмане отделяются от Закавказья, то Грузия идет за ними»[103].

Это высказывание весьма характерно — оно говорит о том, что между националистическими партиями Закавказья — меньшевиками, дашнаками и мусаватистами — не было никакого единства. Каждая из них старалась спасти себя за счет своего соседа. Грузинские меньшевики надеялись избавиться от турецких захватчиков отдачей им всей Армении.

Шаумян в речи, произнесенной 29 мая 1918 г., заклеймил предательство грузинских меньшевиков: «Объявление незави-

---

[102] «Документы и материалы по внешней политике Закавказья и Грузии», № 162. Грузинский национальный совет 26 мая провозгласил Грузию «независимой республикой». 28 мая Центральный армянский национальный совет в Тифлисе также объявил Армению «независимой республикой» и дашнакское правительство 17 июня выехало в Эривань. 27 мая мусаватисты объявили Азербайджан «независимой республикой», правительство которой обосновалось в Гяндже (Кировабад).

[103] ЦГА АрмССР, ф. 190/507, д. 23, л. 101.

симости Грузии,— сказал он,— свидетельствует о новом преступлении меньшевиков. Это не есть революционный выход из создавшегося положения. Это новая попытка предательства по отношению к соседнему с Грузией армянскому народу, невероятнейшее, бесстыднейшее предательство. Они создали тяжелое положение в Закавказье, а сейчас умывают руки»[104].

Турецкие агрессоры вовсе не желали удовлетвориться одной Арменией, на что рассчитывали грузинские меньшевики. Энвер считал, что ему без особого труда удастся захватить весь Кавказ, в том числе и Грузию. Несмотря на заявление Чхенкели (являвшегося уже не председателем делегации сейма, а главой делегации меньшевистского правительства Грузии) о том, что ультиматум от 26 мая не применим к этому только что сформированному правительству, Халил-бей утверждал, что ультиматум относится ко всем национальным правительствам Закавказья, включая и Грузию, и согласился продлить его только на 24 часа. В итоге длительной переписки между Халил-беем и Чхенкели председатель меньшевистского правительства Н. Рамишвили в ноте от 31 мая заявил о принятии Грузией турецкого ультиматума.

4 июня в Батуме между обеими сторонами был заключен «договор мира и дружбы». По этому договору меньшевистское правительство признало те границы между Закавказьем и Османской империей, которые были указаны в ультиматуме Халил-бея от 26 мая. Это означало установление государственной границы между Россией и Турцией, существовавшей до Адрианопольского мирного договора 1829 г.

Таким образом, кроме территориальных потерь по Брест-Литовскому договору, грузинские меньшевики уступили Османской империи и весь Ахалкалакский и Ахалцихский уезды без Ацхурского, Абастуманского и Зекарского районов.

По дополнительному договору, заключенному в тот же день, 4 июня, между Османской империей и меньшевистской Грузией, последняя должна была приступить немедленно к демобилизации большей части своих войск. Даже те незначительные вооруженные силы, которые Грузии разрешалось иметь,

[104] Шаумян С. Г., Избранные произведения, т. 2, стр. 263.

она должна была распределять по военным округам по усмотрению турецкого командования. При этом «охрану» границ Грузии взяло на себя турецкое командование. Правительство Грузии соглашалось на производство турецкой армией всякого рода военных перевозок и транзита войск по железным дорогам Грузии. Для «обеспечения» этих перевозок на главных станциях разрешалось пребывание турецких войск.

На основании этого же дополнительного договора грузинское правительство обязалось «содержать в должном состоянии дороги, подвижной и неподвижной составы, исправлять быстро все повреждения и разрушения, кои могут быть причинены случайно или по покушению»[105].

Подписав эти кабальные соглашения, грузинские меньшевики фактически ставили страну в полную политическую и экономическую зависимость от Османской империи и превращали ее в плацдарм для захвата младотурецкими агрессорами Баку и ликвидации там Советской власти. Следует отметить, что этого откровенно добивались и сами грузинские меньшевики.

Турецкий ультиматум был принят и вновь образовавшимся дашнакским правительством. Турецкие захватчики навязали дашнакской Армении новые, еще более тяжелые условия. По договору, заключенному в Батуме 4 июня между турецкой делегацией и делегацией дашнакского правительства, кроме областей, предусмотренных по Брест-Литовскому договору, в пользу Турции были отторгнуты территории, оккупированные турецкими войсками к моменту подписания этого договора.

Из Эриванской губернии к Турции отошли весь Сурмалинский уезд, большая часть Александропольского и Эчмиадзинского уездов и меньшая часть Эриванского и Шаруро-Дарагязского уездов. Территория «независимой» Армении составляла всего 9 тыс. кв. км гористой и пустынной местности (район Ново-Баязета, исключая юго-восточную часть Басаргечара, и оставшиеся части районов Эривани, Эчмиадзина и Александрополя). На этой территории проживало 230 тыс. армян, 80 тыс.

---

[105] «Документы и материалы по внешней политике Закавказья и Грузии», № 176

мусульман (из них 5 тыс. курдов), 5 тыс. езидов и 6 тыс. лиц других национальностей, всего 321 тыс. человек. Таким образом, армянское население в крохотной «независимой» Армении составляло лишь $^1/_8$ часть всего армянского населения Кавказа[106].

При этом здесь приютилась масса беженцев, число которых превосходило местное население. Они не имели ни крова, ни каких-либо средств для существования и находились на пороге голодной смерти. Общее число беженцев из Западной Армении составляло в Закавказье 300 тыс. человек.

Итак, в результате Брест-Литовского и батумских договоров турецкие захватчики отторгли от Закавказья территорию в 38 тыс. кв. км с населением 1250 тыс. человек. Из них Грузия теряла 10 тыс. кв. км с населением 350 тыс. человек, Армения — 28 тыс. кв км с населением 900 тыс. человек. Из 38 тыс. кв. км 12 421 кв. км с населением 655 тыс. человек перешло к Османской империи по батумским договорам. В итоге младотурки захватили от Закавказья 20,6 процента территории и 18,5 процентов населения[107].

Но этого турецким захватчикам было мало. Как отмечалось выше, они планировали захват всего Закавказья и Северного Кавказа. После того как туркам удалось навязать в Батуме грузинским меньшевикам и дашнакам кабальные соглашения и на их основе прибрать к рукам основные железнодорожные магистрали Закавказья, турецкие агрессоры считали оккупацию всего края легко осуществимым делом. Турецкие войска продолжали двигаться в глубь Закавказья по двум направлениям: Александрополь—Караклис—Тифлис и Караклис—Дилижан—Акстафа—Баку.

* * *

Завоевательные планы младотурок в отношении Кавказа расходились с намерениями их союзников — германских империалистов. Последние сами стремились к господству над Гру-

---

[106] Архив Армянского филиала ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 33, д. 1277, л. 14.

[107] Завриев Д. С., К новейшей истории северо-восточных вилайетов Турции, Тбилиси, 1917, стр. 70—71.

зией и Азербайджаном, чтобы захватить грузинский марганец, медь и бакинскую нефть, в которых испытывала острую нужду военная промышленность Германии. В этом заключалась одна из основных задач немецкого представителя в Тифлисе полковника Кресса фон Крессенштейна[108].

В условиях сильного истощения германской экономики на четвертом году войны и явного ослабления всей германской военной машины в Берлине придавали большое значение использованию сырьевых ресурсов Закавказья. Поэтому стремление младотурецких лидеров к захвату всего Кавказа было невыгодно их германским союзникам. Этим объяснялась вспышка острой дипломатической борьбы между Германией и Турцией по вопросу о политике в отношении Закавказья. Ее возникновение следует отнести к периоду работы Батумской конференции.

Само появление Лоссова — германского представителя на Батумской конференции,— якобы с целью посредничества в переговорах между Турцией и Закавказским правительством, объяснялось именно тем, что Германия хотела помешать Турции реализовать свои планы в Закавказье. Это обстоятельство, выгодное для тогдашних правителей Грузии, тотчас же отметил Ной Жордания. «Прибытие германской делегации в Батум,— сказал он в своем докладе 25 мая 1918 г.,— было неприятным сюрпризом для турок, считавших переговоры с Закавказьем своим частным делом»[109].

На Батумской конференции немецкая делегация добивалась ограничения турецких притязаний условиями Брест-Литовского договора, относившимися к Закавказью. В телеграмме, посланной 15 мая фон Секту—заместителю начальника генерального штаба турецкой армии, Людендорф предлагал ему

---

[108] Кресс фон Крессенштейн до конца 1917 г. командовал армией в Палестине. По характеристике Мюльмана, он за четыре года своей военной службы в Османской империи «показал, наряду с военным уменьем, выдающиеся дипломатические способности" (Mühlmann C., Das Deutsche-türkische Waffenbündnis im Weltkriege, Leipzig, 1940, S. 197). Поэтому Людендорф направил Кресса фон Крессенштейна в Тифлис, где развернулась его деятельность по внедрению германского влияния в Закавказье.

[109] «Борьба», 26.V 1918.

«срочно удержать Энвер-пашу от требований, выходящих за пределы территории, установленной Брест-Литовским договором»[110]. Немцы явно желали подчинить своему влиянию остальную, не захваченную турками часть Закавказья. Но турецкая делегация, руководствуясь директивами Энвер-паши, продолжала на Батумской конференции настаивать на полной оккупации Закавказья турецкими войсками[111].

Помимо собственных видов на Закавказье, отрицательное отношение верховного командования германской армии к стремлению Энвера захватить Кавказ объяснялось резкими протестами Советского правительства. Выше уже цитировалась нота Народного комиссариата иностранных дел от 14 мая 1918 г. Несомненно, что директива фон Секту от 15 мая была в значительной мере продиктована этим выступлением Советского правительства.

Кроме того, вторжение крупных турецких сил в Закавказье значительно ослабляло германо-турецкие войска на других фронтах — в Месопотамии, Сирии и Иране, где давление англичан и арабских повстанцев все более возрастало. 20 мая Людендорф вновь телеграфировал Секту: «Я повторяю свое требование, чтобы турки обратили свое внимание на Персию и Месопотамию»[112]. Но младотурки выказывали явное непослушание. Они были целиком поглощены своими великодержавными планами и не реагировали на окрики из Берлина. Представитель Германии на Батумской конференции Лоссов сообщал Людендорфу: «Турки особенно стремятся в сторону Баку и Владикавказа и к завоеванию всего Кавказа»[113]. Не без горечи писал впоследствии Людендорф в своих мемуарах: *«Энвер-паша и турецкое правительство больше думали о своих панисламистских целях на Кавказе, чем о войне с Англией.* Ввиду этого мы поневоле оказались в противоречии с целями, которые преследовали турки...»[114] (курсив наш. — *Е. С.*).

---

[110] Mühlmann C., S, 198.

[111] Шаумян С. Г., Избранные произведения, т. 2, стр. 263.

[112] Mühlmann C., S. 198.

[113] Там же, стр. 199.

[114] Людендорф, Мои воспоминания о войне 1914—1918 гг., т. II, М., 1924, стр. 187—188.

25 мая Людендорф вынужден был еще раз обратиться к Секту с призывом «использовать все... влияние, чтобы со стороны Турции были приостановлены дальнейшие военные действия против Закавказья». Далее, указывая на поражение 6-й турецкой дивизии к западу от озера Урмия и 6-й турецкой армии в Месопотамии, Людендорф предупреждал, что если турецкое правительство из-за политических и экономических стремлений в другом направлении опоздает с защитой собственной территории и «создаст нам трудности на Кавказе, откуда мы могли бы выступить против англичан, то оно не может рассчитывать на то, что мы за свой счет вернем ему позже его собственную территорию»[115].

На эти требования Энвер-паша отвечал лживыми отговорками, что продвижение турецких войск в Закавказье было необходимо из-за угрозы распространения в этом крае большевизма и ввиду армянских «жестокостей» в отношении мусульман, которые Турция не могла «равнодушно» наблюдать[116]. При этом турецкий вице-генералиссимус всю вину за обострение германо-турецких отношений сваливал на верховное командование немецкой армии.

Очень резко и в угрожающей форме Людендорф писал тогда Энвер-паше: «Не хочу скрывать перед вами своего удивления по поводу того, что немецкое командование якобы является причиной возникших трений на Кавказе. Турция ведет себя самостоятельно, не обращая внимания на союзников и на заключенный в Бресте договор, в части, касающейся Закавказья. Германия уже указывала на последствия такого образа действий... и если Турция не будет уважать границы, намеченные Брестским договором, Германия оставит за собой свободу дальнейших решений. Договоры, заключенные между Турцией и закавказскими государствами в обход Германии, Австрии и Болгарии, Германия не признает»[117].

Ввиду проявленной Энвером неуступчивости Людендорф отозвал германских представителей с Батумской конференции.

---

[115] Mühlmann C., S. 198—199.

[116] Там же, стр. 199.

[117] Там же, стр. 200.

В Берлине не только не признавали соглашений, навязанных младотурками правительствам Армении и Грузии, но и всячески подбивали грузинских меньшевиков и дашнаков к отказу от их ратификации. Бывший председатель армянской мирной делегации на Батумской конференции Амо Оганджанян, посланный в Берлин для переговоров с германским правительством, докладывал оттуда в Эривань: «Германия уже официально сообщала Турции, что она считает Батумский договор несуществующим и, следовательно, не может быть никакой речи (для Армении. — *Е. С.*) о его ратификации»[118].

Ни телеграммы Людендорфа, ни представления Секта турецкому командованию о серьезности создавшегося положения ничего не меняли в решимости Энвера захватить Закавказье. Пришлось вмешаться в конфликт самому Гинденбургу. В телеграмме, посланной 9 июня, он категорически потребовал от Энвера очищения территорий Закавказья, занятых турецкими войсками в нарушение Брест-Литовского договора, и переброски в Месопотамию и Северную Персию всех находящихся в Закавказье сил[119].

Но и это требование было отвергнуто в Стамбуле. «Впервые,— свидетельствует Мюльман,— в течение четырехлетнего военного германо-турецкого братства возникла опасность разрыва из-за противоречий в вопросах политики на Кавказе. Немецкие и турецкие войска на Кавказе противостояли друг другу враждебно. Были произведены выстрелы, немецкие постовые были взяты в плен турками. Дело не дошло до открытого разрыва и войны лишь благодаря взаимным уступкам, что вызвано было напряженным положением на других фронтах войны»[120].

В конце июня главнокомандующий 3-й армией Вехиб-паша был отозван и на его место назначен Эссад-паша, который под командованием Лимана фон Сандерса сражался на Галлипольском полуострове и тесно сотрудничал там с немецкими офицерами. Но этой мерой угроза раскола между союзниками не была ликвидирована, а лишь отсрочена. Немцы по-

[118] ЦГА АрмССР, ф. 200, д. 16/13/1, л. 39—55.

[119] Mühlmann C., S. 201—202.

[120] Там же, стр. 205.

прежнему стремились овладеть нефтяными богатствами Закавказья. Турки же явно нацеливались на Баку, хотя на словах заявляли об отказе от каких-либо притязаний на этот город[121].

Турецкое командование, опираясь на огромное численное превосходство своих сил на Кавказе над незначительными контингентами немецких войск (на 20 августа 1918 г. в Грузии насчитывалось всего 214 немецких офицеров и 5050 солдат)[122], продолжало развивать наступление в направлении Гянджа — Баку. Немцы по возможности старались, если не прямо воспрепятствовать, то хотя бы задержать продвижение турок в сторону Баку.

Турецкие военные историки впоследствии неоднократно укоряли немцев за помехи, которые они чинили туркам в 1918 г., в период их вторжения в Закавказье. Так, участник этой интервенции полковник Рюштю в своей работе, подробно описывая наступление 5-й турецкой дивизии на Баку, отмечает: «Немцы не были нашими союзниками в своей кавказской политике. Они создавали особые трудности османам в кавказских делах и подстрекали против нас кавказские народности во главе с грузинами». «Германия,— пишет далее Рюштю,— не хотела видеть в руках османов самый мощный и богатый нефтяной город Кавказа — Баку»[123]. Он подчеркивает, что «Германия в действительности вела на Кавказе самостоятельную политику, обособленную от Турции. Это обособление она продемонстрировала в очень плохие и тяжелые времена своим верным союзникам—османам. Она препятствовала проходу по железной дороге Батум—Тифлис—Гянджа османских частей, военного снаряжения, отдельных офицеров и прочих лиц. Поход на Баку был задержан на некоторое время из-за неугасимой алчности немцев»[124].

Немецкое верховное командование, не имея достаточных сил, чтобы опередить турок в захвате Баку, прибегло к новому нажиму. 4 августа Людендорф телеграфировал Энвер-паше,

---

[121] Там же, стр. 205.

[122] Там же, стр. 210.

[123] Miralay Rüştü, Büyük harpte Baku yollarında Kafkas piyade fırkası. См. „Askeri mecmuanın tarih kısmı". Istanbul, 1934, sayı 34, s. 221.

[124] Там же, стр. 41.

что если немедленно не будет приостановлено наступление турецких войск на Баку и они не будут отведены на исходные позиции, то германское командование вынуждено будет просить кайзера отозвать немецких представителей при верховном командовании турецкой армии. «Я,—продолжал Людендорф,—не потерплю, чтобы из-за явно вероломного поведения турецких ответственных лиц возникла опасность новой войны с Россией»[125].

Германские милитаристы в самом деле опасались столкновения с быстро крепнущей молодой Советской республикой которая, как мы видели, решительно протестовала против интервенции в Закавказье, предпринятой турецкими агрессорами—младшими партнерами германского империализма. Однако, когда на западном фронте в июле 1918 г. войска Антанты перешли в решительное наступление и для Германии создалось критическое положение на главном фронте мировой войны, германское верховное командование решило не обострять конфликта со своим турецким союзником.

Когда же прибывшие из Северной Персии незначительные силы англичан, пользуясь предательством эсеров, меньшевиков и дашнаков, захватили 4 августа Баку, германское командование сразу изменило свою тактику. По приказу Людендорфа на Кавказ в распоряжение Кресса фон Крессенштейна через Черное море с Украины переброшено было по одной кавалерийской и пехотной бригаде. К середине сентября большая часть этих подкреплений прибыла в Грузию[126]. Всего вместе с ранее находившимся в Тифлисе пятитысячным отрядом в Грузии к этому времени находилось уже 15 тыс. немецких солдат[127].

15 сентября Людендорф отдал Крессу фон Крессенштейну приказ: «Следует подготовить атаку на Баку и доложить о готовности... Соучастие турецких войск или войск из Азербайджана только в той мере, в какой это необходимо для обеспечения успеха»[128].

---

[125] Mühlmann C., S. 207.

[126] Там же, стр. 210.

[127] «История гражданской войны в СССР», т. 3, М., 1958, стр. 237.

[128] Mühlmann C., S. 210.

Но пока немцы были заняты этими приготовлениями, турецкие войска, игнорируя требования своего союзника, продолжали наступать. 15 сентября турки вошли в Баку, и немецкое верховное командование оказалось перед совершившимся фактом[129]. Захват турками Баку явился тяжелым ударом по германским интересам в Закавказье. Лопнули надежды на возможность получения бакинской нефти. Мюльман констатирует, что осенью 1918 г. «увеличились признаки менее дружественного отношения турецкого командования на Кавказе к германским союзникам. Нури-паша (командующий турецкими войсками, оккупировавшими Баку.— *Е. С.*) отклонил предложение генерала фон Кресса о поддержке немцами военного строительства в Баку». Турки,— жаловался Мюльман,— совершенно не считались с германскими интересами в Баку[130].

О глубоких противоречиях между Турцией и Германией в Закавказье сообщал в Эривань представитель дашнакского правительства в Стамбуле. Он писал в сентябре 1918 г.: «Пути Германии и Турции в Закавказье перекрещиваются и расходятся. Они, по выражению графа Шуленбурга, «союзницы», но в то же время и «соперницы»[131].

Германо-турецкая борьба за господство в Закавказье в свое время получила широкий отклик как в турецкой, так и в немецкой прессе. Турецкая печать выражала недовольство политикой Германии в Закавказье. Так, стамбульская газета «Вакыт» писала: «Наша главная задача — охрана границ Закавказья, создание такой прочной стены между Россией и нами, которая выполняла бы роль буфера в лице вновь образованных независимых закавказских государств. Если наша союзница Германия не исправит ошибки, совершенной ею, то тогда гарантии, данные ею нам о превращении Турции в сильнейшее государство, останутся пустыми словами»[132]. Несколько позднее та же газета констатировала, что «Германия, по-видимому,

---

129 Там же, стр. 210.

130 Там же.

131 Архив Грузинского филиала ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 2, д. 358, л. 15.

132 См. газ. «Грузинская республика», 18.X 1918.

намерена одним ударом разрушить то доверие, которое было создано ею в течение долгих лет»[133].

Орган младотурок «Икдам» 11 сентября 1918 г. писал: «Турция, принесшая тяжелые жертвы общему делу, вправе, не считаясь на этот раз с интересами союзников, защищать свои собственные интересы на Кавказе».

Газета «Заман» в статье «Наша мирная политика на Кавказе» упрекала союзников за помехи, которые они чинили осуществлению турецких планов в отношении Кавказа. Автор статьи указывал: «Турции незачем увлекаться заблуждениями своих союзников, она должна сделать все возможное для спасения Кавказа...»[134].

«Правда» тогда отмечала, что наличие разногласий между германской и турецкой политикой на Кавказе «в то же время доказывает, как непрочны достигнутые относительно Кавказа отдельные соглашения»[135].

Рупор армянской либеральной буржуазии «Мшак» писал, что «отношения между турками и немцами недружелюбны. Немцы с презрением относятся к туркам, а турки находят, что немцы мешают их успехам и ради нефти не позволяют им брать Баку»[136].

Немецкая газета «Ньюс паркер дантес цайтунг» писала, что Турция стремится распространить свое господство на северо-восточное побережье Черного моря, вплоть до Каспийского моря. «Она перебросила туда силы из Сирии и Месопотамии,— указывала газета,— туда же направлены части, освободившиеся после заключения с Россией мира... Турция должна изменить свою политику. Не думает же она, что мы возьмем на себя бремя отвоевания Сирии и Месопотамии для того, чтобы дать ей возможность совершать завоевания в других областях»[137].

Берлинская газета «Тагесцайтунг» констатировала: «Никто в Германии не одобряет продвижение турок на Кавказ»[138].

---

133 ЦГИА АрмССР, ф. 200, д. 53б, л. 286—287 (газетные вырезки).

134 См. «Кавказское слово», 12. X 1918, № 194.

135 «Правда», 7.VIII 1918, № 167.

136 «Ժամկէտ», 21.IX 1918, № 191.

137 См. «Кавказское слово», 12.X 1918, № 194.

138 ЦГАОР, ф. 1318, д. 619, л. 30 (газетная вырезка).

«Штутгарт тагеблат», касаясь германо-турецких отношений, писала: «Если мы в качестве защитника Турции воспротивились разделу Оттоманской империи, то сделали это во имя нашей заинтересованности в Багдадской железной дороге. Турецкие государственные деятели должны знать, что самые опасные для Турции фронты — Палестинский и Месопотамский и что необходимо снова отвоевать Триполи, Египет и залив Басры. Однако Турция обратила свои взоры в сторону Кавказа и Черного моря, а теперь, после занятия земель Закавказских республик, предъявляет новые требования на Крым, Тавриз и район озера Урмии... Германия не намерена защищать все те желания, которые взбредут в голову нашим союзникам...»[139].

Приведенные выше факты показывают, что летом и осенью 1918 г. между германскими империалистами и младотурецкими заправилами налицо были острые разногласия на почве борьбы за господство в Закавказье, а также по вопросам ведения войны на фронтах Ближнего и Среднего Востока. Поэтому совершенно неосновательны утверждения некоторых советских историков о том, что захват Баку турецкими войсками был совершен «по заданию германского империализма», а Энвер-паша и Нури-паша являлись лишь простыми «приказчиками германского империализма»[140].

* * *

Закавказские правители не пожелали использовать вспыхнувшие тогда между Турцией и Германией противоречия и отстоять независимость края. Они предпочли отдать его на рас-

---

139 См. «Кавказское слово», 12.IX 1918, № 194.

140 См. Токаржевский Е. А., Бакинские большевики—организаторы борьбы против германо-турецких интервентов в Азербайджане в 1918 г. Труды Азербайджанского филиала ИМЛ при ЦК КПСС, в. VI, Баку, 1947, стр. 183. Этого же взгляда придерживаются: А. М. Эльчибекян («Великая Октябрьская революция и победа Советской власти в Армении. Ереван, 1957, стр. 77) и Н. Н. Колесникова, («Из истории борьбы за Советскую власть в Баку». Баку, 1958, стр. 4). К сожалению, подобная ошибочная точка зрения нашла свое отражение и в кн.: «История гражданской войны в СССР». См. т. 3, М., 1958, стр. 237.

терзание германо-турецким интервентам, лишь бы подавить нараставшую революционную борьбу трудящихся масс Закавказья, оторвать их от Советской России, неоднократно предлагавшей свое посредничество во время переговоров в Трапезунде и Батуме. Этим объясняется предательская капитулянтская политика Закавказского правительства на Батумской конференции и предоставление турецким захватчикам всех возможностей для продвижения на Баку и удушения там Советской власти.

«Истинная причина, толкнувшая партию меньшевиков и партию дашнаков на этот шаг, губительный для Закавказья,— говорил Шаумян,— была та, что они опасались пришествия в Закавказье рабочей революции, восторжествовавшей в России. Вот что толкнуло их в руки турецких империалистов»[141].

Лидеры грузинских меньшевиков громогласно приветствовали интервенцию турок в Азербайджане. В момент приближения турецких войск к Баку военный министр меньшевистского правительства Грузии Георгадзе в речи на банкете пожелал им успеха[142].

По зову бакинских большевиков войска Красной Армии и трудящиеся Азербайджана поднялись на борьбу с турецкими интервентами. В Баку были приняты чрезвычайные меры для организации отпора турецким войскам. Одной из них явилась переброска сюда частей Красной Армии из Астрахани. С их помощью 3 августа, после ожесточенного боя, наступление турок на Баку было остановлено.

Меньшевики, правые эсеры и дашнаки вели подрывную работу в Бакинском Совете и среди войск на фронте. Они настаивали на приглашении в Баку «для помощи против турок» английских войск из северной Персии. В этих трудных условиях бакинским большевикам приходилось организовывать борьбу с турецкими войсками на фронте и с агентурой английского империализма в тылу.

Шаумян в своем выступлении на чрезвычайном заседании Бакинского Совета 25 июля 1918 г., разоблачая предательский

---

[141] Архив Армянского филиала ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 7, д. 12, л. 46.
[142] «Правда», I.X 1918. № 210.

курс опоры на английский империализм, противопоставлял ему единственно возможный путь спасения Азербайджана от турецких интервентов: «Перед нами стоит вопрос об обороне города и революции,— говорил Шаумян.— Для этого мы должны изыскать все средства... Мы имеем перед собой не столь грозного и сильного врага, чтобы мы не могли своими силами и средствами поставить вопрос об обороне...» «Советская Россия,— говорил далее С. Шаумян,— предоставляет нам *громадные средства*». «Сегодня придут из Астрахани пять шхун, которые везут 80 орудий, 160 пулеметов, 10 000 ружей, 20 000 патронов, массу обмундирования и т. д. Россия ничего до сих пор не жалела и не жалеет и теперь сил... я приглашаю вас снять вопрос о приглашении англичан и обсудить вопрос о защите фронта общими усилиями нашими вместе с Советской Россией[143].

Соотношение классовых сил, сложившееся тогда в Азербайджане, было не в пользу большевиков. 31 июля 1918 г. под натиском английских интервентов и их приспешников Советская власть в Баку пала. Городом завладел антисоветский блок дашнаков, эсеров и меньшевиков, образовавший контрреволюционное правительство «Диктатура Центрокаспия», которое тотчас пригласило в Баку англичан. 4 августа английские войска вступили в город. В первую очередь англичане начали вывозить из Баку нефть. Они захватили нефтепровод Баку—Батум, подвижной железнодорожный состав, Каспийский торговый флот, а также все ценности, находившиеся в бакинском банке. Занятые грабежом, они ничего не предприняли для отражения наступавших на Баку турецких орд. Положение стало еще более критическим после разоружения «Диктатурой Центрокаспия» советских отрядов и ареста руководителей Бакинской коммуны — Шаумяна, Азизбекова, Джапаридзе и других комиссаров. 14 сентября под натиском турецких войск англичане бежали. Следом за ними покинули город члены обанкротившейся «Диктатуры Центрокаспия».

15 сентября турецкие полчища с помощью мусаватистских банд ворвались в Баку. Их приход сопровождался массовой

---

143 Шаумян С. Г., Избранные произведения, т. 2, стр. 359—360.

резней мирного населения. Тысячи домов были разграблены и сожжены. Жители Арменикенда, одной из окраин Баку, населенной армянами, были почти целиком вырезаны. Та же участь постигла армян в самом городе. На улицах валялись сотни трупов. Глава мусаватского правительства, заклятый враг азербайджанского народа Хан-Хойский в восторженных выражениях высказал командующему турецкими войсками на Кавказе Нури-паше благодарность «за взятие столицы Азербайджана». Он поздравил командующего восточным фронтом Халил-пашу с захватом «крупного центра, являющегося вторым Стамбулом для тюркского мира»[144].

В Азербайджане, как и в Армении, турецкие оккупанты установили колониально-полицейский режим и стремились уничтожить все, что напоминало массам о Советской власти, о большевиках. «Наступают,— писал тогда А. И. Микоян,— мрачные дни господства турецких полчищ. Бакинская большевистская организация была снова разгромлена. За все время революционной борьбы можно указать редкие моменты, когда бакинский пролетариат не имел своей большевистской организации. Одним из этих моментов было первое время господства турок, когда с сентября по декабрь у нас не было бакинской большевистской организации... Десятки лучших вождей были расстреляны, другие десятки томились в тюрьмах... Лишь одиночки-большевики ни одной минуты не прекращали борьбу с врагом»[145].

«Правда», сообщая о турецких зверствах и разбое в Баку, отмечала, что немедленно после захвата города началась охота за большевиками, вызывавшими у турок особую ненависть. Многочисленные обыски и аресты среди рабочих, производившиеся турецкими жандармами, имели целью предупредить восстание *пролетариата против турецкого господства*[146].

В обозе турецких оккупантов в Баку прибыло мусаватское «правительство», созданное в июне 1918 г. во главе с ярым националистом Хан-Хойским в Гяндже под защитой турецких

---

144 «Тифлисский листок», 18. IX 1918, № 198.

145 Архив Армянского филиала ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 11, д. 16, л. 21.

146 «Правда», 24.XI 1918, № 255.

штыков. Это марионеточное правительство не обладало никакой реальной властью и играло роль простого приказчика турецкого командования.

Турецкие оккупанты хозяйничали в Азербайджане, как в собственной колонии. Они полностью забрали в свои руки важнейшие отрасли его экономики — бакинскую нефтяную промышленность, каспийскую флотилию, железнодорожный транспорт — все, что не успели или не смогли разграбить и вывезти их предшественники — английские империалисты. Турки выкачивали из Азербайджана миллионы пудов нефти и различных нефтепродуктов, вывозили медь, хлопок, рис, хлеб и другие сельскохозяйственные продукты.

Многочисленные документы свидетельствуют о тех страданиях, которые пережили трудящиеся Азербайджана, и характеризуют бесчинства, насилия и грабежи, творимые тогда турецкими колонизаторами. Все эти злодеяния турецких оккупантов являлись не единичными случайными эксцессами, а заранее продуманной системой мер, разработанной младотурецкими заправилами и командованием турецких войск в Закавказье.

Вот что говорилось в прошении крестьян селения Карабулаг, посланном 12 ноября 1918 г. в адрес мусаватского правительства: «Население, проживающее в селении Карабулаг, переживает тягчайшие дни. Во-первых, бедняцкое население вымирает, страдает под пятой офицеров, фельдфебелей и административных чиновников османского правительства. У населения отнимается утварь, продовольствие... Нарочно клевещут на крестьян, избивают, арестовывают, а потом, получив взятку, освобождают... нет ничего, что бы оградило нас от произвола. Во имя бога, помогите же нам. Ведь мы же погибнем»[147].

Мусаватский министр иностранных дел докладывал, что «в с. Карданалы на Мугане имелось 1084 пудов пшеницы, 1288 пудов ячменя и 1213 пудов самана, которые хранились у крестьян названного селения, но в августе 1918 г. явились турецкие войска и, несмотря на протесты крестьян, забрали под угрозой ареста все означенные продукты». Далее указывалось, что удовле-

---

147 Архив Азербайджанского филиала ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 12, д. 35, л. 26.

творить бесчисленные жалобы о возмещении убытков, нанесенных турецкими войсками, «азербайджанское правительство не в состоянии и не обязано»[148].

В жалобах крестьян Геокчайского уезда отмечалось, что после оккупации уезда в июне 1918 г. мусульманское население испытывает притеснения со стороны турецких офицеров. Бесконечные жалобы ни к чему не приводят. «Комендант с. Ивановка Ахмед поступил с населением жестоко,—говорилось в одной из них,— отобрал крупный и мелкий рогатый скот не только у жителей с. Ивановка, но и в окрестных селах»[149]. В другой жалобе крестьяне с. Ивановка писали: «Ахмед-эфенди, собирая шайки, совершал грабежи в окрестностях... многим ивановцам он нанес жестокие побои и отобрал у них скот...»[150].

Турецкое командование насильственно мобилизовало местных мусульманских жителей в свои войска, что вызвало возмущение среди населения Азербайджана[151].

Произвол турецких оккупантов подтверждают также чиновники мусаватского правительства. Уполномоченный министерства продовольствия телеграфировал из Елизаветполя: «Турецкие жандармы с инструкцией от паши проверяют поезда, обирают публику дочиста, бьют женщин и с нами не хотят считаться. При таких условиях мы работать не можем»[152].

Министр финансов сообщал о насильственном захвате турецкими властями из Ордубадской почтово-телеграфной конторы процентных бумаг на сумму 20 890 руб. 25 коп.[153].

В одной телеграмме, адресованной министру внутренних дел, сообщалось, что турецкий комендант станции Уджары отобрал ключи от местного завода и выгнал заведующего[154].

Ревизор акцизного управления в Агдаме телеграфировал о том, что турецкие власти захватили единственный в городе за-

---

148 ЦГАОР АзССР, ф. 82с, оп. 4, д. 114, л. 2—3.
149 Там же, д. 69, л. 22.
150 Там же, л. 23.
151 «Тифлисский листок», 1.X 1918, № 209.
152 ЦГАОР АзССР, ф. 82с, оп. 2, д. 23, л. 1—2.
153 Там же, л. 31.
154 Там же, д. 31, л. 75.

вод, вывели его из строя и тем самым нанесли большой ущерб казне[155].

Турки бесконтрольно хозяйничали на предприятиях Баку и других городов Азербайджана. Группа членов керосиновой компании «Восток» жаловалась министру торговли и промышленности: «...Более месяца у нас на заводе сидят аскеры, и не знаем кто они такие и по чьему приказу берут они нефть и масло»[156].

В другом документе указывалось, что по распоряжению турецкого командования уполномоченных «Об-ва Манташев и К⁰» не допускают на нефтепроводную станцию фирмы, где находятся также центральные материальные склады. Это распоряжение парализовало промысловую деятельность предприятия[157].

Турки грабили не только промышленные предприятия, городские и сельские учреждения, но даже лазареты. Так, они вывезли все имущество из лазаретов Елизаветполя[158].

Мусаватские власти играли роль презренных турецких наймитов, которых оккупанты всячески третировали, не считая нужным поддерживать фикцию независимости Азербайджана. Об этом свидетельствуют показания многих мусаватских чиновников. Так, губернатор г. Шуши доносил в Баку: «Турецкий комендант Шуши всю власть забрал в свои руки и никого не признает. Уездное управление совершенно разгромлено»[159].

Гянджинский губернатор, полковник Векилов, 7 октября 1918 г. сообщал, что «проживающий в гор. Гяндже турецкий юзбаши — начальник жандармской команды Гусейн Такеин — принимает к рассмотрению всякого рода заявления и жалобы как от жителей города, так и уезда, что не входит в круг его компетенции, выносит по ним постановления, которые приводятся в исполнение им же; лица, признанные им виновными, подвергаются взысканиям... Подобное вмешательство юзбаши в

---

155 Там же, л. 65—66.

156 Там же, л. 77.

157 Там же, д. 23, л. 67.

158 ЦГА АрмССР, ф. 190/р 507, д. 53б, л. 328.

159 Там же, л. 21.

круг чужих обязанностей создает двоевластие, подрывает авторитет власти губернатора»[160].

Министр почты и телеграфа жаловался на то, что «отремонтированные правительственные провода обрезываются турками и в них включаются телефоны. Кроме того, военные турецкие чины создают препятствия свободному исправлению повреждений и производству ремонта этих линий и проводов»[161].

Таким же образом действовали оккупанты на железных дорогах. Поезда они пропускали по своему собственному усмотрению, часто останавливали их и производили обыски, отбирая у пассажиров вещи и ценности. Один из таможенных чиновников 19 декабря 1918 г. сообщал, что им был остановлен шедший в Грузию пассажирский поезд. «Наши таможенные представители,— отмечал он,— вошли в поезд проверить пассажиров и их вещи. Они увидели, что, кроме них, в вагон вошли неизвестные им турецкие военные чины и, не доверяя нашему досмотру, стали производить передосмотр». Далее в письме отмечалось, что таможенные служащие заявили турецким офицерам протест, но последние «не обратили на это никакого внимания, и аскеры во главе с фельдфебелем (башчауш) стали самостоятельно производить досмотр вещей пассажиров. Таким образом, вся инициатива досмотра перешла к турецкому фельдфебелю, который распоряжался самостоятельно, совершенно игнорируя функции таможенного контроля... Пассажиры высказывали нарекания на чинов таможни в том духе, что мы потворствуем бесчинству турецких аскеров»[162].

Турецкие войска открыто грабили «своих братьев» (так называли они мусульманских жителей Азербайджана). Оккупанты собрали огромные запасы продовольствия и награбленного имущества, которые, однако, не успели вывезти во время своего поспешного бегства в ноябре-декабре 1918 г.

Согласно рапорту Шемахинского уездного начальника от 20 февраля 1919 г., турки оставили в шемахинском амбаре 10 тыс. пудов и в мадрасинском 16 тыс. пудов пшеницы и

---

160 ЦГАОР АзССР, ф. 82с, оп. 2, д. 23, л. 25.

161 Там же, л. 60.

162 Там же, л. 72.

12 тыс. пудов ячменя[163]. В Кубинском уезде оккупанты бросили около 4 тыс. пудов ячменя[164], в Ивановском уезде — 10 тыс. пудов пшеницы и около 2 тыс. пудов ячменя[165], в Петропавловском уезде — около 13 тыс. пудов зерна[166]. На станции Уджары турки оставили 1050 пудов пшеницы и 2200 пудов ячменя[167]. Эти данные свидетельствуют о том, что турецкое командование отбирало у населения продовольствие не только в целях обеспечения текущих нужд армии, но и для вывоза награбленного в Турцию.

Население Азербайджана продолжало голодать и после ухода турецких войск, так как оставленное турками продовольствие мусаватское правительство в феврале 1919 г. передало военному министерству[168].

Турецкие оккупанты по собственному усмотрению чинили суд и расправу над населением Азербайджана, полностью при этом игнорируя мусаватские власти.

Так, прокурор Гянджинского окружного суда доносил, что в казахской уездной тюрьме турки держат мусульман, арестованных без всякого на то основания. Просьбу мусаватских властей освободить арестованных турецкий комендант оставил без внимания[169].

Турки подвергали арестованных нечеловеческим пыткам. В докладной записке одного адвоката, адресованной главе мусаватского правительства, отмечалось, что «заключенные в гянджинской тюрьме были закованы в кандалы, рассажены в одиночные карцеры и лишены прогулок... заключенные были подвергнуты мучительным жестоким истязаниям. Каждому из них наносилось несколько сот ударов плетьми и палками... Истязания эти проводились систематически и ежедневно, впрочем, некоторых били особенно беспощадно, заставляя их принимать на себя вину в совершении разного рода преступлений...»[170].

163 Там же, ф. 334, оп. 1, д. 36, л. 12—13.
164 Там же, л. 16—17.
165 Там же, л. 22.
166 Там же, л. 27.
167 Там же, л. 24.
168 Там же, д. 54, л. 4.
169 Там же, ф. 95с, оп. 2, д. 11, л. 100.
170 Там же, ф. 100, оп. 2, д. 33, л. 18—19.

По сообщению печати, в июле 1918 г. в Стамбул собиралась выехать «делегация от азербайджанских граждан», чтобы «просить турецкое правительство принять меры против насилий, чинимых турецкими аскерами над гражданами Азербайджанской республики. Население станции Евлах направило к Нури-паше своих представителей с жалобой на аскеров, которые насилуют девушек и избивают мужчин. Турецкие солдаты часто заходили в дома мирных жителей, требуя для себя награды за «освобождение азербайджанской нации от гяуров»[171].

Неприкрытый произвол оккупантов вынудил министра юстиции мусаватского правительства сообщить главнокомандующему турецкими войсками в Азербайджане о фактах самоуправства турок в Гяндже, Казахе и других городах и районах Азербайджана[172]. Разумеется, подобного рода обращения не оказывали на турецкое командование никакого влияния.

Творя бесчинства и насилия над азербайджанцами, оккупанты лицемерно называли их «единокровными братьями», которых они пришли «спасти» от «угрозы большевизма». Упоминавшийся выше турецкий полковник Беркук писал: «Наше правительство... обещало признать и утвердить независимость этих народов...»[173] (имелось в виду мусульманское население Азербайджана и Северного Кавказа.— *Е. С.*). Под этой «независимостью» турецкие захватчики понимали прямое присоединение Кавказа к Турции.

Для прикрытия своих истинных целей младотурки еще в мае 1918 г. дали своим агентам в мусаватской партии указание начать кампанию за «независимый Азербайджан». В письме на имя Энвера, посланном мусаватской делегацией на Батумской конференции, отмечалось: «Несмотря на нашу просьбу о полном присоединении мусульманской части Закавказья к Турции, нам мотивированно объяснили, что «большая политика» Турции требует, чтобы мы пока были независимы и сильны... Мы приняли эти указания, сознательно согласившись с ними»[174]. Ес-

---

171 ЦГИА АрмССР, ф. 200, д. 53а, л. 18—19 (газетные вырезки).

172 ЦГАОР АзССР, ф. 95, оп. 2, д. 33, л. 18—19.

173 Berkuk, s. 31.

174 См. «Труды Азербайджанского филиала ИМЛ», VIII, Баку, стр. 79.

ли младотурецкие заправили в целях «большой политики», то есть захвата всего Кавказа, до поры до времени скрывали свои аннексионистские стремления, то турецкие военачальники, опьяненные своими призрачными успехами, не стесняясь, разглагольствовали о подлинных причинах интервенции в Закавказье.

Назим-паша, предшественник Нури-паши на посту командующего турецкими войсками в Закавказье, после оккупации Гянджи заявил местным жителям: «...Давнишняя мечта Турции о воссоединении с единоверными родственными народами, наконец, сбылась... Теперь разоружайтесь — винтовки больше не нужны мирному населению. Мои аскеры обеспечат Ваш покой»[175].

Участник этой интервенции полковник Рюштю, касаясь договора, заключенного между Турцией и мусаватистами в Батуме, пишет, что этим документом предусматривалась «турецкая помощь Азербайджану для борьбы против большевиков»[176]. Выполнение этой «миссии», как мы видели, сопровождалось погромами и грабежами, что не мешало турецким оккупантам постоянно трубить о своей «помощи» мусульманам в «освобождении от русского ига». Сохранилось немало воззваний турецкого командования, которые фарисейски призывали население оккупированных районов Закавказья «к покорности и повиновению».

Так, в воззвании от 1 августа 1918 г. коменданта турецких войск в Зангезуре Иззет-бека отмечалось, что местные мусульмане долгое время находились под невыносимым гнетом царизма, что теперь им удалось «освободиться» при помощи турок. «Мы,— гласило воззвание,— протягиваем вам братскую руку, берите ее. Если мы подадим друг другу руки, мы откроем дорогу к безграничному счастью. Покорность и услужливость достойны любви»[177].

Стамбульская газета «Тасвири эвкяр» в номере от 6 мар-

---

[175] См. «Бакинский рабочий», 29.VI 1918.

[176] Rüştü, Büyük harpte Bakû yollarında 5 Kafkas piyade fırkası. См. «Askerî mecmuanın tarih kısmı». Istanbul, 1934, Sayı 34, s. 7.

[177] Архив Армянского филиала ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 33, д. 1256, л. 43.

та 1918 г. писала, что единственное стремление Турции — объединиться со своими собратьями, кавказскими турками, и освободить их «от ярма, в котором они находятся уже много веков»[178].

Таким образом, турецкие милитаристы, говоря об оказании «помощи» мусульманскому населению Кавказа, на деле стремились к ликвидации Советской власти в Баку и к захвату всего края.

Аннексионистские планы турецких захватчиков целиком поддерживали мусаватисты. В начале июля 1918 г. мусаватское правительство направило в Стамбул делегацию для выражения своих верноподданнических чувств. Глава делегации Расул-заде в присутствии Энвера просил султана взять под свое «высокое покровительство» как Азербайджан, так и все мусульманские народы, создать могучее исламское государство под верховенством Турции — этого центра мусульманского мира[179].

Другой лидер партии мусават Али Мурад-бей Тобчибашев, входивший в состав этой делегации, раболепно писал: «Милостью божьей удалось мне достичь цели — увидеть халифа всех мусульман и падишаха турок... Мы, азербайджанские тюрки, всегда будем и хотим жить милостью халифа всех мусульман, падишаха османов...»[180].

Мусульманские народы Закавказья отвергли пантюркистские планы турецких захватчиков и их прямых агентов-мусаватистов. Вторжение турецких войск в пределы Закавказья очень быстро раскрыло населению края подлинные намерения оккупантов. С каждым днем все более росла ненависть народов Закавказья к турецким поработителям. Это позднее признавали сами участники турецкой интервенции. Так, Беркук, описывая поход 5-й турецкой дивизии в Закавказье, отмечает, что ее положение было крайне трудным. По его словам, эта дивизия «провела очень горькие минуты в результате кровавых и жестоких боев в Азербайджане, оставшись без боеприпасов и снаряжения»[181].

[178] Цит. по „La voix de l'Arménie", Paris, 1918, № 10, p. 15.

[179] ЦГАОР АзССР, ф. 211с, оп. 1, д. 30, л. 1—2.

[180] Там же.

[181] Berkuk, s. 19.

Мусульманские народные массы Закавказья ненавидели турецких оккупантов так же, как и другие народы края. Об этом, в частности, свидетельствует секретный приказ командующего 3-й армией Вехиб-паши подчиненным ему войскам. В нем он требовал «поднять политический престиж Турции в глазах мусульман Закавказья, которые настраиваются все враждебнее в отношении турок»[182].

* * *

От турецкой интервенции в Закавказье особенно сильно пострадало армянское население. Во всех оккупированных районах Закавказья младотурки продолжали свою политику истребления армянского народа. На Трапезундской конференции в ответ на требование закавказской делегации о предоставлении Западной Армении автономии турецкие представители нагло ответили: «Там нет армян и не будет, ибо где пройдет турецкий солдат — там армян не останется»[183].

Младотурки так и поступали. При оккупации района Ардагана ими было перебито несколько тысяч армян из числа местных жителей и беженцев. «Расправившись с мужчинами,— рассказывала свидетельница этих злодеяний,— турки ограбили нас дочиста и, раздевши до нижнего белья, отправили в Ахалкалаки, куда мы в количестве нескольких тысяч женщин и детей шли пешком в течение целого месяца, страдая от голода и холода»[184].

Другой очевидец пишет, что во время наступления турок на Ардаган все окрестные армянские села были сожжены, а их жители расстреляны. Турки предавали огню целые деревни, предварительно отобрав красивых девушек и женщин, которых насиловали, а потом убивали. В Ардагане турки тотчас после его захвата начали погром армянского населения[185].

В Карсской области вторжение турецких войск также сопровождалось истреблением армян и захватом их имущества. «Во всей области в данное время не осталось ни одного живого

182 ЦГА АрмССР, ф. 200, д. 53а, л. 78.

183 Там же, д. 38, л. 103.

184 Там же, д. 95, л. 50—52.

185 Там же, л. 85, 91.

армянина,— сообщал очевидец. — Ко времени наступления турецких войск все пути для бегства армян из Ардаганского и Ольтинского округов были отрезаны... поэтому почти все армянское население этих округов осталось на месте и было перебито»[186].

Советское правительство подняло голос протеста против творимых младотурками зверств. 13 апреля 1918 г. германскому послу в Тифлисе была послана нота Народного комиссара иностранных дел РСФСР Г. В. Чичерина. В ней говорилось: «Турецкая армия продвигается к Батуму, Карсу и Ардагану, разоряя страну и уничтожая крестьянское население. Ответственность за дальнейшую судьбу армян ложится на Германию, ибо по настоянию ее и были выведены русские войска из армянских областей...

Трудно мириться с мыслью, что такое культурное государство, как Германия, имеющее возможность воздействовать на свою союзницу Турцию, позволило, чтобы Брестский мирный договор послужил для армянского народа, втянутого помимо своей воли в эту мировую войну, источником неисчислимых бедствий. Поэтому Совет уверен, что Вами будут приняты необходимые меры, зависящие только от Вас, к воздействию на турецкие власти с целью предотвращения уничтожения мирного населения так, как это имело место в Ардагане»[187].

Получив ноту, германское правительство ничего не предприняло для пресечения резни армян турецкими погромщиками. Турецкие войска продолжали беспощадно истреблять мирное армянское население.

Армяне—жители Карского и Кагызманского округов—успели укрыться в Карсе. Неожиданная сдача города туркам (24 апреля 1918 г.) вызвала там панику. Армянское и русское население Карса, бросив все свое имущество, бежало в Александрополь[188]. Но турки и здесь учинили кровавый разбой. Вот что сообщал корреспондент газеты «Кавказское слово»: «В городе творилось нечто страшное, жуткое, что можно лишь чувство-

[186] «Документы и материалы», л. 281.

[187] «Великая Октябрьская социалистическая революция и победа Советской власти в Армении» (Сборник документов), Ереван, 1957, № 146.

[188] «Документы и материалы», л. 350.

вать, но нельзя передать. В истерике бились женщины... Многие в одном белье, схватив детей в охапку, бросив все, бежали... Александрополь пал к ночи»[189].

Захватив Александрополь, турецкие оккупанты вывезли из города все запасы продовольствия, скот, мануфактуру[190]. В руки турецких войск попали крупнейшие склады тыла Кавказской армии, в которых хранилось огромное количество боеприпасов и военного имущества примерно на несколько миллионов рублей золотом[191].

В докладе председателя правления Александропольского землячества от 1 декабря 1918 г. перечислены тяжкие потери и разрушения, причиненные Александрополю и его уезду. Села Артик, Кичак, Архвали, Башгюх были полностью разграблены. В Артике во время погрома было перебито все мужское население, изнасилованы и увезены многие женщины и девушки. Той же участи подверглись крупные села Чухан, Илхнаби, Омарташ, Хором и многие другие.

«Вообще из более чем 120 армянских сел Александропольского райсна, благоустроенных и многолюдных, богатых и цветущих, ни одно не избежало разрушительного и сокрушительного действия турецкого меча и ятагана... Вся цветущая молодежь армянских сел,— говорится в этом документе,— подобно осенним листьям, покрыла своими трупами вершины, склоны и подножья гор. Во всех этих селениях турки проявили свирепость древних ассирийцев»[192].

Погромы и массовые избиения армян совершались также в Караклисе и на всей территории Лори-Памбакского, Ахалкалакского и Ахалцихского уездов — везде, где появлялись турецкие войска. О зверствах турок, совершенных в Караклисе, в одном из документов сказано: «...По отданному секретному приказу началось поголовное избиение военнопленных армян и мирных жителей... Пленных армян, связанных друг с другом веревками, уводили партиями в ближайший лес. Десятками и сотнями расстреливали офицеров и солдат. Одновременно и в

189 «Кавказское слово», 8.VI 1918, № 116.

190 Газ. «Известия», 18.VI 1918, № 86.

191 Архив Армянского филиала ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 20, д. 81, л. 1.

192 «Документы и материалы», л. 352—355.

самом селе шла поголовная резня жителей-армян. Многие семьи вырезаны совершенно. Мужчин в селе почти не осталось»[193].

Турецкие оккупанты вывезли из Караклиса и окрестных сел всю пшеницу, скот, награбленные ценности из церквей и учреждений. «Турецкие власти,— сообщала тифлисская газета «Борьба», — реквизируют у населения зерно и скот, расплачиваясь какими-то расписками. Одну восьмую урожая турки берут совсем без платы, говоря: так полагается по шариату»[194].

В Ахалкалакском уезде турецкими войсками было разрушено и разгромлено 62 армянских селения. Городские и сельские жители, бросив все свое имущество, укрылись в лесах и начали партизанскую борьбу с турками[195].

В докладе комиссии по установлению потерь, нанесенных армянскому народу во время мировой войны 1914—1918 гг., отмечены бесчинства турецких войск в Лори-Памбакском уезде. Разбив в неравном бою поднявшихся на борьбу местных жителей, турки ворвались в Джалалоглы (Степанаван) и учинили поголовную резню. Захватчики вывезли из уезда все запасы продуктов и весь скот.

«После возвращения населения в Джалалоглы,— пишет очевидец,— он представлял собой какой-то мертвый город, где раздавался лишь лай собак»[196].

Из захваченных районов Армении турки угнали всех юношей и трудоспособных мужчин. Большинство их погибло в пути от зверских истязаний. Лишь немногие, вернувшиеся из Турции после ее поражения в мировой войне рассказывали, что их использовали на каторжных работах, впрягали при этом в повозки и подгоняли железными прутьями. Подавляющая часть армян не могла выдержать этих нечеловеческих условий существования на турецкой каторге и гибла от пыток и голода.

Трудно определить общее число угнанных армян. Достаточно отметить, что только из Александропольского уезда турецкие военные власти выслали в Турцию свыше 6 тыс. человек,

---

193 Там же, л. 347.

194 «Борьба», 21.VI 1918, № 123.

195 «Документы и материалы», л. 357.

196 ЦГИА АрмССР, ф. 200, д. 95, л. 36.

из Ширака и Памбака 8 тыс. человек. Вернулась же лишь одна двенадцатая часть[197]. Очевидец этих событий рассказывал о том, в каком состоянии возвращались люди, перенесшие турецкий плен: «Все тела их были в язвах от побоев. Исхудавшие, они едва стояли на ногах. На них не было даже одежды, и наготу их прикрывали лишь куски войлока в виде большого фартука с дырой для головы. Многие из вернувшихся умирали от истощения»[198].

Стремясь очистить захваченные районы Восточной Армении от коренного населения, турецкие власти, помимо прямого физического уничтожения, прибегали также к излюбленным ими в Западной Армении методам лишения уцелевшей части армян экономических основ существования.

Все эти злодеяния не носили стихийного характера, их нельзя квалифицировать как мародерство или проявление разнузданности со стороны турецких солдат. Речь идет о методическом осуществлении заранее разработанной программы. Турецкое командование преследовало определенную сознательно поставленную цель: уничтожить наиболее трудоспособную часть армянского населения и подорвать его экономические силы.

По распоряжению турецкого правительства в оккупированных районах Армении с населения регулярно взимался десятинный налог (ашар) в размере одной восьмой части всех зерновых продуктов, сена и соломы, а также налог (мубаят) в размере двух восьмых урожая, в отличие от ашара взыскивавшийся за плату. За своевременный сбор налогов перед турецкими властями ответственны были сельские старосты (мухтары) и священники. Лица, прятавшие урожай, подвергались наказанию — у них конфисковывался весь хлеб[199].

Уплата этих налогов в условиях, когда турецкие войска уничтожили большую часть посевов, лишала крестьянское население последнего куска хлеба. Если посевы погибали в результате стихийных бедствий, крестьяне все равно должны были платить ашар, но уже в денежном выражении на основе исчисления урожая на корню.

---

197 Там же, л. 22, 128.

198 Там же, л. 22.

199 Там же, д. 38, л. 128

Сбор налогов турки сопровождали избиениями и применением всяческих насилий. Сборщики налогов — мухтары и баш-мухтары — приезжали в села в сопровождении аскеров и забирали весь урожай. Чтобы избежать этого произвола, крестьяне вынуждены были давать взятки. Собранные налоги крестьяне обязаны были на своих повозках доставлять туда, куда указывали мухтары[200].

В многочисленных письмах, адресованных консулу дашнакского правительства в Александрополе, армянские крестьяне жаловались на турецкие власти, которые под видом сбора налогов забирали буквально все. В обращении крестьян села Махмуджуг от 4 октября 1918 г. указывалось, что в результате турецкого разбоя «поля остались почти незасеянными, мы едва могли засеять $^1/_{10}$ часть... в селе царит голод. Ныне требуют с нас ашар и мубаят — $^3/_8$ части всех посевов. Между тем, полученного зерна не хватает не только для прокормления, но даже для осеменения полей к будущей весне. Если начальство не обратит внимания... то, безусловно, мы погибнем от голода, нуждаясь в куске хлеба». В другом документе отмечалось, что в районе Караклиса турецкие чиновники под видом ашара и мубаята отбирают у армян всю пшеницу, картофель, ячмень, выдавая им расписки и успокаивая обещаниями, что расчет якобы будет произведен в Александрополе[201].

Турецкие военные власти облагали налогами даже городское население в размере 6% стоимости недвижимого имущества[202]. Жители Карса, Александрополя, Караклиса, ограбленные турками в первые же дни оккупации, не могли заплатить этот налог.

Оккупанты объявили собственностью казны имущество тех армян, которые, спасаясь от гибели, вынуждены были бежать, бросив все свое имущество. Так как последние составляли подавляющее большинство, то турки сумели присвоить огромные ценности, принадлежавшие городскому населению Армении.

Политику истребления армян турецкие военные власти осуществляли и в период оккупации Азербайджана. Когда

200 Там же, ф. 200, д. 26, л. 11.

201 Там же, д. 53б, л. 86.

202 Там же, д. 38, л. 24.

15 сентября турецкие войска ворвались в Баку, они немедленно приступили к массовому грабежу и варварскому уничтожению частных квартир, учреждений, лабораторий, магазинов, аптек. Погром и резня продолжались трое суток. За это время в Баку было убито около 30 тыс. армян. Трупы валялись десять дней, так как недоставало перевозочных средств. На улицах города стоял невыносимый трупный запах[203].

Аскеры нередко вымогали у бакинских армян крупные выкупы за обещание сохранить им жизнь, но потом все же их убивали. Очевидец рассказывал, что ворвавшись в сиротский приют, турецкие солдаты выбросили всех армянских детей из окна четвертого этажа[204]. Другой свидетель описывал, как аскеры, предварительно ограбив, расстреляли несколько сот схваченных ими в Баку армян[205]. Многие арестованные армяне были выведены из бакинских тюрем и утоплены в море[206]. Захватчики не щадили даже больных. «В Балаханской больнице,— свидетельствует один документ,— во время бакинской резни было расстреляно двести пятьдесят больных армян и армян, составлявших большинство медицинского персонала»[207].

С той же свирепостью действовали турецкие войска в оккупированных ими районах Азербайджана. Захватив армянские села Арешского уезда: Гаварлы, Кендек, Мазурги, Арешбазар, Халават, турки потребовали от населения немедленного перехода в ислам, угрожая в случае отказа поголовным истреблением. По словам очевидца, «армяне из села Кендек, Мамедаберд и Гаварлы с отвращением отвергли предложение турок, но армяне селения Мазурга, будучи со всех сторон окружены турками, принуждены были принять магометанство, а кендекцы, гаварлийцы, мамедабердцы пострадали, потому что не хотели сдаться»[208]. В заявлении армян—жителей этого уезда—указывалось, что турецкие войска, как только появились, «начали

---

203 «Документы и материалы», л. 348—349

204 Там же.

205 ЦГИА АрмССР, ф. 200, д. 95, л. 8, 10, 15.

206 Там же, л. 17—18.

207 Там же, л. 12.

208 Там же, л. 53—54.

убивать и резать поголовно всех армян, оставляя только красивых женщин»[209].

В других армянских селах оккупанты перебили молодежь, а остальное население увели в плен, предварительно отобрав красивых женщин и девушек[210]. Те армяне, которые успели уйти в горы, стали на путь вооруженной борьбы с турецкими насильниками[211].

* * *

Трудящиеся массы Закавказья на своем горьком опыте убедились, что изгнание турецких захватчиков является предварительным условием освобождения края от их агентуры — мусаватистов — и от господства националистических партий — меньшевиков и дашнаков. Только таким путем народы Закавказья могли добиться победы Советской власти и тесного единения с Советской Россией.

Единственной партией, которая призывала трудящихся Закавказья к борьбе с турецко-германскими оккупантами, была партия большевиков. Она неустанно разоблачала предательские действия мусаватистов, меньшевиков и дашнаков — прямых пособников интервентов и виновников иностранной оккупации, всех бед и несчастий, обрушившихся тогда на народы Закавказья.

В резолюции по текущему моменту, принятой Кавказским краевым комитетом РСДРП 13 апреля 1918 г., говорилось: «В полном согласии и соподчинении германскому империализму наступает захудалый турецкий империализм. Боясь, что революция может перекинуться в Турцию, может найти отклик в сердцах измученного, голодного и голого турецкого народа, может освободить угнетенные и стонущие под ее игом народы, турецкие хищники-паши кровно заинтересованы не только в окончательной победе бекской контрреволюции в Закавказье, поддерживаемой националистическими партиями и меньшевиками включительно, но и в приостановлении социалистического

---

[209] Там же, д. 140, л. 129.

[210] Там же, л. 24.

[211] „La voix de l'Arménie", 15.X 1918, № 20, p. 156.

революционного движения на Кавказе, в разгроме и уничтожении пролетарско-крестьянской республики России.

Эти хищники в союзе с бекскими бандами хотят огнем и мечом пройти все пространство и с тыла напасть на великую Российскую социалистическую революцию для объединения фронта с западным империализмом и окончательного удушения социализма»[212]. Таким образом, большевики рассматривали турецко-германскую интервенцию в Закавказье как часть общего замысла империалистических держав, состоявшего в разгроме и ликвидации Советской России.

Кавказский краевой комитет РКП(б) в своем воззвании от 18 апреля 1918 г. призывал трудящиеся массы бросить все силы на борьбу с турецкими агрессорами: «Пробил решительный час, более сильный враг стал на пороге нашей борьбы за Советскую власть на Кавказе.

Товарищи, рабочие, крестьяне и солдаты!

С полным сознанием революционного долга и чести — все за оружие!

На карту поставлена судьба величайшей из всех революций. Смерть или победа»[213].

Основная масса трудящихся Закавказья шла за коммунистами, разоблачавшими истинные намерения турецко-германских захватчиков.

Огромную роль в организации отпора иностранным интервентам в Закавказье сыграл руководимый большевиками Бакинский Совет. Он развернул широкую пропаганду среди трудящихся края, поднимал их на борьбу с турецкими войсками. В резолюции Бакинского Совета от 7 июня 1918 г. говорилось: «Заслушав доклад... о политическом положении в Закавказье и радиотелеграмму из Тифлиса о подписании мира и согласии меньшевиков и дашнаков пропустить турецкие войска против Баку, Бакинский Совет рабочих, красноармейских, матросских и крестьянских депутатов подтверждает свои прежние решения о преступной политике Закавказского сейма и клеймит как предателей: гг. Чхеидзе, Чхенкели, Качазнуни и К°...

---

[212] «Бакинский рабочий», 14.IV 1918, № 65.

[213] Архив Армянского филиала ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 33, д. 2, л. 28.

Бакинский Совет рабочих, красноармейских, матросских и крестьянских депутатов высказывает свое твердое убеждение, что нашей армии при единодушной поддержке пролетариата удастся не только отстоять единственный очаг революции в нашем крае — город Баку, но и двинуться победоносно вперед и в союзе со всем пролетариатом и крестьянством Закавказья избавить край не только от ига турок и мусаватистов, но и предательских партий — тифлисских меньшевиков и дашнаков, утвердить в Закавказье Советскую власть и установить единство с революционной Россией»[214].

Благодаря усилиям большевиков по всему Закавказью народные массы поднимались на борьбу с интервентами. «Кавказские горы и ущелья, поля и луга,— писала бакинская газета «Տեղեկություններ» («Известия»),— будут могилой для турецких аскеров и германских юнкеров. Трудящиеся Закавказья бодрствуют, их ярость велика, ненависть безгранична. Стало быть, знайте хорошо, что каждый пролетарий, женщина или мужчина, старик или юноша, готов умереть за свою свободу...»[215].

Основной формой сопротивления чужеземным захватчикам в тот период была партизанская война. Отряды партизан внезапными нападениями уничтожали вражеские склады, вооружения, амбары с продовольствием, выводили из строя железнодорожные линии, нападали на военные гарнизоны, истребляли офицеров и солдат.

Широко развернулась партизанская война в Армении. В призыве Александропольского комитета РКП(б) к трудящимся вступать в отряды Красной гвардии для борьбы против турецких интервентов говорилось: «Настал решающий час... С полным сознанием революционного долга и чести мы должны отправиться на фронт»[216]. «Повсюду на Кавказе,— сообщал журнал «Голос Армении»,— армяне организуются в отряды для борьбы с турецкими войсками»[217].

---

[214] «Бакинский рабочий», 9.VI 1918, № 108.

[215] «Տեղեկություններ» («Известия»), № 43, 1918.

[216] Архив Армянского филиала ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 33, д. 752, л. 1—2.

[217] „La voix de l'Arménie", 15.X 1918, № 10, p. 354.

С. Шаумян в своей речи, произнесенной в Баку 29 мая 1918 г. на заседании Совета рабочих солдатских и матросских депутатов, подчеркивал, что критическое положение, создавшееся в результате предательской политики Закавказского сейма, «побуждает армянских крестьян выступать с оружием в руках и низложить бесстыдных руководителей своих, дашнакцаканов, которые позорно предали их. В их руках находилось около 30 000 армянских солдат-фронтовиков. С этой силой можно было творить чудеса. Я не говорю уже о громадной массе вооруженных крестьян, которая одна могла бы справиться и с турками, и со всеми контрреволюционными силами в Закавказье. Если бы во главе армянских крестьян стояли не предатели...»[218].

Разоблачая дашнаков, старавшихся оправдать свою капитуляцию перед турками, Шаумян говорил: «Объективные условия сложились так, что в Закавказье была громадная вооруженная сила, готовая выступить против слабой Турции. Одних только армянских сил было достаточно, чтобы справиться с ними, но вы (обращается к дашнакам.— *Е. С.*) с меньшевиками и мусаватистами дезорганизовали ряды войск, не тех войск, которые жаждали мира после трехлетней войны, а тех армянских войск, которые готовы были умереть и удержать свою страну. Вы развратили эти войска, вот в чем ваша вина, вот в чем ваше преступление»[219].

Несмотря на режим свирепого террора, установленный турецкими оккупантами в захваченных районах Армении, тысячи людей, укрывшись в горах и лесах, беспрерывно нападали оттуда на врага, изматывая его силы.

Во многих местах Армении бесчинства турецких погромщиков вызывали у населения стихийные вспышки сопротивления. Так, когда в селе Ширванджук турецкие солдаты потребовали от крестьян бесплатно продуктов, это было исполнено. Затем аскеры потребовали от них выдачи красивых женщин и девушек, но выполнить этот приказ жители решительно отказались. Тогда аскеры открыли стрельбу. В ответ крестьяне взялись за

---

218 Шаумян С. Г., Избранные произведения, т. 2, стр. 266.

219 Там же.

оружие и, защищаясь, убили шесть аскеров. Оставшиеся в живых бежали в Александрополь и сообщили о случившемся военным властям. В Ширванджук была послана карательная экспедиция, встретившая организованный отпор со стороны местных и окрестных жителей. В жарком бою с обеих сторон было много убитых и раненых[220].

Представитель дашнакского правительства при турецких властях в Александрополе сообщал, что при отступлении дашнакских войск из Александропольского района в ряде сел местная молодежь бралась за оружие и оказывала вооруженное сопротивление турецким захватчикам[221].

Турецкий комендант Александропольского района Мехмет Теджир в своем секретном приказе отмечал, что население армянских сел Артик, Ширванджук, Махинджук было «наказано по всей строгости военных законов» за вооруженные выступления против турецких войск. Он требовал от своих подчиненных еще раз объявить населению о немедленном уничтожении сел, поднявших оружие против турок[222].

Об упорной борьбе армянских крестьян свидетельствовал сам Карабекир-паша. «Сельское население к югу от Александрополя, в районе Ширванджук и Махинджук,— писал он,— уничтожив турецкие склады и перебив охрану, ушло в горы с оружием в руках»[223].

Героическое сопротивление турецким агрессорам оказывало армянское население районов Сардарабада, Баш-Абарана и Караклиса. Захватив 15 мая Александрополь, турки были уверены, что им в течение нескольких дней удастся оккупировать всю Армению и Грузию, так как после падения Александрополя остатки дашнакских войск быстро отходили. Командующий дашнакской армией Назарбеков отступил к Дилижану и телеграфировал оттуда Национальному совету, что у него осталось всего 300 человек.

---

[220] ЦГИА АрмССР, ф. 200, л. 95, л. 104.

[221] Там же, л. 38, л. 85—95.

[222] Там же, л. 126.

[223] Karabekir paşa, Birinci Kafkas Kolordusunun 334 senesindek harekâtı ve meşhudatı hakkında general Harbord riyasetindeki Amerikaî heyetine takdim edilen rapor süreti, Erzurum, 1935 (1919), s. 9.

Уверенные, что не встретят более серьезного сопротивления, турецкие войска продвигались по трем операционным направлениям: Александрополь—Эривань, Александрополь—Караклис—Тифлис и Караклис—Дилижан—Казах—Баку. 30-тысячная армия Шефки-паши, наступая в Эриванском направлении, 22 мая заняла Сардарабад (Октемберян). До Эривани оставалось всего 30 км. В этот критический момент бегства дашнакских войск и стремительного натиска турок на защиту родного города встали трудящиеся Эривани и окрестных сел. Вооружаясь чем попало, они в неравных боях под Сардарабадом, длившихся с 22 по 26 мая, отбросили врага, нанеся ему тяжелые потери[224]. Благодаря героизму масс Эривань и прилегающие к нему районы были спасены от турецких интервентов.

В трехдневном сражении разгромлены были и турецкие войска, наступавшие в Баш-Абаранском направлении[225].

Крестьянское население с помощью примкнувших к ним солдат развалившейся дашнакской армии в кровопролитных боях под Караклисом 25—28 мая остановило наступление турок.

Против интервентов поднялись крестьяне в Памбакском, Дилижанском и Казахском уездах. К ним присоединилась часть беженцев из Западной Армении, Карсского, Александропольского и других районов Восточной Армении, общее число которых доходило до 500 тыс. человек. Этому огромному скоплению людей угрожала гибель, если бы туркам удалось захватить Памбак и Караклис, где была сосредоточена основная масса беженцев.

Газета «Мшак» следующим образом описывала события под Караклисом: «Крестьяне Караклиса и окрестных сел, узнав, что турки хотят напасть на аКраклис, все как один решили умереть, но не сдаться. Оставшиеся армянские солдаты, объединившись с местными крестьянами, приняли все меры, чтобы остановить врага. В боевые части вступили даже старики и подростки...»[226]. «Настроение было настолько приподнятым, что

224 ЦГИА АрмССР, ф. 200, д. 132, л. 940—941.

225 Там же, ф. 57, д. 582, л. 95.

226 «Мшак», 1918, № 104.

бойцы шли в бой с песнями»[227]. Противник имел свыше 10 тыс. солдат с 70 орудиями и 40 пулеметами. Отряды армянских повстанцев насчитывали 5—6 тыс. бойцов. В их распоряжении имелось всего 10 орудий и 20 пулеметов. Стихийно возникшие отряды успешно отразили яростные атаки превосходивших сил турок. Затем, перейдя в наступление, они отбросили противника от Караклиса.

Турецкое командование спешно перебрасывало из Карса и Александрополя новые силы, в то время как силы армян в ожесточенных боях таяли и боеприпасы иссякали. Получив подкрепление, турецкие войска перешли в атаку и 26 мая ворвались в Караклис. Но по признанию, сделанному тогда же Вехиб-пашой — командующим турецкими войсками на Кавказском фронте, «турки только ценою больших потерь смогли достичь успеха»[228]. Во время Батумских переговоров он как-то заявил: «...Это была редкая битва в истории этой войны... Под Караклисом армяне показали, что они могут быть лучшими солдатами в мире»[229]. Карабекир-паша писал об этом сражении: «26 мая 11-я дивизия 2-го корпуса не имела успеха в районе Караклиса, где армяне оказались сильнее. Турецкая дивизия отступила на 4 километра и во время отступления подверглась нападению со стороны крестьян, вооруженных топорами»[230].

Героическое сопротивление армянских повстанцев заставило турецкое командование отказаться от захвата Эривани и временно задержать переброску войск по железной дороге Александрополь—Джульфа для похода на Баку. Турецкие захватчики вынуждены были внести существенные коррективы в план завоевания Армении.

По этому вопросу в правительственных кругах Турции разгорелись споры. Некоторые министры, предвидя со стороны армян еще более упорное сопротивление, предлагали воздержаться от дальнейших наступательных операций в Армении. В первую очередь они считали необходимым захватить Баку, уничтожить там Советскую власть и осуществить на Кавказе пантюр-

[227] Там же, № 94.
[228] «Кавказское слово», 1918, № 108.
[229] ЦГИА АрмССР, ф. 200, д. 11, л. 63.
[230] Karabekir paşa, s. 9.

кистские планы. Им казалось, что после занятия Азербайджана оккупация остальных районов Армении не будет сопряжена с особыми трудностями. «Мы будем водить армян за нос до тех пор, пока нам нужны солдаты для фронта,— говорил Вехиб-паша,— а потом при помощи курдов и татар заставим их задохнуться в том мешке, в котором они сидят»[231]. Под «мешком» Вехиб-паша подразумевал крохотную Армению, «независимость» которой была с согласия младотурецких лидеров прокламирована дашнаками 28 мая во время Батумской конференции.

Согласие младотурок на создание дашнакской Армении, как видим, было вынужденным, так как турецкие войска натолкнулись на яростный отпор армянского народа. Провозглашение независимости было лишь тактическим маневром, при помощи которого Энвер рассчитывал облегчить туркам удушение в ближайшем будущем оставшейся части Армении[232].

Во время подписания Батумского соглашения глава турецкой делегации Халил-бей заявил: «Оттоманское имперское правительство управляло своими чувствами с большим спокойствием и поручило мне подписать документ, признающий существование армянского правительства»[233].

Дашнакские заправилы, давно мечтавшие стать хозяевами «независимого» армянского государства, пришли в восторг от «щедрости» турецких погромщиков. У председателя дашнакской делегации Хатисова закружилась голова от мысли, что Армения становится «независимым» государством, а он сам — одним из вершителей ее судеб. В ответной своей речи Хатисов сказал: «Сегодня армяне приобрели право на национальное существование и вступили в семью независимых государств... Этот большой день является торжественной датой в истории армян. Мы хотим, чтобы между Оттоманской империей и Рес-

---

231 ЦГИА АрмССР, ф. 200, д. 11, л. 79.

232 Косвенным подтверждением этого являются слова Энвера, сказанные им в 1918 г. в Стамбуле представителям дашнакского правительства: «Турецкие министры две недели думали — создать Армению или нет, и, наконец, решили создать, потому что так было выгодно как для армян, так и для турок». «Ձանգ» («Занг»), 1918, № 58 (74).

233 ЦГИА АрмССР, ф. 200, д. 74, л. 40—41.

публикой Арменией был установлен прочный мир и вечная дружба...»[234].

Дашнакские халуи пресмыкались перед младотурецкими деятелями. Представитель дашнаков в Стамбуле Агаронян в письме от 6 сентября 1918 г. рекомендовал своему правительству сделать все возможное для поддержания «дружественных отношений» между двумя странами, подчеркивая при этом, что «армянский народ никогда не должен забывать о том, что у Османского правительства возникла идея о создании независимой Армении и оно само ее признало»[235]. Одновременно Агаронян требовал принятия строжайших мер для ликвидации вспыхнувших восстаний армян, на которые неоднократно жаловалось турецкое правительство[236].

В другом сообщении из Стамбула Агаронян и Хатисов писали в Эривань о протесте турок против действий добровольческих отрядов армян[237], руководимых бывшим генералом русской армии Андраником. Дашнакские главари требовали немедленного прекращения антитурецких выступлений[238].

Но никакие меры не могли пресечь героическое сопротивление народных масс турецким интервентам и правителям «независимой» Армении. Трудящиеся Армении, следуя примеру героев Сардарабада, Баш-Абарана и Караклиса, продолжали партизанскую борьбу, которая наносила огромный урон турецким оккупантам.

Командование турецких оккупационных войск, ссылаясь на пункт 5 Батумского мирного договора между Турцией и Арменией, неоднократно требовало от дашнакского правительства и командующего дашнакской армией генерала Назарбекова разоружения армян и прекращения боевых действий партизанских отрядов[239], которых младотурки именовали «бандами».

---

234 Там же.

235 Там же, д. 35, л. 34.

236 Там же, л. 17.

237 Эти отряды в 1914—1918 гг. в составе русской армии сражались на Кавказском фронте.

238 ЦГИА АрмССР, ф. 200, д. 35, л. 17.

239 Там же, д. 20, л. 160.

Так, Кязым Карабекир-паша заявлял дашнакам протест по поводу того, что, несмотря на передачу туркам железной дороги до Джульфы, крестьяне сел Агамазлу, Иманшалу и Кюлджисара постоянно обстреливали турецкую кавалерийскую часть, охранявшую линию железной дороги.

Энвер-паша в телеграмме на имя Лоссова сообщал, что «на Эриванской дороге до сих пор действуют банды, мешающие турецкому продвижению на Джульфу»[240].

В июне 1918 г. Кязым Карабекир-паша жаловался в Александрополе представителям дашнакского правительства: «Южнее Эривани со стороны армян совершены нападения на наши войска, в результате чего имеется масса убитых солдат и офицеров нашей армии»[241]. В другом своем заявлении, сделанном тогда же, он указывал дашнакам: «Утром 5 июня армянские вооруженные силы в составе 80 кавалеристов и 400 пехотинцев с одним пулеметом напали на наши части, находящиеся в Гечерлу, около Сардарабада»[242].

В обращении к дашнакам от 10 июля 1918 г. Кязым Карабекир-паша отмечал, что турецкие войска, двигаясь вдоль демаркационной линии, встречают со стороны местных жителей упорное сопротивление[243]. Он сообщал командующему дашнакской армией Назарбекову, что между Камарлу и Шахтахты вооруженные армяне, напав на турецкую разведку, отняли у нее все оружие[244].

Эти факты свидетельствуют о том, что армянский народ, вопреки воле дашнакских предателей, отказывался подчиниться турецким захватчикам.

Партизанские отряды взрывали железнодорожные мосты и полотно железной дороги, пускали под откос эшелоны. Кязым Карабекир-паша в протесте, адресованном дашнакам, писал: «В день прибытия в Нахичевань оттоманского поезда, отправленного в сторону Джульфы, был слышен взрыв в направлении к югу и западу от железной дороги. После расследования выяс-

240 Там же, д. 53а, л. 113.
241 Там же, д. 20, л. 74.
242 Там же, л. 152.
243 Там же, д. 20, л. 48.
244 Там же, д. 14, л. 93.

нилось, что все мосты, находящиеся на линии железной дороги, были взорваны»[245].

Известен героический подвиг русского машиниста Виноградова, которого силой заставили повести эшелон с турецкими войсками. Недалеко от станции Александрополь Виноградов нарочно развил большую скорость и свалил под откос все вагоны с турецкими солдатами. Сам Виноградов погиб. Следовавший за этим другой поезд, налетев на хвост первого, также потерпел крушение[246].

По сообщению турецкого командования, 17 июня в окрестностях станции Эчмиадзин появились вооруженные армянские отряды и завязали перестрелку[247]. Тогда же вооруженные жители селения Амамлу напали на эскадрон турецкой кавалерии. Во время боя были убиты один офицер и 23 кавалериста.

Население Камарлинского района отказалось выполнить приказ турецкого командования о сдаче оружия и очищении территории, отошедшей к Турции, несмотря на угрозу в случае неповиновения уничтожить все армянские деревни[248].

28—29 июня восстали жители селений, находящихся между Сардарабадом и Александрополем. Они напали на караулы турецких складов, убили караульных и уничтожили склады. Армянские крестьяне неоднократно нападали на турецкие войска в районе Баш-Абарана и Эчмиадзина[249].

Непризнание армянским народом кабального Батумского договора и его борьба с турецкими оккупантами находили многочисленные отклики в европейской прессе. «Дейли телеграф» 7 октября 1918 г. сообщала, что в Армении бушует пламя партизанской войны, сковывающей крупные силы турецких войск, которые могли бы быть использованы на других фронтах.

Возмущение народа предательской политикой дашнаков, их угодничеством перед турецкими интервентами не могло не отразиться на состоянии дашнакской армии. Последняя быстро разлагалась. Солдаты, покидавшие ее ряды, уходили в парти-

---

245 Там же, д. 20, л. 131.

246 «Правда», 10.VII 1918, № 141.

247 ЦГИА АрмССР, ф. 200, д. 20, л. 163.

248 Там же, л. 173.

249 Там же, д. 627, л. 40.

занские отряды, чтобы продолжать борьбу с турецкими поработителями[250].

Вопреки предательским распоряжениям дашнакских властей, впустивших турецких оккупантов в Армению, население оказывало последним яростное сопротивление. В связи с этим командующий турецкими войсками Эсад-бей 3 июня 1918 г. направил дашнакскому правительству протест, в котором указывал, что когда его части пытались на основании Батумского договора занять Нахичевань, Джульфу, Улуханлу и Камарлу, они были атакованы армянскими повстанцами и понесли при этом большие потери[251]. Несколько позднее Эсад-бей сделал специальное представление командующему дашнакскими войсками Назарбекову по поводу того, что 14 июня армянские партизаны южнее Улуханлу напали на турецкий отряд и убили 22 аскера[252].

Борьба армянского народа с интервентами приняла столь широкий размах, что об этом вынуждены были писать турецкие газеты. Так, «Танин» 1 июля 1918 г. сообщала, что «банды армян»... сражаются против турецких войск. Эти банды, имеющие на вооружении орудия и пулеметы, действуют в районах Эривани, Елизаветполя, Баку и Ширвана»[253].

Яркую страницу в историю борьбы с турецкими погромщиками вписали крестьянские массы Лорийского района. В районе была объявлена мобилизация всех мужчин для борьбы против турок. 22 мая 1918 г. в Джалалоглы состоялось чрезвычайное собрание представителей всех армянских сел района, на котором единодушно было решено сражаться до последних сил.

На рассвете 24 мая между Джалалоглы и сел. Чибухлу начался бой с турецкими войсками. Турки вынуждены были отступить. Но отход дашнакских войск из Амамлу и Караклиса позволил турецкому командованию перебросить освободившиеся силы против Джалалоглы и 26 утром оттеснить повстанцев. «Вступив в Джалалоглы,—писал свидетель событий,— турки

250 Там же, д. 33, л. 5.

251 Там же, д. 79, л. 60.

252 Там же, д. 33, л. 5.

253 Цит. по „La voix de l'Arménie", № 13—14, 1 и 15.VII 1918, p. 498—499.

поголовно расстреляли не успевших покинуть село мужчин... Турки разгромили по пути армянские села Сармсахлу, Бзовдалы, Кишляк, Дарабаз и др. Селения эти были преданы огню и часть жителей, не успевшая спастись, была истреблена»[254].

Один из видных руководителей кавказских большевиков — Г. К. Орджоникидзе, проявивший огромную заботу о спасении армянского народа от окончательной гибели, 12 октября 1918 г. телеграфировал Ленину: «Положение Армении трагическое, на небольшом клочке двух уездов Эриванской губернии скопилось 600 тысяч беженцев, которые гибнут массами от голода и холеры. В завоеванных уездах турки повырезали половину населения. Шушинский и Зангезурский уезды — оба завоеваны турками. *Население оказывает упорное сопротивление* (курсив наш. — *Е. С.*). Армянское население ждет помощи от Советской России»[255].

Советская Россия была отрезана от Закавказья плотным кольцом войск иностранных интервентов и белогвардейцев, с которыми она вела напряженную борьбу. Поэтому для оказания помощи народам Закавказья Советское правительство пыталось прибегнуть к средствам дипломатического воздействия.

В ноте протеста Советского правительства, адресованной правительству Германии 12 апреля 1918 г., указывалось, что наступление турецких войск на Кавказском фронте сопровождается массовым истреблением армянского населения и разграблением его имущества. «Договор, который мы принуждены были подписать в Бресте,— говорилось в ноте,— предоставлял судьбу населения Ардаганского, Карсского и Батумского округов волеизъявлению самого населения. Происходящее в этих округах свидетельствует, что десятками лет применявшаяся политика истребления армянского народа продолжается и ныне...

Ответственность за ужасы, которым подвергается армянское население в занимаемых ныне турецкими войсками областях, ложится на германское правительство, при прямой помощи которого Турция выговорила себе эти области»[256].

---

[254] ЦГИА АрмССР, ф. 200, д. 20, л. 131.

[255] Орджоникидзе Г. К., Статьи и речи, т. I, М., 1956, стр. 45.

[256] «Документы внешней политики СССР», т. I, № 127.

Советское правительство принимало также меры для прямой поддержки армянского народа в его борьбе с турецкими захватчиками. Советские органы содействовали созданию добровольческих отрядов из армян, проживавших в различных районах России. Эти отряды различными путями переправлялись в Армению. Специальный декрет Народного Комиссариата по делам национальностей вменял в обязанность всех советских организаций не чинить препятствий продвижению армянских добровольцев, призванных защищать свою Родину от турецких поработителей[257].

Среди бойцов этих отрядов были и русские красногвардейцы-добровольцы[258].

Вместе с армянскими добровольческими и партизанскими отрядами против турецких войск сражались многие демобилизованные русские добровольцы—бойцы и командиры из состава бывшей Кавказской армии. Так, под Карсом героически сражался русский добровольческий отряд полковника Ефремова[259].

Тифлисская газета «Заря России» в июне 1918 г. отмечала, что 250 советских солдат помогли армянам разбить в окрестностях Нахичевани турецкий отряд[260].

Вооруженная борьба армянского народа, поддержанная Советской Россией, наносила огромный урон турецким захватчикам. В то же время она была направлена против дашнакских правителей Армении, отдавших страну на растерзание иностранным хищникам.

* * *

Не менее упорную борьбу с турецкими интервентами вели трудящиеся Азербайджана.

«В Азербайджане,— писала газета «Известия»,— турецкий режим, восстановивший все худшие порядки султана, вызывал восстание татар против правительства и турок»[261]. Почти во

257 ЦГИА АрмССР, ф. Саратовское отделение Комиссариата по делам Армении, оп. 6, л. 1.

258 «Известия Совета рабочих, красноармейских, матросских и крестьянских депутатов Бакинского района», 1918, № 112.

259 ЦГИА АрмССР, ф. 45, д. 42, л. 27—37.

260 ЦГАОР, ф. 1318, оп. 1, д. 619, л. 17 (газетная вырезка).

261 «Известия», 15.X 1918.

всех районах Азербайджана развертывалось партизанское движение против турецких оккупантов и их агентов—мусаватистов. Особенно широкий размах приняла эта борьба в Гянджинском уезде — в районах Дзегама, Долляра и Тауза. Полицейский пристав в ноябре сообщал в Дзегама, что многие крестьяне дали согласие поддержать партизан. На помощь к ним прибыло из Долляра более сорока человек, доставивших оружие. По словам пристава, по всей территории его участка «ведется подготовка к восстанию и тайно создаются вооруженные отряды»[262].

Смертельный страх у турецких захватчиков и мусаватистских властей вызывал партизанский отряд во главе с прославленным героем азербайджанского народа Кербалаем Аскером. Этот отряд действовал в Гянджинском уезде. Гянджинский уездный начальник предупреждал губернатора, что если не будут приняты срочные меры для уничтожения отряда Кербалая Аскера, то «авторитет и популярность его среди масс, влияние его на население возрастут до грандиозных размеров». Боясь поголовного восстания всего местного населения, уездный начальник просил губернатора обратиться за помощью к Нуринаше, «дабы воспрепятствовать пожару и предупредить катастрофу», отправить в его «распоряжение воинский отряд с широкими полномочиями для уничтожения Кербалая Аскера»[263].

Сильное возмущение среди населения Азербайджана вызывала принудительная мобилизация местной молодежи в ряды турецких войск. В связи с этим возникли большие волнения[264]. Призывники не подчинялись мобилизации и всячески избегали ее.

Действия турецких оккупантов вызвали в Гяндже в конце сентября 1918 г. бурные выступления местных жителей. Многие призывники скрылись в леса от турецких военных властей[265].

По сообщению Закаталинского губернатора, реквизиция продуктов, насильственный набор в армию и неимоверно тяже-

---

262 Цит. по Токаржевскому Е. А., стр. 202.

263 ЦГАОР АзССР, ф. 894, канцелярия министра внутренних дел Азербайджанской республики, оп. 2, д. 9, л. 255. Этот документ использован и Токаржевским. См. стр. 174.

264 ЦГИА АрмССР, ф. 200, д. 536, л. 283.

265 Там же.

лые налоги вызвали крайнее недовольство среди населения. Чтобы предотвратить выступления крестьян, губернатор добился у Нури-паши присылки турецких войск «для наведения порядка». Далее сообщалось, что самочинные действия турецких офицеров и нанесение крестьянам большого материального ущерба, а «также слишком резкие меры, применяемые офицерами при наборе аскеров, привели к тому, что часть озлобленного населения собиралась напасть на крепость, захватить и обезоружить аскеров и отомстить офицерам». Когда в начале декабря турецкие войска «по сложившимся военным обстоятельствам» покинули Закаталу, население напало на турецкий обоз с награбленными продуктами и имуществом. По свидетельству того же губернатора, «турки оставили здесь крайне невыгодное для себя впечатление»[266].

Против турецких захватчиков боролось и армянское население Азербайджана. В тех местах, где армянам удалось избежать гибели, они вели партизанскую борьбу с турецкими войсками. Армяне, уцелевшие во время чудовищной резни в Ареше и Нухе, удалились в горы и начали повстанческие действия, наносившие туркам большой урон[267]. В армянских селах Нухинского уезда явочным порядком создавались повстанческие отряды, яростно сопротивлявшиеся произволу турок и мусаватистов[268]. В эти отряды вливались армяне, бежавшие из Баку и Гянджи[269].

Наиболее упорное сопротивление оказало турецким захватчикам и их мусаватским агентам население Карабаха, где армяне составляли большинство. Командир турецкой дивизии Джавад-Джамиль-бей, вступивший в Карабах, потребовал от населения признания турецкой власти, угрожая полным уничтожением тех сел, которые не подчинятся оккупантам. Этот ультиматум был повсеместно отвергнут. Население не испугалось превосходства хорошо вооруженного врага и единодушно поднялось на борьбу. Турецким войскам приходилось с бою

---

266 ЦГАОР АзССР, ф. 82с, оп. 2, д. 39, л. 53.
267 ЦГИА АрмССР, ф. 200, д. 71, л. 38.
268 Там же, д. 95, л. 24.
269 Там же, д. 217, л. 15.

брать каждый населенный пункт[270]. Началась эпопея славной борьбы Карабаха против турецких интервентов.

По поводу этих событий сотни крестьян Джаванширского уезда позднее свидетельствовали: «Когда в сентябре турецкие войска двинулись на Шушу, мы единодушно решили биться до последней капли крови, ни под каким видом не разоружаться, не сдаваться варварам, которые поголовно истребляли попавшихся в их руки армян, без различия пола и возраста, грабя их имущество, разоряя все культурные очаги и предавая их огню...»[271].

В ходе развернувшихся боев турки сломили сопротивление разрозненных отрядов армян и заняли восемь армянских сел Аскеранского района. Затем турецкие войска 25 сентября ворвались в Шушу. Взятие города сопровождалось массовыми убийствами. «Был установлен режим,—писал очевидец,—который заставлял мечтать о самых мрачных днях николаевского режима. На каждой улице были воздвигнуты виселицы. Армянские жители были терроризованы»[272].

Турецкое командование старалось разжечь в Азербайджане вражду между армянами и азербайджанцами. В отдельных случаях это ему удавалось. Но основная масса азербайджанских крестьян не поддавалась на провокации оккупантов и мусаватистов и самоотверженно помогала своим соседям-армянам. Председатель 7-го съезда карабахских армян, описывая вторжение турок, подчеркивал, что «голодающий армянский Карабах спасся от смерти благодаря соседям-татарам, которые вопреки экономическому бойкоту, взысканиям и штрафам со стороны власти нашей и днем и ночью таскали хлеб и продавали его армянам, подчас отдавая его в кредит или без денег». Говоря далее о событиях в Шуше, он отметил, что «азербайджанцы в них участия не принимали». По его словам, этот факт свидетельствовал об «отсутствии в массах глубокого национального антагонизма»[273].

---

[270] Там же, д. 251, л. 94—95.
[271] Там же, л. 22—23.
[272] Там же, д. 70, л. 46.
[273] Там же, д. 251, л. 94—96.

Падение Шуши не деморализовало армянских повстанцев. Они продолжали препятствовать проникновению турок в глубь области. В упорном сражении у села Мардакерт армянские отряды разбили турок, заставили их отступить и тем самым помешали туркам полностью оккупировать Карабах[274].

Любопытно отметить, что события в Карабахе заставили Нури-пашу опубликовать специальное воззвание к армянам Азербайджана, в котором он требовал от них прекращения борьбы и вместе с тем жаловался на то, что отряды вооруженных армян ведут на границе Казахского уезда партизанскую войну с проходящими эшелонами турецких войск[275].

Г. К. Орджоникидзе писал о развернувшейся тогда в Азербайджане борьбе народных масс с мусаватистами и иностранными интервентами: «Турецкий режим, под покровительством которого восстановлены все худшие порядки султана, вызвал восстание татар против правительства и турок»[276].

* * *

В захваченных районах Грузии турецкие оккупанты установили колониально-полицейский режим.

Кавказская пресса помещала статьи, в которых рассказывалось о бесчинствах интервентов. Так, газета «Тифлисский листок» 27 июня 1918 г. писала: «После ухода турецких войск Озургети представляет собой картину полного разрушения. Горожане, постепенно возвращающиеся на свои пепелища, находят в домах голые стены. Запасы кукурузы, домашняя утварь, птица и все, что было брошено в момент наступления турок, погибло... все, представляющее собой какую-либо ценность в хозяйстве, вывезено или уничтожено... разграблено миллионное имущество и в том числе мертвый инвентарь казенной чайной плантации в Звани...». Другая газета «Сакартвелос республики» сообщала 8 сентября 1918 г., что «села в ужасном положении: турки насильно отбирают муку, пшеницу, овес, масло, сыр», не оставляя жителям буквально ничего.

---

274 Там же, л. 31. См. также «Азербайджан», 17.XII 1918, № 62.

275 «Азербайджан», 19.IX 1918, № 2.

276 ЦГАОР, ф. 130, оп. 569, л. 36.

Трудящиеся Грузии под руководством большевистских организаций вели настойчивую борьбу одновременно и с турецкими агрессорами и с меньшевистскими правителями. В прокламации Комитета РКП(б) Западного Закавказья (апрель 1918 г.) указывалось, что «вторжение Турции представляет собой наступление внешней контрреволюции на революционную Россию с целью восстановить власть свергнутых классов над рабочими и крестьянами. Это означает поглощение малых наций сильными...». Комитет призывал «вести, где это только возможно, решительную борьбу, и эта борьба завершится успешно, если мы нанесем поражение внутренней контрреволюции, ожидающей с восторгом прихода турок...»[277–278]. «По всей Грузии нарастает волна революционного движения,— говорилось в приказе Народного комиссара по военно-морским делам Бакинской коммуны Корганова.—Грузинские крестьяне перед лицом опасности окончательного порабощения их турецкими штыками уже поняли, что меньшевики губят дело рабоче-крестьянской революции»[279].

«Правда» сообщала, что 13 июля в Абхазии, в районе Гудаути, вспыхнуло крупное восстание, направленное против грузинских князей и турецких оккупантов. Турецкий отряд был разоружен восставшими. В течение короткого времени восстание охватило Борчалинский уезд, Южную Осетию и Горийский район. Вся Военно-Грузинская дорога от Мцхета до Казбека была занята восставшими крестьянами. 20 июля вспыхнуло крупное восстание душетских крестьян, отбросивших турецкие и меньшевистские войска[280].

Участник похода 1918 г. полковник Рюштю вынужден был признать, что население Грузии относилось к турецким войскам враждебно[281].

Вторгшиеся тогда же в Грузию немецкие войска установили в оккупированных ими районах режим, мало чем отличавшийся от турецкого. Интервенции немцев способствовали грузинские меньшевики, которые еще в конце 1917 г. вели с гер-

[277–278] ЦГАОР ГрузССР, ф. 13, д. 8, л. 9.

[279] Там же, л. 12.

[280] «Правда», 18.VII 1918, № 148.

[281] Miralay Rüştü, s. 19.

манскими милитаристами секретные переговоры об отделении Закавказья от Советской России и об установлении над Грузией протектората Германии.

Все усиливавшееся революционное движение в Грузии угрожало господству меньшевиков, которые для упрочения своей власти в 1918 г. снова пытались заручиться поддержкой германских империалистов.

Во время Батумской конференции грузинский Национальный совет 14 мая 1918 г. обратился к председателю германской делегации Лоссову с просьбой оказать помощь «для установления внутреннего порядка и борьбы с анархией»[282]. Людендорф приветствовал это обращение меньшевиков о германском покровительстве. По его словам, меньшевики давали немцам возможность, независимо от Турции, добраться до кавказского сырья и приобрести влияние на эксплуатацию железной дороги, идущей через Тифлис»[283].

Как уже отмечалось, немцы рвались в Закавказье главным образом ради захвата стратегического сырья, в первую очередь нефти. Но тут их вожделения натолкнулись на противодействие турок, стремившихся к единоличному обладанию Закавказьем. Людендорф по этому поводу писал: «Что мы... не могли полагаться на Турцию, еще раз подтвердил ее образ действий в Батуме. Она захватила для себя все найденные продукты. Нефть из Баку мы могли получить только в том случае, если бы рассчитывали лишь на свои собственные силы»[284]. Отсюда ясно, что переброска германских войск в Грузию, совершенная тогда по инициативе грузинских меньшевиков, не являлась самоцелью. Германские милитаристы надеялись через территорию Грузии проникнуть в Баку.

Сотрудничество грузинских меньшевиков с германским империализмом грозило полным отрывом Закавказья от России и превращением края в колониальную вотчину иноземных захватчиков, арену их ожесточенной взаимной борьбы. Советское правительство, резко протестуя против предательской антинацио-

---

282 ЦГАОР ГрузССР, ф. 153, л. 67.

283 Людендорф, т. II, стр. 188.

284 Там же, стр. 219.

нальной политики грузинских меньшевиков, в ноте от 1 июля 1918 г. министру иностранных дел Грузии отмечало: «Правительство Жордания само призвало в Грузию военные силы германского империализма и неизменно служило ему покорным орудием. Оно помогало ему распространять свое господство к северу, оно открывало ему дороги и области борющихся за Советскую власть северо-кавказских горцев»[285].

Между тем германские войска, переброшенные из оккупированных ими районов Украины в Поти, где их тыл прикрывала флотилия подводных лодок, в середине сентября 1918 г. стали продвигаться в глубь Грузии в направлении на Тифлис[286]. Еще ранее, летом, в Тифлисе были сосредоточены артиллерийские и авиационные подразделения и различные технические части[287]. Немцы подготавливали мощную экспедицию для захвата Баку. В то же время германские империалисты стремились извлечь все возможные выгоды из самого факта оккупации Грузии.

«Германское правительство,— признавалась меньшевистская газета «Борьба»,— посылая свои войска в Грузию, преследовало свои цели, стремилось оградить и обеспечить интересы своего государства... Наивно было бы ожидать от Германии бескорыстной поддержки грузинской социал-демократии... Немецкая политика основывается не на бескорыстных симпатиях к той или другой партии, а на учете их удельного веса. Итак, все сводится к вопросу о реальных интересах Германии в Грузии»[288]. «Немцы,— констатировала та же газета,— пришли в Грузию не ради социал-демократов и не ради национал-демократов, а ради марганца, меди, леса и прочих естественных богатств края»[289].

Германские милитаристы, превратив Грузию в свою колонию, хозяйничали в ней, не считаясь с меньшевистскими властями. Во всех городах и уездах расположились их отряды, которые, разоружив население, жестоко подавляли революцион-

285 ЦГАОР ГрузССР, ф. 13, д. 81, л. 23.

286 «Германские оккупанты в Грузии в 1918 г.», стр. 112—113.

287 «Борьба», 1918, № 149.

288 Там же, № 206.

289 Там же, № 96.

ное движение. Карательным действиям немцев потакали чиновники меньшевистских властей. Так, тифлисский губернский комиссар «разъяснял» борчалинскому уездному комиссару, что германский воинский отряд имеет право разоружать жителей «самостоятельно», то есть без ведома местных властей[290]. Кодинский комиссар 10 июля 1918 г. сообщал, что в село «прибыл немецкий отряд в количестве 50 человек... и объявили обществу, что если кто-либо не принесет и не сдаст оружие, то разобьют все селение... Солдаты сами начали обыскивать дома и взяли все, что попало...»[291].

В рапорте комиссара пригородного района Тифлиса от 15 июля 1918 г. описаны варварские действия немцев в Белоключинском районе. Германские солдаты «разоружали ряд селений... причем во время разоружения принимали по отношению к крестьянам самые репрессивные меры: избивали женщин и мужчин розгами до крови... врывались в дома и производили обыск. Крестьяне терроризованы. Германцы совершенно не считаются с администрацией и заявляют, что они сами хорошо наведут порядок у нас... германский офицер заявил, что они действуют в контакте с грузинским правительством и об этом известно всем. Сам я был свидетелем того, как немцы за сокрытие оружия били ногами крестьян до того, что они падали без чувств... избитые крестьяне, не перенеся такой пытки, умирали»[292]. Аналогичные показания о варварских действиях немецких войск поступали и из других районов Грузии.

Германские оккупанты реквизировали у крестьян весь урожай, облагали население денежными поборами и за несвоевременную их уплату взимали большие штрафы. Один документ свидетельствует: «Немецкий отряд, прибыв в селение Сарваны (Борчало), требует в трехчасовой срок уплатить 150 тыс. руб... грозя в противном случае поджечь все селение[293]. В другом документе рассказывалось о насильственной конфискации немецкими солдатами в районе Косалар 2600 снопов сжатого хлеба[294].

---

290 ЦГАОР ГрузССР, ф. 28, д. 206, л. 2.

291 «Германские оккупанты в Грузии в 1918 г.», № 27.

292 ЦГАОР ГрузССР, ф. 206, д. 28, л. 24.

293 Там же, л. 10.

294 «Германские оккупанты в Грузии в 1918 г.», стр. 23.

Зафиксировано множество фактов подобного рода бесчинств, творимых тогда немцами в Грузии. Так, немецкий отряд наложил на жителей села Мухрани контрибуцию в сумме 35 тыс. рублей. В одном Воронцовском сельском обществе Душетского уезда немцы вывезли награбленного имущества на сумму 38 тыс. рублей[295].

Меньшевистская газета «Эртоба» вынуждена была сообщить, что из различных уголков Грузии она получает огромное число жалоб на грубое обращение германских войск, расквартированных по деревням. Немецкие войска «чинят суд своей силой, громят грузинские, армянские или же татарские села... войско само производит суд и взимает штрафы. Неоднократно были случаи, когда даже вмешательство комиссара не могло спасти грузинских граждан крестьян от физического оскорбления»[296].

В то же время немецкие оккупанты применяли силу в интересах эксплуататорских классов Грузии. С помощью оружия немцы заставляли крестьян вносить помещикам арендную плату. Так, помещики Горийского уезда обратились к начальнику германской миссии в Тифлисе Крессу фон Крессенштейну с жалобой на крестьян, не уплативших арендную плату за урожай 1917 года. Они писали, что не могут отправиться в свои поместья, чтобы собрать следуемые им суммы, не подвергая опасности свою жизнь[297]. Крупные землевладельцы Борчалинского уезда взыскивали арендную плату при поддержке немецких карателей[298]. Сохранилось обращение помещика Давида Келбераншвили к немцам, в котором он писал, что его земли были отняты крестьянами деревни Эртиси, а «его люди» прогнаны из фруктового сада и находящегося там дома. «Я обращался по этому поводу уже два раз к грузинскому правительству. Оно восстановило меня в моих правах, но едва уехали чиновники, как мои люди снова были изгнаны... прошу теперь помощи у императорской германской делегации»[299].

295 Там же.

296 Там же, № 70.

297 «Документы и материалы по внешней политике Закавказья и Грузии», № 191.

298 «Германские оккупанты в Грузии в 1918 г.», № 46.

299 Там же, № 52.

Таким образом, немецкие оккупанты старались восстановить в Грузии прежние крепостнические порядки и беспощадно подавляли классовую борьбу грузинских крестьян.

Но крестьянские массы Грузии поднимались на борьбу и против немецкого полицейско-колониального режима и против меньшевистского гнета. Так, население Белоключинского района, возмущенное поведением немецких войск, заявило, что «силой оружия будет отстаивать свою честь и имя свободного крестьянина»[300].

14 сентября Кресс фон Крессенштейн сообщил министру внутренних дел меньшевистского правительства, что он готов «для искоренения зла в деревнях Арахло и Кизилсло предоставить немецкие войска... Я считаю... что по выявлении преступления необходимо применять военные меры для того, чтобы дать устрашающий пример части населения, склонной к выступлениям»[301].

В другом отношении от 29 августа министру иностранных дел меньшевистского правительства Кресс фон Крессенштейн требовал «очистить» район Поти, Ново-Сенаки, Зугдиди и Анакалии от «политически ненадежных элементов» и предлагал в этих целях использовать немецкие войска. Он писал: «Банды разбойников (так называли немцы партизанские отряды крестьян. — *Е. С.*) и большевиков... беспрестанно прерывают и препятствуют сообщению... я считаю крайне нужным, чтобы поскорее последовала основательная очистка и разоружение этого района... Я готов послать в распоряжение грузинского главнокомандующего находящиеся в Поти, Ново-Сенаки и Очемчири войска...»[302].

Против немецких оккупантов и их меньшевистских агентов поднялись крестьяне Душетского уезда, Мингрелии, Лечхуми, Рача, Верхней и Нижней Имеретии, Гурии, Горийского, Телавского и Сигнахского уездов[303]. Горийский уездный комиссар

---

300 Там же, № 30.

301 Там же, № 69

302 Там же.

303 «Борьба за победу Советской власти в Грузии». Документы и материалы (1917—1921), № 312.

26 июня телеграфировал в Тифлис, что брожение крестьян усиливается. В Карельском районе устраиваются тайные собрания. Повстанцы разбирают железнодорожный путь. Комиссар просил ускорить высылку отрядов для подавления восстания[304].

Тревожные сведения поступали также от меньшевистских властей из других областей Грузии. Кутаисский губернский комиссар сообщал 10 августа об усилении крестьянского восстания в Сачхерском, Лечхумском и др. районах и об упорных боях правительственных войск с повстанцами. Повстанцы теснили регулярные меньшевистские части. «Сухум и Зугдиди,— писал он,— оторваны от нас. На этом фронте повстанцы концентрируют большие силы и здесь мы нуждаемся в вспомогательных силах. Вообще войска на всех этих фронтах крайне истощены и необходима их смена и усиление войск по направлению к Зугдидскому фронту, ибо восстание перекинется и в другие уезды»[305].

Крупное восстание вспыхнуло также в Душетском уезде. Поводом к нему послужило распоряжение меньшевистского правительства от 15 июня о разоружении населения. 4 тыс. вооруженных крестьян в течение двух суток вели упорные бои, закончившиеся разгромом правительственных войск. Уполномоченный меньшевистского правительства Н. Кахиани писал, что 19 июня вооруженные крестьяне, руководимые большевиками, широкой цепью двинулись на Душет, овладели им и заняли все государственные учреждения, военные и частные склады»[306]. Для подавления этого восстания меньшевистское правительство обратилось к Кессу фон Кессенштейну с просьбой послать в Душетский уезд германские воинские части.

Вскоре, в конце июня, восстали крестьяне в Тианетском уезде, куда для борьбы с ними из Тифлиса были тотчас направлены меньшевистские и немецкие войска. По просьбе меньшевистских властей был послан немецкий отряд также в район Белого Ключа, где начались крестьянские выступления[307].

Совместные действия германских оккупантов и их меньше-

---

304 ЦГАОР ГрузССР, ф. 28, д. 66, л. 14.

305 Там же, ф. 24, д. 213, л. 1.

306 ЦГАОР ГрузССР, ф. 408, д. 51, л. 170—172.

307 Там же, ф. 11, д. 715, л. 1.

вистских приспешников не в состоянии были подавить борьбу крестьянских масс Грузии, которая с каждым днем приобретала все больший размах. Чрезвычайный комиссар юга России Серго Орджоникидзе телеграфировал Ленину 10 сентября 1918 г.: «В Грузии восстание крестьян продолжается; германцы принимают участие в подавлении восстания...»[308].

Советское правительство в ноте от 1 июня 1918 г. заклеймило контрреволюционную политику грузинских меньшевиков. В ней говорилось: «Опираясь на германские штыки, правительство Жордания посылало карательные отряды и топило в крови народные движения в Грузии»[309].

* * *

Героическое сопротивление народных масс Закавказья иностранным захватчикам и одновременный подъем в крае революционного движения оказали свое воздействие на политико-моральное состояние турецких войск. Турецкие солдаты, измученные четырехлетней тяжелой войной, рвались домой. В турецких частях все более широкое распространение получали идеи Октябрьской революции. В советской печати тогда сообщалось: «Солдаты турецкой армии тайком получают нелегальную литературу. Дисциплина совершенно отсутствует. Большевизм быстро воспринимается турецкими солдатами»[310]. «Известия» отмечали: «Деятельность коммунистов среди турецких войск в Закавказье развивается успешно[311].

Осенью 1918 г. значительно усилилось дезертирство из рядов турецкой армии[312]. Характеризуя состояние турецких войск осенью 1918 г., Лиман фон Сандерс писал: «Число дезертиров... за последние недели повсюду существенно выросло... В 8-й армии количество дезертиров с 15 августа до 14 сентября составило около 1100 человек[313]. Далее он отмечал: «Турки устали от

---

308 Орджоникидзе Г. К., Статьи и речи, т. I, М., 1956, стр. 43.
309 ЦГАОР ГрузССР, ф. 13, д. 81, л. 23.
310 «Жизнь национальностей», 17.XI 1918.
311 «Известия», 31.X 1918.
312 «Աշխատավոր» («Работник»), 7.VIII 1918, № 101.
313 Liman von Sanders, S. 340.

войны и не желают воевать. Дезертиры брали с собой не только винтовки и ручные гранаты... но и пулеметы»[314].

Большую агитационную работу среди турецких оккупационных войск вели в Закавказье турецкие коммунисты, неустанно разоблачавшие захватнические планы младотурецкой клики.

Грабительская интервенция в Закавказье, предпринятая младотурками накануне поражения Турции, истощила последние силы Османской империи. Провалился аннексионистский план завоевания Кавказа, потерпела крах попытка путем захвата Закавказья помешать распространению влияния Октябрьской революции на Турцию. Кавказская авантюра, затеянная тогдашними правителями Османской империи вопреки воле турецкого народа, перед лицом всего мира разоблачила агрессивную сущность их политики. Эта авантюра лишь ускорила разгром Турции в первой мировой войне.

Вторжение в Закавказье крайне ухудшило положение турецких сил на Месопотамском и Сирийско-палестинском фронтах, ибо лучшие турецкие дивизии были переброшены на Кавказский фронт. В половине сентября и в течение октября 1918 г. войска стран Антанты, вместе с арабскими повстанцами, нанося ряд крупных поражений 4, 7 и 8-й турецким армиям, отбросили их из Месопотамии, Палестины и Сирии.

Еще до катастрофы турецких сил на Месопотамском и Сирийско-палестинском фронтах войска союзников 15 сентября прорвали Турецко-болгарский фронт в Македонии и вынудили Болгарию капитулировать. Путь к турецкой столице для войск союзников был открыт. Младотурецкие заправилы, доведшие страну до полной военной катастрофы, вынуждены были покинуть ее пределы.

30 октября 1918 г. в Мудросе было подписано перемирие между странами Антанты и Османской империей, по которому последняя полностью капитулировала перед победителями.

---

[314] Там же, стр. 335.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В начале XX века отсталая полуфеодальная Османская империя являлась государством, зависимым от империалистических держав. Раздиравшие ее внутренние противоречия привели в 1908—1909 гг. к победе ограниченной буржуазной революции, в результате которой был низвергнут султан Абдул-Хамид и к власти пришла младотурецкая партия «Единение и прогресс».

Младотурецкая революция не решила ни аграрного, ни рабочего, ни национального вопроса и не способна была освободить страну от колониальной зависимости. Народы многонациональной Османской империи, страдавшие от тяжкого феодально-деспотического гнета, стали подвергаться еще большим гонениям. В осуществлении этого курса младотурки превзошли даже кровавого султана Абдул-Хамида.

В своей реакционной внутренней политике партия «Единение и прогресс» руководствовалась агрессивными доктринами панисламизма и пантюркизма. С их помощью правящие круги Турции пытались разъединить нетурецкие народы, посеять между ними национальную рознь и разжечь вражду на религиозной почве. Таким путем младотурки надеялись отвлечь турецкое крестьянство и рабочих от борьбы за свои политические права, за улучшение своего экономического положения. Проводимая младотурками реакционная внутренняя политика, их великодержавный шовинистический курс вызывали отпор со стороны турецких трудящихся масс и рост национально-освободительного движения среди нетурецких народов — арабов, албанцев, македонцев, курдов, армян и др.

Во внешней политике младотурки продолжали следовать традиционному агрессивному курсу прежних правителей страны, вновь направленному на завоевание Кавказа. Особенность

захватнической политики младотурецкой клики заключалась в том, что Османская империя, будучи зависимой от империалистических держав, несмотря на усилившуюся борьбу национальных меньшинств страны за свое освобождение, сама стремилась к порабощению народов Армении, Грузии и Азербайджана. Главным и первоочередным объектом экспансионистской политики младотурок было Закавказье, поскольку оно стояло на пути осуществления их планов захвата Северного Кавказа, Поволжья и Средней Азии.

Вступление Турции в мировую войну на стороне Центральных держав противоречило национальным интересам страны и объяснялось стремлением стоявших у власти реакционных групп турецких помещиков и буржуазии добиться с помощью кайзеровской Германии осуществления собственных грабительских целей. Германские империалисты, формально одобряя захватнические замыслы младотурок, в годы войны использовали Турцию в качестве поставщика пушечного мяса, дешевого стратегического сырья и сельскохозяйственных продуктов, а также как важный военно-стратегический плацдарм.

Участие в мировой войне привело Османскую империю к подрыву основы ее экономики — сельского хозяйства, к разорению крестьянства и финансовому краху. В ходе войны еще более усугубилась колониальная зависимость Турции, превратившейся в военного и финансового вассала германского империализма.

Правящие круги Турции воспользовались обстановкой войны для реализации своего давнишнего плана физического истребления армянского народа. Зверское уничтожение более миллиона мирных армян, в том числе стариков, женщин и детей, совершенное под предлогом их депортации из прифронтовой полосы, являлось составной частью пантюркистского плана завоевания Кавказа. За это кровавое преступление младотурецких главарей морально-политическую ответственность несут также их союзники — германские империалисты.

Основным театром военных действий для младотурецкой клики являлся Кавказский фронт. Чтобы любой ценой добиться продвижения в глубь Закавказья, турецкое командование сконцентрировало на этом фронте самую боеспособную и большую

часть своей армии. Но попытка вторжения в Закавказье, предпринятая осенью и зимой 1914—1915 гг., закончилась разгромом турецких войск. Весь ход войны на Кавказском фронте показал неосуществимость захватнических планов младотурецких агрессоров и авантюризм их политики.

Младотурецкие экспансионисты не учли печальных уроков войны на Кавказском фронте в 1914—1917 гг., а также катастрофического положения экономики и финансов страны в результате трех лет войны и непрерывных военных поражений. Они безрассудно отвергли предложение Советского правительства заключить мир без аннексий и контрибуций, что всецело отвечало национальным интересам Турции и чаяниям турецкого народа. Вожаки младотурецкой партии и милитаристские круги страны продолжали следовать своим агрессивным планам в отношении Кавказа. Они воспользовались создавшейся в начале 1918 г. обстановкой в России, в частности уходом русской армии с Кавказского фронта, чтобы предпринять новую авантюру.

Если захватнические замыслы младотурок в отношении Закавказья под ударами русской армии потерпели крах в первый же год войны, то в 1918 г. они кончились провалом благодаря героической борьбе трудящихся масс Армении, Грузии и Азербайджана. Народы Закавказья вели эту борьбу в тяжелых внутриполитических и международных условиях. Это был период, когда враждующие империалистические группировки стремились к захвату Закавказья, его важных источников сырья, в первую очередь нефти, и одновременно к приобретению стратегического плацдарма для дальнейшей интервенции против Советской России.

Огромную помощь народным массам Закавказья в их борьбе с турецкими и другими империалистическими интервентами оказывала Советская Россия. Героическое сопротивление трудящихся Советской России иностранным интервентам и внутренней контрреволюции вдохновляло народы Закавказья в их неравной борьбе с турецкими оккупантами. Помощь Советской России и самоотверженные усилия народов Армении, Грузии и Азербайджана привели к освобождению Закавказья от турецких и других иноземных захватчиков.

Одной из основных причин поражения Османской империи была антисоветская, захватническая политика младотурецких экспансионистов.

В годы первой мировой войны империалистические державы заключили ряд соглашений о разделе Турции. На Парижской мирной конференции 1919 г. были разработаны подробные планы расчленения Османской империи. Турецкому народу грозила участь полного колониального порабощения.

Великая Октябрьская социалистическая революция спасла турецкий народ от окончательной гибели. Именно благодаря ее победе и установлению в России Советской власти был прорван империалистический фронт и нанесен сокрушительный удар колониалистским планам Англии, Франции и США в отношении Османской империи.

* * *

Благодаря оказанной Советским правительством помощи турецкому народу в самые критические дни его национальной войны 1920—1922 гг. была обеспечена победа кемалистов над интервентами.

Но, несмотря на бескорыстную помощь РСФСР Турции в ее национальной войне за независимость, правительство кемалистов, пользуясь создавшейся обстановкой в Закавказье, по существу продолжало политику младотурецких экспансионистов. Мы не останавливаемся на описании национальной войны, руководимой Мустафой Кемалем, а постараемся на конкретных фактах раскрыть сущность национальной войны кемалистов на Восточном, точнее на Кавказском фронте, ибо это ничем не отличалось от агрессии младотурок 1918 года. Работа была бы не законченной, если бы мы ограничились крахом младотурецкой агрессии 1918 года. Освещение сущности агрессивной войны кемалистов на Кавказском фронте необходимо еще и потому, что в современной турецкой историографии явно фальсифицируются события, связанные с турецко-советскими отношениями 1920—1921 гг., с агрессией кемалистов в Закавказье в те же годы, с отношением кемалистов к советским республикам Закавказья и др. Освещение этих вопросов даст возможность пока-

зать истинную политику кемалистов, которых идеализировали и продолжают идеализировать и поныне некоторые туркологи.

В отдельных работах советских туркологов победа кемалистов над силами Антанты объясняется чуть ли не героизмом, якобы проявленным кемалистами, и чувством страха, которое испытывала Англия перед лицом революционного движения в других мусульманских странах, особенно в Индии. Между тем наиболее важным обстоятельством, способствовавшим победе кемалистов, являлся факт существования Советской России, против которой были направлены основные силы Антанты. Антанта рассматривала турецкий фронт, как третьестепенный театр военных действий. Известно, что против Турции сражались не английские войска, а греческие. Англия надеялась, что с кемалистами справятся и греки и все свои силы бросила против Советской России — основного очага мировой революции. Страны Антанты всячески старались договориться с кемалистами в вопросе организации совместных военных действий против Советской России.

Хотя кемалисты и не прочь были окончательно скатиться в лагерь империалистических держав—Англии, Франции и США, но агрессия последних в отношении Турции вынудила лидеров турецкой национальной буржуазии установить дипломатические отношения с Советской Россией, дабы обеспечить себе тыл на Востоке и успешно действовать против интервентов.

О советско-турецких отношениях 1920—1921 гг. турецкие военные и политические деятели и историки писали немало. Многие из них, непосредственно участвовавшие в турецко-советских переговорах 1920—1921 гг., фальсифицируют факты, искажают историческую действительность, стараются показать, что Советская Россия больше, чем анкарское правительство, нуждалась в установлении дружественных отношений с Турцией. Этим они стараются умалить значение той материальной и моральной помощи, которую оказывал советский народ турецкому народу в его национально-освободительной войне.

Генерал Али Фуад Джебесой в своих воспоминаниях пишет о внутреннем положении Советской России, что «русские, для упорядочения внутреннего устройства, еще некоторое время будут нуждаться в иностранцах, особенно в мусульманах.

Чтобы выиграть время, они будут искать средства использовать авторитет Турции среди стран мусульманского мира. Следовательно, для того чтобы укрепить свою власть в России, они сильно нуждались в ...помощи Турции. Кроме того, они учитывали возможность того, что Турция может сыграть такую же роль, как Деникин, а может быть, еще более опасную. По всем этим причинам они старались наладить хорошие отношения с нами»[1].

«Русские,— пишет далее Джебесой,— старались казаться нашими друзьями и союзниками, хотели выиграть время для того, чтобы набраться сил, а затем, как только мы не будем им нужны, ослабить нас материально и в области вооружения, чтобы легче осуществить свои цели»[2].

В другом месте своих воспоминаний Джебесой на вопрос, «почему русские помогали Турции?», отвечает: «Русские также считали, что Турция должна участвовать в их планах и оказывать им помощь»[3], ибо «большевики хотели превратить Турцию в плацдарм для распространения революции в другие страны и при помощи центральных организаций вести пропаганду в западных странах»[4]. Джебесой в своих рассуждениях о результате первых встреч турецкой делегации, членом которой он был, с советскими руководителями доходит до того, что не видит разницы между политикой царской России и политикой большевиков[5], которые с первых же дней объявили об отказе от политики царизма и оказывали бескорыстную помощь турецкому народу.

«Как и царское правительство,— пишет Джебесой,— Советское правительство не отказывалось от стремления владеть проливами, дойти до Александретты и, проникнув в Индию, столк-

[1] «Политические воспоминания Али Фуада Джебесоя», ч. II, см. газ. «Vatan» от 6 апреля 1954 г. Генерал Али Фуад Джебесой до ноября 1920 г. был командующим Западным фронтом против греческих войск. В ноябре Джебесой был назначен послом в Москву. После смерти председателя меджлиса Кязым Карабекира в начале 1948 г. он был избран на его место.

[2] Там же, от 7 апреля 1954 г.

[3] Там же, от 18 февраля 1954 г.

[4] Там же, от 17 февраля 1954 г.

[5] Там же, от 16 марта 1954 г.

нуться там с Англией и по-прежнему выжидало для этого удобного случая»[6].

Этой же точки зрения придерживается историк Юсуф Хикмет Байюр, который в неменьшей степени фальсифицирует историю советско-турецких отношений. В своей книге «Внешняя политика Турции» он также «утверждает», будто Советское правительство для обеспечения своего тыла на Кавказе всячески старалось перетянуть Турцию на свою сторону[7]. При этом Байюр умалчивает о заинтересованности кемалистского правительства в установлении дружественных отношений с РСФСР. О том, что Турция Великого национального собрания искала помощи и поддержки РСФСР показывает следующее заявление Кемаля, сделанное им еще летом 1920 г. «Это мы сами искали большевиков, и мы их нашли...».

«Мы с Россией друзья, ибо Россия раньше, чем кто-либо иной, признала наши национальные права и проявила к нам уважение. При этих условиях как сегодня, так и завтра, да и всегда Россия может быть уверена в дружбе Турции»[8].

Мустафа Кемаль-паша, возглавивший новое турецкое правительство, правильно ориентируясь в сложной международной обстановке, с первых же дней обратился к Советскому правительству с просьбой о помощи и об установлении дипломатических отношений.

Однако возглавляемое Кемалем буржуазно-помещичье правительство, обращаясь, с одной стороны, за помощью к Советскому правительству против интервентов, с другой стороны, продолжало экспансионистскую политику младотурок и готовилось захватить Армению, Грузию, Азербайджан и Северный Кавказ. Несмотря на агрессивную политику кемалистов в отношении Закавказья, Советское правительство, глубоко заинтересованное положением дел в странах Ближнего и Среднего Востока и учитывая географическое положние этих стран, в частности Турции, не могло относиться безразлично к борьбе турецкого народа против интервентов. В. И. Ленин в интервью

---

6 Там же, от 6 февраля 1954 г.

7 Jusuf Hikmet Bayur, Türkiye devletinin dış siyasası, Istanbul, 1938, s. 64.

8 Цит. по газ. «Правда» от 4 марта 1955 г.

корреспонденту английских газет «Обсервер» и «Манчестер Гардиан» Фарбману 27 октября 1922 г., касаясь политики Советского правительства в отношении стран Ближнего Востока, отметил: «Наша ближневосточная политика есть для нас дело самого реального и непосредственного жизненного интереса России и целого ряда федерированных с ней государств»[9]. Поэтому, когда английские и греческие интервенты покушались на независимость Турции, Советское правительство твердо стало на защиту турецкого народа в его борьбе против интервентов. Советское правительство в своем ответе на обращение Мустафы Кемаля подчеркивало, что «оно с живейшим интересом следит за героической борьбой, которую ведет турецкий народ за свою независимость, и в эти дни, тяжелые для Турции, оно счастливо заложить прочный фундамент дружбы, которая должна связать турецкий и русский народы»[10].

В этом ответе Советское правительство признало основные внешнеполитические принципы, провозглашенные правительством Кемаля. Признание Советским правительством анкарского правительства и готовность Советской России оказать ему материальную помощь воодушевили турецкий народ в его борьбе за национальную независимость. Когда Мустафа Кемаль в своей речи на заседании меджлиса 8 июля 1920 г. огласил ответ Советского правительства на обращение анкарского правительства, весь зал аплодировал и раздавались возгласы «браво»[11].

Кемалистское правительство 11 мая 1920 г. отправило в Москву специальную делегацию во главе с министром иностранных дел Бекир Сами-беем для предварительных переговоров о заключении договора. В состав делегации вошли министр экономики Юсуф Кемаль-бей, полковник Ибрагим Талибей, Осман-бей, подполковник Сейфи-бей и Али Фуад Джебесой. «Основная задача делегации Бекир Сами,— пишет Джебесой,— заключалась в том, чтобы заключить дружественный до-

---

[9] Ленин, Соч., т. 33, стр. 348.

[10] «Правда» от 9 июня 1920 г.

[11] См. „Atatürk'un söylev ve demeçleri" I, T. B. M. Meclisinde ve C. H. P. Kurultaylarında (1919—1938), Istanbul, 1945, s. 60.

говор с Советской Россией и обеспечить нам помощь деньгами и различным оружием, в которых мы нуждались»[12].

Турецкая делегация, прибыв в Москву 19 июля, имела неоднократные встречи с Народным комиссаром иностранных дел Г. В. Чичериным и его заместителем Караханом. Делегация беседовала также с В. И. Лениным. Во время этих переговоров выяснились агрессивные планы анкарского правительства в отношении Закавказья.

С самого начала переговоров с кемалистским правительством Советское правительство стремилось к справедливому разрешению вопроса о границах между Турцией и Закавказьем. Уже в первом письме[13] правительству Анкары Г. В. Чичерин подчеркивал важность этого вопроса. Напоминая об обещаниях Кемаля (в его письме от 26 апреля) предоставить Турецкой Армении, Курдистану, Лазистану, Батумской области, Восточной Фракии и всем территориям со смешанным турецко-арабским населением право самим определить свою судьбу, Г. В. Чичерин отмечал: «Советское правительство, естественно, под этим подразумевает, что в этих местностях будет проведен свободный референдум при участии беженцев и эмигрантов, которые в свое время были вынуждены оставить свою родину по причинам, от них не зависящим, и которые должны быть возвращены на родину»[14].

Это было особенно важно при решении судьбы Западной Армении и полностью совпадало с основными положениями декрета о «Турецкой Армении», о чем говорилось выше. В своем заявлении Советское правительство определенно давало понять, что судьбу указанных районов определит сам народ мирным путем, без постороннего вмешательства. Исходя из этого, на московских переговорах оно выдвигало принцип такой ректификации старой турецкой границы, при которой земли с преобладающим мусульманским населением перешли бы к Турции,

---

[12] «Политические воспоминания Джебесоя», см. газ. «Vatan» от 9 марта 1954 г.

[13] Это был ответ на письмо Мустафы Кемаля от 26 апреля 1920 г. См. «Документы внешней политики СССР», т. II, № 372, Госполитиздат, М., 1958.

[14] Там же, № 372.

а земли, где до 1914 года было армянское большинство,— к Армении. Но и в данном случае попытки компромиссного разрешения этнографической проблемы не имели успеха. Мало того, Бекир Сами использовал свои беседы с Г. В. Чичериным по вопросу исправления турецкой границы для того, чтобы по возвращении в Анкару настроить националыную Турцию против Советской России[15].

Все это свидетельствует о том, что московские переговоры не увенчались успехом вследствие захватнических устремлений анкарского правительства, а не по вине советских руководителей, как это пытаются доказать турецкие авторы. Так, например, тот же Али Фуад Джебесой в своих воспоминаниях, говоря о московских переговорах 1920 г., пытается замаскировать агрессивные планы кемалистов и представить положение вещей так, будто территориальные требования Анкары были вполне законными и относились исключительно к турецким землям.

«Анкарское правительство,— пишет Джебесой,— не имело никаких враждебных намерений по отношению к своим соседним странам и не преследовало другой цели, кроме достижения своей независимости и свободы в своих *национальных границах*»[16] (курсив наш.—*Е. С.*). Другие турецкие авторы, также фальсифицируя исторические факты, в провале московских переговоров обвиняют Советское правительство[17]. Так, Тевфик Быйыклыоглу пишет, что «основной причиной неподписания Московского соглашения о дружбе, которое было предварительно подписано 24 августа 1920 г., было то, что Советы намеревались земли наших восточных вилайетов передать дашнакским армянам»[17а]. На московских переговорах выявился не только от-

---

[15] См. Там же, Приложения, стр. 726—727.

[16] General Ali Fuat Cebesoy, Moskova hatıraları, Istanbul, 1955, s. 90—91.

[17] Об этом подробно см. Саркисян Е. К., Саакян Р. Г., Фальсификация некоторых вопросов истории армянского народа в трудах турецких историков. «Известия» АН АрмССР (Общ. науки), № 12, 1961, стр. 13—23 (на арм. яз.).

[17а] Türk Tarih Kurumu, Belleten, Cilt XXV, Temmuz, 1961, sayı 99, s. 479.

каз кемалистов от своих прежних заявлений о справедливом решении территориальных вопросов, но и их явные агрессивные намерения в отношении Закавказья[18].

Об этом свидетельствует нота кемалистского правительства от 8 июля 1920 г. дашнакскому правительству, подчеркивавшая, что в основе взаимоотношений между двумя правительствами лежит Брест-Литовский договор и дополняющий его Батумский договор[19]. Об этом же говорилось еще в ответе Бекир Сами-бея на письмо Г. В. Чичерина от 3 июня 1920 г.[20]. Как видим, еще до начала московских переговоров анкарское правительство давало понять правительствам Советской России и дашнакской Армении, что по территориальным вопросам оно будет руководствоваться условиями Брестского и Батумского договоров. Между тем известно, что эти договора не имели юридической силы, так как Брестский договор был аннулирован правительством РСФСР еще 20 сентября 1918 г., а Батумский договор не был ратифицирован ни меджлисом Османской империи, ни парламентом армянской республики. Но анкарское правительство, преследуя свои захватнические планы в отношении Закавказья, цеплялось за мертвые пункты указанных договоров и во время московских переговоров хотело узаконить свои территориальные претензии.

Экспансионистская политика кемалистов в отношении Закавказья выявилась еще в начале 1920 г. Об этом свидетельствует следующее решение, принятое на одном из заседаний представительного комитета, возглавляемого М. Кемалем: «На Восточном фронте провести официальную или неофициальную мобилизацию и начать концентрацию войск для ликвидации с тыла кавказской преграды»[21].

---

18 Французский автор, путешествовавший в 1919—1921 гг. по странам Ближнего Востока и Закавказья, писал, что план захвата Закавказья кемалистами был составлен в 1919 г. и с этого же года начали осуществлять его. См. Poidebard. La Lutte pour la route des Indes. Notes de voyage: de Paris à Tiflis par Bagdad, Paris, 1923, p. 267.

19 ЦГИА АрмССР, ф. 200, д. 402, л. 18.

20 См. «Документы внешней политики СССР», т. II, № 372.

21 Кемаль Мустафа. Путь новой Турции, т. 3, стр. 313.

Поэтому не случайно было, что когда греческая армия вилетную подошла к Анкаре, кемалисты в погоне за осуществлением своих агрессивных планов основные свои силы сконцентрировали на Восточном фронте против Закавказья, ожидая, как признает Карабекир-паша, наиболее подходящего момента для наступления[22]. О том, что для кемалистов Восточный фронт был основным фронтом, признал сам Мустафа Кемаль, который в своей речи на заседании меджлиса процитировал следующее место из лекции историка Джевдета Керима «О турецкой борьбе за независимость». «Руководители Анатолии, по политическим и военным соображениям, считали положение на Востоке (на Кавказском фронте.— *Е. С.*) более серьезным. Так как против греков и французов на первое время ставились оборонительные задачи, то на этих фронтах мы старались при помощи незначительных воинских частей препятствовать всеми средствами дальнейшему продвижению противника и одновременно пополнять и снаряжать наши части на этом фронте. *Главное же внимание было уделено Восточному фронту, ибо достижение успеха здесь должно было уничтожить армянскую армию и армянское государство, в виде нарыва, оставшегося еще на теле нашей страны...*»[23] (курсив наш.— *Е. С.*).

Достаточно отметить, что во время первого сражения под Иненю численность греческих войск доходила до 60 тыс., против которых турецкое командование выставило всего 15 тыс. бойцов. Между тем против слабых и немногочисленных дашнакских войск кемалисты выставили 50-тысячную армию.

Даже Энвер и Талаат, которые после разгрома Турции бежали в Германию, хорошо были осведомлены об этих планах и оттуда давали советы правителям новой Турции, видя в них прямых продолжателей своей политики.

«Дорогой мой Карабекир-паша,—пишет в своем письме Талаат из Берлина,— если военные твои приготовления завершены, переходи в наступление. Нет сомнения, что достигнутая

---

[22] См. Cemal Kutay, Karabekir Ermenistani nasil yok etti?, Istanbul, 1956, s. 36.

[23] Кемаль Мустафа, Путь новой Турции, т. III, М., 1934, стр. 314.

на Востоке победа оставит глубокий след как на Западном фронте, так и во всем мире»[24].

Не лишним будет отметить, что Талаат, прежде чем писать Карабекиру, беседовал с Энвером о подготавливающемся нападении на Армению и получил от последнего полное одобрение[25].

Из архивных материалов видно, что во время московских переговоров на заседаниях Великого национального собрания Турции неоднократно обсуждался вопрос о захвате всего Кавказа. В одном из сообщений из Анкары мы читаем: «В последнее время в Анкаре часто происходят заседания ВНСТ, на которых присутствуют представители Константинопольского правительства. Работа собрания ведется в панисламистском духе. Замечаются стремления занять Батум и Баку. В национальном собрании были представители Дагестана, высказывавшиеся за присоединение Дагестана к Турции. В Дагестан и Баку кемалистами посылались агенты»[26].

О захватнических планах кемалистов открыто говорил один из вожаков мусаватистов Расул-заде еще 8 апреля 1920 г. «Турция ставит своей задачей,— отмечал он,— создание юго-западного Азербайджана из частей территории Эриванской, части Тифлисской губернии (уезды Ахалцихский и Ахалкалакский) и Азербайджанской республики после присоединения к Азербайджану юго-западного Азербайджана и Аджарии, мусульманского населения Терека, Дагестана, Карабаха, Персидского Карадага, Тавриза, Марага. Таким путем должен быть создан великий Азербайджан под протекторатом Турции»[27].

Для осуществления своих захватнических планов на Кавказе анкарское правительство решило первым долгом захватить всю Армению, чтобы иметь непосредственную территориальную связь с Азербайджаном и затем осуществить свои пантюркистские планы создания федерации из тюркоязычных народов под главенством турецких экспансионистов. Об этих планах говорят решения Эрзерумского и Сивасского конгрессов. На Эр-

[24] См. Cemal Kutay, s. 27.

[25] Там же, стр. 25—26.

[26] ЦГАКА, ф. 109, оп. 3, д. 298, л. 28.

[27] ЦГИА АрмССР, ф. 66, д. 318, л. 76.

зерумском конгрессе (23 июня — 6 августа 1919 г.) подчеркивалась не опасность интервенции империалистических держав в Турции, а «злые намерения и насилия армян». На Сивасском конгрессе (4—11 сентября 1919 г.) было принято специальное решение, гласившее, что кемалисты будут вести решительную борьбу против всякого движения, поставившего себе целью создание независимой Армении. Мустафа Кемаль в своей телеграмме от 17 ноября 1919 г. писал: «Как следует из решений Сивасского и Эрзерумского конгрессов, нация не уступит ни пяди земли Армении...»[28].

Воодушевленные тем, что кавказские контрреволюционеры оторвали Закавказье от Советской России, кемалисты всячески стремились к захвату всего Кавказа.

В то время, когда в Москве шли переговоры, анкарское правительство определенно готовило свои войска для нападения на Закавказье. По чистосердечному признанию Хикмета Байюра, оно давно готовилось напасть на Закавказье, но задержка эвакуации оттуда английских войск сдерживала наступление турок. «Если бы в такое время,— писал Байюр,— вспыхнула турецко-армянская война, английские войска могли бы остаться на Кавказе и на деле оказать помощь армянам. Поэтому самым разумным для нас было выжидать. Но в восточной части страны мы произвели мобилизацию и подготовили создание Восточного фронта»[29]. По признанию Али Фуад Джебесоя, войска Карабекир-паши были готовы напасть на Армению еще в мае 1920 г. и если бы главное командование согласилось с предложением Карабекир-паши начать войну с Арменией в мае[29а],

---

[28] Кемаль М., Путь новой Турции, т. II, стр. 120. Об этом же говорится в шифрованной телеграмме Мустафы Кемаля от 19 августа 1919 г. генералу Али Фуаду, см. Ali Fuat Cebesoy, Milli mücadele hatiralari, Istanbul, 1953, s. 139—140.

[29] Yusuf Hikmet Bayur, Türkiye devletinin dis siyasasi, Istanbul, 1938, s. 65.

[29а] Командующий Восточным фронтом Карабекир-паша еще в апреле 1920 г. телеграфировал своему правительству в Анкару: «В ближайшие дни Армению сотру с карты мира».

то война на Восточном фронте завершилась бы довольно быстро, и высвободившиеся части с Кавказского фронта пришли бы на помощь Западному фронту[30].

Сам Мустафа Кемаль в своей речи подчеркнул, что «Великое национальное собрание во время решения вопроса о трех вилайетах (Карсском, Батумском и Ардаганском,— *Е. С.*) дало полномочия Совету Министров оккупировать их, как только возникнет возможность. Таким образом, 6 июня нами был отдан приказ Восточной армии подготовиться к выступлению»[31]. А в письме к командующему Западным фронтом Али Фуаду от 14 сентября 1920 г. Мустафа Кемаль прямо указал: «С армянами начать благоприятную войну» с тем, чтобы присоединить к Турции и Азербайджан[32].

Все это свидетельствует о том, что кемалисты, продолжая экспансионистскую политику младотурок, давно готовились к захвату Закавказья.

Итак, даже в самые тяжелые дни национально-освободительной войны Турции, в июне 1920 г., когда греческие войска предприняли крупные наступления в Восточной Фракии и Анатолии, захватили Адрианополь, Бруссу, Балыкесир, Эрегли и ряд других городов, анкарское правительство на Восточном фронте — на границе Армении — сконцентрировало свои основные силы. Об этом сейчас открыто пишут такие турецкие авторы, как профессор Энвер Зия Карал[33], генерал Али Фуад Джебесой[34], преподаватель истории в военных школах Тахсин Юнал[35] и другие.

---

[30] General Ali Fuat Cebesoy, Milli mücadele hatıraları, s. 481—482, 484, 485, 511. О том, что турецкие войска на Кавказском фронте были готовы для вторжения в Закавказье, показывает и шифрованная телеграмма Мустафы Кемаля от 30 мая 1920 г. См. Ali Fuat Cebesoy, s. 482—483.

[31] „Atatürk'ün söylev ve demeçleri". Cilt I, s. 90.

[32] General Ali Fuat Cebesoy, s. 474.

[33] Prof. Enver Ziya Karal, Türkiye Cumhuriyeti tarihi (1918—1953), Istanbul, 1958, s. 97.

[34] General Ali Fuat Cebesoy, Moskova hatıraları, Istanbul, 1955, s. 61.

[35] Tahsin Ünal, 1700 den 1958e kadar Türk siyasi tarih, Ankara, 1958, s. 270.

Как признание турецких авторов, так и проводившаяся кемалистами в самом начале национально-освободительной войны политика подтверждают то, что кемалистское движение с первых дней своего возникновения имело противоречивый характер. С одной стороны, это движение носило антиимпериалистический национально-освободительный характер и было направлено против западного империализма, а с другой стороны, оно приняло завоевательный, империалистический характер в отношении Закавказья[36].

Турецкие авторы преподносят эту захватническую войну как национально-освободительную, а приобретенные в результате кемалистской агрессии в Армении территориальные захваты считают как первую свою победу на фронте национально-освободительной войны. Джемаль Кутай по этому поводу пишет: «Если на Востоке Карабекир не победил бы, то какова была бы судьба нашей национальной войны?»[37].

В. И. Ленин в своем докладе «О внутреннем и внешнем положении республики» на совещании актива Московской организации РКП(б) 9 октября 1920 г. о захватнических стремлениях кемалистов в отношении Закавказья говорил следующее: «Недавно турки стали наступать на Армению с целью захвата Батума, а потом, может быть, и Баку. Понятно, что мы в этом вопросе должны проявить максимальную осторожность»[38].

[36] В недавно вышедшем в свет восьмом томе «Всемирная история» в разделе «Национально-освободительная борьба народов Ближнего и Среднего Востока» при освещении национально-освободительной борьбы турецкого народа, возглавляемой Мустафой Кемаль-пашой, совершенно игнорируется противоречивый характер кемалистского движения. «Среди анатолийских политических деятелей,— читаем в VIII томе,— были скрытые и даже явные враги Кемаля, сторонники компромисса с империалистами. Они хотели отвлечь турецкое национальное движение от борьбы с империалистической интервенцией и направить его в шовинистическое русло — против народов Кавказа» (стр. 452). Таким образом, возлагая всю вину за развязывание армяно-турецкой войны 1920 г. на противников Кемаля внутри Турции, а также на империалистов Антанты и дашнаков (см. стр. 452—454), тем самым игнорируется тот факт, что у турецких националистов были собственные захватнические планы.

[37] Cemal Kutay, s. 62.

[38] «Ленинский сборник», XXXVI, Госполитиздат, М., 1959, стр. 131.

Об агрессии кемалистов и продвижении турецких войск в Закавказье, в частности по берегу Черного моря, полномочный представитель РСФСР при меньшевистском правительстве Грузии С. М. Киров телеграфировал Г. В. Чичерину. За лживыми заверениями кемалистов об их дружелюбии к Советской России С. М. Киров видел их коварные дела, их антисоветские намерения[39]. Об агрессивной политике кемалистов писал Г. В. Чичерину и полномочный представитель РСФСР в Армении Б. В. Легран: «Пока турки будут продолжать свою политику в отношении Армении — им нельзя верить вообще, в этом надо твердо отдавать себе отчет». «Наличие завоевательных националистических устремлений турок по адресу Карса — Александрополя,—отмечал далее Легран,—а может быть, Ардагано-Аджарии и Батума, более или менее несомненно»[40]. Кемалисты наступали в Нахичеванском направлении. «В конце июня турецкая баязетская дивизия в количестве до 9000 штыков, под командованием Джавид-бея,— писал командующий 11-й Армией М. К. Левандовский,— приступила к оккупации района Нахичевань—Джульфа—Ордубад». Разоблачая захватнические цели турецких войск, Левандовский приказал красным частям предупредить дальнейшее продвижение турок[41].

В фальсификации исторических событий турецкие авторы дошли до того, что агрессивные действия кемалистов и захват чужих территорий рассматривают как вклад в дело победы Советской власти в Закавказье. Так, Тевфик Быйыклыоглу в одном из последних номеров журнала Турецкого исторического общества цинично пишет: «В период, когда Советская Россия была сильно занята внутренними боями и войной против Польши, ее силы на Кавказе — в Азербайджане, Армении и Грузии — были слабыми, и советизация этих государств и народов на

---

[39] ЦПА ИМЛ, ф. 80, оп. 23, д. 5, л. 1. См. А. Мнацаканян, Посланцы Советской России в Армении. Ереван, 1959, стр. 92, 97.

[40] АВП СССР, ф. 32, д. 7, л. 100, 104. См. А. Мнацаканян, стр. 115.

[41] ЦПА ИМЛ, ф. 80, оп. 4, д. 83, л. 60—61. См. А. Мнацаканян, стр. 129—130.

этом фронте стала возможной *только лишь при турецкой помощи»* (курсив наш.— *Е. С.)*[42].

Однако в чем состояла помощь кемалистской Турции? В том ли, что в целях осуществления своих захватнических планов 28 сентября 1920 г. Кязым Карабекир со своей армией вторгся в Восточную Армению, двигаясь в глубь страны, опустошая целые районы и истребляя мирное армянское население? И в том ли, что зверства кемалистских войск ничем не отличались от действий младотурецких палачей?

О зверствах полчищ Кязым Карабекира имеется множество архивных материалов. Приведем лишь некоторые из них. Румынский гражданин В. Иенеску в своем письме от 27 января 1921 г. полпредству АрмССР в меньшевистской Грузии сообщал, что он, попав 30 октября 1920 г. в плен к туркам, через месяц был освобожден и прибыл в Карс. Далее он пишет: «...я узнал от турецкого доктора Нури-бея, что в городе убито 8 тысяч армян (женщин, детей и мужчин), но по моим наблюдениям число убитых должно быть не менее 10—12 тысяч. Дома разграблены дочиста... От Александрополя до ст. Налбанд все находится в руках турок и в этом районе... уничтожено 140 армянских селений и поголовно вырезаны все мужчины от 18 до 45 лет. Словом, положение армян, оставшихся в этих районах, как и пленных,— отчаянное. Многие пленные мерзнут и многие умирают от голода»[43].

В другом документе, подробно описывающем взятие Карса турецкими войсками, сказано, что в городе и в окрестных селах грабеж и резня мирного армянского населения продолжались две недели. Число убитых — неисчислимо. «Заняв Карс, турки немедленно приступили к вывозу оттуда в Сарыкамыш и Эрзерум всего, что только представляло собою ценность: орудия, снаряды, машины с заводов и мастерских, домашнюю мебель и т. д.»[44].

---

[42] Türk Tarih Kurumu. „Belleten". Cilt XXV. Temmuz. 1961. sayı 99. s. 488. Удивительно, что отдельные советские авторы отдают дань подобным антинаучным до конца лживым выводам.

[43] «Документы и материалы», л. 395—397

[44] ЦГАКА, ф. 109, оп. 3, д. 241, л. 12.

«Население экономически окончательно разорено турками в Александропольском и Карсском районах. Из этих местностей турки вывезли хлеб, рис, фасоль и всякие съестные припасы. Не оставили вовсе скота — ни коров, ни лошадей, ни овец,— все угнано—отправлено в сторону Эрзерума.

Параллельно с этой убийственной экономической системой турки с первого же дня своего вступления в эти области приступили к беспощадному избиению, которое продолжается и по сей день. Армянское население нескольких десятков селений Карсского и Александропольского районов предано мечу...»[45].

Г. К. Орджоникидзе в своей телеграмме от 16 декабря 1920 г. Авису и Бекзадяну, говоря о турецких зверствах и грабежах, сообщал, что «из Александрополя поступает масса телеграмм, согласно которым турки увозят буквально все»[46].

Сотрудник связи Костанашвили в своем меморандуме от 13 мая 1921 г. Народному комиссару иностранных дел Советской Грузии, подробно описывая взятие Александрополя турками, подчеркивал: «Турки сняли все телеграфные аппараты, отрезали город от всего мира и приступили к выполнению своего чудовищного плана, плана уничтожения целого народа. Были закрыты все дороги из города в села, и наоборот. Не пропускалось ничего. В городе продовольствия не было. Отсюда выход один — уморить население голодом. Результаты были блестящи для турок. Беднейшее население и беженцы умирали сотнями. Не хватало перевозочных средств для подбора трупов...

По приблизительному подсчету комиссии, организованной местными властями, потери людьми в городе и в уезде Александрополя за время военной оккупации следующие: мужчин — убитых 30 тыс., раненых 20 тыс., пленных 18 тыс., умерших от голода 10 тысяч; женщин—убитых 15 тыс., раненых 10 тыс., уведенных 2 тыс., умерших от голода 5 тыс.; девушек — убитых 10 тыс., раненых 5 тыс., уведенных в плен 3 тыс., умерших от голода 1 тыс.; детей—убитых 5 тыс., раненых 3 тыс., умерших от голода 10 тыс.[47].

---

[45] Там же, д. 364, л. 25.

[46] Архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, ф. 85, оп. 14, д. 51, л. 8.

[47] Политический архив МИД СССР, инв. № 53351, л. 14.

А. Ф. Мясникян в своей телеграмме НКИД РСФСР Чичерину сообщал, что после очищения от турецких войск на территории Александропольского района была обнаружена масса трупов женщин и детей. «Комиссия по расследованию ныне закончила свою работу, о результатах которой сообщается Вам для сведения... Комиссия в Акбулагском и Джаджурском районах насчитала 12 500 трупов, из коих 80% детей в возрасте от 5 до 12 лет, имеется масса трупов молодых девушек и женщин». Далее говорилось, что по сведениям, собранным Александропольской комиссией, всего турками вырезано 60 тыс., из коих: мужчин 30, женщин 15, детей 5, девушек 10 тыс.; ранено 38 тысяч, из коих: мужчин 20, женщин 10, девиц 5, детей 3 тыс. В плену мужчин 18 тыс., изнасиловано женщин 30, девиц 20 тыс. Случаев голодной смерти 32 тыс. В заключении телеграммы Мясникян указывает, что в плену в Турции было 10 тыс., из которых в живых осталось не больше двух тысяч, остальные погибли от голода, холода и вырезаны[38].

Можно было привести множество других подобных документов, но и эти в достаточной степени показывают цель наступления турецких войск в Закавказье, хотя кемалистские руководители свою экспансионистскую политику прикрывали лозунгом борьбы с Антантой, а войну с Арменией — «союзницей Антанты» — изображали как борьбу с антантовским империализмом. Кемалистские главари перед наступлением на Армению объявили, что войска анкарского правительства борются против агентов Антанты—дашнаков—«за освобождение армянского народа от дашнакского ига». Так, например, главнокомандующий Восточным фронтом Кязым Карабекир-паша перед наступлением выпустил специальное воззвание к населению Армении, в котором указывал, что «цель наступления кемалистов—спасти как христианское, так и мусульманское бедное население от тех дашнаков, которые грабят его и хотят создать невозможное»[39].

Представитель анкарского правительства в Тифлисе Кя-

[38] АВП СССР, ф. 132, оп. 4, папка 6, д. 14, л. 52.

[39] Архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, ф. 85, оп. 14, д. 21, л. 1.

зым-бей, после того как Армения была разорена и большинство населения вырезано турецкими войсками, цинично заявил: «Мы далеки от мысли уничтожить Армению. Мы желаем самостоятельную демократическую Армению. Армения подтвердит, что никаких жестокостей не было в оккупированных нами областях»[50].

Современные турецкие историки в маскировке агрессивной политики кемалистского правительства в 1920—1921 гг. не отстают от указанных выше кемалистских деятелей. Так, известный уже нам историк Тевфик Быйыклыоглу, фальсифицируя исторические события, пытается оправдать нашествие турецких войск в Закавказье осенью 1920 г., представляя это как миролюбивый шаг. «Начатые нами короткие военные действия в сентябре-октябре 1920 г. против дашнакской Армении имели целью установить в этом районе мир и покой и осуществить наш Национальный обет»[51].

Армения и Закавказье в целом были спасены от окончательного захвата турецкими войсками благодаря решительным протестам правительства Советской России. Еще до нашествия кемалистских войск на Армению Советскому правительству были известны захватнические планы кемалистов в отношении Закавказья, поэтому оно своим посредничеством стремилось предотвратить войну между кемалистской Турцией и дашнакской Арменией. Известно, что готовившееся кемалистами в июне 1920 г. нападение на Армению было отложено именно благодаря вмешательству Советской России[52]. В телеграмме Г. В. Чичерина от 19 июля 1920 г. министру иностранных дел дашнакского правительства прямо сказано, что «исключительно под влиянием миролюбивых стремлений Советского правительства турецкие националисты приостановили начатую ими мобилизацию, имевшую целью нанесение нового удара армянскому народу... Советская Россия будет продолжать идти по тому же пути беспристрастно дружественного отношения к трудящимся

---

[50] Там же, д. 29, л. 5.

[51] „Belleten", Temmuz. 1961, s. 489.

[52] См. «Документы внешней политики СССР», т. 2, док. № 372, стр. 725, приложения.

массам всякой национальности, и армянский народ может рассчитывать на его неизменно дружеское отношение и на его помощь в пределах его сил для предотвращения грозящих армянскому народу новых кровавых бедствий»[53].

Твердая позиция Советского правительства заставила правящие круги Анкары отложить наступление на Армению. Об этом Мустафа Кемаль говорил в своей речи на заседании меджлиса, подчеркивая, что Советское правительство категорически против наступления турецких войск на Армению и что поэтому они (кемалисты.— *Е. С.*) 20 июля вынуждены были принять решение о прекращении наступательных приготовлений Восточной армии[54].

В действительности же кемалисты не отказывались от своих экспансионистских намерений, они лишь ждали удобного случая для осуществления своих давно задуманных планов в отношении Закавказья.

Когда кемалисты использовали действия частей дашнакских войск в районе Олты и напали на Армению, углубляясь в пределы Закавказья, Советское правительство прибегло к более решительным мерам: оно готово было оказать вооруженную помощь Армении. Об этом свидетельствует следующее заявление полномочного представителя РСФСР Леграна от 19 октября 1920 г., сделанное им в Ереване во время переговоров с дашнакским правительством: «Я указал уже вашему дипломатическому представителю в Тифлисе, что если правительство Армении обратится к Советской России за военной помощью, она, я уверен, будет оказана»[55].

Все это говорит о том, что правительство Советской России выражало свою готовность оказать вооруженную помощь Армении, и если бы дашнакские правители согласились принять эту помощь, то армянский народ избежал бы десятков тысяч новых жертв и новых территориальных потерь. Но заклятый

[53] «Великая Октябрьская социалистическая революция и победа Советской власти в Армении» (сборник документов), Ереван, 1957, док. № 262.

[54] „Atatürkün söylev ve demeçleri", s. 90.

[55] Цит. по кн.: К а д ы ш е в, Интервенция и гражданская война в Закавказье, стр. 324.

враг армянского народа, партия дашнакцутюн, предпочла поставить Армению под пяту турецких захватчиков, надеясь при помощи последних продлить свое господство.

Кемалисты в погоне за осуществлением своих захватнических планов также отвергли неоднократные предложения правительства РСФСР о посредничестве и прекращении продвижения турецких войск в Закавказье[56]. Анкарское правительство, воспользовавшись тем, что дашнаки отказались от помощи РСФСР, развивало свое опустошительное наступление в глубь Армении. Как известно, армяно-турецкая война завершилась кабальным Александропольским договором, навязанным анкарским правительством уже свергнутому дашнакскому правительству 2 декабря 1920 г., то есть после того как в Армении 29 ноября была уже провозглашена Советская власть. Этот договор фактически был односторонним актом Турции, ибо никогда не был ратифицирован Арменией и не был признан и правительством РСФСР.

Александропольский договор передавал Турции почти всю территорию Армении, за исключением района Эривани и оз. Гокча (Севан). Районы Нахичевани, Шарура и Шахтахтов объявлялись «временно» находящимися под защитой Турции. Фактически протекторат Турции устанавливался и над территорией, формально остававшейся за Арменией.

Для иллюстрации достаточно привести отдельные статьи этого договора[57]. Так, согласно статье 4-й Александропольского договора Армения обязывалась отменить в стране обязательную воинскую повинность, а количество ее регулярных воинских сил не должно было превысить 1500 штыков, при 8 орудиях горного или полевого образца и 20 пулеметах. Орудия более крупного калибра, свыше 15 сантиметров в диаметре, исключались из обращения в армянской армии. Статья 5 сосредоточивала полный контроль и наблюдение за точным исполнением вышеуказанных условий в руках особого политического представителя Турции или турецкого консула в Эривани. Статья 12

---

56 См. «Документы внешней политики СССР», т. III, № 173, № 258.

57 Полный текст договора см. проф. Ю. В. Ключников и проф. А. В. Сабанин, Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях, ч. III, в. II, М., 1929, стр. 71—73.

передавала железные дороги и все прочие пути сообщения Армении под контроль турецких властей. Статья 13 предоставляла Турции право вводить войска и принимать меры военного характера на территории Армении. Таким образом, от самостоятельности Армении осталась одна тень. Армения низводилась до положения простой турецкой провинции.

Анкарское правительство всячески стремилось оставить в силе грабительский Александропольский договор и после установления Советской власти в Армении. В подтверждение этой мысли из многочисленных фактов приведем только один. В ноте министра иностранных дел анкарского правительства Бекир Сами-бея Наркому иностранных дел Советской Армении А. Бекзадяну от 5 февраля 1921 г. с циничной откровенностью говорилось: «Мы считаем, что Александропольский договор воплощает собой не насилие, а справедливость и что выполнение его необходимо для установления прочного мира на Кавказе» (!)[58].

Турецкие захватчики долгое время цеплялись за букву Александропольского договора, лишенного элементарных юридических основ, и упорно отказывались освободить Александропольский район от оккупационных войск, продолжавших грабить и опустошать армянские села и город Александрополь.

Как Советское правительство Армении, так и правительство РСФСР в своих нотах неоднократно указывали на бесчинства турецких захватчиков в оккупированных ими районах Армении и требовали от кемалистов очистить Александропольский район. В ноте правительства Советской Армении от 10 декабря 1920 г. отмечалось, что «в его распоряжении имеются многочисленные данные, свидетельствующие о том, что не взирая на новые обстоятельства, турецким командованием предпринимаются в занятых областях Армении действия, которые не могут быть объяснены иначе, как продолжение старой политики непримиримой враждебности к Армении...»[59].

Нарком иностранных дел РСФСР в ноте от 19 декабря правительству Кемаля потребовал, чтобы «турецкая армия немедленно очистила Александропольский округ и все дру-

---

[58] «Документы внешней политики СССР», т. III, стр. 487.

[59] Там же, № 217.

гие пункты, расположенные к северу и востоку от округа Карса, оккупация которых, однако, по нашему мнению, *не должна прекращать окончательную турецко-армянскую границу*»[60] (курсив наш.— *Е. С.*).

Правительство Советской России продолжало настойчиво требовать от кемалистов освободить захваченные районы Армении и прекратить там грабеж. В телеграмме Наркоминдела РСФСР от 3 февраля 1921 г. Г. К. Орджоникидзе говорилось, что нужно предупредить турецкое правительство о необходимости прекращения грабежей и эксцессов в оккупированной Армении. «Мы этому придаем,— отмечалось в телеграмме,— очень большое значение... Повторено ли требование об очищении Александрополя»[61].

Анкарские правители не только не собирались очистить Александропольский район, но, пользуясь слабостью власти грузинских меньшевиков, войдя с ними в сделку, пытались расширить свои завоевания и за счет Грузии. Правительство Кемаля 17 января 1921 г. признало меньшевистскую Грузию. 5 февраля в Анкару выехала дипломатическая миссия Грузии во главе с С. Мдивани. Меньшевики по диктовке стран Антанты шли на переговоры с Турцией с целью создания под эгидой Антанты антисоветского блока из Турции, Грузии и всех свергнутых контрреволюционных правительств Закавказья и горцев Северного Кавказа.

Меньшевистская газета «Грузия», с восторгом отмечая посылку миссии С. Мдивани в Анкару, писала: «Сейчас международные условия благоприятствуют С. Мдивани в установлении добрососедских отношений с Турцией: Антанта собирается изменить Севрский договор, и это ускорит историческое противопоставление интересов России и Турции на Кавказе. Результатом этого противопоставления будет восстановление Азербайджана, Дагестана и Армении и конфедерация этих государств под господством Турции»[62]. Это означало, что кавказ-

---

[60] Там же, № 229.

[61] См. статью Ю. С. Кузнецовой, Крах турецкой интервенции в Закавказье в 1920—1921 годах. «Вопросы истории», № 9, 1951, стр. 151.

[62] Газ. «Грузия», 29.XII 1920 г.

ские контрреволюционные партии при помощи турецких штыков стремились уничтожить Советскую власть в Азербайджане, на Северном Кавказе и в Армении, дабы удержать власть в своих руках ценою уступки турецким захватчикам части территории Закавказья.

Разраставшееся в феврале 1921 г. Лорийское восстание охватило многие районы Грузии. Меньшевистские воинские части переходили на сторону восставших. Обанкротившееся меньшевистское правительство надеялось при помощи турецких захватчиков и восставших в Армении дашнакских банд задушить революцию в Грузии. Ной Жордания в дни контрреволюционного переворота в Армении и захвата 18 февраля 1921 г. бандами Вранцяна Эривани просил последнего «ударить в тыл большевикам». А Вранцян извещал меньшевиков о своих подвигах и просил у них обмундирования и провианта[63–64].

Банды Вранцяна еще до переворота были связаны с кемалистами. Известно, что турецкий консул Баяэддин-бей принимал непосредственное участие в организации переворота. Его помощник Гусейн-эфенди был в бою вместе с дашнаками, и после занятия Эривани его аскеры с дашнаками-маузеристами обыскивали дома и арестовывали коммунистов. Консул Баяэддин-бей на митинге в Эчмиадзине, обращаясь к дашнакским главарям, говорил: «Мы готовы всеми силами помогать вам. Я теперь еду в Игдыр, чтобы послать в Нахичевань войсковые части для поднятия восстания против большевиков. Вы только восстановите мост в Маркаре, и мы всеми силами будем помогать Вам»[65]. Турецкий консул в Эривани во время дашнакской авантюры поднялся на трибуну и говорил: «Армяне, вы не бойтесь, мы вам придем на помощь, дадим оружие и всякие военные припасы». 18 февраля, когда дашнакские банды захватили Эривань, представитель турецкого правительства на митинге, устроенном дашнаками, выступил с омерзительной речью

[63–64] «Борьба за победу Советской власти в Грузии», Документы и материалы (1917—1921), Тбилиси, 1958, № 672. Из беседы Г. К. Орджоникидзе с сотрудником Грузкавроста о ходе революционных событий в Грузии.

[65] ЦГИА Армянской ССР, ф. 40 с/113, д. 31, л. 2.

в адрес большевиков, поздравляя дашнаков от имени турецких войск «с настоящим великим праздником; они (турецкие войска) уверяют и клянутся, что в нужную минуту у них все сплотятся в Закавказье. Поздравляю Вас еще с тем, что Тифлис уже в наших руках (!), а в Баку восстание... и очень скоро наши войска через Ахалцих переправим в Баку для скорейшего освобождения наших братьев...»[66].

Все это говорит о том, что анкарское правительство через своих представителей сколачивало контрреволюционные силы в Закавказье и при их помощи стремилось уничтожить Советскую власть в Армении и Азербайджане и задушить революционное движение в Грузии с целью завладения всем Кавказом. Страны Антанты, как говорилось выше, пытались использовать захватнические устремления анкарского правительства, чтобы открыть новый фронт на Кавказе против Советской России. Но антисоветские планы Турции, Антанты и закавказской контрреволюции оказались битыми успешным продвижением Красной Армии к Кавказу и разгромом сил Врангеля.

Это отрезвляюще подействовало на турецких агрессоров, которые решили возобновить московские переговоры, прерванные в августе 1920 г. из-за захватнических тенденций кемалистов в отношении Закавказья. 26 февраля в Москве возобновилась работа советско-турецкой конференции. Делегация анкарского правительства, воспользовавшись в результате февральской авантюры дашнаков временным падением Советской власти в Эривани, в территориальных вопросах снова, как и во время летних переговоров 1920 г., выступила с требованием оставления в силе условий Брест-Литовского и Александропольского договоров. Турецкая делегация решительно отказалась вести переговоры с делегацией Советской Армении, прибывшей в Москву для принятия участия на мирной конференции, вследствие чего армянская делегация не участвовала на конференции.

Решительная и твердая позиция Советской России вынудила представителей Анкары отказаться от Брест-Литовского и Александропольского договоров и уже к 10 марту была достигнута договоренность о границе между Турцией и Закавказски-

[66] Там же, л. 2—3.

ми советскими республиками. Турецкая делегация обязалась немедленно потребовать у своего правительства очищения территорий, занятых за установленной линией[67].

Но анкарские правящие круги вместо выполнения достигнутого в Москве турецкой делегацией соглашения, вели через своих эмиссаров и агентов среди мусульманского населения Закавказья антисоветскую агитацию, стремясь таким образом поднять его против Советской власти в Армении и Азербайджане. Намечалось явное стремление кемалистов захватить весь Нахичеванский район, где была уже Советская власть. В докладной записке секретаря делегации Советской Армении в Москве от 7 марта 1921 г. отмечалось, что в Нахичевани кемалисты вели упорную борьбу с местными советскими органами власти. В среду Красной Армии турки вводили своих офицеров, переодетых аскеров, и различные темные элементы, которые пытались вызвать разлад в войсках, чтобы лишить красные части боеспособности. Вместе с тем они старались незаметно и неофициально ввести свои войска в Нахичевань. Основной задачей турок было — создать анархию в крае, дискредитировать Советскую власть в глазах населения. «С этой целью,— сказано далее в записке,— через своих явных и тайных агентов, засевших в советских организациях, они производят самовольные реквизиции, аресты и прочее, проделывая все это от имени Советской власти. Во всем районе ведут усиленную, почти открытую антисоветскую агитацию, лихорадочно подготавливая противное восстание»[68].

Аналогичную подрывную антисоветскую работу кемалисты проводили и в других районах Закавказья. После победы Советской власти в Грузии, 25 февраля 1921 г., когда меньшевистские войска, разгромленные восставшим народом и частями Красной Армии, отступали к Батуму, турецкие войска, оккупировавшие 23 февраля Ардаган и Артвин, спешили занять Ахалкалаки, Ахалцих и Батум с согласия меньшевистского правительства, укрывавшегося в Батуме и добивавшегося, как ука-

[67] ЦПА ИМЛ, ф. 85, оп. 16, д. 146, л. 3; д. 165, л. 12, 13; д. 208, л. 1. Цит. по кн.: С. И. Кузнецова, Установление советско-турецких отношений, М., 1961, стр. 47.

[68] ЦГИА Армянской ССР, ф. 40 с/113, д. 31, л. 6.

зывалось выше, столкнуть Турцию с Советской Россией для продления своего господства в Грузии.

11 марта турецкие войска начали оккупировать Батум, Озургетский и Ахалцихский уезды.

Эти агрессивные действия турок в Закавказье сопровождались усиленной антисоветской агитацией в турецкой печати. Так, газета «Истикбаль» («Будущность») — орган Трапезундского вилайетского комитета «Защиты прав», являвшаяся рупором анкарского правительства, периодически помещала статьи, направленные против советской политики в Закавказье и в особенности в Грузии и Аджарии. Газета печатала разнообразные сплетни о насилиях и репрессиях, якобы чинимых Советской властью по отношению к мусульманскому населению, о реквизиции и вывозе в Россию продовольствия, ценностей, о засилии российской Красной Армии, об оскорблении религии и пр. В феврале и марте 1921 г. «Истикбаль» требовала присоединения Батума «к матери-родине Турции». Ряд передовиц газеты озаглавлены: «Батум наш», «Батум исключительно турецкий город», «Турки готовы единодушно бороться за Батум, с кем угодно» и т. д.[69].

Московская конференция завершилась подписанием 16 марта договора о дружбе и братстве между Москвой и Анкарой. Согласно Московскому договору, Александропольский уезд с городом Александрополь оставался за Советской Арменией, а Ахалцих, Ахалкалаки и Батум — за Советской Грузией. Но турецкие агрессоры, не удовлетворившись переходом к Турции захваченных ими Карсского, Кагызманского, Ардаганского, Ольтинского, Артвинского округов и Сурмалинского уезда общей площадью в 24 997 кв. км с населением 572 тыс., вопреки условиям Московского договора упорно не хотели освободить Александропольский уезд и добивались захвата Ахалцихского, Ахалкалакского уездов и Батумской области.

11 апреля 1921 г. на заседании Бакинского Совета Г. К. Орджоникидзе, отвечая на вопрос, чем была вызвана уступка Карса, Ардгана, Артвина кемалистам, говорил: «...Здесь нам пришлось считаться с совершившимся фактом. Дашнаки за-

[69] Цит. по кн.: ЮСТ К., Анатолийская печать. Тифлис, 1922, стр. 39.

ключили уже соответствующие договоры, турки заняли отданные им области и на переговорах с нами в Москве они решительно отказались отдать их нам. Идти на конфликт из-за этого с турками мы не хотели. Это было бы на руку только Англии и Франции»[70].

В день подписания Московского договора, 16 марта 1921 г., командующий турецкими войсками на Кавказе Кязым Карабекир-паша обратился к командующему 11-й Красной Армии Геккеру с требованием очистить Ахалкалакский и Ахалцихский уезды и Батумскую область, поскольку меньшевистское грузинское правительство передало их с согласия Антанты Турции[70а]. В ответ на наглые требования Кязым Карабекир-паши Геккер, основываясь на условиях советско-турецкого договора от 16 марта, приказал частям 11-й Армии занять указанные уезды и Батум. Турецкие войска, чтобы предупредить занятие Батума Красной Армией, стали форсировать захват города. Об этом подробно говорится в записке бывшего батумского коменданта генерала Пурцеладзе, описывавшего, как войска Кязым Карабекира, начиная с 11 марта, стали подтягиваться к Батуму и затем, 17 марта, оккупировали его. Дипломатический представитель Анкары в меньшевистской Грузии Кязым-бей, ретировавшийся из Тифлиса вместе с меньшевистским правительством в Батуме, в тот же день объявил Батумскую область присоединенной к Турции, а себя — генерал-губернатором. Меньшевистским властям предлагалось в 24 часа покинуть пределы Батумской области или сдать оружие[71].

Это, однако, не помешало Кязым-бею в своем первом приказе оповестить о том, что «в последнее время с согласия грузинского правительства Батумская область, Ахалкалакский и Ахалцихский округа были оккупированы нашими войсками. По постановлению Правительства Великого Национального Собрания Турции, основанного на национальных правах наших, многократно подтвержденных разновременными договорами, эти области с сегодняшнего дня возвращаются в пределы матери-

[70] См. газ. «Коммунист», Баку, 13 апреля 1921 г., № 84.

[70а] ЦГАКА, ф. 196, оп. 4, д. 675, л. 363. Цит. по кн.: А. Б. Кадишев, Интервенция и гражданская война в Закавказье, стр. 414.

[71] ЦГАОР ГрузССР, ф. 13с, д. 124, л. 26.

отчизны и в политическом и в административном отношении подчиняются Турецкому Национальному Правительству»[72]. Меньшевистскому правительству ничего не оставалось делать, кроме того, чтобы 18 марта с ограбленными ценностями государственного банка Грузии перебраться на итальянском пароходе из Батума за границу.

По поводу вероломного нарушения турецкими войсками условий Московского договора Г. К. Орджоникидзе в телеграмме от 20 марта 1921 г. предупредил командующего Восточным фронтом Кязым Карабекира, что «последние события ставят все достигнутые соглашения под величайшую опасность. Что же значит на самом деле соглашение, если оно нарушается на каждом шагу: напрасно в таком случае тратить время на конференции. Как понять заверения вашей делегации в Москве и заявления полномочного представителя ВНСТ Али Фуада о святости нашего союза, если союзный договор немедленно нарушается... Я считаю недопустимым между двумя естественными союзниками демонстративное нарушение торжественно закрепленного формального договора вводом ваших войск в Ахалкалаки, Ахалцих и Батум... Ссылка на Брестский договор со стороны ваших подчиненных не только не состоятельна, но она оскорбительна для нас»[73].

Ясно, что только силой оружия можно было отбросить турецких захватчиков с территории Грузии.

Меньшевистские войска в Батуме, насчитывавшие до 4000 чел., перешли на сторону Батумского ревкома и начали бои с турецкими оккупантами. К моменту подхода частей 11-й Армии турецкие войска были разбиты, а 21 марта Батум был освобожден от турок и здесь окончательно восторжествовала Советская власть.

Кемалистские войска, продолжая нарушать условия Советско-турецкого договора, не очистили Александропольский уезд, который, согласно договору, оставался в пределах Армении, где дашнакская авантюра была ликвидирована и 2 апреля снова

---

72 Там же, л. 27.

73 Газ. «Правда Грузии», от 20 марта 1921 г. Тифлис. Орган ЦК КП(б) Грузии.

восторжествовала Советская власть в Эривани, а в июне-июле 1921 г. дашнаки были окончательно изгнаны из Зангезура, Дараалагеза и Мегри. В связи с этим Г. В. Чичерин в ноте от 6 апреля послу Турции в РСФСР Али Фуаду потребовал: «Поскольку весь район Александрополя и Эривани снова находится в руках Армянского Советского Правительства, для турецких войск наступило время отойти за границу, установленную в Московском договоре, и мы питаем твердую надежду на незамедлительное получение от Вас сообщения о том, что эвакуация армянской территории турецкими войсками завершена»[74]. Но анкарское правительство всякими дипломатическими ухищрениями продолжало оставлять свои войска в Александропольском уезде. А командующий Восточным фронтом Кязым Карабекир-паша дал понять правительству Советской Армении, что турецкие войска останутся в Александрополе и готовы, если потребуется, воевать с Арменией. По этому поводу Чичерин 6 апреля телеграфировал члену Революционного Военного Совета Кавказского фронта Г. К. Орджоникидзе: «Сообщаю ему сейчас же (послу Турции в Москве Али Фуаду — *Е. С.*) о хулиганстве Карабекира с указанием, что война между Турцией и Советской Арменией будет означать войну между Турцией и Советской Россией»[75].

Турецкая военщина, не отказываясь от своих захватнических планов в отношении Закавказья, продолжала выдумывать всякие доводы, чтобы оправдать пребывание турецких войск в оккупированных ими районах Армении. Чичерин, разоблачая увертки турецких агрессоров, в ноте от 8 апреля Али Фуаду отметил: «Не могу скрыть от Вас своего глубокого удивления, которое я испытал при ознакомлении с заявлениями военного министра Правительства Великого Национального Собрания Турции Кемаля Февзи-паши... Военный министр заявляет, в частности, что турецкая армия Восточного фронта, оставаясь на Кавказе, должна служить там элементом равновесия. Мне трудно понять, против какой другой военной силы турецкая армия Восточного фронта предназначена выступить для восста-

---

[74] «Документы внешней политики СССР», т. IV, М., 1960, № 34.
[75] Там же, № 35.

новления равновесия сил на Кавказе. Поскольку единственной другой военной силой в этом районе являются объединенные Красные Армии Советских республик, напрашивается вывод, что, по мнению военного министра, турецкая армия должна служить элементом, враждебным советским силам и имеющим целью быть противовесом по отношению к их военной мощи...». «В том же заявлении,— продолжает Чичерин,— военный министр говорит, что та часть Армении, которая все еще находится под оккупацией турецких войск, будет эвакуирована только после введения в действие Александропольского договора...». Правительство Советской России решительно заявляет в указанной ноте, что «желать выполнения Александропольского договора равносильно аннулированию Московского договора»[76].

Несмотря на все это, анкарское правительство продолжало держать свои войска в Александропольском уезде. 8 апреля Г. В. Чичерин телеграфировал С. Г. Орджоникидзе, чтобы он через представителя РСФСР в Анкаре Б. Мдивани потребовал от турецкого правительства немедленного проведения в жизнь принятой на Московской конференции новой границы и очищения Александрополя[77]. Но дело не обошлось без предъявления ультиматума. 13 апреля Геккер, по поручению правительства РСФСР, послал Кязым Карабекиру ноту следующего содержания: «Дабы избегнуть печальных недоразумений, могущих произойти в ближайшие дни и которые весьма тяжко могут отразиться на дружбе и союзе наших армий, прошу Вас немедленно сделать распоряжение об очищении Александропольского района и выводе турецких частей за линию, указанную Московским договором. В случае неполучения от Вас извещения о начале вывода частей, я с великим прискорбием принужден буду дать приказ о вводе красных частей в вышеуказанный район, причем снимаю с себя всю ответственность за могущие быть за сим события...»[78]. Этим ультиматумом Геккер дал понять Ан-

---

[76] Там же, № 39

[77] Там же, № 40.

[78] См. С. В. Харандарян, Документы периода гражданской войны в Армении в 1921 г. «Известия» Академии наук Армянской ССР, общественные науки, № 2, за 1957 г., стр. 97—98.

каре, что Советское правительство ни перед чем не остановится, если турецкие войска останутся на территории Советской Армении. Турецкое командование 22 апреля вынуждено было отвести свои войска из Александрополя и уезда.

Турки причинили огромный материальный ущерб Советской Армении и взорвали александропольские пороховые погреба. В связи с этими враждебными актами Советское правительство специальными нотами от 13 и 18 мая дважды заявляло протест Турции[79].

Враждебные отношения правящих кругов Анкары в отношении советских республик Закавказья проявились и в вопросе о созыве на основе статьи 15 Московского договора мирной конференции для заключения договора между Турцией и закавказскими советскими республиками. Турция всячески затягивала решение назревшего вопроса, мотивируя это необходимостью заключить договоры с каждой республикой в отдельности, желая этим навязать им свои условия. Советские республики Закавказья в своих нотах поставили в известность Анкару, что договор между Турцией и тремя закавказскими республиками должен быть выработан на совместной конференции и в соответствии с условиями Московского договора. Для прекращения враждебных актов по отношению к закавказским республикам, в особенности к Армении, правительство РСФСР, ссылаясь на статью 15 Московского договора, настаивало на скорейшем созыве мирной конференции, чтобы нормализовать отношения Турции с Арменией, Азербайджаном и Грузией. Турция же, пользуясь отсутствием договора и постоянно нарушая условия Московского договора, которым по существу уже были нормализованы отношения Турции с закавказскими республиками, вела по отношению к последним враждебную политику, всячески затягивала созыв мирной конференции. Наконец, в связи с наступлением греческих войск по всему фронту (в начале июля 1921 г.) и отступлением турецкой армии за реку Сакарья, кемалисты, оказавшись перед грозной опасностью, были вынуждены снова обратиться за помощью к РСФСР. Теперь кемалисты сами просили ускорить созыв мирной конференции для заклю-

[79] См. «Документы внешней политики СССР», т. IV, №№ 82 и 88.

чения договора с закавказскими советскими республиками. Итак, спустя 6 месяцев после заключения Московского договора, 26 сентября 1921 г. в Карсе открылась конференция трех Закавказских советских республик (Азербайджана, Армении, Грузии) и Турции с участием представителя РСФСР.

На первом же заседании конференции турецкая делегация снова выдвинула отвергнутое закавказскими республиками и правительством РСФСР предложение заключить договор с каждой республикой в отдельности. Делегация Армении, Азербайджана и Грузии и на этот раз дала единодушный отпор турецким представителям. На заседании 30 сентября турецкая делегация выступила с провокационным вопросом: «В каких взаимоотношениях находятся советские республики Армения, Грузия и Азербайджан?» По этому поводу Г. В. Чичерин в ноте от 3 октября 1921 г. министру иностранных дел Турции Юсуфу Кемалю официально известил, что «Правительствами союзных с Российской Республикой Советских республик Грузии, Армении и Азербайджана было доведено до сведения Российского правительства о том, что означенные Республики находятся между собой в тесном политическом и экономическом союзе, разрешая совместно касающиеся их политические и экономические вопросы»[80]. Только после этого 13 октября был подписан Карсский договор о дружбе между Азербайджанской ССР, Армянской ССР и Грузинской ССР, с одной стороны, и Турцией,— с другой. Основные статьи Карсского договора о дружбе совпадают с соответствующими статьями Московского договора, в том числе и статьи, относящиеся к территориальным вопросам.

Таким образом, благодаря последовательной мирной политике правительства Советской России были заключены Московский и Карсский договоры[81], положившие конец захватническим устремлениям кемалистов в отношении Закавказья.

Итак, в результате турецкой агрессии в Закавказье в 1920—1921 гг., явившейся продолжением неудавшейся экспан-

---

[80] Там же, № 248.

[81] Текст Карсского договора, карту и приложение к договору см. «Документы внешней политики России», т. IV, № 264.

сии младотурецких заправил, от Закавказья было отторгнуто около 25 тыс. кв. километров территории. Иначе говоря, то, что не удалось осуществить младотурецким захватчикам в годы первой мировой войны, частично удалось провести в жизнь правителям новой Турции.

Установление Советской власти в Азербайджане, Армении и Грузии дало возможность с помощью Советской России предотвратить дальнейшие территориальные захваты турецких экспансионистов в Закавказье.

БИБЛИОГРАФИЯ

I. КЛАССИКИ МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА

Маркс К. и Энгельс Ф. Англо-французская война против России. Маркс и Энгельс. Соч., изд. 2-е, т. 11, стр. 521—526.

Ленин В. И. Русский царь ищет защиты от своего народа у турецкого султана. Соч., т. 8, стр. 533—537.

Ленин В. И. Горючий материал в мировой политике. Соч., т. 15, стр. 159—165.

Ленин В. И. События на Балканах и в Персии. Соч., т. 15, стр. 198—208.

Ленин В. И. Новая глава всемирной истории. Соч., т. 18, стр. 340—341.

Ленин В. И. Социальное значение сербско-болгарских побед. Соч., т. 18, стр. 368—370.

Ленин В. И. Пробуждение Азии. Соч., т. 19, стр. 65—66.

Ленин В. И. Отсталая Европа и передовая Азия. Соч., т. 19, стр. 77.

Ленин В. И. Под чужим флагом, Соч., т. 21, стр. 115—136.

Ленин В. И. Итоги дискуссии о самоопределении. Соч., т. 22, стр. 306—344.

Ленин В. И. О карикатуре на марксизм и об «империалистическом экономизме». Соч., т. 23, стр. 16—51.

Ленин В. И. Военная программа пролетарской революции. Соч., т. 23, стр. 65—76.

Ленин В. И. О сепаратном мире. Соч., т. 23, стр. 114—122.

Ленин В. И. Пацифизм буржуазный и пацифизм социалистический. Соч. т. 23, стр. 165—185.

Ленин В. И. Открытое письмо Борису Суварину. Соч., т. 23, стр. 186—196.

Ленин В. И. Задачи пролетариата в нашей революции. Соч., т. 24, стр. 37—68.

Ленин В. И. Государство и революция. Соч., т. 25, стр. 353—462.

Ленин В. И. Задачи революции. Соч., т. 26, стр. 38—46.

Ленин В. И. Доклад на II Всероссийском съезде коммунистических организаций народов Востока 22 ноября 1919 г. Соч., т. 30, стр. 130—141.

Ленин В. И. Ответ на вопросы корреспондента американской газеты «New York Evening Journal». Соч., т. 30, стр 340—342.

Ленин В. И. Доклад на заседании ВЦИК 23 февраля 1918 г. Соч., т. 27, стр. 24—28.

Ленин В. И. Доклад о внешней политике на объединенном заседании ВЦИК и Московского Совета 14 мая 1918 г. Соч., т. 27, стр. 329—345.

Ленин В. И. Первоначальный набросок тезисов по национальному и колониальному вопросам. Соч., т. 31, стр. 122—128.

Ленин В. И. Доклад комиссии по национальному и колониальному вопросам 26 июля. Соч., т. 31, стр. 215—219.

Ленин В. И. Наше внешнее и внутреннее положение и задачи партии. (Речь на Московской губернской конференции РКП(б) 21 ноября 1921 г.). Соч., т. 31, стр. 380—399.

Ленин В. И. Доклад о деятельности Совета Народных Комиссаров 22 декабря (на VIII Всероссийском съезде). Соч., т. 31, стр. 456—486.

Ленин В. И. Речь на заседании пленума Московского Совета рабочих и крестьянских депутатов 28 февраля 1921 г. Соч., 32, стр. 124—136.

Ленин В. И. Интервью корреспонденту «Обсервер» и «Манчестер гардиан» Фарбману. Соч., т. 33, стр. 346—352.

Ленин В. И. Доклад о внутреннем и внешнем положении республики на совещании актива Московской организации РКП(б) 9 октября 1920 г. «Ленинский сборник». XXXVI, стр. 129—132.

II. АРХИВЫ

Архив Азербайджанского филиала ИМЛ при ЦК КПСС. Фонд 53, дело 238. Фонд 58, дела: 32, 80. Фонд 276, дело 61.

Центральный государственный архив Октябрьской революции Азербайджанской ССР (ЦГАОР АзССР)

Фонд 82, опись 2, дело 23
Фонд 82с, опись 2, дела: 23, 39
Фонд 82с, опись 4, дела: 69, 114
Фонд 95с, опись 2, дела: 11, 33
Фонд 100, опись 2, дело 33
Фонд 211, опись 1, дела: 23, 30, 31, 69
Фонд 458, опись 1, дела: 106, 498, 577, 806, 923, 977
Фонд 854, дело 9
Фонд 344, опись 1, дело 54
Фонд «Канцелярия министра внутренних дел Азербайджанской республики, оп. 2, дело 9.

Архив Армянского филиала ИМЛ ПРИ ЦК КПСС

Фонд 7, дело 12
Фонд 11, дела: 16, 29
Фонд 20, дело 81
Фонд 33, дела: 2, 220, 392, 517, 670, 752, 1253, 1256, 1277, 1162; 1162а
Фонд 13, дело 15
Фонд 12, дела: 35, 358

Центральный государственный исторический архив (ЦГИА) Армянской ССР

Фонд 40, дело 31
Фонд 45, дела: 11, 42

Фонд 57, дело 582
Фонд 128, дело 318
Фонд 200, дела: 7, 11, 14, 16, 19, 20, 23, 26, 33, 35, 38, 53, 53а, 53б, 67, 70, 71, 74, 79, 95, 99, 132, 140, 217, 223, 241, 251б, 402, 623, 627

Архив Института истории Академии наук Армянской ССР. Дело «Турецкая политика истребления армян (1880—1921)».

Архив Грузинского филиала ИМЛ при ЦК КПСС
Фонд 12, дела: 35, 358
Фонд 13, дело 19
Фонд 33, дело 220

Центральный государственный исторический архив Грузинской ССР (ЦГИА ГрузССР)
Фонд 85/с, дела: 58, 137, 249, 153, 155
Фонд 2с, дела: 3166, 3187, 3193, 3196, 3198, 3265, 3361, 4670, 3561, 3598, 3602, 3665, 3719
Фонд 102, дело 74
Фонд 2, дело 3599
Фонд 13/2с, дела: 3171, 3187
Фонд 551, дело 556
Фонд 80/с, дело 620
Фонд 85, опись 1, дела: 121, 149, 155

Центральный государственный архив Октябрьской революции (ЦГАОР) Грузинской ССР
Фонд 1, дела: 28, 430
Фонд 3, дела: 157, 812
Фонд 4, дело 433
Фонд 9, дело 9
Фонд 10, дело 19
Фонд 11, дело 715
Фонд 13, дела: 8, 81
Фонд 24, дело 213
Фонд 28, дела: 66, 206
Фонд 41, дела: 45, 169
Фонд 153, дело 67
Фонд 206, дело 28
Фонд 408, дело 51
Фонд 2с, дело 3602
Фонд 3с, дела: 163, 165, 168
Фонд 13с, дело 124

Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС
Фонд 17, дело 90
Фонд 80, опись 23, дело 5
Фонд 85, опись 14, дела: 21, 29, 51
Фонд 109, дело 952

Центральный государственный военно-исторический архив, Москва (ЦГВИА)

Фонд 2000, опись 1, дела: 1004, 2003, 3750, 3786, 3790, 3792, 3824, 3827, 3840, 3850, 3851, 3859, 3860, 3862, 3891, 3892

Фонд 2000/с, опись 1, дела: 376, 400, 420, 444, 715, 718, 719, 749, 752 824, 973, 991, 3796, 3877, 10071

Фонд 444, дело 23

Центральный государственный исторический архив, Москва (ЦГИАМ)

Фонд 102, опись 15, дела: 74, 357

Фонд 543, дело 751

Фонд 13159, дело 50

Архив внешней политики России (АВПР)

Фонд «Посольство в Константинополе», дела: 1252, 1253, 2729

Фонд «Политархив», дела: 363, 768, 1024, 1031, 1034, 1044, 4656, 4662, 1041, 1020, 4665, 4658, 3891

Фонд «Осведомительный», дело 237

Архив внешней политики СССР

Фонд 132, опись 4, папка 6, дело 14

Политический архив МИД СССР, инв. № 53351

Центральный государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства СССР (ЦГАОРСС)

Фонд 1318, опись 1, дела: 32, 33, 34, 52, 56, 130, 150, 569, 619

Центральный государственный архив Красной Армии (ЦГАКА)

Фонд 109, опись 3, дела: 241, 298, 364

Фонд 196, опись 4, дело 675

Материалы секретариата главной редакции истории гражданской войны

Фонд 2, дело 11

Центральный государственный архив военно-морского флота, Ленинград, (ЦГАВМФ).

Фонд 418, дела: 10071, 4047, 4228, 4248

Фонд 858, дело 34

Фонд 898, опись 1, дело 32

Центральный государственный исторический архив, Ленинград (ЦГИАЛ)

Фонд 821, опись 133, дела: 469, 472

III. ДОКУМЕНТЫ, ОФИЦИАЛЬНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ

1. На русском языке

Белая книга о войне с Турцией. Дипломатическая переписка Англии, предшествовавшая войне с Турцией. П-д — М., 1914.

Большевики в борьбе за победу социалистической революции в Азербайджане. Документы и материалы 1917—1918 гг. Под ред. З. И. Ибрагимова и М. С. Искендерова. Ин-т истории партии при ЦК КП Азер-

байджана — филиал Ин-та марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Архивное управление МВД АзССР. Азгосиздат, Баку, 1957.

Борьба за победу Советской власти в Грузии. Документы и материалы (1917—1921). Под ред. Г. В. Хачапуридзе, С. Д. Беридзе, А. Я. Киквидзе, Н. Б. Махарадзе, Г. В. Сихарулидзе. Академия наук Груз. ССР, Груз. филиал Ин-та марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Архивное управ. ГрузССР, Госиздат ГрузССР, Тбилиси, 1958.

Великая Октябрьская социалистическая революция и победа Советской власти в Армении». Сборник документов под ред. А. Н. Мнацаканяна, А. М. Акопяна, Г. М. Даллакяна. Армянский филиал ИМЛ при ЦК КПСС, Ин-т истории АН АрмССР, Ереван, 1957.

Вторая оранжевая книга. Дипломатическая переписка России, предшествовавшая войне с Турцией, Дипломатический архив, П., 1914.

Германские оккупанты в Грузии в 1918 году. Сборник документов и материалов. Составил М. М. Габричидзе. Госиздат ГрузССР, Тбилиси, 1942.

Документы внешней политики СССР. Министерство иностранных дел СССР, Госполитиздат, т. I, М., 1957; т. II, М., 1958; т. III, М., 1959; т. IV, М., 1960.

Документы по истории гражданской войны в СССР, т. I, под ред. И. Минца, Е. Городецкого, Госполитиздат, М., 1940.

Ключников Ю. В. и Сабанин А. В. Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях, ч. II, М., 1926, ч. III, М., 1929.

«Константинополь и проливы». По секретным документам б. Министерства иностранных дел. Под ред. Е. А. Адамова, т. 1—2, М., 1925—1926.

«Красный архив», т. 9, 1925.

Материалы по истории франко-русских отношений за 1910—1914 гг. Сборник секретных дипломатических документов б. императорского Российского Министерства иностранных дел. М., 1922.

Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архивов царского и временного правительства 1878—1917 гг. Серия III, 1914—1917 гг., т. I, М.—Л., 1931; т. II, М.—Л., 1933; т. III, М.—Л., 1933; т. IV, М.—Л., 1931; т. V, М.—Л., 1934; т. VI, ч. 1 и 2, М.—Л., 1935; т. VII, ч. 1 и 2, М.—Л., 1935; т. VII, ч. 1—2, М.—Л., 1935; т. VIII, ч. 1—2, М.—Л., 1935; т. IX, М.—Л., 1937, т. X, М., 1938.

Первый конгресс Коммунистического интернационала. Протоколы. М., 1933.

Раздел Азиатской Турции. По секретным документам б. Министерства иностранных дел. Под ред. Е. А. Адамова, М., Литиздат НКИД, 1924.

Сборник дипломатических документов. Реформы в Армении (26 ноября 1912 года — 10 мая 1914 года). Министерство иностранных дел, П-д, 1915.

РСФСР. Народный комиссариат по иностранным делам. Отчет Наркоминдела к VII Съезду Советов (ноябрь 1918 г.— декабрь 1919 г.). М., 1919; Годовой отчет НКИД к VIII Съезду Советов (1919—1920). М.,

1921; Годовой отчет НКИД к IX Съезду Советов (1920—1921). М., 1921.

Царская Россия в мировой войне. т. I, с пред. М. Н. Покровского, Л., Госиздат, 1926.

2. На западноевропейских языках

Deutschland und Armenien 1914—1918. Sammlung diplomatischer aktenstücke. Herausgegeben und eingeleitet von Dr. Johannes Lepsius. Potsdam, 1919.

Die Deutschen Dokumente zum Kriegsausbruch 1914. Vollständige Sammlung der von K. Kautsky zusammengestellten Aktenstücke mit einigen Ergänzungen im Auftrage des Auswärtigen Amtes nach gemeinsamer Durchsicht mit K. Kautsky herausgegeben von M. Montgelas und W. Schücking. Neue durchgesehene und vermehrte Ausgabe. Bd. 1—4, Berlin, 1927.

Die Grosse Politik der Europäischen Kabinette, 1871—1914. Sammlung der diplomatischen Akten des Auswärtigen Amtes. Berlin, 1922—1927.

Papers Relating to the Foreign Relations of the U. S. 1918, Russia, Washington, 1932.

Papers Relating to the Foreign Relations of the United States. The Lansing papers 1914—1920... vol. 1—2. U. S. Government printing Office. Washington, 1939—1940.

The Turko-Armenian Question. Constantinople, 1919 (The Turkish version of the „Armenian question"). Published by the national Congress of Turkey.

Verhandlungen des Reichstags. XIII Legislaturperiode. Berlin, 1916.

IV. ЛИТЕРАТУРА

1. На русском языке

Аветян А. Германский империализм на Ближнем Востоке накануне первой мировой войны. «Известия» АН АрмССР. Общ. науки, 1958, № 6.

Авни Хусейн. Как Турция стала полуколонией. Перевод с турецкого. Л., 1934.

Акопян А. М., Эльчибекян А. М. Очерки по истории Советской Армении, вып. I (1917—1925). Армгиз, 1955.

Альдерванди Л. Марескоти. Дипломатическая война. Перевод с итальянского. М., 1947.

Аркомед С. Т. Материалы по истории отпадения Закавказья от России. Госиздат Грузинской ССР, Тифлис, 1923.

Арсеньев Н. Очерки современной Турции. «Новый Восток», № 2, 1922.

Атлас Армянской ССР. Академия наук Армянской ССР, Главное управление геодезии и картографии МГ и ОН СССР. Ереван—Москва, 1961.

Бабаходжаев А. Х. Пантюркизм—орудие идеологической диверсии империализма. «Труды Института востоковедения», АН Узбекской ССР, вып. II, Ташкент, 1954.

Баженов И. Р. Наша внешняя политика на Ближнем Востоке с национальной точки зрения. СПб, 1913.

Баранов Е. Война с Турцией и армяне. 1915.

Белякевич И. И. Турция и попытки Германии избавиться от русского фронта в период первой мировой войны. «Труды Вост.-Сиб. гос. ун-та», т. II, вып. 4, 1914.

Бетман-Гольвег Т. Мысли о войне. Пер. с немец. с предисловием В. Гурко-Кряжина. М.—Л., 1925.

Бондаревский Г. Л. Багдадская дорога и проникновение германского империализма на Ближний Восток (1888—1903). Госиздат УзССР, Ташкент, 1955.

Борьян Б. А. Армения, международная дипломатия и СССР. Госиздат, М.—Л., ч. I, 1928; ч. II, 1929.

Бурджалов Э. Двадцать шесть бакинских комиссаров. Госполитиздат, М., 1938.

Бюлов Б. «Воспоминания». Под. ред. и с предисловием В. М. Хвостова. М.—Л., 1935.

Вандаль А. Армяне и турецкие реформы. Пер. с французского. П-д, 1915.

Вартанян С. Победа Советской власти в Армении. Госиздат Армении, Ереван, 1959.

Габашадзе Г. Из истории политики США в отношении Грузии 1917—1920 гг. Изд-во ЦК КП Грузии, Тбилиси, 1960.

Галкин И. С. Политика европейских держав в связи с освободительным движением народов Европейской Турции в 1908—1912 гг. М., 1959.

Галоян Г. Борьба за Советскую власть в Армении. Госполитиздат, М., 1957.

Гарибджанян Г. Б. Коммунистические организации Армении в борьбе за победу Советской власти. Институт истории партии при ЦК КП Армении. Армгиз, Ереван, 1957.

Генин И. Экономическое проникновение Германии в Турцию. «Труды Моск. ин-та востоковедения», т. 5, 1947.

Гиббонс Герберт Адамс. Последние избиения в Армении. Факты и ответственности. Пер. с англ., П-д, 1916.

Гигинейшвили О. И. Из истории экономической политики младотурок. Тбилиси, 1954.

Гирс А. А. Австро-Венгрия, Балканы, Турция. Задачи войны и мира. П-д, 1917.

Гоголев З. Советско-турецкие отношения 1918—1923 гг. «Ученые записки», вып. 2, Якутск, 1950.

Горцев. Младотурки и рабочий вопрос. «Современник», 1912.

Готлиб В. В. Тайная дипломатия во время первой мировой войны. Пер. с англ. М., 1960.

Гутор М. Д. Новейшая история Турции и Персии (XVIII, XIX и XX столетия). Тифлис, 1913.

Денстервиль. Британский империализм в Баку и Персии в 1917—1918 гг. (Воспоминания). Пер. с англ. Б. Руденко. Изд-во «Советский Кавказ», Тифлис, 1925.

Джемаль-паша. Записки 1913—1919 гг. Тифлис, 1923.

Драбкина Е. Грузинская контрреволюция. Л., 1928.

Енукидзе Д. Крах империалистической интервенции в Закавказье. Госиздат Грузинской ССР, Тбилиси, 1954.

Ерусалимский А. С. Внешняя политика и дипломатия германского империализма в конце XIX века. М., 1951.

Ефремов М. Взятие Баку. «Военный вестник», № 7, 1922.

Завриев Д. С. К новейшей истории северо-восточных вилайетов Турции. Тбилиси, 1917.

Зайончковский А. М. Подготовка России к империалистической войне. Очерки военной подготовки и первоначальных планов. М., 1926.

Зурабов А. Германский империализм в Турции. «Летопись», 1917, № 5—6.

Иоаннисян А. Р. Присоединение Закавказья к России и международные отношения в начале XIX столетия. Изд. АН АрмССР, Ереван, 1958.

Искендеров М. С. Из истории борьбы Коммунистической партии Азербайджана за победу Советской власти. Азерб. гос. изд., Баку, 1958.

История гражданской войны в СССР, т. 2, Госполитиздат, М., 1947; т. 3, М., 1957.

История дипломатии. Под редакцией акад. Б. П. Потемкина. Т. II, Госполитиздат, М., 1945; т. III, Госполитиздат, М.—Л., 1945.

Кадишев А. Б. Интервенция и гражданская война в Закавказье. Воениздат, М., 1960.

Кайзер Ж. Европа и новая Турция, М., 1925.

Кемаль Мустафа. Путь новой Турции, т. I. Литиздат НКИД, 1929; т. II. Гос. соц. эконом. изд-во. 1932; т. III. Гос. соц. экон. изд-во, 1934; т. IV. Гос. соц. экон. изд-во, 1934.

Копчев Г. М. Туренкое «наследство» и мировая война. П-д, 1917.

Карапетян С. Х. Коммунистическая партия в борьбе за победу Октябрьской революции в Армении. Айпетрат, Ереван, 1959.

Карапетян Н. В. Армянский вопрос в Турции и политика империалистических держав накануне 1-й мировой войны (1908—1914). М., 1950. Автореферат кандидатской диссертации.

Каринян А. Шаумян и националистические течения на Кавказе. Баку, 1928.

Керимов М. А. Закавказские советские республики и Турция (1920—1922). «Ученые записки» Ин-та востоковедения АН СССР, т. 19, 1958.

Киров С. М. Избранные статьи и речи, т. I (1912—1934). Госполитиздат, М., 1939.

Киров С. М. Статьи, речи, документы, т. I (1912—1921). Партиздат ЦК ВКП(б), М., 1935.

Кишмишев С. О. Война в Турецкой Армении 1877—1878 гг., СПб, 1884.

Колесникова Н. И. Из истории борьбы за Советскую власть в Баку (август 1917 г.— июль 1918 г.). Воспоминания. Азгосиздат, Баку, 1958.

Коломойцев А. Г. Провал агрессивных происков Англии и Турции на северо-западном Кавказе в 50-х годах XIX в. «Ученые записки Туркм. университета», вып. 4, 1958.

Корсун Н. Г. Алашкертская и хамаданская операции на Кавказском фронте мировой войны в 1915 г. Воениздат, М., 1940.

Корсун Н. Г. Первая мировая война на Кавказском фронте. Воениздат, М., 1946.

Корсун Н. Г. Сарыкамышская операция. Воениздат, М., 1937.

Корсун Н. Г. Эрзерумская операция на Кавказском фронте мировой войны в 1915—1916 гг. Воениздат, М., 1938.

Кузнецова С. Крах империалистических замыслов возобновления интервенции в Закавказье осенью 1921 г. «Труды Института истории и философии» АН АзССР, т. 5, 1954.

Кузнецова С. Крах турецкой интервенции в Закавказье. «Вопросы истории», № 9, 1951.

Кузнецова С. И. Установление советско-турецких отношений. Изд. восточной лит-ры, М., 1951.

Лазарев М. С. Политика Англии в Центральной и Юго-Западной Аравии в годы первой мировой войны. «Краткие сообщения Института востоковедения». XXXV, Изд. восточной лит-ры, М., 1959.

Лиддель Гарт. Правда о войне 1914—1918 гг. М., 1935.

Лирау Вальтер. Новая Турция, ее экономическое состояние и виды на будущее. Пер. с немецк. М.—Л., 1924.

Ллойд Джордж. Правда о мирных договорах, т. 2. Пер. с англ. М., 1957.

Ломсадзе Ш. Крах турецких агрессоров в Грузии в период гражданской войны в СССР. Автореферат канд. диссертации. АН Грузинской ССР, Тбилиси, 1954.

Лорей Г. Операции германо-турецких морских сил в 1914—1918 гг. Пер. с немецк. Воениздат, М., 1937.

Лоуренс, Томас Эдвард. Восстание в пустыне. Воспоминания об англо-арабских операциях против Турции. Сокр. пер. с англ. М., 1929.

Лудшувейт Е. Ф. Послеоктябрьский революционный подъем в Турции (ноябрь 1917 г.— май 1919 г.). «Вестник МГУ», вып. 3, № 7, 1949.

Людендорф Э. Мои воспоминания о войне 1914—1918 гг., т. II, ГИЗ, М., 1924.

Мандельштам А. Н. Младотурецкая держава. Историко-политический очерк. М., 1915.

Марунов Ю. В. Политика младотурок по национальному вопросу (1908—1912). «Краткие сообщения Института народов Азии», АН СССР. XXX. Иран, Турция. Изд. восточной лит-ры, М., 1961.

Марунов Ю. В. Пантюркизм и панисламизм младотурок (1908—1918). «Краткие сообщения Института народов Азии». XLV. Международные вопросы. Арабские страны. Изд. восточной лит-ры, М., 1961.

Махарадзе Филипп. Диктатура меньшевистской партии в Грузии. М., 1921.

Микоян А. И. Бакинская организация большевиков в 1917—1918 гг. В кн.: «Из прошлого». Статьи и воспоминания из истории бакинской организации.

Миллер А. Ф. Очерки новейшей истории Турции. Изд. АН СССР, М.—Л., 1918.

Миллер А. Ф. Вступление Турции в первую мировую войну. «Изв. АН СССР», сер. истории и философии, 1946, т. III, № 4.

Миллер А. Ф. Турция под гнетом германского империализма в годы первой мировой войны (1914—1918). «Исторический журнал», № 12 (112), 1912.

Минасян О. Внешняя политика закавказской контрреволюции в первой половине 1918 г. «Историк-марксист.», № 6, 1938.

Мирошников Л. И. Англо-индийские войска в Иране, Закавказье и Туркестане в 1914—1920 гг. «Краткие сообщения Института востоковедения АН СССР». XXXV. Изд. восточной лит-ры, М., 1959.

Мирский С. К вопросу об определении стоимости мировой войны для Турции, «Новый Восток», № 3, 1923.

Мнацаканян А. Посланцы Советской России в Армении. Айпетрат, Ереван, 1959.

Могилевич А. А., Айрапетян М. Э. На путях к мировой войне 1914—1918 гг. Л., 1940.

Моисеев П., Розалиев Ю. К истории советско-турецких отношений. Госполитиздат, М., 1958.

Мосесов П. Б. Гражданская война в Азербайджане в 1917—1920 гг. «ДАН АзССР», Баку, т. I, № 2, 1945.

Науман Фридрих. Срединная Европа. Пер. с немецк. П-д, 1918.

Некора Л. С. Арабские политические общества в период 1908—1916 гг. «Новый Восток», кн. 4, 1925.

Никитинкева О. И. Турецкая интервенция в Закавказье в 1918 г. Автореферат канд. диссер. АН СССР, Ин-т востоковедения, М., 1948.

Новичев А. Д. Крестьянство Турции в новейшее время. Изд. восточной лит-ры, М., 1959.

Новичев А. Д. Очерки экономики Турции до мировой войны. М.—Л., 1937.

Новичев А. Д. Экономика Турции в период мировой войны. М.—Л., 1935.

Норден Альберт. Уроки германской истории. К вопросу о политической роли финансового капитала и юнкерства. Пер. с немецк. М., 1948.

Нотович Ф. И. Дипломатическая борьба в годы первой мировой войны. Институт истории. Изд. АН СССР, М.—Л., 1917.

Нотович Ф. Н. Захватническая политика германского империализма на Востоке в 1914—1918 гг. Госполитиздат, М., 1947.

Оборона Вана. М., 1917.

Орахелашвили М. Победа Октябрьской социалистической революции в Грузии. «Пролетарская революция», № 7, 1936.

Орджоникидзе Г. К. Статьи и речи, т. I, Госполитиздат, М., 1956.

Ошеровский Л. Я. Трагедия армян-беженцев. П-д, 1915.

Палеолог М. Царская Россия во время мировой войны. М.—П., 1923.

Петряев. Статистико-экономический очерк Турции. Сб. консульских донесений, вып. V, 1914.

Покровский М. Н. Империалистическая война. Сборник статей, 1915—1930. Изд. 2-е, дополн., М., 1931.

Полетика Н. П. Возникновение мировой войны. Соцэкгиз, М.—Л., 1935.

Пробуждение Азии. 1905 год и революции на Востоке. Сборник статей. Л., 1935.

Сабитов Н. Панисламизм и пантюркизм на службе империалистической реакции. «Вестник АН Казахской ССР», № 7, 1951.

Сазонов С. Д. Воспоминания. Берлин, 1927.

Саркисян Е. К. Аграрная политика османского правительства в Западной Армении во второй половине XIX в. Армгиз, Ереван, 1957.

Саркисян Е. К. Англо-американская интервенция в Закавказье в 1918—1920 гг. и борьба народов Закавказья за свое освобождение (на арм. языке). «Изв. АН АрмССР», сер. общ. наук, № 3, 1953.

Саркисян Е. К. Борьба народов Закавказья против турецких оккупантов в 1918 г. Востоковедческий сборник, I. Сектор востоковедения АН АрмССР, Ереван, 1960.

Саркисян Е. К. Великая Октябрьская социалистическая революция и национально-освободительная борьба в Турции. Изд. АН Арм. ССР, Ереван, 1958.

Саркисян Е. К. Влияние русской революции 1905—1907 гг. на Турцию.— в кн.: «Объединенная научная сессия отделений общественных наук академий наук Азербайджанской ССР, Армянской ССР и Грузинской ССР, посвященная 50-летию Первой русской революции». Тезисы докладов, Тбилиси, 1955.

Саркисян Е. К. Влияние русской революции 1905—1907 гг. на развитие революционного движения в Турции. «Изв. АН АрмССР», сер. общ. наук, № 12, 1955.

Саркисян Е. К. Из истории турецкой интервенции в Закавказье в 1918 г. «Изв. АН АрмССР», сер. общ. наук, № 7, 1958.

Саркисян Е. К. К вопросу о вступлении Османской империи в войну на стороне центральных держав. В кн.: «Сессия по вопросам истории и экономики Афганистана, Ирана и Турции». (Тезисы докладов). АН СССР, Ин-т народов Азии, М., 1962.

Саркисян Е. К. Пантюркистская и панисламистская агентура в Закавказье накануне первой мировой войны. «Изв. АН АрмССР», № 7, 1962.

Саркисян Е. К. Положение трудящихся масс в современной Турции. Изд. АН АрмССР, Ереван, 1955.

Саркисян Е. К. Рецензия на книги проф. А. Ф. Миллера «Краткая история

Турции», «Очерки новейшей истории Турции». «Вестник АН СССР». № 8, 1949.

Саркисян Е. К. Рецензия на книгу Токаржевского Е. А. «Бакинские большевики — организаторы борьбы против германо-турецких интервентов в Азербайджане в 1918 г.». Труды Азербайджанского филиала ИМЭЛ, т. VI, Баку, 1947.

Сборник армянской литературы. Под ред. М. Горького. П-д, 1916.

Сведения о турецкой армии и о Турции. Пер. с турецк. Изд. штаба Кавказ. фронта, 1917.

Сеф С. Е. Борьба за Октябрь в Закавказье. Изд. «Заккнига», Тифлис, 1932.

Силин А. С. Германская военная миссия фон дер Гольца в Турции в 1882—1895 гг. (Из истории проникновения Германии в Турцию в конце XIX в.). «Ученые записки новой и новейшей истории», вып. II, М., 1956.

Смирнов Н. А. Политика России на Кавказе в XVI—XIX вв. М., 1958.

Ставровский Ал. Закавказье после Октября. Взаимоотношения с Турцией в первой половине 1918 г. М.—Л., 1925.

Тардье. Мир. Пер. с франц. М., 1943.

Тарле Е. В. Сочинения, т. V, М., 1958.

Тверитинова А. С. Младотурки и пантюркизм. «Краткие сообщения Института востоковедения АН СССР», т. XXII, Изд. восточной лит-ры, М., 1956.

Токаржевский Е. А. Бакинские большевики — организаторы борьбы против германо-турецких интервентов в Азербайджане в 1918 г. «Труды Азербайджанского филиала ИМЭЛ», Институт истории партии им. Ст. Шаумяна, т. VI, Баку, 1947.

Токаржевский Е. А. Из истории иностранной интервенции и гражданской войны в Азербайджане. Институт истории АН АзССР. Баку, 1957.

Тотомианц В. Экономическая почва турецкой революции. «Современный мир», 1908 г., октябрь, разд. 2.

Траскунов М. Б. Героический боевой путь 11-й Армии на фронтах гражданской войны (1918—1921). Изд. Политуправления Закавказского военного округа, Тбилиси, 1958.

Труды Азербайджанского филиала ИМЭЛ, т. VIII, Баку, 1947.

Фалькенгейм Э. Верховное командование 1914—1916 гг. в его важнейших решениях. Пер. с немецк. М., 1923.

Фей С. Происхождение мировой войны, т. I, М., 1934.

Хаджетлаше Мохамед-бек. Мрачные времена. (Из записок начальника тайной полиции в Турции). Пер. с франц., Пб, 1911

Хаджетлаше Мохамед-бек. Убийца на троне. (Записка начальника тайной полиции в Турции). Пер. с франц., П-д, 1918.

Хармандарян С. Документы периода гражданской войны в Армении в 1921 г. «Изв. АН АрмССР», общ. науки, № 2, 1957.

Хачапуридзе Г. Большевики Грузии в боях за победу Советской власти Изд. 2-е. Госполитиздат, М., 1951.

Хачатрян Р. Крах турецкой агрессии в Советской Армении в 1920—1921 гг. «Изв. АН АрмССР», общ. науки, Ереван, № 8, 1952.

Хейфец А. Н. Великий Октябрь и угнетенные народы Востока. Институт востоковедения АН СССР, Изд. восточной лит-ры, М., 1959.

Хейфец А. Н. Исторические документы ленинской политики дружбы с народами Востока (Первые договоры Советского государства с Афганистаном, Ираном и Турцией). «Народы Азии и Африки», № 2. 1962.

Хейфец А. Н. Советско-турецкие отношения и вопрос об Армении в 1918—1921 гг. Ученые записки Педагогического института им. В. П. Потемкина, т. XIV, вып. I. М., 1951.

Цхакая М. Грузия и Армения под пятой империалистов. Тифлис, 1925

Чекунов. Война с Турцией. Екатеринослав, 1915.

Чобанян А. Турецкие армяне и их культурная деятельность. «Армянский сборник», 2-е изд. М., 1916.

Шамсутдинов А. М. Октябрьская революция и национально-освободительное движение в Турции (1919—1922). Сб. «Великий Октябрь и народы Востока». Изд. восточной лит-ры, М., 1957.

Шамсутдинов А. Советско-турецкий договор о дружбе и братстве от 16 марта 1921. «Краткие сообщения Института востоковедения АН СССР», т. XXIV, 1958.

Шаумян Л. С. Мужественные борцы за коммунизм (к 35-летию расстрела 26 бакинских комиссаров). Изд. «Знание», М., 1954.

Шаумян С. Г. Избранные произведения в двух томах. Т. 2. (1917—1918). Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Госполитиздат, М., 1958.

Штейн Б. Е. Попытки продолжения антисоветской интервенции в Закавказье после разгрома третьего похода Антанты. «Вопросы истории», № 6, 1954.

Штемберг Е. Германский империализм на Ближнем Востоке накануне мировой войны 1914—1918 гг. «Исторический журнал», 1943, № 1.

Эггерт З. Захватнические планы Германии в годы первой мировой войны «Вопросы истории», № 11—12, 1946.

Эмиров Н. Установление Советской власти в Дагестане и борьба с германо-турецкими интервентами (1917—1919). Академия общественных наук при ЦК ВКП(б), М., 1949.

Эрцбергер М. Германия и Антанта. Мемуары. Пер. с немецк., М., 1934.

Юст К. Анатолийская печать, Тифлис, 1922.

Ященко А. Русские интересы в Малой Азии, М., 1946.

2. На армянском языке

Ա-Դօ, *Մեծ դեպքերը Վասպուրականում 1914—1915 թվականներին։ Ե., «Արարատ», 1917։*

Ալպօյաճեան Արշակ. *Պատմություն հայ Կեսարիայ։ Գահիրէ, 1937։*

Ակնունի Է., *Միլիոն մը հայերու ջարդի պատմութիւնը։ Պոլիս, 1921։*

Աղայան Ծ., *Հոկտեմբերյան ռևոլյուցիան և հայ ժողովրդի ազատագրումը։ Հայպետհրատ, Երևան, 1957։*

Անտոնյան Ա., *Մեծ ոճիրը։ Հայկական վերջին կոտորածները և Թալաաթ փաշա։ Պաշտոնական հեռագիրներ. բնագիրներու տպագրութեամբ և բազմաթիվ պատկերներով։ Բոստոն, 1921։*

Արզումանյան Մ. Վ., *Բոլշևիկների գործունեությունը և ռևոլյուցիոն շարժումները Հայաստանում 1907—1917 թվականներին։ Հայպետհրատ, 1959։*

Բադալյան Խ. Հ., *Գերմանա-թուրքական օկուպանտները Հայաստանում 1918 թ. (Փաստաթղթեր)։ Երևանի Պետհամալսարանի հրատարակչություն, Երևան, 1962։*

Գույումճեան Հակոբ. *Արյունոտ Անատոլի կեանքը։ Բոսթոն, 1949։*

Դատավարութիւն Թալէաթ Փաշայի։ *Սղագրական զեկուցում։ Վիեննա, 1921։*

Զարևանդ Ա., *Անգորայի ռազմավարութիւնները։ Նյու-Յորք, 1924.*

Էմիրյան Մ., *Աքսորի և պատերազմի կրակներու մէջէն։ Պոսթոն, 1952։*

Թուրքահայ աղետը։ *Պատմական փաստաթղթեր։ Ս. Էջմիածին, 1919։*

Լեո, *Անցյալից (Հուշեր, թղթեր, զրույցներ)։ Թիֆլիս, 1925։*

Լեո, *Թուրքահայ հեղափոխության գաղափարաբանությունը։ Հատոր Ա., Փարիզ, 1934։ Հատոր Բ., Փարիզ 1935։*

Կարինյան Ա., *Իմպերիալիստական պատերազմը և Հայաստանը։ Երևան, 1924։*

Կիպընզ Հ. Է., *Ժամանակակից պատմության սևագույն էջը։ 1915 թ. հայկական ջարդերը։ Իրողութիւններ և պատասխանատվութիւններ։ Նյու-Յորք, 1916։*

Հայկազ Ա., *Շապին Գարահիսար ու իր հերոսամարտը։ Նյու-Յորք, 1957։*

Հարությունյան Հայկազ, *Շապին-Գարահիսարի ապստամբութիւնը, 1955։*

Հիշատակագիր, *Վանա ինքնապաշտպանության դեպքերուն (1915 ապրիլ-մայիս)։ Օտար և հայ պաշտոնական փաստագրեր։ Կ. Պոլիս, 1919։*

Հյուսյան Մինաս, *Գրիգոր Զոհրապ։ Կյանքը և ստեղծագործությունը։ Հայպետհրատ, Երևան, 1957։*

Հովհաննիսյան Ա., *Համազգային կրիզիսը։ Երևան, 1926։*

Հովսեփյան Գ., *Կենսագրական նոթեր։ Կյանքիս ամենադժբախտ օրը և երջանկության բաղեն։ Հարեյանական պատգամ և մեր իղձերն ու հույսերը։ Գահիրե, 1945։*

Մանդելշտամ, *Օսմանյան կայսրութեան ճակատագիրը և հայկական հարցը։ Կ. Պոլիս, 1919։ Թարգմ. Մ. Շամտանճեան։*

Մելիքսեթյան Վ., *Զեյթունի 1862 թ. ապստամբությունը։ (Հայաստանի պետական պատմական թանգարանի «Աշխատություններ», 1950, հատոր 2)։*

Մեվլան Զադե Րիֆաթ. *Օսմանյան յեղափոխութեան մութ ծալքերը։ Թարգ. թուրքերենից, Բեյրութ, 1938։*

Մի թուրք սպայի հիշատակարանից (Նյութեր հայոց նորագույն պատմության)։ Թիֆլիս, 1917։

Մկրտչյան Թովմաս. *Տիգրանակերտի նահանգի ջարդերը։ Գահիրէ, 1919։*

Մնացականյան Արամայիս, *Գերմանա-թուրքական զավթիչների գործակալության ձախողումը Կովկասում առաջին համաշխարհային պատերազմի նախօրյակին։ Երևան, Հայպետհրատ, 1948։*

Մորկենթաու Հենրի, *Դեսպան Մորկենթաուի պատմածները, քաղվեց ամեր Թուրքիոյ մեջ գտնուած Հենրի Մորկենթաուի պատմածները անգլերենէ*

պատերազմին առաջ և պատերազմի միջոցին։ Թարգ. Մ. Շամտանճեանէ Կ. Պոլիս, 1919։

Նալբանդյան Միսակ, *Տարօնոյ ինքնապաշտպանութիւնն ու ջարդը 1914—1915. Պատմեց՝ Եղիշէ Տէր-Պարսամեան, Ֆրեզնօ, 1920։*

Զոպանյան Ա., *Հայաստանը թուրք լուծին տակ։ Բոստոն, 1928։*

Պատմություն համաշխարհային պատերազմի և հայկական հարցը: *Պատրաստուած «Թայմզ» լրագրի կողմէ, թարգմանեց Վան-Միր։ Կ. Պոլիս, 1919։*

Սարգսյան Ե. Ղ., Սահակյան Ռ. Գ., *Հայ ժողովրդի պատմության մի քանի հարցերի ֆալսիֆիկացիան թուրք պատմաբանների աշխատություններում։ ՀՍՍՌ ԳԱ «Տեղեկագիր», Հասարակական գիտություններ, 1961 թ., № 12։*

Սարգսյան, Ե. Ղ., Սաֆրաստյան Ա. Խ., *Պատմության հակագիտական լուսաբանման մի քանի փաստերի մասին։ ՀՍՍՌ ԳԱ Արևելագիտության սեկտորի «Արևելագիտական ժողովածու», I, Հայկական ՍՍՌ ԳԱ Հրատարակչություն, Երևան, 1960։*

Տեովլերյան Ս., *Հուշեր Տարին Գարահիսարեն։ Փարիզ, 1954։*

Տեր-Զոր,, *Հեղինակ՝ Աղետէն վերապրողները։ Փարիզ, 1955։*

1915։ Աղետ և վերածնունդ։ Հեղինակ՝ Աղետեն վերապրողներ։ Փարիզ, 1952։

Յոնապետյան Է., *Ձայն տառապելոց. (փաստաթղթեր, նամակներ ջարդերի 1914—1918 մասին)։ Փարիզ, 1922։*

Ֆայեզ էլ Ղոսեյն, *Հերոսական հայութիւն անցեալին։ Ջարդերը Հայաստանի մեջ (ականատեսի վկայություններ)։ Ֆրանսերենից թարգմ. Գր. Պասմաճեան. Գահիրէ, 1960։*

3. На турецком языке

Alâettin Ibrahim. Türk meşhurları Ansiklopedisi. Ankara, 1946.

Ahmed Bedevi Kuran. Inkılâp tarihimiz ve Jön türkler. Istanbul, 1945.

Ahmed Reşit bey. Gördüklerim-yaptiklarım (1890—1922). 1945.

Ali Haydar Muthat. „Hatıralarım" (1872—1941), Istanbul, 1946.

„Atatürkün Söylev ve Demeçleri" I. T. B. M. Meclisinde ve C. H. P. kurultaylarında (1919—1938), Istanbul, 1945.

Bayur Yusuf Hikmet. Türkiye devletinin dış siyasası. Istanbul, 1938.

Bayur Yusuf Hikmet. Türk inkılâbı tarihi. Cilt III, kısım 3. 1915—1917 vuruşmaları ve bunların siyasal tepkiler. Ankara, 1957.

Berkuk Miralay. Büyük harpte (334) şimali Kafkasyadaki faaliyetlerimiz ve 15 fırkanın hareketi ve muharebeleri. Istanbul, 1934.

Cebesoy Ali Fuat. Milli mücadele hatıraları, Istanbul, 1953.

Cebesoy Ali Fuat. Moskova hatıraları. Istanbul, 1955.

Cebesoy Ali Fuat. Siyasî hatıralar. „VATAN", Istanbul, 1954, şubat-Nisan.

Cemal Kutay. Karabekir Ermenistanı nasıl yok etti? Istanbul, 1956.

Celal Nuri. Ittihad-i Islam. Istanbul, 1913. (арабск. алф.).

Çark I. Türk Devleti hizmetinde Ermeniler (1453—1953). Istanbul, 1953.

Dersimi Nuri. Kurdistan tarihinde Dersim. Halep, 1952.

Ermeni Komitelerinin âmâl ve harekâtı ihtilâliyesi ilânı meşrutiyetten evvel ve sonra. Istanbul, 1333 (1916). (арабск. алф.).
Esat Uras. Tarihte Ermeniler ve Ermeni meselesi. Ankara. 1950.
Güze. Büyük harpte Kafkas cephesindeki muharebeler. Türkçeye çeviren Kaymakam Hakki. Istanbul, 1931. „Askeri Mecmuanın tarih kısmı", sayı 20.
Hüsrev Ismail. Türkiye köy iktisadiyatı, Ankara, 1934.
Istatistik Yıllığı. 1931—1933.
İşilav I. 1914—1918 cihan harbi ve sonu. Istanbul, 1939.
Karabekir Kâzım. Birinci Kafkas kolordusunun 1334 senesindeki harekâtı ve meşhudatı hakkında general Harbord riyasetindeki Amerika heyetine takdim edilen rapor süreti. Erzurum, 1335 (1919).
Karabekir Kâzım. Cihan harbine neden girdik, nasıl girdik, nasıl, idare ettik? Kitap I—II. Istanbul, 1937—1938.
Karal Enver Ziya, Türkiye Cümhuriyeti tarihi (1918—1953). Istanbul, 1958.
Kutay Cemal. Atatürk-Enver paşa hâdiseleri. Istanbul, 1956.
Kutay Cemal. Talât paşayi nasıl vurdular? Istanbul, 1956.
Mümtaz. Istiklâl savaşında ikinci kolordu. Istanbul, 1935. „Askeri Mecmuanın tarih kısmı", sayı 37.
Rüştü. Büyük harpte Bakû yollarında 5 Kafkas piyade fırkası. Istanbul, 1934. „Askeri mecmuanın tarih kısmı", sayı 34.
Sabir Ali Ihsan. Harp hatıralarım, 2-ci basılış. Cilt I. Birinci dünya harbinden evvelki hâdiseler—harbin zuhuru ve seferberlik ilânı. Harbe nasıl sürüklendik. Istanbul, 1943.
Sadri Maksudi Arsal. См. „Ikinci Türk tarih kongresi". Konferanslar, müzakere zabıtları. Ankara, 1943.
Salâhaddin. Kafkas cephesinde X K. O.-nun, Büyük harbin iptidasından Sarıkamış muharebeleri nihayetine kadar harekâtı. I kısım. Istanbul, 1931. „Askeri Mecmuanın tarih kısmı", Sayı 243.
Tahsin Paşa. Abdül Hamid ve yıldız hatıraları. Istanbul, 1931.
Tahsin Ünal. 1700 den 1958e kadar Türk siyasî tarih. Ankara, 1958.
Talât Paşanın hatıraları. Istanbul, 1946.
Tarih. C. III. Istanbul, 1935.
Türk Tarih Kurumu. „Belleten", cilt XXV, Temmuz, 1961, sayı 99.
Ziya Şakir. 1914—1918 Cihan harbini nasıl idare ettik. Istanbul, 1944.

4. На западноевропейских языках

Albertini L. The Origins of the war of 1914: vol. 1. London—New-York—Toronto, 1952; vol. 2, 1952; vol. 3, 1957.
Allen W. E. D. and Muratoff Paul. Caucasian Battlefields. A History of the Wars on the Turco-Caucasian Border 1828—1921. Cambridge, 1953.
Becker, Carl H. Unser türkischer Bundesgenosse. Berlin, 1916.

Branderburg E. Von Bismark zum Weltkriege. Die deutsche Politik in dem Jahrzehnten vor dem Krieg. Berlin, 1924.

Bryce Viscount. The Treatment of Armenians in the Ottoman Empire. Documents presented to Viscount Grey of Fallodon, London, 1916.

Buchan C. A History of the War. London, 1916.

Burr M. A Note on the history of the Turco-Caucasian Border. „Asiatic Review", 1927, oct., v. 43, № 156.

Charles Woods. The Cradle of the War. Boston, 1918.

Davenport Briggs. A. History of the Great War 1914—The genesis of the War. June 1914—August 1915. New-York and London, 1916.

Davison, Roderic H. The Armenian Crisis, 1912—1914. New-York.

Emin Ahmed. Turkey in the World War. New Haven, 1930.

Fisher S. M. The Middle East. New-York, 1959.

Gabrielian M. G. Armenia: a martyr Nation. A Historical Sketch of the Armenian people from traditional times to the present tragic days. New-York e. a. Revell (1918).

Gibbons Helen Davenport. The Red Rugs of Tarsus. Paris, 1919.

Gordon. American relations with Turkey 1830—1930. Philadelphia, 1932.

Grother H. Deutschland, die Türkei und der Islam. Leipzig, 1914.

Grother H. Türkisch Asien und seine Wirtschaftswerte. Frankfurt am Main, 1916.

Halide Edib. Memoirs of Halide Edib. London, 1926.

Halsey W. Francis. History of World War in Near East. N. Y., 1919.

Herzfeld H. Die Limankrise und der Politik der Grossmächte in der Jahreswende 1913/14. „Berliner Monatshefte", 1933, № 9.

Hodgetts E. A. Brayley. Round about Armenia. The record of a journey Across the Balkans, through Turkey the Caucasus and Persia. London, 1916.

Hostler Ch. W. Turkism and the Soviets. London, 1957.

Howard Harry N. The partition of Turkey. A. diplomatic History 1913—1923, Oklahoma, 1931.

Jäckh Ernst. Die aufsteigende Halbmond auf dem Weg zum deutsche-turkischen Bündnis, Berlin, 1915.

Jäckh Ernst. Die deutsch-türkische Waffenbrüderschaff. Stuttgart und Berlin, 1915.

Jollivet G. Six mois de Guerre, Août 1914—février 1915. Paris, 1915.

Kazemzade Firuz. The Struggle for Transcaucasia 1917—1921, New-York, 1951.

Kress von Kraessenstein. Mit dem Türken zum Suezkanal. Berlin, 1934.

Larcher M. commandant. La guerre turque dans la guerre mondiale. Préface de Franchet d'Espérey. Paris, 1926.

Lepsius Johannes. Bericht über die Lage des armenischen Volkes in der Türkei, Potsdam, 1916.

Lepsius Johannes. Der Todestag des armenischen Volkes. Potsdam, 1919.

Lewis G. L. Turkey. London, 1957.
Liman Von Sanders. Fünf Jahre Türkei. Berlin, 1919.
Mandelstam A. Le sort de l'Empire ottoman. Paris, 1917.
Mariott J. A. K. The Eastern Question. A. Hstorical Study in European Diplomacy. Oxford, 1951.
Mears E. G. Modern Turkey. A. politico-economic Interpretation 1908—1923, New-York, 1924.
Miller William. The Ottoman Empire and its Successors 1801—1922. Cambridge, 1923.
Mühlmann Carl. Das Deutsch-Türkische Waffenbündnis in Weltkriege. Leipzig, 1940.
Mühlmann Carl. Deutschland und die Türkei, 1913—1914. Berlin, 1929.
Müller K. N. Die Wirtschaftliche Bedeutung der Bagdadbahn. Hamburg, 1927.
Naim Bey. The Memoirs of Naim Bey. Turkish official Documents relating to the Deportations and Massacres of Armenians. London, 1920.
Naumann F. Mitteleuropa, Berlin, 1915.
Pears sir E. Forty years in Constantinople 1873—1915. Herbert Jenkins, London, 1916.
Philips M. Where Russia and Turkey meet in Eastern Anatolia, Kars and Ardahan. „Manchester Guardian Weekly", 1927, Oct. 23., v. 57, № 17. Oct. 30, № 18.
Poidebard. La lutte pour la route des Indes. Notes de voyage de Paris à Tiflis par Bagdad. Paris, 1923.
Pomiankowski Joseph. Der Zusammenbruch des ottomanischen Reiches. Erinnerungen an die Türkei aus der Zeit des Weltkrieges. Zurich—Leipzig—Wien, 1928.
Ryan Sira. The last of Dragomans, London, 1951.
Safrastian Arshak. Kurds and Kurdistan, London, 1948.
Scipio Lynn. My thirty years in Turkey. New Hampshire, 1955.
Spector Ivar. The Soviet Union and the Muslim World. 1917—1956. Washington, 1957.
Strühlmann F. Der Kampf um Arabien zwischen der Türkei und England. Hamburg—Berlin, 1916.
Toynbee Arnold I. Armenian atrocitices. The murder of a nation. London—New-York, 1915.
Toynbee Arnold. Nationality and the War. London, 1915.
Toynbee A. J. Turkey: a past and a future. New-York, 1917.
Werfel Franz. Die vierzig Tage des Musa-Dagh, Berlin, 1956.
Zeine N. Z. Arab-Turkish relations and the emergence of Arab nationalism. Beirut, 1958.
Zenkovsky S. A. Panturkism and Islam in Russia. Cambridge, 1960.
Ziemke Kurt. Die neue Türkei. Politische Entwicklung 1914—1929. Stuttgart, 1930.

V. ПЕРИОДИКА

«Азербайджан», газета, за 1918—1919 гг.
«Армяне и война». Еженедельный общественно-политический и литературный журнал, посвященный вопросам армянской жизни, за 1916—1917 гг. Одесса.
«Армянский вестник». Еженедельный общественно-политический и литературный журнал, посвященный вопросам армянской жизни, за 1916—1918 гг., М.
«Бакинский рабочий», газета, за 1917—1920 гг.
«Борьба», газета, за 1918 г.
«Вестник АН Казахской ССР», за 1951 г.
«Вестник АН СССР», за 1949 г.
«Военный вестник», за 1922 г.
«Вопросы истории», за 1946, 1951 гг.
«Грузинская республика», газета, за 1918 г.
«Грузия», газета, за 1920 г.
«День», газета, за 1916 г.
«Жизнь национальностей», орган народного комиссариата по делам национальностей, за 1918—1921 гг., М.
«Закавказская речь», газета, за 1915 г.
«Заря Востока», газета, за 1925 г.
«Звезда», газета, за 1912 г.
«Известия АН АрмССР», сер. общ. наук, за 1946, 1949, 1953, 1955, 1958, 1961, 1962 гг.
«Известия Бакинского Совета, за 1918 г.
«Известия», газета, за 1918—1919, 1951 гг.
«Известия Совета рабочих, красноармейских, матросских и крестьянских депутатов Бакинского района», за 1918 г.
«Историк-марксист», журн., за 1938 г.
«Исторический журнал», за 1942—1943 гг.
«Кавказ», газета, за 1915 г.
«Кавказский рабочий», газета, за 1917—1918 гг.
«Кавказское слово», газета, за 1915—1918 гг.
«Каспий», газета, Баку, за 1914 г.
«Коммунист», газета, Баку, орган ЦК и БК АКП(б), за 1920 г.
«Коммунист», орган Комиссариата по армянским делам при Наркомнаце, за 1918 г.
«Красный архив», за 1925—1931 гг.
«Летопись», П-д, еженедельный литературный, научный и политический журнал, за 1915—1917 гг.
«Мир Ислама», журн. СПб, за 1913 г.
«Наше время», за 1919 г.
«Новое время», газета, за 1914 г.
«Новый Восток», журн., за 1922—1925 гг.
«Правда», за 1912—1921, 1955 гг.

«Пролетарская революция», журн., за 1936 г.
«Русские ведомости», за 1914 г.
«Русское слово», за 1915 г.
«Советское востоковедение», за 1945—1955 гг.
«Современник», журн., за 1912—1915 гг.
«Современный мир», журн., за 1908 г.
«Тифлисский листок», за 1918 г.
«Утро юга», газета, за 1915 г.

«Աշխատավոր», *Թիֆլիս, 1918 թ.*
«Երկրի ձայնը», *1906—1908 թթ.*
«Զանգ», *Երևան, 1917 թ.*
«Ժողովրդի Ձայն», *Թիֆլիս, 1918—1919 թթ.*
«Կայծ», *Թիֆլիս, 1918 թ.*
«Կարմիր Դրոշակ», *Թիֆլիս, 1918 թ.*
«Կարմիր Դրոշակ», *Մոսկվա, 1918—1919 թթ.*
«Ճակատամարտ», *Կ. Պոլիս, 1918 թ.*
«Մշակ», *Թիֆլիս, 1913—1918 թթ.*
«Պայքար», *Թիֆլիս, 1917—1918 թթ.*
«Վերջին Լուր», *Կ. Պոլիս, 1914 թ.*
«Տեղեկատու», *Բաքու, 1918 թ.*
«Փորձ», *Թիֆլիս, 1879 թ.*

„Der Neue Orient", Berlin, 1918.
„Yeni sabah", Istanbul, 1944.
„La Voix de l'Arménie", Paris, 1918.
„Seday-i Ermenian", Istanbul, 1910. (арабск. алф.).
„The Atlantic Monthly", 1923.
„The Daily Telegraph", London, 1915.
„Vatan", Istanbul, 1954.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Абдель-Хамид аль-Зохраби — 293
Абдул Вахиб аль-Мылэи — 293
Абдул-Гамид аль-Араси — 293
Абдул Керим-паша — 214
Абдул-Решид эфенди Ибрагимов — 204
Абдула Сагиб-оглы — 118
Абдул-Хамид II — 27, 29, 31, 35, 37, 42, 55—56, 64, 67—68, 73—74, 86—88, 97, 107, 128—129, 259, 272, 423
Абдурахман эфенди — 113
Ага-хан — 207
Агаев-Ахмед — 72, 102, 106—107, 204
Агароняи — 402
Адамов — 112, 114, 120—121, 141, 180, 222
Азизбеков М. — 377
Айрапетян М. Э.— 130, 140
Акчура-оглу Юсуф-бей — 72, 102—103, 106—107
Алимов А.— 55
Али-оглы — 208
Аллен — 13, 14, 184, 198
Альбертини Л.— 132
Амир Лютфи — 109
Анатоль Франс — 272—273
Андерс Эдгар — 120—124, 140—141
Андраник, генерал — 337, 402
Анисимов — 221
Арвеладзе П.— 321
Арешян, генерал — 337
Арсал Садри Максуди — 33, 286
Арсеньев Н.— 301
Асад Кербалай — 208
Ахмед-паша — 59
Ахмед Таббар — 293
Ахмед-фейзи-паша — 46
Ахмед — 380
Ахмед-Шериф — 63
Ахмед Эмин — см. Ялман
Ахмед Эксан эфенди (Араб Ходжа) — 112—113
Ахунд-Гасан-Молла-заде — 108, 110

Бабанзаде Исмаил Хакки — 82
Баляны, архитекторы — 290
Баратов, генерал — 202, 220—221
Барзан, шейх — 85
Батал-паша — 7
Бахерхат В. Р.— 293
Баюр Юсуф Хикмет — 11, 33, 286—290, 429, 436
Баязидов — 107
Баяэддин-бей — 448
Бегкулянц — 244
Бедир-хан, шейх — 84
Бекзадян А. А.— 441, 446
Бек — 134
Бекир Сами-бей — 255, 430, 433, 446
Бенкендорф — 160, 162
Берар Виктор — 273
Беркук — 7, 11, 178, 334, 384
Берн — 273
Бернсдорф — 264
Берхман, генерал — 188—189
Бетман-Гольвег — 143—144, 263
Бехаэддин Шакир — 230—233
Бисмарк — 130, 346
Брайс — 237—238, 240, 244, 254, 264, 273, 280, 286
Бронсарт фон Шеллендорф — 134, 190—191
Брюсов В.— 271
Булгареци Григор — 276
Бунин И.— 271
Бургиньон — 272

Быйыклыоглу Тевфик — 289, 432, 439, 443
Бюиссон Фердинанд — 273
Бюк-хан — 207
Бюлов — 15, 142

Вангенгейм — 80, 130, 132, 143, 148—149, 163, 166—167, 190, 263—264
Варужан Даниел — 236
Вебер — 134
Векилов — 381
Верфель Франц — 281
Веселовский А., академик — 271
Веселовский Ю.— 271
Вехиб-паша — см. Ферик-Вехиб-Махмед
Вильгельм II — 143—144, 148, 252, 261
Вильсон — 297
Виноградов — 404
Влахов — 61—62
Вольфарт — 84
Воронцов-Дашков—110—111, 185, 201
Врангель, генерал — 449
Вращян С.— 448
Вышинский, генерал — 323

Габаев — 194, 338
Гагарин — 88
Гази Мухтар — 76
Гани-бей — 40
Гарибджанян Б.— 321
Гаррони — 240
Гаспринский — 72, 107
Гассан Иззет-паша — 190
Гегечкори Е.— 319, 326, 340—341, 341
Гедеванов — 351—352
Геккер — 452, 455
Георгадзе — 376
Гиббонс Герберт Адамс — 234, 240, 253—254, 263
Гиббонс Хелен — 74
Гинденбург, генерал — 370
Гирс—75, 77—78, 114, 155—158, 163—166, 168 — 169
Глатов — 339
Голобородько И.— 52
Головин, генерал — 224
Гордлевский — 178
Горцев — 62
Готлиб В. В.— 14, 162
Гольц - паша, Кольмар, фон дер — 129, 137, 308
Горький М.— 271
Гоцинский — 107
Грей — 159—161, 202
Гулькевич — 81
Гумман — 264
Гурко-Кряжин В. А.— 156
Гусейн-бек Мехти — 208
Гусейн-эфенди — 448
Гюзе — 190—191, 193, 198
Гюналтай Шемседдин — 33

Дамад Ферид-паша — см. Ферид паша, Дамад.
Делькассе — 160
Демирджи Мехмед-эфе — 319
Деникин А.— 28
Дертман Иосиф — 122
Джавад-Джамиль-бей — 409
Джавид-бей—154, 166—167, 175, 305—307
Джавид-бей — 439
Джапаридзе А.— 377
Джахид Хусейн-бей — см. Ялчин
Джебесой Али фуад — 11, 427—128, 430, 432, 436—137, 453—154
Джевад — 104
Джевдет — 207
Джевдет — 195, 211, 301
Джевдет-бей (паша)—256, 275, 277—279
Джевдет Керим — 434
Джелал-бей — 255
Джелаль-бей Исмаил — 113
Джелаль Нури — 70—71, 102
Джелалет-Али-Бедирхан — 72
Джеляли — 312
Джемаль-паша — 11—12, 97, 131, 152,

154, 163, 165—168, 175, 183, 231, 237, 243, 263, 266, 284—286, 292—295, 298, 305, 310
Дживелегов А. К.— 271, 291
Дзамоев — 354
Динглер — 121

Егиян З. — 250, 253, 255
Егоян А.— 276
Ерофеев — 407

Жамкочян — 339
Жордания Н.— 334, 341, 363, 367, 414, 419, 448

Захар-бек — 213
Зейне — 294
Зограб Григор — 235—236
Зия Гёкальп — 72, 101—102
Зиновьев — 36—37, 40, 43, 45—49, 54, 59, 73—74, 78, 92

Ибн-Сауд — 22, 89, 91
Ибн-эль Сунуд, эмир — 295
Ибн-эль Рестрид, эмир — 295
Ибрагим-бей — 121
Ибрагим-паша — 39
Ибрагим эфенди Дальзаде — 113—114
Игнатов — 222
Иенеску В.— 440
Извольский — 160, 164
Изеддин Юсуф — 310
Иззет-бек — 385
Иззет-паша — 95, 193
Исмаил Саму-оглы Гасан-заде — 109
Исмаил Хакки — 305
Истомин, генерал — 191—192, 194, 196
Ихсан-паша Али, генерал — 195, 339

Кадер, шейх — 82
Кайзер Ж.— 12, 156
Калтин — 196
Камбон Жюль — 30
Канаян Дро — 337
Карал Энвер Зия — 437
Кара-Кемаль — 305
Кара Мурза — 271
Карахан Л. М.— 343—344, 431
Карабекир-паша Кязым — 11, 132, 148, 150, 161—162, 176—178, 209, 338—339, 354, 403, 434—436, 438, 440, 442, 452—455
Карл Август Лэнер — 121
Кахиани Н. — 419
Качазнуни — 395
Келберашвили Давид — 417
Кемаль-бей Юсуф — 430, 457
Кемаль-паша Мустафа (Ататюрк) — 72, 426, 429, 431, 433—434, 436—438, 444, 446
Кепрюлю Фуад — 33, 72
Кербалай Аскер — 408
Керенский — 220, 337
Керим-бей — 256
Керимов Хусейн — 114
Кильдеев-Девлят — 107
Киров С. М. — 439
Кихгоф — 250
Кишмишев С. О. — 28
Ковалевский М.— 271
Коковцев — 143—145
Комитас — 236
Корганов Г. Н.— 327, 329, 412
Корсун Н.— 183, 188, 190, 194, 209
Костанашвили — 441
Кресс фон Крессенштейн — 367—368, 372—373, 417—419
Круглов А.— 43
Крымский — 271
Куран Ахмед Бедеви — 94, 151—152
Кутай, Джемаль — 438
Кязым-бей — 442—443
Кямиль-паша — 29

Ламсдорф — 43, 53
Ласкинг — 319
Лебединский, генерал — 336
Левандовский М. К.— 439
Легран Б. В.— 439, 444

Ленин В. И. — 51, 54—55, 64—65, 94, 144, 185, 308, 313, 322, 330, 406, 419, 429, 431, 438
Лео — 271, 274
Леонтьев — 95—96, 135, 143, 154—157
Лепсиус И.— 140, 229, 234, 237, 242, 244—245, 251, 262, 266—267, 278, 286
Либкнехт Карл — 263
Лиддель-Гарт — 12, 153, 161
Ллойд Джордж — 12, 25
Лиман фон Сандерс — 10, 15, 18, 130, 133—134, 136, 140, 142—147, 163, 166, 168, 170—171, 190, 224, 267, 308, 370, 420
Лимпус, адмирал — 164
Лирау В.— 15, 267
Литтон — 140
Лоран — 21
Лоссов, фон, генерал — 359, 367—368, 403, 413
Лоуренс — 297
Льюис — 151
Людендорф Э., генерал — 15, 367—372, 413
Ляхов — 258

Магалов — 334
Мак-Коль — 30
Малгет — 154, 159
Мамед Али Мешади Таги — 109
Мандельштам — 73, 75, 78, 240, 252, 274, 286, 289, 298
Маркс К.— 9, 314
Марр Н. Я.— 271
Маррнот И. А.— 13, 161, 343
Махмуд Мухтар-паша — 162
Махмуд Шевкет-паша — 63, 93, 130—132
Махмуд эфенди — 113, 209
Махмуд Яхья-ибн-Хамид — 46
Мдивани Б.— 455
Мдивани С.— 447
Мевлан-заде Рифат — 88, 117, 167, 175, 205, 231—234, 252, 274, 286, 294
Мейэ — 272
Меликян Романос — 243
Мелконян — 275
Мехмед Фатих — 31
Мешков В.— 44—45
Мидхат Шукри — 183
Микоян А. И.— 378
Миллерт Ф.— 122
Миллер А. Ф.— 154, 306
Мильс — 273
Мирбах — 352
Мирза ага Багури — 114
Мирза-Гусейн - Раффи-заде — 109 — 110
Мирза Гусейн-хан — 207
Могилевич А. А.— 130
Молла-заде — 118
Мольтке — 166
Морели — 338
Моргентау — 264, 269
Мохаммед Рахим-бей — 114
Мубаррак-ибн Саббах — 22, 44
Мукир-паша — 132
Муратов — 13—14, 184, 198
Муса-хан — 207
Мустафа Вефан — 258
Мустафа Субхи — см. Субхи
Мухамед аль-Шанти — 293
Мухамед Эсад — 63—64
Мухтар бей — 96
Мышлаевский, генерал — 192, 194—195
Мюльман К.— 15, 133, 299, 367, 370, 373
Мютцнер, фон — 225
Мясникян А. Ф.— 442

Наджиб-Азури-бей — 50
Наджи-бей — 178—179
Назарбеков (Назарбекян) Т., генерал — 337, 361, 398, 402—403, 405
Назим-паша — 37
Назим-паша — 87
Назим-паша — 95, 385
Назым — 231—233, 266
Назым Хикмет — см. Хикмет Назым

Наим-бей — 231, 255, 286
Нариманов Н.— 320
Науман Фридрих — 15, 265
Нерсисян М. Г.— 249
Николай II — 144, 185
Ниязи — 110
Норден Альберт — 23
Нотович Ф. И.— 157
Нури-бей — 40—41
Нури-бей — 440
Нури Дерсими — 258
Нуриджанян Авис — 441
Нури-паша — 360, 373, 375, 378, 384—385, 409, 411

Оганджанян Л.— 370
Одишелидзе, генерал — 326, 333, 336, 338—340, 342
О'Коннор — 273
Оленгейм — 204
Олеферьев — 84
Омар Хамид — 293
Орбай Хюсейн Рауф — 345—351
Орджоникидзе Г. К.— 406, 411, 419, 441, 447, 451, 453—455
Орлов — 89
Отян Ерванд — 235—236

Павлович М.— 156
Паллавичини — 148, 167
Паносян — 276
Пенлеве — 272
Пешков Н.— 30
Пико Жорж — 296—297
Покровский М. Н.— 153
Поль Дешанель — 271
Помянковский—15, 132, 202—203, 223, 305
Поршин, генерал — 211
Пржевальский, генерал — 195, 326—328, 333
Пуанкаре — 12
Пурцеладзе, генерал — 452

Радеславов — 165
Рамишвили Н.— 330, 364
Расул-заде — 386, 435
Рауф-бей — см. Орбай
Рафаэль Жорж Леви — 272
Ревентлов — 265
Ревшти-бей Шамхан — 293
Ренеде Шован — 272
Рефиз Селлум — 293
Рефик-бей — 141
Рибинсон Джон — 273
Риза эфенди — 113, 117
Рихтер — 244
Робинсон Эмилия — 273
Романовский, генерал — 212
Рорбах Пауль — 137—140
Рюштю — 11, 371, 385, 413

Саак, киликийский армянский католикос — 249—281
Сабри-бей — 114
Сазонов — 142—143, 157—158, 160, 168, 185, 201—202, 296
Саид — 83—85
Саид Хурдан — 82
Саид Халим-паша — 148—149, 156, 168, 175, 264
Сайкс М.— 296—297
Салтынский Узун-Гаджи — 107
Сами эфенди (Якуб эфенди) — 117
Сары-эфе — 311
Саудан-паша — 44
Сафрастян А. Х.— 18
Сверебеев — 145
Сект, фон — 367—370
Сейид Талиб — 22—23
Селим Пулад — 114, 124
Сиаманто — 236
Сидней фей — 132, 146
Силикян (Силиков) — 337
Синан — 290
Скипио — 254
Скрябин — 39
Смит — 319
Соденштерн — 134
Сологуб Ф — 271
Субхи Мустафа — 63, 312—314

Суди-бей — 225
Сулейман-паша — 45
Сухомлинов — 136
Сушон, адмирал — 164, 166—169
Сюльхеддин — 85

Тагиев — 106
Таксин Гусейн — 381
Талаат-паша — 11—12, 88, 93, 95, 148—149, 151, 162, 165—168, 175, 177, 229, 231—234, 236, 238—239, 242—243, 255—257, 266—267, 269, 285—286, 295, 305, 309—310, 434—435
Тарле Е. В.— 68, 153, 157, 269
Тахри-бей — 113, 116, 118, 120
Тахсин-паша — 55
Теджир Мехмед — 398
Тейлирян Согомон — 229, 242, 267
Текин Алып — 102, 176
Терлемезян П.— 276
Тобчибашев Али Мурад-бей — 386
Тоган Зеки Велиди — 33
Тойнби А.— 270
Торосян А.— 261
Тотомианц В.— 57
Туманов — 352
Туманян Ов.—271

Уильямс А.— 273
Урас Эсат — 11, 32—34, 75—96, 286—287, 289—290

Фалькангейм, генерал — 297
Фаиз-эль Хосейн — 235
Фахрэддин — 158
Февзи-паша — 454
Фей Сидней — 12
Фельдман — 190
Ферид-паша Дамад — 287—288
Ферик-Вехиб - Махмед (Вехиб - паша) — 335, 337, 339—342, 351, 353—354, 370, 387, 400—401
Феррух Али-паша — 7
Фируз Казым-заде — 13
Фишер — 289
Франкенбург фон — 134
Франц-Фердинанд — 147
Фрунзе М. В.— 301

Халиде Эдиб — 311
Халил-бей — 163, 165—167, 358—359, 363—365, 401
Халил-бей — 175
Халил-бей — 236
Халил-паша — 378
Халил эфенди — 113
Хан-Хойский — 378
Харборд, генерал — 339
Хас-Мамедов — 348
Хасан Ибрагим — 109
Хасан Фехми — 232
Хатисов А.— 333, 344—345, 349, 355, 401—402
Хафис Хакки-бей — 196
Хикмет Назым — 313
Хильми-бей — 121
Хильми-паша — 131
Холштейн — 245
Хостлер Чарльз — 151
Хохвектер, фон — 87—88
Хусейн — 295—297

Церетели — 351
Цителадзе С.— 115

Чарк — 32—33
Чернозубов — 201
Чарыков — 102
Черчилль — 214
Чичерин Г. В.— 338, 431—433, 439, 442—43, 454—455, 457
Чхеидзе Н. С.— 343—344, 395
Чхеидзе А.— 344
Чхенкели А. И.— 345—346, 349—351, 353—355, 358, 364, 395

Шагин М.— 271
Шамиль — 106, 210
Шарль Франси — 205

Шауки-бей Асали — 293
Шаумян С. Г.— 320, 322, 324, 326—329, 331, 334, 341—342, 363, 376—377, 397

Шахбазян — 140
Шевкет-паша — 339
Шериф-бей Кепрюлю — 199
Шефиг-бей аль-Муайэд — 293
Шефки-паша — 399
Ширванзаде — 271
Ширков — 84
Шлюмберг — 272
Шмидт — 59
Шуленбург — 120, 140, 373
Шюкри — 233
Шукри эфенди — 209

Эмин Лутфи — 293
Эмин Махмуд — 106
Эмир Ариф — 293
Энвер-паша — 12, 95, 97, 110, 134, 148—149, 151, 153—157, 159, 162—163, 166—168, 171, 175—178, 183—184, 188—199, 208—209, 236—237, 242—243, 266, 275, 285—286, 293, 295, 305, 310, 323, 335, 340, 360, 368—371, 375, 384, 386, 401, 403, 434—435
Энгель, генерал — 326
Энгельс Ф.— 9
Эннс-паша — 38, 68
Эрвс Густав — 273
Эрцбергер М. — 15, 242, 265
Эссад-бей (паша) — 370, 405
Этьен Лами — 272

Юнал Тахсин — 437
Юсуф Зия-бей — 256

Ягов — 79, 138, 164
Ялман Ахмед Эмин — 11, 151, 165, 169, 287, 289—290
Ялчин, Хусейн Джахид — 285, 365
Яхья Мухаммед — 49
Яхья Сеид — 88

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

Абагинская долина — 275
Абастуман (Абастумани) — 352
Абастуманский район — 364
Абаха — 47
Абу-Хуит — 87
Абхазия — 9, 412
Австрия — 160, 176, 209
Австро-Венгрия — 52—53, 80, 147—153, 158, 167, 300, 307, 342
Агамазлу — 403
Агдам — 380
Агдаш — 105
Адабазар — 239
Адана — 73—75, 181, 231, 256
Аданский вилайет — 75, 249, 281
Аден — 47, 51
Аджарисцхали, река — 188
Аджария — 114—115, 188, 209—210, 435, 439
Аджикабул — 353
Адрианополь (Эдирне) — 181, 239, 439
Адрианопольский вилайет — 92
Азербайджан — 7—8, 11, 16—18, 59, 106, 113—114, 123, 178, 230, 322, 338, 360, 363, 367, 372, 376—383, 384—387, 392—393, 400, 447, 424—425, 429, 435, 437, 439
Азербайджанская Советская Республика — 367, 372, 376—383, 384, 407, 409—111, 448—451, 456—458
Азиатская Турция — 18, 29, 78, 136—137, 140—142, 216, 297
Азов — 8
Айвалик — 223
Айгестан, предместье гор. Вана — 276
Айдын — 312
Айдынский вилайет — 310, 312
Айнтаб — 239, 281, 296
Айоц-Дзор — 275
Ак-Бабинский участок — 207
Акбулагский район — 442
Акра — 85
Акстафа — 366
Алашкертская долина — 214
Албания — 54
Албистан — 27
Александретта — 74, 428
Александреттский залив — 296
Александрополь (Ленинакан) — 9, 114, 321, 355, 360, 362, 366, 389, 392, 398—400, 403—404, 439—441, 446—447, 451, 454—456
Александрополь — Джульфа, железная дорога — 400
Александрополь — Эривань—Джульфа, железная дорога — 360
Александропольский округ — 446
Александропольский район — 361, 365, 399, 441—442, 446—447, 455
Александропольский уезд — 362, 365, 390, 451
Алеппо — 22, 74, 244, 255—257, 260—261, 264, 284, 299
Алеппский вилайет — 75, 255
Алжир — 112, 203, 209
Алят — 353
Амамлу (Спитак) — 404—405
Анакалия — 418
Анатолия — 36, 216—217, 219, 265, 288, 299, 304, 310—311, 313—314, 434, 437
Англия — 12—14, 21—24, 29, 46, 49—51, 55, 67, 80, 91, 103, 130, 144—146, 151—152, 154, 156, 159—163, 169—170, 185, 202, 203—204, 217—218,

261, 267—268, 272—273, 295—298, 319, 335, 368, 426—427, 429—452
Анес — 46
Анкара — 181, 219, 234, 239, 248, 432, 434, 436, 444, 447, 449, 451—452 455—456
Антиохийский залив — 281
Антиохия — 74
Аравийский полуостров — 22, 45—46, 50, 89, 261, 297
Аравия — 23, 44—45, 49, 87, 89, 90, 223, 261
Аракс — 243
Арарат — 98, 122
Арахло — 417
Ардаган — 194, 196, 199, 213, 350, 356, 358, 387—388, 451
Ардаганская область — 349, 350, 357
Ардаганский вилайет — 437
Ардаганский округ — 213, 343, 356—358, 388, 406, 439, 450—451
Ардаганский район — 356
Ардануч — 188, 196, 212—213
Ардер — 258
Арджеш — 275, 279
Аренбазар — 393
Ареш — 409
Арешский уезд — 393
Армения — 7—9, 11, 16—18, 28, 59, 76, 123, 227—230, 271, 321, 325, 360, 362—366, 370, 378, 390—392, 396—402, 404—405, 407, 424—425, 429, 431—433, 435—439, 442—447
Арменикенд — 378
Армянская область — 78
Армянская Советская Республика — 440, 444—451, 453—458
Арпа-чай — 361
Артвин — 188, 196, 206, 212—213, 449, 451
Артвинский округ—213, 348, 350—351, 451
Артвинский район — 356—357
Артик — 389, 398
Архангельск — 158
Архвали — 389
Архипелаг — 155
Арчеш — 214
Асир — 47, 261
Аскеранский район — 410
Асси — 258
Астрахань — 203, 319, 376—377
Афганистан — 105, 112, 176—177, 360
Афины — 53, 160, 217
Африка — 205
Ахалкалак (Акалкалаки) — 8, 213, 337, 387, 450—451, 453
Ахалкалакский округ — 362
Ахалкалакский уезд — 364, 389, 390, 435, 451—452
Ахалцих — 8, 337—338, 449, 450—451, 453
Ахалцихский уезд — 364, 389, 435, 451—452
Ахпат — 321
Ацхурский район — 364

Багдад — 22, 43—44, 82, 85—87, 89, 181, 199, 221, 261, 296
Багдадская железная дорога — 23, 240, 262, 375
Багдадский вилайет — 43, 46
Багеш — 246
Байбурт — 218—219, 339
Бакинское ханство — 8.
Баку — 105—109, 207, 230, 253, 320, 322, 360, 365—366, 368, 371—373, 375—378, 381, 386, 393, 395—397, 399—400, 405, 409, 413, 435, 438—439
Балканский п-ов — 76, 112, 137
Балканы — 23, 27, 53—54, 155, 157, 186, 217, 230
Балыкесир — 437
Бардиз (Бардус) — 196
Басаргечар — 365
Басра — 22, 44—45, 50
Басрский вилайет — 43, 46
Басрский залив — 375
Батум — 108—110, 118, 122, 188, 198, 212, 338, 350—352, 355—356, 358—360, 362, 364—367, 376—377, 385—

386, 412—414, 435, 438—439, 450—453
Батум—Тифлис—Гянджа, железная дорога — 371
Батумская область — 108, 114, 118, 188, 196, 201, 206, 209—211, 217, 347—348, 357, 360, 430, 451—452
Батумский вилайет — 437
Батумский округ — 343, 351, 356, 406
Батумский район — 356—357
Баш - Абаран — 398—399, 402, 404
Башкала — 214
Баязед — 339
Баязетская долина — 214
Бейрут — 22, 42, 62, 88, 92, 293—294, 296
Белград — 53
Белоключинский район—415, 417, 419
Бельгия — 159
Бердак, гора — 279
Беркри — 279
Берлин — 79, 104, 123, 130, 132, 140, 143—145, 148, 162, 164, 170—171, 199, 204, 229, 308, 367—368, 370, 434
Бери — 293, 298
Бзовдалы — 406
Биджар — 220
Биреджик — 74
Битлис — 38, 41, 80, 83—84, 214, 218, 239, 246—247, 250, 257—258, 269, 288
Ближний Восток — 11, 13, 15, 21, 24, 77, 97, 130, 133, 136—138, 140, 147, 171, 261, 375, 429—430, 433, 438
Болгария — 52, 152, 155—158, 160, 165, 217, 369
Борчалинский уезд — 412, 417
Босфор — 61, 133, 142, 144, 152, 216, 218
Бошки — 257
Брест-Литовск — 323, 342—343, 389, 406
Брусса (Бурса) — 225, 239, 312, 437
Бухара — 203
Бухарест — 308
Ван — 27, 28, 34, 38, 80, 83—84, 104, 142, 178, 181, 214, 237, 239, 246, 256, 269, 275—279, 288—290, 339, 350
Ван, озеро — 214—215, 243
Ванский вилайет — 78, 141, 275, 279, 285
Вашингтон — 264
Веймарская республика — 266
Вена — 131
Владикавказ (Орджоникидзе) — 368
Военно-грузинская дорога — 412
Волга — 104, 209
Восточная Анатолия — 38, 76, 78, 82, 84—85, 215, 219, 222, 229, 248, 252, 264, 267, 289, 342—343, 347—348
Восточная Грузия — 8
Восточная Фракия — 182, 218, 437
Гаварлы — 393
Галиция — 166
Галлипольский п-ов — 214, 217—218, 370
Гаркю — 258
Гасан-кала — 37
Гекчайский уезд — 380
Германия — 12, 15, 21, 23, 24, 52, 79—80, 97, 103, 119—120, 122—123, 130—139, 142—150, 152—156, 158—160, 163—164, 166—167, 169—171, 176, 179—180, 182, 186—187, 199—200, 206—207, 209, 225, 230, 261—267, 272, 274, 285, 299, 306—308, 310, 315, 335, 342—343, 352, 359, 367—375, 388, 406, 413—415, 434
Гечерлу — 403
Гокча (Севан), озеро — 105, 122, 445
Гори — 353
Горийский район — 412
Горийский уезд — 417—418
Греция — 52, 155—156, 160, 164—165, 186, 224

Грузия — 7, 8, 9, 11, 16, 59, 123, 321, 363—367, 370—372, 376, 381, 398, 411—419, 424—425, 429, 439—440, 447—449, 452—453
Грузинская Советская Республика — 441, 450—451, 456—458
Гудаути — 412
Гурия — 9
Гутцгес — 258
Гюмуш-хат — 339
Гюмюльджин, город — 92
Гянджа (Кировабад) — 108—109, 208, 334, 353, 360, 363, 371, 378, 380—381, 384, 385, 405, 408—409
Гянджинский уезд — 408
Гянджинское ханство — 8

Дагестан — 106, 177, 230, 435, 447
Дагестанская область — 105
Даловер — 118
Дальний Восток — 335
Дамаск — 22, 42, 87, 181, 261, 292—294
Дарабаз — 406
Даралагяз — 454
Дарданеллы — 23, 53, 142, 144, 152, 161—163, 218, 238
Дербент — 105, 353
Дербентское ханство — 8
Денизлинский район — 312
Дер-Зор — 245, 255—256, 260, 294
Дерсим — 258
Джаванширский уезд — 410
Джаджурский район — 442
Джалалоглы (Степанаван) — 390, 405
Джаник — 279
Джебель-Мус — 239
Джебель-Хиджас — 47
Джульфа — 279, 330, 362, 403, 439
Джурджиб, река — 256
Дзегам — 408
Дзегамский район — 408
Дзрдут — 258
Дзуман — 258
Диарбекир — 30, 80, 82—84, 223, 234, 245—246, 248, 255, 259, 296, 299, 337
Диарбекирский вилайет — 37, 78, 83, 141
Дилижан — 366, 398—399
Дилижанский уезд — 399
Дильман — 201
Додеканез — 178
Долляр — 408
Доллярский район — 408
Дон — 104, 319
Дорт-йол — 264
Душет (Душети) — 353, 419
Душетский уезд — 416, 418

Евфрат — 243, 245, 250, 258, 260
Египет — 105, 107, 112, 152, 167, 169, 176, 178—179, 203, 252, 297, 375
Егкарт, гора — 36, 49, 51
Елизаветпольская губерния — 320
Ени-кей — 196

Женева — 50

Закавказье — 7—19, 28, 36, 59, 104, 125, 136, 141—142, 152, 163, 170—171, 177, 175—180, 183, 187, 200—202, 206—208, 211, 213—214, 216, 220—222, 229, 231, 251, 253, 279, 315, 317, 319—323, 325, 328—329, 331—332, 334—336, 341—352, 356, 359, 362—364, 366—371, 373, 375—376, 379, 384, 385, 386—388, 394—397, 406, 413—415, 420, 424—426, 429, 431, 433—434, 436—439, 442—445, 447—451, 454, 456, 458
Закаспийский край — 360
Зангезур — 385, 453
Западная Анатолия — 252, 312
Западная (Турецкая) Армения — 10, 22, 27—32, 33—36, 57, 76—82, 138—142, 152, 156, 159, 179, 185, 188, 198,

214, 216, 218—221, 229, 231, 236, 238—239, 242—243, 248—249, 253, 259, 261, 265—266, 270, 272—273, 280, 284, 290, 294, 324, 329, 338, 340, 343, 348, 366, 387, 391
Западная Фракия — 155
Зейтун — 27, 34, 74, 249, 264, 281
Зекарский район — 364
Зугдиди — 418

Ивановка — 380
Ивановский уезд — 383
Игдыр — 279, 337, 448
Иерусалим — 257
Измирский вилайет — 312
Ихнаби — 389
Иманшалу — 403
Имеретия — 8, 418
Имерхеви — 212
Индийский океан — 296
Индия — 105, 112, 176, 199, 203, 360, 427—428
Ирак — 43, 295, 297
Иран (Персия) — 47, 105, 167, 177, 180, 184, 187, 201—203, 229, 252, 275, 334, 360, 362, 368, 370, 372, 376
Иранский Азербайджан — 187, 200—202, 275, 279, 360
Испания — 298
Исфаган — 201—202, 220
Италия — 14, 24, 80, 93—94, 128, 129
Йемен — 43, 44, 46—50, 88—89, 181
Йеменский вилайет — 43, 46

Кавала — 62
Кавказ — 7—10, 16, 36, 105, 107, 110—113, 115—117, 119—122, 125, 156, 159, 166—167, 176—178, 184—185, 187, 190—191, 199—200, 203, 205—209, 210, 229, 271—272, 312, 320, 322, 324—325, 331, 334, 342—345, 347, 360—361, 366—374, 378, 385—386, 395—396, 400, 420, 423—424, 429, 435—436, 438—439, 446—447, 449, 452, 454—455
Кавказский хребет — 104, 179, 346
Кагызманский округ — 348, 350, 388, 451
Казань — 107, 203
Казах — 337, 384, 399
Казахский уезд — 399, 411
Казбек — 412
Каир — 49, 90
Кайсери — 240, 248, 250
Камарлинский район — 404
Камарлу (Арташат) — 403
Кара-Мюрсель — 312
Карабах — 106, 409—411, 435
Карабахское ханство — 8
Карабулаг — 379
Караклис (Кировакан) — 328, 366, 389, 390, 392, 398—400, 402
Каракурган — 196—197
Карданлы — 379
Карельский район — 418
Карс — 109, 113—114, 118, 120—121, 141, 188—189, 191, 194, 198—200, 212, 279, 349—350, 354—356, 358, 361, 388, 392, 399, 405, 407, 439—440, 451, 457
Карсская крепость — 354
Карсская область — 118, 206—207, 209, 213, 347, 350, 354, 357, 360, 387
Карсский вилайет — 437
Карсский округ — 343, 348, 350—351, 356—358, 388, 406, 447, 451
Карсский район — 356—357, 399, 441
Карс-Сарыкамыш, дорога — 192
Каспийское море — 315, 346, 374
Кастомония — 37, 38
Кашен — 202
Келиекизан — 36
Кемах — 244, 336
Кендек — 393
Кепрю-кей — 188—189, 215, 349
Керманшах — 201—202, 220
Кетек — 37
Кизиль-Рабат — 221

Кизилсло — 417
Киликия — 27, 73—74, 231, 236—240, 242, 245, 249, 252—253, 284, 296
Киренаика — 89, 94, 178
Китай — 105, 176
Кишляк — 406
Конийский вилайет — 249
Конфида — 47—48
Конья — 234
Котур — 214
Красное море — 296
Крит, о.— 178
Крым—89, 105, 107, 176, 178, 203, 375
Куба — 322
Кубань — 319
Кубанская область — 333
Кубинское ханство — 8, 383
Кувейт — 22, 43, 44, 50
Кум — 202
Курдистан — 22, 142, 259, 431
Кутанс (Кутаиси) — 321, 338
Кутаисская губерния — 322, 352—353
Кут-эль-Амара — 202, 220—221
Кучук-Кайнарджи — 8
Кюлджисар — 403
Кюрдамир — 105, 353

Лазистан — 431
Лемнос, о — 158, 160
Ленинград — 16
Ленкорань — 322, 353
Лечхуми — 418
Лечхумский район — 418
Ливан — 22, 50, 87, 292, 294, 298
Ливия — 205
Лондон — 23, 160, 268, 273, 296
Лори-Памбак — 8, 337, 389, 390
Лори-Памбакский уезд — 383—390
Лорийский район — 405
Лохея — 48

Мазурги — 393
Македония — 49, 51—52, 54, 57, 176, 249, 420
Малазгерт — 246, 350
Малая Азия — 9, 23, 29—30, 48, 76, 79—80, 83, 104, 138, 142, 182, 222, 240, 238—249, 298, 301, 312
Малатия — 142
Мамахатун — 339
Мамедаберд — 393
Мамур-уль-Азиз, вилайет — 248
Марага — 435
Мараш — 27, 28, 74
Мардакерт — 141
Мардин — 246, 296
Марзван — 31
Маркара — 448
Марна — 166
Марокко — 112, 203, 209
Махнуджук — 398
Махмуджуг — 392
Мегри — 454
Медина — 85
Мекка — 48, 108
Менах — 47
Мерденек — 194, 196
Мериам — 213
Мерсин — 74
Месопотамия — 22—23, 44—45, 49—50, 82, 89—90, 139, 179, 181, 198, 202, 216—217, 220—221, 229, 236, 240, 243, 249—253, 255, 260—262, 281, 283—284, 289, 296—297, 368—370, 374, 420
Мингрелия —8 —9, 418
Мираги — 257
Молла-Сулейман — 301
Москва — 16, 270—281, 322, 352—353, 428, 430—431, 436, 450—453
Мосул — 82, 85, 141, 181, 245—246, 256
Мосульский вилайет — 89, 296
Мраморное море— 186, 262
Мудрос — 421
Мурад-су — 214
Мурад-чай — 243
Муса-даг — 281—283

Мухрани — 416
Муш — 27, 34, 84—85, 142, 214—215, 218, 243, 246—248, 280
Мушский вилайет — 247, 279, 285
Мцхет — 412
Мюрцштегский замок — 53

Налбанд, станция — 440
Нахичевань — 178, 403, 405, 439, 448, 450
Нахичеванский район — 445, 450
Нахичеванский уезд — 362
Нахичеванское ханство — 8
Неджд — 22, 43—44, 89, 91
Ново-Баязетский район — 365
Новоселим — 349
Новосенаки — 418
Новороссийск — 168
Нуха — 105, 337, 409

Одемиш, район — 312
Одесса — 168, 314
Озургети (Озургеты), (Махарадзе) — 411
Озургетский уезд — 451
Олты (Олту) — 191—192, 196, 350, 444
Ольтинский округ — 348, 350, 388, 451
Омарташ — 389
Ордубад — 362, 439
Османская империя, см. Турция
Очемчири — 418

Палестина — 87, 90, 152, 221, 293, 295—297, 367, 421
Памбак — 391, 399
Памбакский уезд — 399
Пандырма — 312
Панкальды — 134
Париж — 50, 90, 132, 143, 160, 164, 260, 268
Передняя Азия — 23
Персидский залив — 202, 296
Персидский Карадаг — 435
Петровск (Махачкала) — 353
Петроград (Петербург) — 53, 77—79, 104, 116, 142—143, 145, 153, 157—158, 160, 162, 168, 217, 271, 296—297, 329, 337
Петропавловский уезд — 383
Поволжье — 176, 424
Польша — 439
Порт-Саид — 283
Поти — 353, 414, 418
Прибалтика — 157
Пхикур — 212

Рача — 418
Рес-уль-Аин — 256
Риаз — 43
Ризе — 219
Родос — 181
Россия — 7—9, 12—16, 21—24, 30, 36, 39, 43, 53—55, 58, 64, 76—77, 79—83, 94, 103—105, 107—108, 110—112, 114—117, 119, 122—125, 129—130, 134, 136—139, 141—169, 172, 176, 179—187, 189, 198—199, 201, 203—208, 210—212, 218, 220, 222, 224—225, 229—230, 236, 251, 259, 268, 270—272, 279, 286, 296—298, 311—312, 345—348, 353, 428
Румыния — 55, 152, 155—156, 165, 186, 304, 360

Саада — 48
Сайдон — 42
Сакарья — 456
Салоники — 53, 62, 103, 218
Самсун — 38, 250
Сана — 43, 46—47
Сараево — 147
Сарван — 416
Сардарабад (Октемберян) — 398—399, 402—404
Сармсахлу — 406
Сарыкамыш — 113—114, 121, 188—201, 214, 326, 330, 339, 349, 440
Сасун — 35, 36, 279—280

Сачхерия — 321
Сачхерский район — 418
Сванетия — 122
Себастия — 250
Севастополь — 168
Северная Африка — 93, 105, 176, 179
Северный Кавказ — 9—10, 12, 105—108, 119—120, 124—125, 178, 184, 320—321, 333, 340, 359, 362, 366, 384, 424, 429, 447—448
Секерек — 213
Селенд — 258
Сербия — 52, 186, 148—149
Сибирь — 203, 335
Сивас (Себастия) — 30, 62, 80, 219, 225, 239, 248, 250, 284, 291
Сивасский вилайет — 37, 78, 248
Сигнахский уезд — 418
Спирт — 84, 246—247
Сирия — 22, 42, 45, 49—50, 87, 90, 152, 181, 216—217, 251, 253, 257, 261, 284, 292—297, 367, 370, 374, 420
Сицилия — 161
Скутари — 134
Скутарский вилайет — 48
Смирна (Измир) — 49, 62, 181, 225, 249, 290—291, 303, 312
Советская Россия — 11, 313—314, 319—321, 323, 325—328, 333—335, 339—340, 342—343, 345, 347, 352—353, 356—357, 359, 364, 373—374, 376—377, 395—396, 406—407, 412—414, 419, 425—433, 436, 439, 443—447, 449, 451, 454—455, 457—458
Соуджбулак — 213
София — 157, 165
Средиземное море — 142, 161—162, 283, 296
Средний Восток — 11, 375, 429, 438
Средняя Азия — 7, 105, 112, 136, 171, 176, 334, 424
Стамбул (Константинополь) — 10, 12, 18, 30, 32, 36, 40—41, 43, 45, 47, 53, 55, 59, 62, 64, 73, 75, 78, 80—84, 90, 95, 102—103, 106—108, 111—112, 115, 117—118, 129, 136, 138, 142—144, 147—149, 152—154, 157, 159, 161—164, 166—171, 179, 182, 185—186, 198, 203—204, 206—207, 217—218, 224, 230—231, 234—236, 240, 248—250, 252—253, 255—256, 262, 264, 266, 268—269, 290—291, 300—304, 308, 310, 312, 335, 352, 370, 378, 383, 386, 401—402
Судан — 203
Сурмалинский уезд — 361—362, 365, 451
Сухум (Сухуми) — 353, 418
Суэцкий канал — 152, 166, 179, 198—199
США — 10, 12—14, 90, 151, 252—253, 264, 269, 298, 319, 335, 426—427

Тавриз (Тебриз) — 114, 140, 177, 201, 375, 435
Таизский санджак — 46—48
Талышское ханство — 8
Тарсус — 74
Таузский район — 408
Телавский уезд — 418
Терек — 319, 435
Терская область — 333
Тианетский уезд — 419
Тигр, река — 243, 248
Тиреболу — 336
Тифлис (Тбилиси) — 105, 108—109, 113—114, 118, 120—122, 140, 187, 195, 208, 213, 268, 319—322, 326, 328, 334, 340—341, 350—351, 353—354, 361, 363, 366—367, 372, 388, 395, 399, 413—417, 419, 442, 444, 449
Тифлисская губерния — 322, 352—353, 360, 435
Тортум — 246, 349
Трапезунд (Трабзон) — 30, 37—39, 80, 108, 141, 196, 215, 219, 239—240, 250, 254, 314, 330, 338—339, 342, 344, 346—347, 349—350, 355, 358, 376, 387

Трапезундский вилайет — 37
Триполи — 42, 375
Триполитания — 89, 94, 169, 178, 204
Тунис — 169, 203, 209
Туркестан — 177, 203, 230, 315
Турция (Османская империя) — 7—10, 12—15, 21—26, 29, 31, 32—33, 39—40, 44—45, 47, 49—50, 53, 55, 59, 61—72, 76—77, 79—83, 88—89, 91—94, 97, 104—105, 107, 109—112, 114, 116—119, 121—123, 125, 128—139, 142—173, 175—182, 185—186, 188, 191, 199—200, 203—204, 206—208, 210, 216—217, 222—225, 229—231, 241, 243, 251—255, 259, 261—267, 269—270, 271, 272, 274, 284—285, 287, 290—293, 296—303, 305—315, 318, 324, 334, 341—348, 350—353, 356—360, 362—367, 369—371, 373—375, 383—387, 390, 391, 394, 397, 400—402, 404—405, 413, 420, 423—431, 433—438, 440, 442—447, 449, 451—452, 454, 456—458

Уджары, станция — 380, 383
Украина — 370, 372, 414
Улуханлу — 405
Урмия, озеро — 369, 375
Урмия — 201, 213, 369, 375
Урфа — 234, 236, 239, 248, 284, 296, 299

Феодосия — 168
Фракия, Восточная — 248, 341
Франция — 12—14, 21—25, 51, 67, 80, 91, 130, 144, 146, 152, 154, 156, 159—161, 163, 169—170, 185, 201, 217—218, 222, 267—268, 272, 295—298, 319, 426—427, 452

Ханль — 43
Хакяри — 296
Халават — 393
Хамадан — 201—202, 220
Харбертский округ — 250
Харпут — 80, 142, 234, 239, 241, 245, 250
Харпутский вилайет — 37, 78
Хацо — 258
Хелаван — 213
Хива — 203
Хиджаз — 43, 47, 49, 89, 181, 261, 295—297
Ходейда — 47—48
Хором — 389
Хошаб-чай — 243
Хрярк — 258

Центральная Азия — 229—230
Центральная Анатолия — 216, 303
Центральная Аравия — 44, 50—51
Центральная Европа — 146, 148

Чарсанджак — 27, 34
Чаталджа — 95
Черное море — 7—8, 23, 61, 158, 166—169, 185—187, 215—217, 219, 302, 338, 346, 349—350, 372, 374—375, 438
Чечня — 106
Чиатура — 321
Чибухлу (Цовагюх) — 405
Чорохская долина — 196
Чухан — 389

Шабин Карахисар — 284
Шавшети — 212
Шаддад — 256
Шамирам — 36
Шамхор — 334
Шарур-Даралагязский уезд—362, 365
Шарурский район — 445
Шатах — 214, 275—276, 288
Шахтахты — 330, 403
Шахтахтинский район — 445
Шекинское ханство — 8
Шемаха — 322
Ширак — 391
Ширван — 405
Ширванское ханство — 8
Ширванджук — 397—398

Ширак — 8
Шуша — 337, 410—411
Эгейские острова — 155
Эгейское море — 61
Эль-Артавия — 89
Эль-Катри — 43
Эль-Хасс — 43, 89
Энзели (Пехлеви) — 202, 330
Энзели-Тегеран, шоссе — 187
Эпир — 160
Эрегли — 437
Эрзерум — 28, 30, 39—40, 80, 108, 112, 114, 116, 118, 120—121, 124, 140—142, 180—181, 188—189, 214—217, 219, 221—223, 234, 239, 243—246, 254, 269, 275, 289—290, 302, 309, 314, 338—339, 349, 440—441
Эрзерумская крепость — 37
Эрзерумский вилайет — 36—37, 78, 141, 180, 243, 245—246
Эрзинджян (Эрзинджан) — 83, 141, 181, 219, 234, 241, 244—245, 258, 284, 323, 336, 338—339
Эриванская губерния — 360, 365, 406, 435
Эриванский район — 365
Эриванский уезд — 362
Эриванское ханство — 8
Эривань (Ереван) — 108, 113, 207, 222, 353, 370, 373, 399—400, 402—403, 405, 444—445, 448—449,
Эртиси — 417
Эчмиадзин — 404, 448
Эчмиадзинский район — 365
Эчмиадзинский уезд — 361—362, 365

Южная Америка — 253
Южная Осетия — 412
Южный Кавказ — 105

Ява, о.— 203
Янийский вилайет — 48
Япония — 335
Ярим — 46

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение 5

Глава I. Османская империя накануне первой мировой войны 19

Глава II. Младотурецкая агентура в Закавказье накануне войны 99

Глава III. Вступление Османской империи в войну 127

Глава IV. Кавказский фронт в 1914—1917 гг. 173

Глава V. Внутреннее положение Османской империи в годы войны 227

Глава VI. Агрессия Османской империи в Закавказье в 1918 г. и борьба закавказских народов с младотурецкими захватчиками 317

Заключение 421

Библиография 459

Указатель имен 479

Указатель географических названий 486

Ерванд Казарович Саркисян (Саркисов)

Экспансионистская политика Османской империи в Закавказье накануне и в годы первой мировой войны

Отв. редактор А. С. СИЛИН

Редактор издательства Р. А. Штибеи
Художественное оформление
Л. А. Садояна
Техн. редактор М. А. Капланян
Корректор С. М. Даниелян

ВФ 00644 РИСО 735 Заказ 284 Изд. 2098 Тираж 2000

Сдано в производство 9/V 1962 г. Подписано к печати 15/XI 1962 г.
Печ. л. $31^{1}/_{8}$. Уч. изд. л. 26,23. Бумага $60\times92^{1}/_{16}$.
Цена с переплетом 1 р. 77 к.

Типография Издательства Академии наук Армянской ССР, Ереван, ул. Барекамутян, 24

ԳԱԱՍ Հիմնարար Գիտ. Գրադ.
FL0673737

P II
70713